

LADY
FANTASY

ПРОКЛЯТИЕ ФЕИ

РОБИН
МАККИНЛИ

В этой книге много юмора и романтики и не меньше магии
и приключений. Захватывающая история!

Booklist

Робин Маккинли

Проклятие феи

Серия «Сказки», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9963150

*Проклятие феи : роман / Робин Маккинли ; пер. с англ. И. Смирновой: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2015
ISBN 978-5-389-09981-4*

Аннотация

Злая фея жаждет мести за обиду, нанесенную ей четыреста лет назад. А тут еще и новое оскорбление: ее не пригласили на крестины новорожденной принцессы! И поэтому фея произносит страшное заклятие: когда принцессе исполнится двадцать один год, она уколет палец кончиком веретена и погрузится в бесконечный сон, от которого ее никто не пробудит.

И наверное, все так и случилось бы, но вмешалась судьба в лице юной феи Катрионы, которая попросту украла маленькую принцессу, чтобы спасти ее. Катриона прячется вместе с малышкой у своей тети, тоже феи, в удаленной деревушке, где никто и не подозревает о ее поступке. Но злодейка продолжает упорно искать принцессу...

Удивительно поэтичная фантазия Робин Маккинли
на тему сказки о Спящей красавице.

Впервые на русском языке!

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	31
Глава 3	48
Глава 4	72
Глава 5	86
Часть вторая	105
Глава 6	105
Глава 7	126
Глава 8	144
Глава 9	174
Глава 10	193
Часть третья	223
Глава 11	223
Глава 12	246
Глава 13	265
Глава 14	289
Глава 15	312
Часть четвертая	342
Глава 16	342
Глава 17	374
Глава 18	416
Глава 19	433

Часть пятая	467
Глава 20	467
Глава 21	515
Глава 22	573
Глава 23	595

Робин Маккинли

Проклятие феи

Robin McKinley

SPINDLE'S END

Copyright © Robin McKinley, 2000

This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

All rights reserved

© И. Смирнова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Хижине, моему Вудволду, и другим
Дикинсонам, которые тоже ее любят*

Часть первая

Глава 1

Волшебство в той стране было столь густым и липким, что оседало на земле, словно меловая пыль, и на полах и полках, словно клейкая штукатурка. (Уборщики в этой стране получали необычайно высокую плату.) Живи вы в этой стране, и вам пришлось бы по меньшей мере раз в неделю счищать с чайника магическую накипь, а иначе вы могли внезапно обнаружить, что вместо воды заливаете заварку шипящими змеями или болотной слизью. (Вовсе не обязательно чем-то пугающим или неприятным вроде змей или слизи, особенно в жизнерадостном доме, — обычно волшебство отражает окружающее настроение, — но, если вам хочется чаю, чашка лилово-золотистых фиалок или наперстков из слоновой кости вряд ли вас устроит. И в то время как фиалки, поставленные в вазу без воды, вероятно, продержатся с день, неотличимые от обычных цветов, прежде чем побуреть и рассыпаться волшебной пылью, безделка вроде наперстка начнет пачкаться и крошиться, едва лишь вы возьмете ее в руки.)

Лучшим способом справиться с этой напастью было иметь среди домочадцев фею, поскольку она (а обычно это именно она) могла коснуться пальцем чайника, едва он начнет кипеть (рассеянных фей часто можно узнать по подушечке рубцовой ткани на пальце, которым они предпочитают чистить чайники), и пробормотать пару избавляющих от магии слов. Тогда раздавался еле слышный хлопок, с каким раскрываются стручки, и вода оставалась водой еще неделю или даже (возможно) дней десять.

Размагичивание чайника – слишком мелкое и хлопотное дело, требующее частых повторений, чтобы стоило нанимать для него профессиональную фею. Если вы не состояли в родстве ни с одной из них, вам оставалось лишь выкапывать корень лозы джа, высушивать его, растирать в белый порошок, напоминающий пыль штукатурки или магии, и раз в неделю добавлять по щепотке в чайник. Если делать это чаще, все семейство будут одолевать судороги. Домá, где нет феи, можно отличить по лозам джа, оплетающим стены. Возможно, по той причине, что их корни постоянно тревожили, джа славились тем, что требовали немалой заботы и были склонны внезапно засыхать. К счастью, они легко приживались черенками. «Она отдала бы мне последний корень джа» – так там говорили о добрых подругах.

Люди либо любили эту страну и не представляли жизни в другом месте, либо ненавидели ее, уезжали, как только им подворачивалась возможность, и никогда не возвращались. Те, кто любил ее, непременно в один из дней ранней осени с радостью взбирались на холм близ своей деревни и слушали, как нива поет мадригалы, а потом рассказывали об этом внукам, как в других странах рассказывают о пари, однажды выигранном в трактире, или о яблочном пироге, завоевавшем первое место на сельском празднике. Те, кто жил там, запоминали, как следует поступать: скажем, раз в неделю класть в чайник щепотку сушеной джа или, перед тем как воткнуть нож в буханку хлеба, просить ее остаться буханкой хлеба. (Среди чужаков жители этой страны прослыли необычайно набожными людьми, поскольку складывалось впечатление, будто они по любому поводу бормочут молитвы. На самом деле они просто просили оставаться неволшебными те вещи, которые надежнее было уговорить, прежде чем дальше работать с ними, играть или готовить из них пищу. Никто не слышал, чтобы у кого-то из знакомых буханка хлеба обернулась стайкой скворцов, но все прекрасно знали старую детскую сказку, а риск в этой стране не окупался. Обычно ограничивались простеньким заговором вроде «Хлеб, оставайся хлебом» или, в дворянских домах, «Пожа-

луйста, хлеб, сделай мне одолжение», что было куда менее мудрой формулировкой, ведь особенно проказливый порыв магии мог истолковать «одолжение» так, как ему хотелось.)

Рождениям уделяли много внимания, потому что просьбу оставаться тем, что есть, следовало произносить быстро, учитывая, насколько сильна магия рождения и как легко подначить ее на озорство. Если на новом поле всходило нечто, явственно отличающееся от того, что там было посеяно, а неделей позже превращалось обратно, это считалось заурядным происшествием, не стоящим упоминания. Но хотя, как в случае с фиалками или наперстками, этот род волшебства был всего лишь временным отклонением, действие его порой смущало и доставляло множество хлопот. Крестьяне в этой стране больше тревожились о том, как бы им не заснуть во время окота или отела, чем из-за погоды: погром, учиненный выводком маленьких таралианов, никуда не девался даже после того, как они превращались обратно в поросят. Никто не знал, как справляются с этим дикие птицы и звери, но будущие родители-люди готовы были на что угодно, только бы фея оказалась рядом и вовремя благословила их новорожденного.

В общем и целом чем подвижнее было что-то и чем сильнее оно зависело от воды, тем с большей ве-

роятностью до него добиралась магия. Это означало, что животные – и, разумеется, люди – оказывались наиболее уязвимыми. Камни в этом смысле считались вполне надежными, если, конечно, не были чем-то иным, превращенным в камень. Но настоящие камни, можно сказать, не замечали во сне атак волшебства, и даже если какой-нибудь особенно дикий и непредсказуемый клочок магии решал приукрасить каменную стену, превратив ее в мраморный фонтан, то, коснувшись его с закрытыми глазами, вы ощутили бы под пальцами кладку и не замочили бы рук. Однако растущий на скале лишайник мог превратиться в маргаритки достаточно убедительные, чтобы вы расчихались, если вы чихаете от настоящих маргариток, а насекомые и прочие мелкие твари, ползающие по лишайнику, подвергались еще большей опасности.

(Излюбленная теория философов этой страны гласила, что магия связана с равновесием между землей, воздухом и водой. Иными словами, создания, наделенные лапами или крыльями, нарушали равновесие со стихией земли, когда расхаживали повсюду ногами или, хуже того, летали по зыбкому воздуху, совершенно не предназначенному для поддержания твердой плоти. Движение, которое вся эта неподобающая суэта порождала в жидкой стихии, еще хуже сказывалось на равновесии. Дух в рамках этой

системы приравнивался к четвертой стихии – огню. В отличие от живущих в академиях философов, люди, вынужденные зарабатывать себе на жизнь в обыкновенном мире, считали все это редкостной чепухой. Однако на ярмарках склонные к театральности феи обожали подбрасывать в воздух соломинки, семена или каштаны и превращать их во что-нибудь еще до того, как они коснутся земли, причем трюк этот лучше всего удавался, если соломинки, семена или каштаны были влажными.)

Медленные создания были менее подвержены прихотям дикой магии, чем быстрые, а летающие оказывались самыми уязвимыми. Каждый воробей хранил восхитительное воспоминание о том, как однажды был ястребом. Гусеницы мало интересовали волшебство, однако бабочки проводили в зачарованном состоянии так много времени, что среди них редко доводилось видеть обычную, без хотя бы лишней пары крыльев, нескольких избыточных оборотов или блесков; были и такие, чье тельце походило на крохотного человечка, облаченного в цветочные лепестки. (Считалось, что рыб, обитающих в самой опасной стихии – воде, попросту не существует. Рыбоподобные существа в прудах и ручьях были либо видениями, либо чем-то иным, находящимся под чарами, и иметь с ними дело, ловить их, а тем более есть рыбу строго вос-

прещалось. Все, что плавает, полагалось волшебным. Животных, которых заставляли за этим занятием, считали любимцами местного водного духа или опасными безумцами, а люди даже не пытались.)

В таком существовании, неизбежно пропитанном магией, была и положительная сторона: все жили долго. Мало кто из людей не доживал до ста лет. Возраст птиц и зверей часто достигал тридцати лет, да и пятьдесят не были чем-то неслыханным. Домашних животных в этой стране разводили необычайно трезвомыслящие и ответственные люди, поскольку любые допущенные ошибки долго потом не давали им покоя.

Хотя магия встречалась повсеместно и в людях, готовых и умеющих с нею обращаться, не иссякала нужда, обычные люди, как бы тепло они ни относились к своим тетушкам или соседкам, полагали чары и чародеев ненадежными и непредсказуемыми. Никто ни разу не видел, чтобы фея превратилась в орла и взлетела над деревьями, но в детских сказках о подобном говорилось, и трудно было не верить, что это, а то и что-нибудь похлеще, вполне возможно. Разве жизнь, проведенная за работой в поле, не делает крестьян уравновешенными и здравомыслящими? Так неужели целая жизнь обращения с магией не делает человека сумасбродным и капризным?

Многие отмечали, но редко обсуждали (и никогда в присутствии феи), что, хотя феи редко вступали в брак или (в браке или вне его) обзаводились детьми, от поколения к поколению фей вокруг меньше не становилось. Предположительно, волшебство струилось в человеческой крови так же, как и во всех остальных жидкостях, и порой его хватало на то, чтобы превратить кого-то в фею, а порой – нет. (Обычные люди предпочитали не задумываться о том, сколько вокруг может быть фей, притворяющихся обычными людьми с помощью простейшей уловки: никогда не прибегать к магии, если поблизости есть кто-то, способный это заметить.) Но при этом неукоснительно соблюдался обычай, требующий, чтобы правители этой страны не имели ни малейшего отношения к волшебству, ведь правители должны быть надежными и служить твердой опорой своему народу. Если паче чаяния кто-то из детей в семье правителя с рождения обладал магическими способностями, об этом не только не упоминалось в официальных хрониках, но даже сплетен не ходило.

А значит, когда старшему ребенку в каждом поколении правящего семейства приходила пора вступать в брак (а также, на всякий случай, следующему за ним или ней и, возможно, третьему тоже), начинался поиск и подбор возможных кандидатов: в первую оче-

редь проверялась их неволшебность, а уже во вторую – честность, добродетель, ум и тому подобное. (Вероятность того, что предполагаемые супруги хорошо поладят в будущем, едва ли вообще упоминалась в перечне требований.) До сих пор – насколько простиралась история страны, к началу этого повествования немногим превышавшая тысячу лет, – этот подход успешно работал. И хотя ходили слухи о густой противомagической сети, которую придворные волшебники растягивали на пути даже самых чистых, чуждых магии женихов и невест, – что ж, она помогала, а только это имело значение.

Нынешний король был единственным ребенком, и к тому же ему – или его советникам – непросто дались поиски подходящей супруги. В итоге она оказалась даже не принцессой, а всего лишь графиней из какой-то захолустной маленькой страны, если чем и прославившейся, так это гончими, которых разводила королевская чета. Зато девушка была тихой, послушной долгу и, насколько могли судить искуснейшие маги страны, совершенно не владела волшебством. Все вздохнули с облегчением, когда свадьба состоялась, ибо, с тех пор как король достиг брачного возраста, ожидание затянулось почти на десять лет.

Но проходили годы, а детей у них не было.

Некоторые кузены короля начали больше времени

проводить при дворе – его поколение оказалось особенно щедрым на двоюродных братьев и сестер, – а один или двое даже без лишнего шума развелись с супругами, которые оказались недостаточно неволшебными. В этой стране более пятисот лет власть неизменно передавалась от родителя к ребенку, и законы о том, как именно должна переходить корона в побочную линию наследования, оставались не вполне ясными. Ни король, ни королева не замечали этой суеты, поскольку так отчаянно мечтали о ребенке, что не допускали даже мысли о неудаче, но советники-то все видели, а потому кузены короля, которые развелись с супругами, ничего хорошего этим не добились.

Со времени королевской свадьбы прошло около пятнадцати лет, и внезапно королева сделалась бледна и нездорова с виду. Подданные мужа, успевшие ее полюбить, потому что она всегда охотно появлялась на ярмарках и праздниках, улыбалась во время нудных речей и целовала даже самых неопрятных и несимпатичных детишек, которых ей подсовывали, разрывались между надеждой на то, что недуг, каким бы он ни был, убьет ее, пока король еще достаточно молод, чтобы жениться снова (к тому времени за границами страны и даже в ее пределах совершеннолетия достиг новый урожай принцесс), и на то,

что она поправится и снова станет посещать ярмарки и праздники и целовать детишек. Особенно этого желали ораторы, произносящие нудные речи: лучшего слушателя у них никогда не было.

Об истинной причине недомогания королевской супруги не догадался никто, даже когда она начала носить свободные платья и походка ее стала тяжелее, чем прежде. А все потому, что не прозвучало объявления.

Однако ее супруг знал, как знали старшая фрейлина и фея, спрятавшая увеличивающийся живот. Но фея предупредила королевскую чету, что скрывать тягость можно лишь до определенной степени и никак не дальше: необходимо позволить ребенку расти, не докучая ему тугой шнуровкой и не нарушая равновесия матери туфлями на высоком каблуке.

— Волшебник может замаскировать живот совсем, — сообщила фея, которую звали Сигил, — чтобы вы могли протанцевать всю ночь напролет в шелковом платье не шире, чем носили прежде. Но я вам не советую. Маги знают все о магии и ничего о младенцах. Я и вполтину столько не знаю о магии, сколько известно им, но я много знаю о младенцах.

Сигил служила королевской семье еще с тех пор, как мать короля была королевой. Король нежно ее любил, а его жена нашла в ней первого друга, когда

еще только прибыла ко двору мужа и отчаянно нуждалась в друзьях. Узнав наверняка, что она в тягости, королева пришла именно к Сигил и попросила спрятать живот. Она призналась, что много лет мечтала о ребенке и теперь, как ей кажется, не вынесет внимания народа ее супруга, тоже все эти годы мечтавшего об этом ребенке, если о ее беременности заявят во всеуслышание. Король, собиравшийся объявить всенародный праздник, был разочарован, но Сигил встала на сторону королевы.

После долгих бездетных лет бедняжка-королева никак не могла поверить подруге, когда та сообщила, что с ребенком все хорошо, он здоров и родится без лишних трудностей. «Милая моя, трудностей будет не больше, чем обычно случается при родах, но вам и их мало не покажется», – добавила Сигил. О рождении наследника не объявляли до того момента, когда у королевы начались схватки. Королева хотела подождать появления ребенка на свет, но Сигил воспротивилась: по ее словам, ребенку следовало родиться свободно, а свобода для наследника государства подразумевала, что народ должен ждать и приветствовать его.

Страну в этот день сотрясли судороги, сходные с теми, от которых страдала несчастная королева. Наследник! Наконец-то наследник! И никто не знал! При-

дворные и советники были оскорблены, самые высокопоставленные волшебники пришли в ярость, но их голоса тонули в громе народного ликования. Новости распространялись быстрее, чем под силу человеческим гонцам, поскольку о них ржали лошади, пели деревья, бурлили чайники и шептала пыль: наследник! Родилось королевское дитя! Наконец-то у нас есть наследник!

Родилась девочка, и было решено, что в именины ее окрестят следующими именами: Каста Альбиния Аллегра Дав Минерва Фиделия Алетта Блайт Домина Делиция Аврелия Грейс Изабель Гризельда Гвинет Перл Руби Корал Лили Ирис Бриар-Роза. Как и обещала Сигил, принцесса появилась на свет здоровой и без бОльших трудностей, чем обычно вызывает рождение ребенка: королева измучилась и устала, но не настолько, чтобы не разрыдаться от радости, когда ей в руки вложили младенца.

Старший ребенок правящего государя всегда считался следующим в очереди на трон, будь он мальчиком или девочкой, хотя обычно это бывал мальчик. В народе глубоко укоренилось поверье, что королевы лучше управляют с этой страной, чем короли: неволшебные женщины обладают проницательным, рассудительным здравым смыслом, который даже самой сильной – скорее даже, в особенности са-

мой сильной – магии непросто преодолеть. Считалось, что мужчины гораздо чаще подвержены ослепляющим приступам гнева. Правда это или нет, все в это верили, включая злых фей, которые по этой причине тратили немало времени, колдуя, чтобы первенцы в королевской семье рождались мальчиками. Королевские маги разрушали эти чары насколько могли быстро, но за злыми феями не успевали. (Поскольку чары любого рода с большим трудом прорывались сквозь плотную защиту, окружавшую королевскую семью, приходилось нацеливать их очень узко, а вследствие побочного эффекта третий ребенок правящего монарха почти всегда оказывался девочкой.) Благодаря народному поверью (а также тому факту, что наследные принцессы появлялись на свет крайне редко и вызывали интерес уже одной своей редкостью) рождение будущей королевы всегда приветствовалось с большим восторгом, чем рождение всего лишь будущего короля. Так случилось и теперь. В последний раз королева правила этой страной около четырехсот лет назад, и, возможно, поэтому никто не помнил, что после этой самой королевы осталось незаконченной какая-то история со злой феей по имени Перница, поклявшейся отомстить.

Именины принцессы должны были ознаменоваться величайшим торжеством, какое только видела эта

страна или, по крайней мере, могли припомнить старейшие из подданных. Грандиознее, чем свадьба короля и королевы шестнадцать лет назад, чем свадьба родителей короля почти пятьдесят лет назад и, конечно же, чем собственные именины короля, поскольку он родился спустя восемнадцать месяцев после женитьбы родителей и никому даже в голову не приходило, что этот ребенок окажется единственным.

Королевская чета хотела пригласить на именины всех. Им казалось, что каждый подданный должен разделить с ними радость празднества. От столь нелепой идеи их отговорили, хотя и с некоторым трудом, советники, как ни странно достигшие полного согласия по этому конкретному вопросу.

Начать с того, что придумала это королева. Ее родная страна была как раз в меру маленькой, чтобы на крупное торжество в правящей семье можно было пригласить всех (хотя придворные составители списков, поставщики продуктов и люди, предоставляющие запасные стулья, обычно надеялись, что явятся не все), а король с королевой узнавали в лицо существенную часть подданных. Хотя страну мужа королева находила пугающе огромной (и ей казалось глубоко неправильным то, что многие из подданных никогда не встречались со своим государем), в часы важных событий ей вспоминалось собственное воспита-

ние. К счастью, король любил жену, и его завораживали ее рассказы о правителях, устраивающих открытые дни приема, когда любой, кто желает с ними поговорить, может прийти и высказаться. Открытые именины показались ему замечательной идеей.

Советники и придворные заявили, что это неприемлемо. (Волшебники отказывались присутствовать на обсуждении именин: они все еще лелеяли обиду из-за того, что им не сообщили о беременности королевы. А мысль о том, что какая-то жалкая фея успешно запорошила им всем глаза волшебной пылью, и вообще приводила их в ярость.) По мнению советников, на именины следовало пригласить гостей из других стран, ведь их добрые пожелания и приятные впечатления обязательно принесут пользу лет через девятнадцать-двадцать. Невозможно устроить празднество, которое посланцы будут вспоминать с удовольствием, если добрая сотня тысяч подданных примется толкаться у городских стен, месить грязь на полях и требовать угощения и крова.

Это заставило королевскую чету призадуматься. Король еще помнил долгие и трудные поиски жены, а королева – потрясение, каким для нее оказалось прибытие посланца в тесный и скромный замок ее отца. Пришлось мчаться по черной лестнице из кухонь, где она варила цукаты, поспешно умыться, при-

чесаться и надеть лучшее платье для встречи с ним. (Когда она, чуть запыхавшаяся из-за того, что пропрыгала по коридору сперва на одной ноге, потом на другой, натягивая туфли, тем не менее величаво вошла в гостиную, посланник с видом глубочайшей сосредоточенности и удовлетворения ел ее цукаты. Цукаты всегда удавались ей на славу, однако она не подозревала, что они способны скрасить ожидание даже королевскому посланнику.)

В конце концов был найден компромисс. Советники скрежетали зубами, но не смогли добиться большего от внезапно заупрямившихся правителей, продолжавших настаивать, что их дочь принадлежит своему народу. Герольдов разошлют по всем городам и поселкам – всем до единого. И в центре каждого селения, будь то ступени дома мэра или деревенский колодец, они объявят: один человек, которого надлежит избрать жребием (если маги оправятся от обиды, то позаботятся о том, чтобы не было жульничества, а если нет, Сигил найдет для этой работы фей), приглашается на именины принцессы. И этому человеку, кем бы он (или она) ни оказался, достаточно будет просто предъявить свой жребий вместо приглашения, дабы в день именин его впустили во дворец.

Советники предвидели, что этот замысел обернется лишь невероятными организационными хлопотами

и, с помощью магов или без оной, бесконечными попытками обмана с тем или иным успехом. И хотя придворные примеряли дворцовые нравы к обычным людям, которые не узнали бы интригу, даже отрасти она крылья и укуси их, верно было и то, что герольды, тоже, несмотря на ливреи, обычные люди, после официального объявления, особенно в маленьких поселках, частенько пускали в местном трактире слух, что король с королевой хотели пригласить всех – действительно всех. И если человек с королевским жребием явится с парой друзей, то, вполне вероятно, впустят и их.

Так решили поступить с рядовыми подданными, и, если не считать их числа и манер, это было самым простым делом. Куда труднее оказалось решить вопрос со столами для знати: кто будет сидеть рядом с королем или королевой, а кому придется занять место за столом попроще, всего лишь с принцем, герцогом или бароном во главе. А еще следовало определиться, посланников от каких стран пригласить и кому из них уделять больше внимания: тем, чья страна обширнее и значительнее, или тем, в чьей правящей семье больше холостых сыновей.

Но сложнее всего было решить, как поступить с феодами.

Поскольку придворные маги состояли в королев-

ской свите, для них поставят столы на специальном помосте, где они смогут обмениваться мнениями об астрологических чудесах, злословить о других волшебниках, не попавших на торжество и потому лишенных возможности защитить себя, и демонстрировать легкую усталость и досаду из-за необходимости участвовать в таком нелепом, исполненном суеверия событии, как королевские именины.

Но к феям все это не имело ни малейшего отношения. Некоторые из них по силе почти не уступали магам, а мыслили и поступали порой куда более изобретательно и непредсказуемо. Волшебникам приходилось несколько лет посещать Академию, и любой, называющий себя магом, имел в подтверждение диплом из кожи гиппогрифа, хотя прочесть невидимые письма на нем мог только другой маг. При желании волшебники умели вызывать землетрясения, за одну ночь возводить (или обрушивать) замки, и должным образом сотворенные ими чары могли продержаться целый век. Обычно их нанимали влиятельные люди, поручая шпионить за столь же влиятельными соседями и всячески демонстрировать свое присутствие, чтобы влиятельные соседи не вздумали выкинуть какой-нибудь фокус с помощью собственных магов. (Торжества, на которых ожидались волшебники соперничающих семейств, всегда посещали тол-

пы зевак, поскольку зрелище неизбежно оказывалось исключительно забавным.) Маги, не любящие шумихи, оставались в Академии – или других академиях – и бились над величайшими тайнами вселенной (а также над философскими теориями насчет волшебного равновесия), предположительно чрезвычайно опасными, по каковой причине академики напускали на себя мрачный вид и двигались так, будто каждую секунду ожидали нападения. Но суть заключалась в том, что у магов были свои правила, а феи считались непредсказуемыми даже в стране, где сама магия была непредсказуема.

Даже королева слегка засомневалась, стоит ли посылать феям общее приглашение. Несколько сот фей в одном месте – не говоря уже о нескольких тысячах – наверняка поднимут огромную тучу магической пыли, и одному лишь Провидению известно, к чему это может привести.

– Большинство фей живет в маленьких городках и деревнях, так? – уточнила королева. – Значит, на них в некотором смысле распространяется приглашение, которое разносят наши герольды.

Дело в том, что никто толком не представлял, сколько фей, даже тех, кто занимается волшебством, есть в стране. Люди знали только о тех, кто жил в городах и деревнях рядом с другими и колдовал откры-

то. Известно было, что некоторые феи обитали в лесах или отдаленных глухих местах (возможно, даже в воде), но видели их редко, и предполагалось, что их меньше, чем тех, которые известны всем.

Конечно, оставались еще злые феи, но их было немного, и они обычно держались в тени, поскольку знали, что численный перевес не на их стороне, — если, конечно, кто-нибудь их не сердил, а люди очень-очень старались их не сердить. Именно их злоба обеспечивала добрых фей значительной долей самой прибыльной работы: исправления испорченного. Как правило, им удавалось вернуть все на свои места. Люди вели себя со злыми феями осмотрительно, но не слишком из-за них беспокоились — меньше, чем из-за погоды, скажем засухи, чреватой неурожаем, или суровой зимы, которая пригонит в поселки волков. (Если засуху или суровую зиму вызывали злые феи, все знали, что нужно делать: достаточно было нанять добрую, и та все исправляла. С непостоянством настоящей погоды не мог справиться никто. Тщетными оказывались даже объединенные усилия всех академиков — а они время от времени пытались.)

— Думаю, — медленно проговорил король, — этого недостаточно.

Королева вздохнула:

— Я боялась, что ты так скажешь.

В ее родной стране было относительно мало магии, и она так и не привыкла к вездесущности чар и чародеев. Волшебство приносило пользу, но тревожило ее. Она нежно любила Сигил и завела приятельские отношения с несколькими другими феями, предусмотрительно нанятыми на службу при дворе. Маги же в большинстве своем казались королеве скучными, и она испытывала некоторое облегчение оттого, что сейчас никого из них не было рядом: обидевшись на нее за скрытность в вопросе беременности, они перестали с ней разговаривать.

Последовало молчание.

— Что, если мы пригласим фей стать крестными нашей дочери? — предложила наконец королева. — Можем попросить двадцать одну фею — по одной на каждое из имен и на каждый год до ее совершеннолетия. Двадцать одна — это не так уж и много. Магов будет восемьдесят два. Так мы покажем, что рады феям. Можно спросить у Сигил, кого нам пригласить.

— Феи-крестные? — с сомнением переспросил король. — Непросто будет протащить это через придворный совет и добиться одобрения епископа.

Сигил тоже беспокоилась по поводу фей и сочла, что пригласить двадцать одну фею в крестные — отличная идея, если заранее принять достаточные меры предосторожности.

– Никаких подарков, – решил король.

– О, но крестные должны дарить подарки! – возразила королева. – Будет невежливо, даже неприлично, если мы запретим им подарить что-нибудь крестнице!

– Королева права, – поддержала ее Сигил, – но можно предупредить их, что это должны быть только символические дары, мелочи, чтобы позабавить малышку или польстить ее родителям, ничего – ничегошеньки – сложного.

И король, и королева понимали, о чем она говорит: ничего, что привлечет к принцессе слишком много внимания в магическом мире. Такого рода внимание могли позволить себе лишь герои, достаточно зрелые, чтобы самим на это решиться, и сильные (или глупые), чтобы нести это бремя.

– Думаю, – продолжила Сигил, – нам следует пригласить хотя бы одного мужчину. Фей мужского пола недооценивают, поскольку почти никто не помнит об их существовании.

– Ты должна стать первой крестной, дорогая, – предложила королева.

Но Сигил покачала головой.

– Нет... нет, – отказалась она, хотя и с явственным сожалением в голосе. – Искренне вас благодарю. Но... я уже слишком тесно связана с благополучием этой семьи и вряд ли стану наилучшей крестной

для малышки. Дайте ей двадцать одну новую фею, которые будут счастливы связать себя с королевской семьей. Несколько лишних фей на вашей стороне могут оказаться весьма полезными.

Король вспомнил, как однажды, когда он был еще принцем, к одной из младших поварих, также фее, обратился зажаренный в масле гриб, которому предстояло стать частью одинокого позднего ужина для короля. «Не дай королю меня съесть, или я его отравлю», – заявил он. На королевских кухнях всегда работали одна-две феи (правители этой страны не пользовались услугами дегустаторов), и, хотя для выяснения того, как ядовитый гриб попал в припасы, потребовались маги, жизнь королю спасла именно фея.

Сигил сжала в ладонях руки королевы:

– Позвольте, я займусь приготовлениями к торжеству. На чем, по-вашему, стоит подвесить колыбель? На шелке? И какого цвета? Розового? Голубого? Лилового? Золотистого?

– Думаю, золотистого, – решила королева, обрадованная тем, что вопрос с феями-крестными решен, но разочарованная и слегка обиженная отказом Сигил войти в их число. – Золотистого и белого. Может быть, чуточку лилового. И на лентах должны быть розовые и белые розетки.

Глава 2

Очертания самой страны были прямоугольными, но на юго-восток выдавался длинный извилистый выступ, а на северо-запад – своеобразный сужающийся бугор. Юго-восточный выступ прозвали Пальцем, а северо-западный бугор – Двуколкой: по форме он чем-то напоминал двухколесную повозку с упирающимися в землю оглоблями. Столица располагалась в юго-восточном углу, чуть севернее Пальца, примерно в месяце пути от основания Двуколки, если часто менять лошадей и добавить добрую щепоть волшебной пыли для скорости.

Тракты, связующие воедино большую часть остальной страны, заканчивались у границ Двуколки. Местный пэр, лорд Прендергаст, рассудительно заявил, что он (или один из его предшественников) построил бы тракт, если бы в нем возникла нужда, но таковой не было. Ничего волнующего в Двуколке никогда не происходило, во всяком случае с самого нашего существования огненных змеев, случившегося примерно одиннадцать сотен лет назад, задолго до того, как начали строить тракты. Вот почему желающим попасть в Двуколку приходилось ехать по проселочным дорогам. (Собственные экипажи лорда были снабжены отлич-

ными рессорами, и при необходимости он посылал их за хуже снаряженными или более нежными из своих друзей и знакомых, живших за пределами Двуколки.)

«Что тут нужно, – ворчал королевский герольд, ве-
зущий небольшой кошель с защищенными от жульни-
чества жребиями (уже почти опустевший) и важные
новости об именинах принцессы, – так это не резвая
лошадь, а животное о шести плоских ногах, способная
видеть в густом тумане и зеленом лесном сумраке».

После того как его любимый чистокровный скакун
угодил ногой в выемку между корнями и в который
уже раз споткнулся, герольд почел за благо спешиться
и теперь вел коня в поводу, вполглаза с тревогой на-
блюдая за ним: ему казалось, что тот малость прихра-
мывает. Герольд чихнул. Еще тутгодились бы лю-
ди, неуязвимые для холода и сырости. Двуколка бы-
ла сырым местом, и бóльшая часть названий местных
деревушек это отражала: Туманная Глушь, Дымная
Река, Стеклянная Роса, Дождевой Холм, Мглистая За-
пруда. Лунная Тень тоже не особенно обнадеживала,
хотя, по крайней мере, не свидетельствовала о сыро-
сти. А последняя деревня в Двуколке, совсем близко
к диким пустошам, куда никто не ходил, называлась
Древесный Свет. Выезжая из столицы, герольд нахо-
дил это название крайне забавным, но теперь, когда
с листьев над головой ему за шиворот капала вода,

оно веселило его куда меньше, а он еще не добрался даже до первой деревушки в этой промокшей насквозь глуши. Он снова чихнул.

Подумать только! Лорд Прендергаст предпочитает жить здесь, и его место при дворе пустует весь год напролет! Должно быть, в чем-то правдивы рассказы и об этом семействе, и о доме, в котором они живут, — Вудволде, огромном и загадочном, построенном тысячу, если не больше, лет назад, полном легенд и всяких историй, выдаваемых за легенды, и каким-то таинственным образом связанном с живущими в нем людьми. Но все же это был величественный и красивый дом, достойный того, чтобы провести к нему тракт. Увы, его так и не провели.

Герольд прищурился и расстроено вздохнул. Солнце внезапно прорезало лиственный полог, и золотисто-зеленый луч упал на тропу. Нахмурившись, герольд посмотрел на свет: откуда здесь, так далеко от тракта, на дороге, покрытой в основном мокрой палой листвой, столько пылинок? Густая пыль, смешавшись с влажным воздухом, оставит неистребимые известковые пятна на его ливрее. Он снова вздохнул. Возможно, в Туманной Глуши — первой деревне, куда ему полагалось прибыть, — найдется кузнец, который посмотрит ногу его коня.

Туманная Глушь услышала о рождении принцессы

не позже, чем вся остальная страна: одна из деревенских фей близко дружила с малиновкой, у чьей жены был двоюродный брат, а у того – невестка, принадлежащая близкой родней семье малиновок, которая жила в кусте под окном спальни королевы и слышала первый изумленный крик принцессы. Жители Туманной Глуши ожидали, что к ним явится какой-нибудь герольд (и привыкли к тому, что путешественники, никогда прежде не бывавшие в Двуколке, добирались к ним раздраженными и изрядно потрепанными), но никак не могли предугадать привезенную им новость.

Они охотно собрались, чтобы выслушать его, – это была одна из тех деревень, где герольд оглашал объявление у общинного колодца, – но ожидали всего лишь дежурных королевских эпитетов, украшающих известную уже новость о рождении юной принцессы. Их так поразило приглашение на именины, что они забыли посмаковать ее имя.

– Из каждой деревни? – переспросила местная трактирщица по имени Кернгорм.

Посреди деревни располагалось нечто вроде площади, хотя и не совсем ровной. Колодец стоял напротив кузницы, по одну сторону от него был трактир, а по другую – общий двор тележного и колесного мастеров. Герольд встал у самого колодца, чтобы

в который раз повторить заученные слова: сейчас его естественному стремлению к трактиру противостояло желание узнать, все ли в порядке с его конем и сможет ли он продолжить путь.

Отвлечшись от своих мыслей, герольд кивнул. Он все еще наслаждался собственной ролью, вызванным им изумлением, тем, как на лицах стоящих перед ним людей приятное предвкушение сменяется удивлением и даже потрясением, с удовольствием доставал из кошелья особую, защищенную от жульничества длинную соломинку, которая при этом внешне ничем не отличалась от обычной. В городках побольше соломинку следовало вручать мэру, в мелких деревушках герольд действовал по собственному усмотрению. Он предпочитал трактирщиков – и Кернгорм, по его мнению, подходила прекрасно.

– Из каждой деревни. Герольдов разослали во все деревни. По крайней мере, – поправился он, – во все деревни, о которых известно из последней переписи.

– Если это не касается всех, то я поехать не смогу, – заявил Грей, чье хозяйство располагалось за пределами деревни.

Он явился сюда, потому что сломал рукоять плуга и хотел починить ее, чтобы продолжить свои труды.

– Завоюй всеобщую любовь, продав свой жребий! – выкрикнул его друг поверх голов.

Кое-кто рассмеялся, и все принялись оживленно обсуждать новость.

Катриона стояла рядом со старшей дочерью Керн-горм, Флорой. От волнения девушки держались за руки.

— Я должна идти! — выпалила она, обращаясь к подруге, пригнулась, проскользнула под чьими-то руками, обогнула нескольких зевак и помчалась к дому своей тети. — Я же говорила, что ей стоит прийти и послушать объявление герольда! — бормотала она на бегу. — Я ей говорила!

Ворвавшись в дверь, Катриона вздохнула и выложила новости, однако тетя оставалась невозмутимой: ни ее рука на веретене, ни нога на педали прялки не дрогнули, а тонкая и прочная шерстяная нить продолжала наматываться совершенно ровно.

— Ничего удивительного, — отозвалась она, хотя все же приостановила колесо, чтобы обнять и немножко успокоить взволнованную племянницу. — Мне всегда нравилась королева: не у каждого под окном гнездятся малиновки.

Тетушка Катрионы была той самой феей, которой сообщил о рождении принцессы ее друг-малиновка. Люди считали ее лучшей феей в Туманной Глуши, а кое-кто утверждал, что и во всей Двуколке.

Герольд провел приятный вечер за рассказами о ко-

ролевской семье (отчасти даже правдивыми) в трактире Кернгорм, отлично выпался на лучшей перине и уехал на следующий день. Он полностью отдался веселью, поскольку кузнец сообщил, что конь сможет назавтра продолжить путь, хотя и высказался об этом как-то уклончиво, как если бы за ночь должны были подействовать какие-то чары, о чем в кузнице, конечно, и речи не шло. Кузнецы часто бывали загадочными — это одно из побочных следствий их ремесла, как и густая, скрывающая лицо борода. Правда, у этого кузнеца ее не было, что показалось герольду странным: он никогда прежде не видел чисто выбритого кузнеца.

Герольд слегка сожалел о раннем утреннем отъезде: он с тоской вспоминал вчерашнее пиво и думал, что и в пользу подобной глухомани, пожалуй, найдется что сказать. Но конь уже ждал его, фыркая на пылинки в воздухе и пританцовывая на всех четырех ногах. Герольд покосился на него с некоторым раздражением: ему нужно было ездовое животное, а не приключение.

— Он уже по привычке к нашим дорогам, — неопределенно заметил кузнец. — Просто сядь в седло и направь его.

«И держись крепче», — подумал герольд, уносясь по деревенской улице в направлении Дымной Реки.

Жребий в Туманной Глуши тянули тем же вечером. Люди немного подтрунивали над тетей Катрионы, над Нурле, прачкой, а особенно над Сником, который не был настоящей феей, но, сам не зная почему, всегда выигрывал в карты, и над парочкой других местных фей – дескать, пусть не ворожат, влияя на жеребьевку, – и над самой Катрионой, хотя та трясла головой и повторяла: «Я так не делаю, вы же знаете, что я так не делаю». Ее тетя, которая могла, но не стала бы (и в глубине души с изрядным пренебрежением отнеслась к этому якобы защищенному от жульничества жребию), только улыбалась и мягко отшучивалась. Сник же, предполагавший, что не может, но не уверенный в этом и не способный ничего с этим поделать, выглядел обеспокоенным. В Туманной Глуши любили своих фей – Нурле даже была замужем – и не принуждали их браться за веточки боярышника и рябины, защищающие от волшебного вмешательства, как поступали в некоторых городках, хотя Сник, просто на всякий случай, положил понемногу тех и других себе в карман.

Соломинки разбирали в полной тишине. Держал их Грей, поскольку отказался и сам тянуть жребий, и отдать его кому-то другому, и чем больше их выдерживали, чем меньше оставалось у него в кулаке, тем больше становилось всеобщее напряжение. Наконец

Гаш, тянувший последним, поднял свою соломинку, оказавшуюся той же длины, что и все остальные.

– Так у кого же она? – спросил он.

Повисла тишина, и Катриона расплакалась. Керн-горм подошла к девушке – тетя уже приобняла ее за плечи – и разогнула сжатые пальцы: там лежала единственная длинная соломинка.

– Ты знала, – позже сказала Катриона тете, когда они вернулись домой.

Девушка сидела так близко к огню, что ее лицо опаляло жаром, а тяжелые юбки вот-вот могли обжечь ноги. Жар и яркое сияние успокаивали ее, как будто ее вот-вот уволочут навстречу некой холодной и темной, непредсказуемой участи. За ее спиной постукивала и жужжала тетина прялка.

– Ты знала! Недаром твой приход на жеребьевку показался мне странным. Я была уверена, что ты ни за что не пойдешь на именины, даже если вытащишь длинную соломинку. Ты знала, что она выпадет мне.

– Что ж, правда, – призналась тетя. – Меня это удивило – я имею в виду знание. Со мной не случилось предвидений с тех пор, как ты была еще малышкой и я увидела, что ты переедешь ко мне. Я не знала о приглашении, пока ты мне не рассказала, но ясно увидела, как ты вытащишь длинную соломинку, и поняла,

что так и будет. Я подумала, что тебя это может изрядно потрясти, и решила быть рядом.

– Может, я и не пойду.

Стук. Ж-ж-ж.

– Почему нет?

– Ты призналась, что ты бы не пошла.

Тетушка рассмеялась:

– Я уже пожилая дама, предпочитаю спать каждую ночь в одной и той же постели и... Я не рассказываю тебе все, что слышу от малиновки, не потому, что не хочу, а потому, что не могу.

Катриона знала об этом. Звериная речь зачастую не поддавалась переводу даже тогда, когда казалось, что она непременно должна переводиться.

– Я знаю о королевской семье столько, сколько мне нужно. Мне кажется, тебе понравится маленькая принцесса. По-моему, тебе стоит пойти.

– Я не подойду к ней настолько близко, чтобы она мне понравилась или не понравилась, – заметила Катриона. – Она будет всего лишь горой золотистого, белого и лилового шелка с розовыми и белыми розетками.

Из всего, что друг-малиновка рассказал ее тете, переводу поддалось только описание украшений на колыбели.

– Я дам тебе защитные амулеты, – предложила те-

тя. — Чтобы тебя не съели медведи и не потревожили разбойники. Я даже могу дать тебе амулет, предохраняющий от камней под одеялом, когда ты устроишься на ночлег.

Катриона рассмеялась, но смех быстро утих, и она угрюмо уставилась на огонь.

— Милая, — продолжила тетя, — я понимаю, это все несколько ошеломляет.

Резко отпрянув от огня, Катриона затрясла в воздухе подолом юбки, пытаясь его остудить.

— Я не бывала дальше Древесного Света, с тех пор как... как...

— Как твои родители умерли и тебя привезли ко мне, — мягко подсказала тетя. — Да, знаю.

— И с того времени я никогда не покидала Двухолку.

— Есть ли лучшая причина отправиться дальше, чем приглашение на именины принцессы? Ступай, милая. Иди и повеселись хорошенько. Я с большим интересом послушаю твои рассказы. Малиновки склонны замечать что-то крупное и мелочи, но пропускают все, что посередине, человеческих размеров.

И Катриона отправилась в путь.

Бардер, старший подмастерье колесного мастера, предложил составить ей компанию.

— Не до конца. Я не пытаюсь взять то, чего мне

не предлагали, – заверил он, встревоженно глядя на нее, хотя герольд, как обычно, неофициально общил, что одного-двух друзей человека с длинным жребием вряд ли погонят прочь. – Но путь неблизкий, а ты совсем одна. Он меня отпустит, если я попрошу, – добавил он, имея в виду своего наставника Саркона.

– Спасибо, – отозвалась она. – Но со мной все будет в порядке. Тетушка дала мне амулеты от всего, начиная с разбойников и заканчивая комарами.

Бардер улыбнулся. Вся деревня звала тетю Катрионы Тетушкой, и едва ли кто помнил ее настоящее имя – Софрония.

– Тогда удачи, – заключил он и протянул руку, пряча что-то в кулаке.

Катриона подставила ладонь, туда что-то мягко упало, и он сомкнул ее пальцы на своем подарке. Она подавила желание немедленно туда заглянуть, но залилась румянцем, поскольку парой они не считались.

– А амулет для памяти Тетушка тебе дала, чтобы ты ничего не забыла нам рассказать, когда вернешься? – небрежно спросил Бардер.

– Я ее попрошу.

Подарок Бардера оказался маленькой плоской подвеской из ясеня, вырезанной, как и табличка над дверью трактира Кернгорм, в форме цапли. Но если цапля с трактира стояла, оглядывая зеленую топь у сво-

их ног, то цапля Бардера свернулась в тесном овале, подобрав и спрятав длинные ноги и изящно уложив длинную шею головой к хвосту. Даже на таком крохотном пространстве Бардер безупречно вырезал каждое перышко. Катриона почти ожидала, что они подадутся под пальцем, когда погладила птицу.

– Амулет для памяти, а? – переспросила Тетушка, любуясь цаплей. – Думаю, он дал тебе собственный амулет, чтобы ты не забыла, куда вернуться.

– Бардер не...

– Волшебство иного рода, – уточнила Тетушка. – Но вполне настоящее.

Перед трактиром собралась небольшая компания проводить Катриону. Она предпочла бы обойтись одной Тетушкой, но слишком многие спрашивали, когда она уходит.

– Ты знаешь, что будешь представлять всех нас, – напомнила ей тетя. – Как-нибудь справишься и с парой лишних пожеланий на дорожку.

Катриона шла пешком. С собой у нее было лишь одеяло и немного запасной одежды, и на своих двоих она двигалась быстрее, чем на любой лошадке, какую они с тетей могли бы нанять. Местные животные (не считая тех, что держал лорд Прендергаст) отличались медлительностью. Деньги, которые им с Тетушкой удалось накопить, она спрятала под юбками в ма-

леньком потайном сверточке. Обременяли ее главным образом тетины амулеты, хотя большой тяжести они не добавляли. Их набралось столько, что она привязала их к поясу кусочками бечевки. Теперь они качались и мерцали вокруг нее, словно она надела лишнюю юбку, к удивлению окружающих собранную из всего, что нашлось в разоренном сорочьем гнезде. Зато они будут кормить, успокаивать и защищать ее в дороге. И конечно, у нее был собственный редкий дар, хотя и не сказать, чтобы кто-нибудь, особенно она сама, мог бы счесть его полезным. Она застенчиво помахала рукой, собравшись идти, и все помахали ей в ответ. Даже кузнец Нарл вышел во двор перед кузницей и приветственно поднял руку с зажатым в ней молотом.

Длинный зеленый туннель под деревьями, который так не понравился герольду, доставил Катрионе изрядное удовольствие. Когда она вышла на первый тракт, туда, где заканчивалась Двуколка и начинались просторы ее родины, то была поражена. Равнины перед ней как будто тянулись бесконечно – или почти бесконечно, поскольку вдалеке маячили горы. Катриона никогда прежде не видела гор. Как и ничего подобного извилистой путанице зданий и дворов, составляющих городки, через которые она проходила. По малолетству она совершенно не запомнила поезд-

ку в Двуколку к тете после смерти родителей, но готова была поклясться, что никогда в жизни не видела ничего похожего на то, чем любовалась сейчас.

Катриона встречала других людей, направлявшихся на именины, и, как оказалось, была единственной, путешествующей в одиночку, – это наблюдение принесло ей некоторое сомнительное удовлетворение. Некоторые как будто прихватили с собой всю свою деревню или хотя бы семью. Многие были обвешаны амулетами от собственных фей. Она подумала, что всех, кто отправился в дальний путь впервые, можно опознать по количеству и затейливости амулетов.

Дошла Катриона быстро. Она шагала легко и проворно, без труда протискиваясь сквозь медлительные и неуклюжие многочисленные процессии. Когда крупные дороги оказывались слишком людными, она уходила в поля и леса. Животные никогда ее не тревожили, а она была слишком хорошо воспитанной деревенской девушкой, чтобы топтать чужие посевы. Поначалу она добывала себе еду сама, но чем ближе подходила к столице, тем меньше невозделанных земель оставалось вокруг, и Катриона не упускала возможности хоть иногда заказать горячую трапезу в трактире или на постоялом дворе, но в основном питалась с рыночных прилавков. Один из тетиних амулетов подсказывал ей, кто из продавцов ведет дела

честно.

Другой амулет позволял Катрионе спать на деревьях без риска рухнуть вниз, поэтому, если не удавалось найти подходящий стог сена, амбар или живую изгородь, она выбирала дерево. От ночевки на деревьях всякий раз затекала шея, но она предпочитала их сну на земле без укрытия, несмотря на амулеты от грабителей.

Путь до столицы занял пятьдесят один день. Вероятно, благодаря превосходной работе очередного Тетушкиного амулета Катриона нашла крохотную уютную комнатку в трактире на окраине и намеревалась переждать там оставшиеся девять дней до именин.

В комнатке она изводилась от тесноты и замкнутого пространства, но на заполненных толпами улицах было еще хуже. Она то радовалась тому, что одна, то тосковала по знакомым лицам. Чаще всего она вспоминала Бардера и Флору, но скучала сильнее всех по тете. Шум толпы не утихал даже по ночам. Казалось, здесь собрались уличные акробаты, актеры и певцы со всей страны. Праздничное возбуждение, кульминацией которого должны были стать именины, неизменно нарастало, и с каждой ночью в городе становилось все больше и больше пьяных и буйных людей. Катриона начала спать, накрыв голову подушкой, но и это не помогало. В обмен на мытье посуды и по-

мощь повару в трактире ей назначили особую цену за комнатуху, что помогало сберечь небольшой запас денег и занять время.

Но все же эти девять дней оказались долгими и беспокойными.

Глава 3

В день именин Катриона поднялась на заре и волновалась так, будто должна была сыграть ключевую роль в сегодняшних событиях, а не остаться ничем не примечательной частицей тысячной толпы зрителей. Она твердо решила пройти в ворота, как только те откроются, и подобраться как можно ближе к... к чему бы то ни было. Ей то и дело вспоминались слова Тетушки: «Мне кажется, тебе понравится маленькая принцесса». И хотя Катриона ни капли не сомневалась, что ничуть тогда не погрешила против правды, на нее как будто наложили гейс¹, и теперь она должна была постараться изо всех сил.

Когда она подошла к воротам, они все еще были, а перед ними столпилась в ожидании целая толпа. Давку отчасти сдерживали запоздавшие путешественники, которые решили сберечь драгоценное утреннее время и легли спать прямо там. Теперь их невозможно было ни разбудить, ни сдвинуть с места – такое уж веселье царило в городе предыдущей ночью. Катриона все же оказалась в числе первых нескольких сот гостей, прошедших за ворота на рос-

¹ *Гейс* – в ирландском фольклоре магическое предсказание или обязательство, накладываемое на кого-то.

кошную просторную лужайку. Она никогда не видела такой ровной и красивой травы и даже не сразу обратила внимание на высокие столбы, увитые лентами и цветами, огромные белые шатры с развевающимися на верхушках королевскими знаменами, нарядные ливреи людей, медленно расхаживавших по помосту, где были накрыты ряды щедро украшенных столов для знати. (Настил был сооружен достаточно высоко, чтобы, даже сидя, ни один из придворных или лордов не оказался ниже, чем самые высокие люди из толпы, которые, возможно, стоя примутся тянуть шею и разглядывать вышестоящих.) В центре располагался еще более высокий помост, где установили колыбель принцессы, почти неразличимую за золотым и лиловым шелком и розетками.

Напор все прибывающих людей отвлек Катриону от созерцания, она пришла в себя и метнулась к ограждению, установленному в нескольких футах от столов знати. Оно представляло собой обычные шнуры и ленты, натянутые между тонкими белыми столбиками, но его назначение поясняли выстроившиеся за ним стражники. Хотя они и сами выглядели скорее украшением, чем охраной, все же стражники оставались стражниками, а роскошные пояса на их нарядных мундирах оттягивали мечи. Заметив их, толпа слегка успокоилась.

Люди начали подыскивать себе места для сидения. Пришедшие первыми, довольные собой, противились посягательствам опоздавших. Появились новые королевские стражники и стали улаживать разногласия, пока страсти не накалились.

Катриона нашла себе уголок в проходе, достаточно близкий к ограждению, чтобы пересчитать драгоценные камни на рукояти меча ближайшего к ней стражника и рюши на скатерти ближайшего стола для знати. Она слушала, как в пустом проходе по соседству то нарастает, то утихает суматоха, когда вдруг рядом остановились огромные босые ноги. На уровне ее глаз висел у бедра обнаженный клинок, под углом уходящий назад. Лорд Прендергаст иногда появлялся на праздниках и по другим подобным случаям с парадным мечом в ножнах, но тот был прямым, как у стражников за ограждением. Этот же был изогнутым, и, что важнее, от Катрионы его отделяло расстояние всего в пол-ладони. Девушку изрядно озаботила его близость: впервые она задумалась, что ее, юную и одинокую, могут согнать с места люди посильнее и позадиристее. Ее несколько успокоило, что босые ноги обнажены только до колен, а ближе к поясу забавно подвернутые и подвязанные штаны скрываются под форменной курткой, точь-в#точь похожей на мундиры стражников.

Человек, на которого она подняла взгляд, был, вероятно, не столь высоким, как поначалу показался: просто он стоял рядом, а она сидела на земле. Он скрестил на груди руки и нахмурился. Катриона оглянулась через плечо и увидела компанию заметно покрасневшихся молодых людей, которые при виде человека с саблей явно передумали подходить ближе. Человек с саблей стоял вплотную к ней, как будто охранял именно ее.

Сабля просвистела мимо ее уха, когда человек повернулся и наклонился к ней. Она вздрогнула. Незнакомец оказался не только босым, но и лысым, а его кожа насыщенным, сияющим коричневато-серым оттенком напоминала сырую глину. Человек опустил взгляд на Катриону и, хотя он так и не перестал хмуриться, теперь выглядел скорее озадаченным, чем сердитым. «Я никто, никто и ниоткуда, из той самой Двухолки», – хотелось сказать Катрионе, поскольку его взгляд как будто пытался превратить ее в кого-то, но язык у нее пристал к небу. Человек выпрямился, перевел взгляд с нее на помост, затем еще выше, – казалось, он смотрит на колыбель. Девушка ожидала, что теперь он ее оставит, и уже собиралась было глубоко вздохнуть от облегчения.

Но вдох словно застрял у нее в горле, когда внезапным, порывистым движением он что-то сдернул с се-

бя через голову и снова наклонился к ней. Он протянул Катрионе это что-то и, когда она подняла взгляд, повесил ей на шею. Хотя неизвестная вещь буквально парила в воздухе, как будто ее сделали из паутинки, Катриона сразу же ощутила ее тяжесть, а осторожно коснувшись подвески, ощутила на коже отчасти волнующее, отчасти раздражающее гудение магии.

«Надо же, – подумала она. – Это не какой-нибудь пустячный амулет, позволяющий спать на деревьях или вовремя занять свое место в очереди».

В ушах Катрионы тоже стоял гул: талисман не предназначался ей, она была для него слишком мала и терялась в том большем пространстве, к которому он привык. Она ощупала его, настороженно, ошеломленно, беспомощно, радуясь тому, что сидит на земле. А до этого она даже не замечала мерцания магии за ограждением, – конечно, без нее было не обойтись. В подобной толпе никогда не знаешь... И все же это были сильные чары, очень сильные... Чего они ждали?

Гул начал стихать, и тут человек заговорил.

– Носи его, дитя, и оставайся на месте, – посоветовал он ей, – он тебя охранит.

– Но... – начала она, все еще слегка ошеломленная.

Человек уже отворачивался от нее – сабля мельк-

нула перед ее глазами. Катриона протянула руку и схватила его за щиколотку, ударившись головой о плоскую сторону клинка. Тот обдал ее кожу холодом, и на миг она увидела... кружево: крохотные изящные отверстия и большие крутые дуги, квадраты, треугольники и фигуры, для которых у нее не находилось названий, сети из тонких, как паучий шелк, нитей и прочных канатов, слой за слоем, словно бесконечное число покровов... Скоро она затеряется среди них... Ей на голову легла мужская ладонь, помогая выпрямиться и прогнать прочь смятение.

— Прости, малышка. Эсква опасен без ножен, но сегодня я и хотел, чтобы он был опасен. И я предпочитаю, чтобы он связывал, а не резал. Если моя догадка ошибочна, завтра будет проще все исправить. Но Эске не нравится связывать: он говорит, что это не его работа, и делается вспыльчив.

Она помотала головой, пытаясь прийти в себя, и потянула с шеи шнурок талисмана, пока тот не впился в кожу, будто говоря: «Здесь. Здесь мое место. Вот где я».

— Я знаю... как действует волшебство, — неуверенно сообщила Катриона. — Моя тетя — фея. Должен быть... обмен.

Почему-то при этих ее словах он рассмеялся.

Она не могла отказаться от такого щедрого подар-

ка, но как следует поступать в подобных случаях? Для основных отдарков существовали правила: соль за спасение жизни, вино за благополучную помощь при рождении... Если не было соли, вы лизали тыльную сторону ладони, если не было вина, протягивали пустую чашку, если не было чашки, ее заменяли сложенные горстью ладони. Катриона не знала, как подобающим образом отдарить незнакомца, повесившего ей на шею сокровище, если под рукой нет другого сокровища. Она пошарила в потайном кармашке юбки в поисках чего-нибудь, что могла бы предложить незнакомцу: дарить ему один из пустяковых амулетов казалось неприличным. К тому же Эсква ее пугал.

Ладонь сомкнулась на деревянной цапле Бардера. Катрионе страшно не хотелось расставаться с подвеской, но именно это нежелание делало отдарок не таким жалким. Она протянула резную безделку. Человек с торжественным видом принял ее, рассмотрел и улыбнулся. От этой улыбки даже Эсква показался девушке не таким страшным.

— Думаю, ты права, дитя, — заключил незнакомец. — Между нами должен состояться некий обмен. Нагильбран все время твердит, что я чересчур легкомыслен. А за эту прихоть он назвал бы меня крайне легкомысленным, — добавил он, свободной рукой коснувшись того места, где прежде висел талисман. — Это очень

красивая вещь, и человек, который ее сделал, любит тебя такой любовью, какую не улучшить никаким волшебством. Я не стану отнимать ее у тебя. Послушай, дитя. Я одолжу тебе ожерелье. Я вернусь за ним, когда ты перестанешь в нем нуждаться. Возможно, завтра, когда займусь исправлением своих ложных догадок. А пока спасибо тебе за то, что одолжила мне подвеску.

Он мягко вложил цаплю ей в ладонь и поспешно удалился по проходу. Катриона, благодарно пряча в карман цаплю, едва успела оглянуться, чтобы заметить свирепо блеснувшего напоследок Эску. Но тут толпа разразилась криками, и девушка повернулась к помостам.

Король, королева и принцесса наконец-то прибыли, последними из всех. Принцессу несла на руках маленькая, удивительно невзрачная женщина. Королева не отходила от нее ни на шаг – как показалось Катрионе, не столько из страха за дочь, сколько потому, что ей трудно было оторваться от любования ею, пусть это и стоило ей величественного появления. Катриона сжала пальцы на среднем камне талисмана, принадлежавшего человеку с саблей, и он мягко запульсировал, словно бьющееся сердечко. Она видела лица королевской четы и маленькой невзрачной женщины, хотя они находились в некотором от-

далении, но не принцессы, затерявшейся в пене лент и шелков.

Люди в толпе вскочили на ноги, закричали, замахали руками, и Катриону подняло вместе с ними, хотя никто ее не коснулся. Четверо людей взошли по полудюжине низких ступеней на помост, маленькая невзрачная женщина передала принцессу королеве, и та сама бережно уложила дочь в колыбель. Катриона, как и предсказывала в разговоре с тетей два месяца назад, так и не увидела принцессу – только золотистый с белым и лиловым сверток. Ей лишь показалось, что прямо перед тем, как сверток исчез за бортиками колыбели, в воздухе мелькнул крохотный кулачок.

Затем последовали речи, и Катриона решила, что, пожалуй, не много теряет, если из-за шума соседей и ветра не может расслышать, что мямлят ораторы. Епископ, выступавший первым, в самом пышном облачении, с самым звучным бормотанием, говорил дольше всех, – возможно, над принцессой следовало произносить больше слов, чем над обычным ребенком. Именины в Туманной Глуши продолжались ровно столько времени, сколько нужно, чтобы зажечь две свечи и палочку благовоний и возложить одну пару рук. Конечно, священник в Туманной Глуши при этом бормотал так быстро, как только мог, а епископу спе-

шить было некуда. Сопровождавшие его священники вытащили множество маленьких мешочков и сумочек с сушеными травами и прочими неизвестными крошками и крупинками, добавляя щепоть то тут, то там, как будто принцесса была какой-то похлебкой. Они бы, наверное, еще и удушили ее в дыму своих кадил, если бы его упорно не сносил ветер.

С ветром творилось что-то неладное: еще недавно его едва хватало для того, чтобы знамена развернулись, показывая свои цвета. Но уже когда мать укладывала принцессу в колыбель, пронесся резкий, даже свирепый порыв, раздувший не только длинные, ниспадающие одеяния и пеленки, но и прическу королевы. Катриона оглянулась на стол фей-крестных — там ветер изрядно порезвился среди головных уборов. А теперь флажки, развевающиеся над помостом, рвались с веревок, как будто хотели улететь подальше от именин и от столицы. Небо затягивали темные облака. До сих пор день был чудесным, вполне подходящим для именин принцессы, но на северо-западе уже сгущались грозовые тучи. Сердечко в ладони Катрионы забилось чаще.

Несколько озадаченная, она посмотрела на стол главных магов. Ей трудно было поверить, что король и королева не попросили их о хорошей погоде в такой день. Даже Тетушке случалось устроить неболь-

шой просвет в тучах, чтобы все успели, не испортив невесте наряда, перебежать из церкви в трактир, где их ждала еда и дождь при этом не испортил наряд невесты (свадебные платья в деревне передавались из поколения в поколение и всегда выглядели великолепно, поскольку феи следили за тем, чтобы они не пострадали от ненастья), а она не любила шутить с погодой. Хотя Катрионе и показалось, будто беседа за столом волшебников как-то заглохла, она не могла быть уверена, что задумчивое поглядывание магов на небо не вызвано скукой медленных, занудных речей.

Ну наконец-то! Последний оратор прошаркал прочь, и король, пытаясь не производить впечатления только что проснувшегося человека, перевел взгляд на стол фей-крестных и улыбнулся. Пока он поворачивал голову, первая фея уже преодолела полпути к помосту.

Теперь Катриона подалась вперед и напрягла слух, желая услышать, какие подарки феи дарят крестницам королевской крови. Но фея, вероятно, учла ошибку предыдущих ораторов, так и оставшихся не услышанными: на миг склонившись над колыбелью, она повернулась к зрителям и громко прокричала:

– Нашей принцессе Касте Альбинии Аллегре Дав Минерве Фиделии Алетте Блайт Домине Делиции

Аврелии Грейс Изабель Гризельде Гвинет Перл Руби Корал Лили Ирис Бриар-Розе я дарю волосы золотистые, как пшеница в августе!

Катриона едва не упала. Золотистые волосы! Золотистые волосы?! Что за дурацкий подарок! Тетя всегда учила ее, что к своей магии следует относиться с уважением. И надо же – золотистые волосы! От феи-крестной, которая может подарить что угодно – ну почти что угодно. В крестные к принцессе, без сомнения, позвали лучших из лучших. Но вот и вторая крестная. Наверняка она так не оплошает.

А вот и нет.

– Нашей принцессе я дарю глаза голубые, как васильки или летнее небо после дождя.

Катриона прижала ладонь ко лбу.

– Кожу белую, как молоко...

Значит, ей всю жизнь придется прожить под королевским зонтиком от солнца. Такая кожа сгорает даже в помещении, за закрытыми ставнями.

– ...И безупречную, как шелк от королевских шелкопрядов.

Она будет похожа на куклу. У живых людей не бывает безупречной кожи.

– Губы красные, как вишня.

– Зубы как жемчуг.

Несколько подарков Катриона пропустила, выро-

нив талисман и в отчаянии прижав ладони к ушам.

- Ноги, которые никогда не споткнутся в танце.
- Пальцы, которые никогда не запнутся на флейте.
- Голос нежнее, чем у первых весенних птиц.
- Смех, похожий на серебряный колокольчик.
- Ее золотистые волосы будут ниспадать длинными локонами и свиваться в кольца, широкие и круглые, как браслеты.

Катриона пожалела, что здесь нет тети. Она обнаружила, что мысленно перебирает амулеты, которые та дала ей с собой в дорогу, и думает, не найдется ли среди них что-нибудь пригодное в подарок принцессе. Захочет ли она, когда немного подрастет, спать на деревьях?

«И раз уж об этом зашла речь, – подумала она кисло, услышав о ресницах, длинных, тонких и шелковистых, как шерстинки на кончике хвоста гончей, – они могли подарить ей хотя бы ногти, которые никогда не обломятся до живого мяса, глаза, в которые никогда не попадет соринка, и пищеварение, которое никогда не нарушится. И от плоскостопия они ее тоже не оградили – разве их не волнует, что у их принцессы могут оказаться ноги как у утки?»

- Ее вышивка не сравнится ни с чьей другой.
- Ее цукаты будут изумительны.

Бедная принцесса! Показалось Катрионе или на ли-

це королевы промелькнула тень беспокойства? Не вздрогнула ли она? Или это просто ветер? Катриона вспомнила широко известную историю о том, как королева приглядывала за приготовлением ужина в дворцовых кухнях, когда от короля прибыл гонец с предложением руки и сердца. Возможно, она предвкушала, как научит дочь собственному рецепту цукатов.

Когда прозвучал двадцатый дар – что-то насчет прядения шерстяной нити, такой же тонкой и прочной, как узкие изящные листья маундри, которые очень любят плетельщики корзин, раскат грома прозвучал так низко над головой, что все, кроме, пожалуй, короля, пригнулись. Многие растянулись на земле, кому-то при этом попали ботинком в лицо... Крики боли и возмущения слились со следующим раскатом грома. Внезапно оказалось, что около ограждения осталась одна Катриона. Она обеими руками стиснула талисман человека с саблей.

В проходе перед ней, у самого ограждения, сгустилось черное облако. Его сердцевина извивалась и корчилась, а затем начала постепенно принимать человеческие очертания. Внешняя часть облака сложилась в длинный серый плащ, вверх по его подолу побежали фиолетовые, пурпурные и вишневые полосы, как будто воздух был чаном краски и плащ туда об-

макнули. Человеческий силуэт содрогнулся напоследок, и в проходе встала женщина, ростом не ниже короля, с лицом более устрашающим, чем армия, ждущая сигнала к атаке, в черно-сером с фиолетовыми, пурпурными и вишневыми полосами одеянии и с ожерельем из черных камней на шее.

Она медленно повернулась кругом, придерживая края плаща на согнутых руках, — ткань свисала подобно крыльям. Завершив полный оборот и вновь оказавшись лицом к помосту, она уронила руки и рассмеялась:

— Итак, превосходный день для именин принцессы и великолепная толпа зрителей. Что ж! Я тоже хотела посмотреть, но меня не пригласили. Я живу в одиночестве близ леса, ну, может быть, и не в полном одиночестве, но герольд ко мне не явился. И когда избрали двадцать одну фею-крестную, меня среди них не оказалось. Но я хотела посмотреть на именины принцессы — и вот я здесь.

Она помедлила, но все хранили молчание. Даже главные маги замерли как громом пораженные, — возможно, так оно и было. В тот момент, когда из ничего сгустилось черное облако, королева стояла, склонившись над колыбелью, и теперь как будто застыла: она тянулась к дочери, но не могла ее коснуться. В конце стола у прохода, рядом с которым сидела Ка-

триона, один из придворных поднес к губам ломтик хлеба и замер с открытым ртом и несъеденным ломтиком в руке. Катриону сковал непреодолимый ужас: она боялась, что, если шевельнется, высокая женщина непременно ее заметит.

Когда черное облако превратилось в женщину, за обычным ограждением вырос волшебный барьер, сквозь который просвечивали лица людей, испещренные, казалось, красными, пурпурными, лиловыми и серыми пятнами и крапинками. Каждое слово высокой женщины как будто отражалось от струящейся преграды, но оставляло на ней небольшой черный след, и вскоре барьер выглядел испачканным, словно чистая тряпица – сажей.

Закончив говорить, высокая женщина протянула руку к барьеру, и черные, напоминающие сажу отметины расплылись пятнами и кляксами. Преграда сделалась пегой, чистые цвета померкли, а когда женщина уронила руку, и вовсе начали таять, пока не исчезли полностью. В последний момент Катрионе показалось, что они мерцают коричневато-серым, словно сырая глина, и вместо пятен и крапинок состоят из плетения, как шнур или веревка. Женщина снова рассмеялась, но этот смех звучал как предзнаменование смерти, и многие из тех, кто лежал на земле, застонали или вскрикнули.

– У меня тоже есть подарок для принцессы, – объявила высокая женщина. – Уверена, вы не жадуете его получить, но я его вручу, хотя, возможно... – Ее голос сделался вкрадчивым от злорадства. – Возможно, я его изменю, самую малость. Я прибыла сюда не в лучшем настроении, поскольку так и не дождалась приглашения на именины. Вплоть до сегодняшнего утра я надеялась, что это недоразумение разрешится, и готова была вас простить. Но я весьма... весьма значительная фея, и вы не могли пропустить мое имя случайно – только намеренно. Мне не нравится, когда меня игнорируют. И теперь, когда я снизошла до вас и все-таки явилась на торжество, вы не приглашаете меня за лучший стол, а удерживаете здесь, вместе с толпой черни... Вы рассердили меня. Я хочу, чтобы страна запомнила меня как одну из фей, вручивших принцессе подарок на именины. – Прежде она стояла лицом к барьеру, но теперь обернулась к зрителям, «толпе черни», и широко раскинула руки в стороны. – Изначально мой подарок был таков: пусть принцесса вырастет, обладая всеми этими красотами и достоинствами, которыми ее наградили сегодня. Но в свой двадцать первый день рождения, в тот день, когда она достигнет совершеннолетия и отец должен будет объявить ее наследницей, она рухнет, сраженная смертельным сном, и никто не смо-

жет спасти ее.

Катриона перестала дышать.

– Но теперь это кажется мне чересчур... простым. Пожалуй, я изменю свой подарок – слегка. Что там дарила ей какая-то забавляющаяся волшебством фигурка, когда я прибыла? Превосходную способность прясть, превращая толстые вонючие овечьи волосы в нечто похожее на бесцветные тонкие отростки уродливого болотного растения? Как мило! Думаю, мне следует сказать так: в свой двадцать первый день рождения она уколёт палец иглой веретена и укол этот погрузит ее в смертельный сон, от которого никто ее не пробудит.

Затаенного дыхания уже не хватало. Катрионе хотелось превратиться в травинку, в камешек, в земляного червя – во что угодно, кроме человека, слушающего это проклятие, неумолимо сгущающееся над крошечной, ни о чем не подозревающей головкой маленькой принцессы.

– Возможно, вы сочтете мои слова не более чем далекой угрозой. Ведь мой подарок позволит вам двадцать один год наслаждаться ее обществом. Думаю... Да, пожалуй, следует сделать так: предначертанное мною может случиться в любую минуту.

И снова женщина рассмеялась, а люди, лежащие на земле за барьером, корчились и вздрагивали,

словно ее смех плетью полосовал им кожу.

– Возможно, мне даже стоит явиться к ней тайно, сегодня же ночью, взять ее из колыбельки и прижать ее крохотную нежную ручку к острому концу веретена...

Вдали застонал гром, в ужасающем согласии вторя стонам толпы. Королева вскрикнула, теряя сознание, и рухнула поперек колыбели. Король, двигаясь так, словно он рвался из железных цепей, склонился к ней и поднял на руки. Высокая женщина улыбнулась:

– Сожгите все прялки в королевстве, если захотите, – это ее не спасет. Заприте ее в самом глубоком подземелье до конца ее короткой жизни – и это тоже ее не спасет. Любуйтесь своей принцессой, пока можете, – она не останется с вами надолго!

Высокая женщина вскинула руки и снова превратилась в черное облако, как смерч кружащееся и кружащееся, словно какое-то обезумевшее колесо, на том самом месте, где она стояла. Флаги над помостом сорвались с веревок, а шесты, поддерживавшие шелковые драпировки, обрушились на короля с королевой и колыбель с лежащей в ней принцессой. Катриона совершенно не помнила, как оказалась там и схватила расплакавшуюся принцессу на руки. Очнулась она, стоя на коленях перед колыбелью, похлопывая ма-

лышку по спинке и глядя ее по головке.

– Нет-нет, – быстро, без остановки шептала она, – этого не произойдет, не может произойти, вот, возьми себе все тетины амулеты, я сама еще не очень-то фея, хотя тетя говорит, что буду, ты можешь забрать мой дар, это всего лишь детская магия, надолго его не хватит, и он все равно не слишком-то полезен, я умею разговаривать с животными, порой он все же пригождается, и это единственный полезный подарок, который ты получила за весь день, иногда, если кто-нибудь накладывает чары на тебя или рядом с тобой, а с тобой есть животное, ты можешь спросить, животных магия запутывает меньше, чем нас, это всего лишь детская магия, всего лишь – но ты сама всего лишь ребенок, ох, этого не может произойти.

Она заметила, что слезы струятся по ее лицу и по затылку принцессы, – возможно, отчасти из-за этого малышка так отчаянно плакала. Талисман человека с саблей гудел у Катрионы на груди, словно там стучало множество тяжелых молоточков. Укачивая принцессу, она видела, что клочья красного, пурпурного, лилового и серого окутывают ее руки и тянутся между пальцев, словно обрывки ткани, сквозь которую она продралась, и с ее волос свисают такие же ленты, щекочущие лицо, но ей никак было не освободить руку, чтобы их смахнуть.

Вокруг поднялся шум, и Катриона ожидала, что принцессу из ее рук вот-вот заберут. Но вместо этого чья-то рука приобняла ее за талию, помогая подняться, и принялась подталкивать, по-прежнему с принцессой на руках, к другой стороне помоста, в тихий уголок под поваленными шестами и именинными драпировками. Обернувшись, она увидела перед собой лицо маленькой невзрачной женщины, которая несла принцессу и стояла рядом с королевой. На ее щеках тоже виднелись полосы от слез.

– Милая, ты вообще представляешь, что сделала? Я бы тебя поблагодарила, но сомневаюсь, что ты понимаешь.

Катриона неловко перехватила принцессу и одной рукой смахнула особенно мешавшие ленты с лица. Ей не пришло в голову передать принцессу маленькой женщине, а та не предложила забрать ребенка. Вместо этого она, заметив наконец талисман, протянула руку и осторожно коснулась его пальцем:

– Что ж, это кое-что объясняет.

Катриона невольно улыбнулась – исполненной отчаяния улыбкой человека, который совершенно не представляет, что происходит, испуган и хочет кого-то порадовать или хотя бы умиротворить. Взгляд маленькой женщины поднялся от талисмана к лицу Катрионы, и она улыбнулась в ответ, мягко и понима-

юще.

– Ты сама еще ребенок. Бедняжка... Ох, даже не знаю, что делать!

Улыбка исчезла с лица маленькой женщины и, казалось, больше никогда на него не вернется. Она на мгновение прижала руку к глазам, несколько слезинок выкатилось из-под ладони.

– Я сказала королеве чистую правду, – пробормотала она, как будто обращалась к самой себе, – я слишком тесно связана с этим семейством. За много лет и три поколения королей и королев я глубоко пропитала все здесь своей магией, слишком глубоко, чтобы от нее избавиться... Предполагалось, что подарков будет двадцать один, и только двадцать были вручены, когда появилась Перница... О да, – подтвердила она, обращаясь снова Катрионе, – да, я знаю, кто она, но и не подозревала, что она так могущественна. Я надеялась, что этого не произойдет, – как обычно надеются, пока не грянет беда. Я надеялась, что годы лишили ее сил, многие годы, с тех пор как наша последняя королева... Послушай, времени нет. Я постараюсь позаботиться о том, чтобы о тебе никто не вспомнил. Возьми принцессу и уходи – бери ее и ступай. Это ее единственный шанс. К тому времени, как все успокоятся и начнут соображать, будет уже слишком поздно. Я наложу на тебя чары, ко-

торые помогут незамеченной ускользнуть из столицы, а дальше все в твоих руках. Я не осмелюсь оставить на тебе запах моей магии, ощущаемый за стенами города, – нет, я даже не осмелюсь поцеловать ее на прощание, не осмелюсь коснуться ее снова теперь, когда ты взяла ее. Не говори мне, куда идешь, не произноси это вслух здесь, на этом воздухе, который Перница неспроста только что потревожила с собственным умыслом. Чем меньше следов ты оставишь, тем легче мне будет их уничтожить.

– Я... но... – ужаснувшись, начала было Катриона, однако бессознательно устроила поудобнее принцессу на груди и плече.

Один из кулачков малышки запутался в вороте платья Катрионы, а другим она попыталась подергать ее за волосы.

– Да, знаю, – согласилась маленькая невзрачная фея. – Прости. Но ты это сделаешь, правда? Я не могу тебя заставить, так же как не могу уберечь ее сама. Но ты действительно единственная надежда принцессы. Возьми ее в свой дом и вырасти как собственную дочь.

– Вырастить ее? Но что...

– Позже я с тобой свяжусь. Я найду тебя, когда смогу... когда осмелюсь. Возможно, не скоро. Перница... Мы должны всё о ней узнать, а это будет непросто.

Послушай-ка... И запомни наизусть. Любой, кто придет от меня, повторит это тебе, и так ты его узнаешь. Слова – единственный знак, которым мы смеем воспользоваться. И... и только этот стишок я могу подарить ей, моей милой, единственной малышке! – Голос феи дрогнул, но затем она твердо продолжила: – Паучок, упав на парчовый рукав, плотнее плети свою сеть. Пусть с короны золотой шелк спускается твой, ведь владельца ее больше нет.

– Больше нет... – послушно повторила Катриона. – Но что вы скажете бедной королеве?

Ответа она не услышала. Покончив с заучиванием и подняв голову – разум ее напоминал поле со множеством кроликов, в ужасе разбегающихся при виде охотника, – чтобы снова посмотреть на маленькую женщину, только что разрушившую ее жизнь и взамен обрекшую на новую, куда более опасную, к которой она была совершенно не готова, девушка обнаружила, что стоит в небольшой дубовой рощице на окраине столицы. Близился закат, принцесса спала у нее на плече.

Глава 4

– Паучок, упав... – бормотала Катриона.

Судя по солнцу, маленькая фея прочла ей этот стишок несколько часов назад. Катриона поудобнее перехватила спящую принцессу: дети всегда весят больше, чем кажется на первый взгляд. А этого ребенка ей, похоже, придется носить еще очень долго.

Она села. Ей пришлось сесть. Если бы сама Перница объявилась прямо в этой рощице и потребовала отдать ей принцессу, Катриона все равно села бы. Она попыталась пристроить принцессу на колене, но спящие младенцы всегда обмякают, а Катриона хоть и имела некоторый опыт в обращении с детьми, но сейчас пребывала не в лучшем состоянии, и руки ее тряслись. Принцесса лежала, словно маленький помятый сверток, и тихонько посапывала.

Катриона проверила, что из вещей оказалось у нее с собой. Большая часть пожитков осталась в тесной комнатухе трактира, и вернуть их не представлялось возможным. Оставалось лишь надеяться, что они не натолкнут никого на соответствующие выводы. При ней осталась юбка с амулетами (теперь Катриона предусмотрительно прятала ее под обычной, чтобы не выглядеть совсем уж деревенщиной),

несколько сбереженных монеток, небольшой складной нож и кремь с трупом, лежащие в кармане вместе с цаплей Бардера. С утра она надела свой лучший наряд, которого все равно слегка стыдилась, поскольку тот был недостаточно хорош для именин принцессы. Но теперь затрапезный вид пойдет Катрионе только на пользу, сменной одежды у нее не будет, а эта к тому же вполне удобна и прочна. К счастью, она пошла на праздник в плаще: не потому, что он мог ей понадобиться, а потому, что это была самая новая вещь в ее гардеробе. По ночам им будет недоставать одеяла: в родных краях Катрионы даже в середине лета случались холодные ночи, но под плащом они не замерзнут. Она размотала с шеи шарф, обернула им грудь и завязала на поясе: не идеальный вариант для переноски ребенка, но вполне сойдет.

Затем она приподняла наружную юбку и сняла с пояса один из амулетов – тот, благодаря которому его владелец выглядел слишком бедным и невзрачным, чтобы заслуживать хотя бы мимолетного взгляда. Она надеялась, что все ее амулеты будут оберегать и младенца у нее на руках, – ей даже в голову не могло прийти заранее уточнить это у Тетушки, – но этот она спрятала в одежде принцессы. Зачарован он был против воров и грабителей. Катриона надеялась, что он подействует и на королевских гонцов, отчаянно

разыскивающих следы пропавшей принцессы и ее похитительницы. Большого она сделать не могла.

Она смотала и срезала с пеленок принцессы длинные золотистые и лиловые ленты и розовые розетки. Даже ее белье выглядело ослепительно-белым, да и сшито было слишком искусно, чтобы казаться не тем, чем было: нарядом принцессы на день ее именин. Что ж, с этим ничего нельзя было поделать. У Катрионы не нашлось амулета, который превращал бы дубовые листья в детскую одежду, а несколько дней спустя пеленки станут достаточно грязными, даже намного грязнее, чем ей хотелось бы, и она не собиралась подпускать кого-нибудь так близко, чтобы можно было изучить качество шитья. После недолгого колебания она спрятала яркие ленты в другой карман на нижней юбке. Ей не хотелось оставлять их там, где их могут найти, а как-то избавиться от них она никак не могла. Кроме того, ее мучило безрадостное подозрение, что они могут оказаться единственным символом королевского происхождения, который останется несчастной принцессе.

Напоследок она спрятала талисман человека с саблей под одежду и задумалась, гадая, что имела в виду маленькая женщина (Катриона даже имени ее не знала), когда сказала: «Это кое-что объясняет». Была ли она знакома с этим человеком и знала ли о его при-

вычке дарить могущественные волшебные предметы ничем не примечательным незнакомцам? Или всего лишь подразумевала, что талисман пропустил Катриону сквозь барьер, который не сумела проломить Перниция? По крайней мере, его тяжесть уже не ощущалась и пульсация прекратилась. Он невесомо лежал у нее на груди, даже слишком невесомо, как будто состоял только из шнурка, на котором держался, а необычные полупрозрачные камни были туманом или плодом воображения.

Наконец Катриона встала и двинулась в путь. Она не знала, что еще делать. Солнце подсказало ей, куда идти, – она направлялась домой.

На дорогах тем вечером встречалось удивительно мало людей, а те, что попадались, были, похоже, поглощены собственными заботами. Повсюду ей мерещилось напряжение в воздухе, но Катриона допускала, что это она приносит его с собой. Ее ноги привыкли к тяжелым грузам, но обычно она носила их в коробах или заплечных мешках. После нескольких часов пути с принцессой на руках плечи немели, а спина ныла. Но она еще привыкнет – ничего другого ей не остается.

Когда стремительный клин всадников в королевских ливреях промчался мимо нее – пронзительные звуки горна приказывали всем убраться с дороги, –

Катриона едва удержалась от крика. И она вовсе не была уверена, что прокричать ей хотелось не что-нибудь вроде: «Вот она, у меня! Это все ужасная ошибка! Пожалуйста, верните ее несчастным родителям!» Но она не издала ни звука, и никто не бросил лишнего взгляда на молодую измученную женщину со спящим ребенком в перевязи.

Сумерки сгустились, сменившись ночью, а Катриона все шагала и шагала, думая о том, что нужно раздобыть молока для малышки. Она не посмела бы покупать молоко, пока они еще так близко к городу: а вдруг кто-то заинтересуется, куда и зачем она несет чужого грудного ребенка? И все же...

Возможно, это был какой-то задержавшийся след чар маленькой феи, возможно, всего лишь упрямая решимость самой Катрионы, но той ночью она шла без единого привала, а принцесса так и не проснулась. Девушка знала, что ей следовало бы беспокоиться, не заболела ли малышка, но она была слишком признательна за передышку. Как только они выберутся в более глухую часть страны, станет легче.

Стало легче, но не легко. К концу той первой ночи длиной в несколько веков Катриона забралась под разросшуюся живую изгородь, спрятавшую их от дороги, и, измученная, провалилась в сон. Но вско-

ре ее разбудил тонкий, жалобный, голодный плач лежащей рядом принцессы, мокрой и грязной. Оторвав несколько полос ткани от нижней юбки, Катриона разобралась с самой неотложной неприятностью, а поскольку не решилась жертвовать тем, что еще могло пригодиться впоследствии, скатала в комок вонючее, отвратительно грязное белье, завернула его еще в один лоскут от юбки и мрачно запихнула в перевязь под ребенком. Движение несколько отвлекло принцессу, та приутихла и только негромко похныкивала, пока Катриона, зорко озираясь по сторонам в поисках воды, выбиралась на дорогу, чтобы двинуться дальше.

К счастью, неподалеку обнаружился ручей, и девушка продралась сквозь невысокий кустарник выше по течению, где их не было видно с тракта. Она вволю напилась сама, решительно ополоснула лицо, чтобы проснуться, пристроила грязную пеленку в ручье, придавив ее камнем, и попыталась уговорить малышку попить немного воды. Ее это насытило бы не в большей степени, чем саму Катриону, но обе ничего не пили с прошлого полудня, а завтрака пока не предвиделось.

Она скрутила жгутом еще один лоскут нижней юбки (та быстро укорачивалась, а Катрионе нужны были карманы). Принцесса жадно ухватила его и стала со-

сать, пока не обнаружила, что получает вовсе не то, чего ей хочется. Тогда она выплюнула тряпицу и начала вопить с настоящей яростью, покраснев от натуги и извиваясь.

– Ох, магия и благо, что же мне теперь делать? – в ужасе пробормотала Катриона.

Но тут ее ухо уловило характерный шорох в кустах. «Доброе утро, сэр», – поздоровалась она, увидев, что за ней и принцессой с интересом наблюдает старый лис.

«Голодный младенец», – заметил тот.

Катриона удивилась. Обычно лисы предпочитают долго болтать о бабочках, траве и погоде, пока составляют о вас мнение, – если вообще захотят с вами разговаривать. Даже в этой стране лисы не слишком-то любили беседовать с людьми (и даже в этой стране редко встречались те, кто это умел) и не спешили помогать первой встречной фее. Катриона слегка удивилась уже тому, что этот лис показался ей на глаза. Но она всегда была вежлива с животными, а лис мог знать, где расположено ближайшее пастбище, на котором есть коровы с телятами.

«Да, – грустно подтвердила она, – а у меня нет молока».

«Не твой ребенок», – заключил лис.

«Не мой... – начала было она, но твердо уточни-

ла: – Я ей не мать, но я о ней забочусь».

Лисы тоже умеют по-своему смеяться, что и продемонстрировал ее новый знакомец, поскольку она сейчас явно не могла как следует позаботиться о принцессе. Катриона подняла на него хмурый взгляд, но тут же напомнила себе, что ей нужно попросить его об услуге.

«Жена пятнадцать дней назад оценилась», – сообщил лис.

«Что ж, очень за вас рада», – хотела было сказать Катриона, но сдержалась.

Похоже, лис угадал, что именно она не сказала, и, наверное, расхохотался бы во весь голос, если бы умел. Катриона подхватила принцессу и попыталась ее укачать, но та не поддавалась на уловку: она хотела получить свой завтрак, а также вчерашний полдник и ужин. Причем немедленно. Крошечные кулачки причиняют изрядную боль, если попадают прямо в лицо. Катриона уложила малышку на колени и постаралась набраться терпения в надежде, что малышка вскоре выдохнется.

«У жены есть молоко», – пояснил лис.

Катриона вскинулась и уставилась на него. Он припал к земле на берегу над ней, и его рыжий мех сливался с прошлогодней листвой, до сих пор видневшейся под свежей зеленью живой изгороди. Катриона

так изумилась, что забыла о вежливости.

«Почему вы хотите нам помочь?» – спросила она.

«Не по-лисьи помогать людям? – откликнулся лис, скалясь в улыбке. – Неправда. Люблю детенышей. Даже человеческих. От твоего слишком много шума».

Катриона понимала, что он имеет в виду: шум в лесу опасен. А ведь он еще не знает и половины всего.

«Я не могу ее успокоить. Она сердится, потому что голодная».

Лис спрыгнул с берега и ткнулся носом в искаженное плачем свекольно-красное личико принцессы. Он стоически вытерпел два удара ее тяжелых кулачков, пока она не обратила на него внимание. Катриона затаила дыхание. Принцесса открыла глаза, и ее вопли приутихли до неуверенного хныканья. Она ухватила лиса за ухо и дернула. Тот вздрогнул, но высунул язык и лизнул ее. Малышка засмеялась. Это был хриплый смех, но все-таки смех.

«А теперь надо поторопиться». Лис отдернул голову (встряхнувшись, как будто приводил в порядок уши и нос, ушибленный принцессой) и потрусил вверх по течению ручья.

Принцесса вскрикнула, возмущившись, что ее новую игрушку так быстро отобрали, но плач уже изматал ее, и на пустой желудок ей не хватило сил разреветься заново. Почти так же быстро, как гаснет заду-

тая свеча, она опять заснула, хотя и во сне продолжала хныкать, ее личико хмурилось, а уголки рта подчеркнуто смотрели вниз в недвусмысленной гримаске несчастного младенца.

Катриона выхватила из воды пеленки, стараясь удерживать их на расстоянии вытянутой руки, пока с них не перестанет течь. Проточная вода неплохо их отстирала. Перевязь с ребенком она поддерживала другой рукой. Все тело ломило, у нее самой кружилась голова от голода, а с отставленной руки время от времени капало на юбку и ногу. В ботинке захлюпало.

Девушка ожидала, что жена лиса начнет спорить, но едва он скрылся в норе, как тут же выбежал обратно, а она вынырнула следом, излучая материнство, словно огонь – жар. Она лизнула принцессу в лицо, та проснулась и любезно подергала лисицу за уши, но расплакалась, еще толком не стряхнув сон, тонко и отчаянно, разрывая Катрионе сердце.

«Положи ее рядом со мной, – велела лисица. – Устрой ее так, как если бы она была... щенком. Она слишком большая, и мне ее не подвинуть. С остальным я справлюсь».

И она справилась. Катриона гадала, не будут ли лисята скулить, оставшись на этот день без завтрака, поскольку принцесса досуха высосала несколько сос-

ков, прежде чем заснула снова, на этот раз розовая и улыбающаяся.

«Спасибо, – выпалила Катриона. – Спасибо, спасибо. Я могу... – Она чуть помешкала. – Могу ли я хоть что-нибудь для вас сделать? Я... я не настоящая фея. И мало что умею. Простите».

«Как тебя зовут?» – спросил лис.

«Катриона», – удивившись, ответила девушка.

«Что ж, Катриона, – решил лис, – если лиса когда-нибудь назовет тебя Катрионой, ты должна прийти ей на помощь. Ты это сделаешь?»

«Да», – отозвалась Катриона.

Лис снова рассмеялся, на этот раз с оттенком некоторой горечи.

«Да, – подтвердил он. – Я тебе верю. С утра я наблюдал за тобой некоторое время, прежде чем заговорить. Я мог бы вовсе тебе не показываться».

«Поспи пока здесь, – предложила лисица, когда Катриона начала снова натягивать перевязь. – Мы постоим. Я могу покормить ее еще один раз, перед тем как вы двинетесь дальше. Но только один. А то мои детеныши взвоют».

Лисята не воют, но Катриона оценила шутку. Она заснула так быстро, что, укладываясь на землю, стукнулась головой.

Ее разбудил счастливый детский смех. Она открыла глаза. Принцесса пыталась поймать лиса за хвост. Он устроился так, чтобы она не могла больше ни до чего дотянуться (переворачиваться она еще толком не умела, хотя и пыталась), и щекотал ей лицо кончиком хвоста, а затем отдергивал, когда она к нему тянулась. Малышке это казалось увлекательнейшей игрой, и она махала ручками, пиналась и чихала. Катриона не обнаружила на хвосте заметных проплешин и решила, что лис тоже неплохо проводит время. «А вдруг у него блохи? – подумала она. – Ну и ладно. Я нарву черемши, она поможет».

При мысли о черемше ее желудок внезапно взвизгнул, почти так же громко, как принцесса, в очередной раз упустившая хвост, и столь же внезапно Катриона осознала, что чует запах еды. Лисьи логова частенько благоухают остатками прошлых трапез, но это... Она села, обернулась и увидела на земле рядом с собой мясной пирог. Судя по его виду, он перенес нелегкую дорогу, но это, несомненно, был мясной пирог.

«Это тебе, – пояснил лис. – Прости за следы зубов. Я несколько торопился».

Катриона проглотила еду раньше, чем лис договорил.

«Мне только и остается, что еще раз вас поблагодарить, – вздохнула она. – Снова и снова».

«Я так могу и привыкнуть к благодарностям», — наполовину в шутку, наполовину всерьез заметил лис.

Благодарности в человеческом понимании не были приняты среди животных. (Как и извинения. Гордость лиса явно пострадала от недостаточно ловкого похищения пирога. Гордость очень важна. Это одна из тех вещей, которые помогают выжить.)

«Мне кажется, ты прячешься от собственного рода по важной причине, — помолчав, добавил лис. — Вчера были именины принцессы, и в полдень небо потемнело, и ветер запа́х неправильно, а позже королевские всадники промчались по дорогам с сердитыми и испуганными лицами. А потом пришла ты».

«Да», — подтвердила Катриона.

Лис больше ни о чем не спросил. Тайны тоже в числе тех вещей, которые помогают выжить. Из норы до Катрионы доносились приглушенные пiski и шорохи: вероятно, лисица кормила собственных детенышей.

«Благодарю тебя за твою благодарность», — наконец чопорно заключил лис.

Девушка порывисто протянула к нему руку, чтобы погладить или обнять, но вспомнила, какой невыносимой грубостью это показалось бы лису, и отшатнулась.

Лис задумчиво посмотрел на Катриону.

«Все правильно», – сказал он, поднялся, подошел к ней и на миг прижался длинной и узкой пушистой щекой к ее широкой, круглой и гладкой.

Глава 5

Без блох не обошлось, но черемша помогла, а ее вонь отчасти скрадывала некоторые другие неизбежные запахи. И Катриона начала подозревать, что те один или два подарка от фей-крестных, которые она прозевала, зажав ладонями уши, имели отношение к добронравию, поскольку во время их долгого трудного путешествия принцесса вела себя удивительно спокойно. После первого утра она больше не капризничала. Катриона сделала безумное предположение, что это как-то связано с молоком: принцесса пила не только молоко лис, коз, коров, овец, кобыл и разнообразных домашних кошек и собак (в основном овчарок и колли), но и олених, барсучих, выдр, хорьков, куниц, волков, рысей, лесных кошек и медведиц (у некоторых добыть его было труднее, чем у остальных). Девушка знала, хотя никто ей этого не говорил, что среди зверей распространилась новость о ребенке, путешествующем на северо-запад на руках феи, которая не приходится ему матерью, мало что умеет как фея, но способна разговаривать с животными. Она надеялась, что при этом упоминалась и ее вежливость. Зачастую, остановившись близ крестьянского хозяйства вечером или ранним утром (одним из проявлений уди-

вительной покладистости принцессы была легкость, с какой она привыкла к вынужденному режиму всего с двумя кормлениями в день) и спросив: «Козочка-козочка, не дашь ли мне немного молока?», она обнаруживала, что коза (или другая кормящая мать, оказавшаяся поблизости) уже ждала ее прихода и нередко могла подсказать, где искать еду для принцессы в следующий раз.

Если Катрионе везло и она находила ферму, куда осмеливалась подойти (с живой изгородью или стогом сена близ пастбища с животными, к которым она могла бы обратиться, и вдалеке от дома), то предпочитала большие хозяйства. Принцесса, особенно с тех пор, как стала питаться дважды в день, проявляла завидный аппетит, и в маленьком хозяйстве недостатку могли заметить. Несколько раз Катриона оставляла одну из немногих последних монеток на пороге, или узелке на хозяйском платке, висящем на вилах, или возле раковины на маслобойне, где ее найдет хозяйка. Такого рода вещи случались в этой стране, но монетки обычно бывали серебряными или изредка, если кому-то выпадало такое счастье, из металла, который называли волшебным, хотя никто (в том числе и феи) не знал, откуда он берется, – переливчатого на солнце и необычно теплого в руке даже зимой. Полпенни Катрионы были обычными медяка-

ми, отчеканенными на королевском монетном дворе. Однако переливчатые никто не стал бы тратить. Они становились семейным наследием. Медяки Катрионы могли принести больше пользы, если семья рисковала остаться голодной из-за того, что кто-то выпил их молоко. (О монетках из волшебного металла рассказывали, что с ними скотина доится обильнее, посевы всходят лучше, а здоровье хозяев остается крепче еще целый сезон. С этим Катриона тоже ничего не могла поделать. Она могла только оставить обычные потускневшие полпенни.)

Но нередко крестьянское хозяйство на пути не попадалось, или поблизости от подходящей просторной фермы обнаруживалась чересчур людная деревня, или что-нибудь еще было не так – зачастую сама Катриона не смогла бы объяснить, что именно, лишь чувствовала странный зуд между лопатками, заставлявший ее крепче прижимать к себе принцессу и шагать дальше.

Тогда ей приходилось прислушиваться к разговорам диких животных – а это было не легче, чем различить рыжую лисью шубку среди прошлогодних буковых листьев. Если ей удавалось уловить звук, порожденный не ветром, не водой и не блуждающими болотными огоньками (болотные огоньки в этой стране бывали довольно шумными, если их свечение и сла-

бые видения оказывались недостаточно заманчивыми и огоньков начинала мучить досада), то приходилось двигаться в том направлении и окликать: «Простите, добрые звери, я хочу попросить вас об услуге», прежде чем они почувствуют приближение человека и скроются. Звери, надо сказать, ждали ее не всегда, но такое случалось редко, ибо новость разнеслась далеко.

Катриона жалела, что не может спросить, откуда и как появился этот слух: помимо известных детских сказок, не было никаких историй о зверях, совместно выкармливавших осиротевшего младенца. Знают ли животные, что малышка – принцесса? Упомянулось ли об этом в распространяющейся новости? Никто не спрашивал Катриону, что это за ребенок, но звери и не стали бы задавать подобные вопросы. Ребенок есть ребенок, а мать есть мать, даже если она не мать. (Лис допустил грубость, предположив, что принцесса не приходится Катрионе дочерью, но лисы вообще нахальные и чрезмерно любознательные создания. Катриона не могла представить, чтобы какое-нибудь животное, кроме лисы, – не считая, пожалуй, самых дерзких птиц – отпустило бы, как он, замечание об именинах принцессы.) Звери всегда хотели знать (их жизнь слишком часто от этого зависела), но редко задавали вопросы. Предполагалось, что

задавать вопросы необязательно. Язык считался слабым и ненадежным средством получения сведений, и многие дикие животные обходились без него. Куда предпочтительнее собственные глаза, нос и уши.

И поскольку животные не проявляли любопытства, Катриона не могла спросить их: «Почему вы делаете это для нас?»

Ходили рассказы, непохожие на детские сказки, об отрядах леопардов, рысей, драконов и волков, сражавшихся на стороне всевозможных королей и королев много лет назад, но это, скорее всего, были всего лишь легенды для взрослых. История в этой стране была так же ненадежна, как почти все, на что влияла магия, а магия влияла практически на все, и эти рассказы могли быть правдой, а могли – выдумкой. Знали ли животные о Перниции?

Но Катрионе все же приходилось разыскивать зверей, готовых ей помочь: они могли знать о ее приходе, могли даже дожидаться ее, но редко выходили ей навстречу. Однажды вечером она уже начала беспокоиться, что зашла далеко во вполне благополучный с виду лес, но так и не услышала звериной речи, когда в сумерках и тени перед ней без предупреждения вырос темный холмик и превратился в медведя. Катриона так сильно стиснула принцессу, что та тихонько пискнула и расплакалась, и даже после того, как мед-

ведица обратилась к ним таким же добрым и нежным голосом, каким разговаривала тетя Катрионы, сказав: «У меня есть молоко для твоей малышки», девушка целую минуту не могла вымолвить ни слова в ответ. Пристальные взгляды желтых волчьих глаз, в мгновение ока появляющихся из темноты, не шли ни в какое сравнение с явлением медведя.

Медведица тихо уселась, сложила огромные лапы с когтями-кинжалами на широкой груди и подождала, пока Катриона не оправится. Не желая показаться грубой, но все еще ошеломленная, девушка неуверенно шагнула вперед. А затем принцесса, уже переставшая плакать, что-то нежно пискнула и протянула ручки... к медведице.

В медведице было и еще кое-что примечательное: она была достаточно велика и могла поделиться молоком с человеческим ребенком, не слишком ущемив собственных детенышей. В другой вечер понадобились почти все обитавшие на берегу выдры, чтобы накормить принцессу, хотя самим выдрам это все, похоже, показалось отменной шуткой. Они болтали между собой о том, как это интересно – покормить человеческого младенца, и по очереди подходили к принцессе, а потом тихонько соскальзывали обратно в реку и возвращались на свою территорию к собственным детям. Та ночь выдалась долгой, потому что многие

выдры приходили издалека, и в ужине принцессы случилось немало перерывов или, если уместно так выразиться, перемен блюд, с которыми она мирилась со своим обычным добродушием.

Малышка, несомненно, процветала. Она была не очень чистой, но ясноглазой и поразительно жизнерадостной и явно могла похвастаться крепким здоровьем. И быстро набирала вес. Разум и глаза Катрионы отмечали это с удовлетворением, а вот спина и плечи радовались куда меньше.

Возвращение в Туманную Глушь длилось три с половиной месяца. Катриона решила, что лучше путешествовать по ночам и не выходить на большую дорогу. К тому же тяжелеющая ноша не позволяла шагать слишком быстро. Девушке начало казаться, что путешествие займет всю ее жизнь и никогда не закончится. Чаще всего такие мысли посещали ее в конце ночного пути, когда она успевала устать, проголодаться и беспокоилась, не закончится ли этой ночью их удача и найдет ли она молоко для принцессы. В разговорах с животными всегда было что-то, отчасти напоминающее сон, потому что они происходили в ее собственном сознании, как воображаемые разговоры с людьми, и потому что звериный разум действовал совершенно не так, как человеческий. В особенно сильное замешательство они приводили на усталую

голову.

Катриона постоянно недосыпала, потому что каждую ночь то и дело вскидывалась: ей мерещилось, что она слышит, как к ним подкрадываются твари Перниции. (Какие они? Темные и чешуйчатые, с ядовитыми шипами? Извивающиеся и склизкие, с множеством ног? Или более прекрасные, чем самые добрые и светлые существа, но убивающие взглядом, как василиск? Будет ли хуже, если окажется, что Катриона способна разговаривать и с ними? Или, возможно, Перниция вовсе не использует тварей. Возможно, Катриона проснется оттого, что тонет в болоте, или ее превратят в огромный борщевик или тролля. А что, если случится самое худшее: ведьма явится сама, лично? Катрионе часто виделась эта высокая смертоносная женщина, склоняющаяся, чтобы схватить их обоих...) Или что их настигают королевские охотники.

Почему их не нашли придворные маги? По-настоящему хороший маг может найти любую потерю, посмотрев на ладонь руки, в которой обычно держит волшебную палочку. Даже не очень хорошему магу должно быть по силам найти нечто крупное, важное и необычное, вроде юной принцессы, с помощью нескольких капель дальнозора и плошки воды. Если маленькая женщина, фея, вручившая Катрионе принцессу и заставившая запомнить стишок, достаточно

могущественна, чтобы спрятать их от лучших ясно-видцев королевства, почему ей не хватает сил защитить ребенка в собственном доме?

А может, их прячет талисман человека с саблей?

Катрионе не хватало духу задуматься об этом всерьез.

Она частенько прикидывала, не поискать ли малиновку, чтобы передать весточку Тетушке, – казалось, у малиновок всегда находятся родственники там, куда или откуда ты хочешь отправить послание, – но не могла придумать, какое сообщение не окажется опаснее, чем дальнейшее молчание и надежда на удачу. Плохо было уже и то, что на пути из столицы в Двуколку она оставляла за собой след из краденного молока. Возможно, их везение объяснялось всего лишь тем, что волшебники пренебрегали разговорами с животными. Звериные мысли были недостаточно упорядоченными для магов и всегда полнились неотложными будничными заботами, вроде спаривания, смерти и следующей трапезы.

Уже много недель Катриона не видела ни на ком королевской ливреи. Ей часто приходилось проходить некоторое расстояние по главной дороге, потому что другого пути не было, и порой ночевать неподалеку от тракта, поскольку она чересчур уставала, чтобы искать лучшее убежище. А потом она просыпалась

от шума, с которым мимо проходили путешественники, и выглядывала сквозь листву или заросли травы, отчасти надеясь, что подслушает какую-нибудь беседу о пропавшей принцессе. Скажем, байку о десятифутовом великане, в день именин выхватившем малышку из колыбели, которого видели с ней где-то по дороге на юг, где и сосредоточили свои усилия королевские следопыты. Отсутствие людей в ливреях казалось добрым знаком.

Катриону постоянно мучил голод. После того как она добывала молоко для принцессы, ей часто не хватало сил искать пропитание для себя, а пища, которую летом можно найти в глуши и есть сырой, изрядно надоела. Только изредка, когда шел дождь и обе путешественницы промокали и замерзали, она решалась развести огонь (один из тетиных амулетов уговаривал сырую древесину гореть, хотя чем мокрее было топливо, тем скорее выдыхались чары; в болотистой Двухолке Тетушка продавала множество таких амулетов), да и то лишь если удавалось найти достаточно удаленное от дороги место и ветер дул в правильном направлении. Один или два раза она оставляла на маслобойне полпенни за украденный сыр, но сама решалась пить только козье, коровье или овечье молоко, хотя порой ей предлагали это и другие животные (в том числе и медведица). Она устала от си-

дения на земле, и даже с амулетом, защищающим от камней, ночевка в поле в корне отличалась от сна на самом старом, грубом, комковатом и нуждающемся в новой набивке матрасе, сделанном человеческими руками, укрытом четырьмя стенами и крышей и дополненным одеялами и подушками. (На деревьях они не спали никогда. Катрионе не хотелось обнаружить, что именно этот амулет не распространяет свое действие на младенца у нее на руках.)

Катриона, конечно же, очень устала от забот о принцессе. Но в первый же раз, вечером, когда она склонилась, чтобы взять на руки малышку и продолжить путь, и увидела, как взгляд девочки сначала сурово сосредоточился на обращенном к ней лице, а затем, после мгновения задумчивости, маленькое личико озарила ясная, словно дневной свет, улыбка, предназначенная именно ей, Катрионе, как если бы принцесса окликнула ее по имени, пришлось признать, что она отчаянно привязалась к девочке. Даже несмотря на то, что та слишком много весит. И что ее то и дело приходится перепеленывать. Вовсе не обязательно было бросаться к колыбели и причитать над ней, словно сумасшедшая, раздраженно думала Катриона. Ее никто не заставлял. Она просто это сделала. Но если бы не она, с кем бы сейчас была эта малышка? Маленькая фея нашла бы кого-нибудь другого...

Ведь нашла бы? Нашла бы кого-нибудь получше... Разве нет?

Что она сказала несчастным королю и королеве?

Каждое утро, перед тем как заснуть, Катриона напоследок повторяла про себя стишок, которому ее научила маленькая фея. Часто она засыпала, бормоча: «...плотнее плети свою сеть...», и просыпалась со словами: «...ведь владельца ее больше нет».

— Твоя золотая корона определенно потеряна, — чуть слышно шепнула она однажды вечером, окуная грязную малышку в неглубокое озерцо, как следует прогретое за день солнцем.

Малышка рассмеялась, вытащила со дна пруда пригоршню ила и тягучей слизи и втерла себе в волосы. Оказалось, что это ужасно весело, и она добыла еще горсточку.

— Ох, какая же ты у меня помощница, — пробормотала Катриона, набрасывая на нее относительно чистую тряпицу и вытирая ей лицо.

Принцесса стоически смирилась с этим унижением.

— Порой я думаю, что мыла мне не хватает еще сильнее, чем хлеба. Но скоро мы будем дома.

Катриона помолчала, и малышка, уловив ее настроение, встревоженно замерла.

— И ты тоже будешь дома, — заключила девушка, поймав одну из грязных ладошек и вытирая ее тряпи-

цей. — И ты тоже.

Последние полтора дня пути до Туманной Глуши дождь лил без перерыва. Катриона воспользовалась погодой как предлогом для того, чтобы тоже не оставалась. Несмотря на ее бережливость, медяки закончились еще неделю назад, и голод терзал девушку сильнее прежнего. Она слишком устала и не захотела на рассвете покидать главную проселочную дорогу, ведущую в Двуколку. Всю ночь на этой дороге было пусто, а днем девушка успевала укрыться в стороне, прежде чем ее заметят другие случайные путники.

Тетушка придумает, как объяснить людям, почему Катриона вернулась с именин принцессы с ребенком подозрительного возраста на руках (она предполагала, что новости об исчезновении принцессы облетели страну так же быстро, как и объявление о ее рождении). Хотя разве кому-то в голову придет нелепая мысль, будто кто-то вроде Катрионы мог успешно похитить принцессу? Если принцесса исчезла из-за угрозы со стороны Перниции, значит ее поспешно увезли в какую-нибудь королевскую крепость, где самые могущественные маги, самые мудрые феи, самые хитрые разведчики и самые бдительные войска сумеют ее уберечь.

Когда Катриона поняла, что больше не может сде-

лать ни шагу, она остановилась, на несколько минут присела под дерево, прислонилась к стволу и провалилась в какую-то полубессознательную дрему. Как только ей хватило сил подняться на ноги, она продолжила путь. Принцесса впервые чувствовала себя неважно. Она не успела проголодаться, но беспокоилась и хныкала, и потому Катриона особенно спешила добраться до тетиного дома.

«Ох, Тетушка, – думала она. – Ты не согласишься, как много мне нужно тебе рассказать...»

Во второй вечер дождь и ветер так шумели в листве, что Катриона не могла слышать звук собственных шагов, хотя ощущала, как грязь засасывает ноги, пытается стянуть с них башмаки и заставить ее потерять равновесие. Она часто спотыкалась. Край плаща она набросила на прихворнувшую малышку – он был шерстяным и грел даже мокрым. Но по мере того как шерсть намокала, плащ становился все тяжелее. Катриона чихнула. Сейчас ведь лето, безрадостно думалось ей. Не могла же она простудиться в разгар лета.

Девушка знала все пути, ведущие в Туманную Глушь, но у нее не осталось сил выбирать, поэтому она свернула с главной дороги на первую же тропинку к тетинему дому – к ее дому. Она не знала, что скажет, если с ребенком на руках встретит кого-то из знако-

мых, но слишком устала, чтобы об этом тревожиться. Наконец-то она дома. Почти дома.

Тетушка открыла дверь и выглянула наружу.

– Ох, Катриона, – выдохнула она и, несмотря на дождь и младенца, обняла девушку еще до того, как та перешагнула порог.

Катриона снова чихнула.

– Я дам тебе что-нибудь от этого, – пообещала Тетушка, стянула с девушки грязный мокрый плащ и подвела ее к огню.

Катриона ощутила, как тетины пальцы развязывают истрепанный шарф на ее шее, так долго и мужественно выдерживавший неподобающее превращение в перевязь для переноски ребенка. Но тетя по-прежнему воздерживалась от вопросов и восклицаний. Шарф сполз, и Катриона устроила принцессу на коленях, как делала это множество раз за последние три с половиной месяца («Зато на стуле! – вмешался негромкий внутренний голосок, отказавшийся падать духом из-за простуды и усталости. – На стуле! На стуле, на котором ты сможешь сидеть и завтра, и послезавтра!»).

Тетушка подтащила к огню маленький столик и еще один стул.

– Тетушка... – поймав ее руку, начала Катриона, и голос ее чуть дрогнул. – Тетя, это принцесса. Ее...

ее отдали мне.

И тут напряжение и тревоги последних трех с половиной месяцев разом поднялись и обрушились на нее. Катриона положила свободную руку на стол, уткнулась в нее лицом и разрыдалась. Она плакала долго, очень долго, и остановилась только потому, что принцесса тоже расплакалась. Когда Катриона успокоила ее и малышка провалилась в глубокую дрему, нежно пуская слюни на шею Катрионе, девушка рассказала тете все, что смогла вспомнить об именинах, о Перниции, о маленькой, невзрачно одетой фее и о стишке, которому та ее научила, о короле и королеве, о человеке с саблей и его талисмানে, о золотистых, белых и лиловых лентах с белыми и розовыми розетками и о том, как ей не хватило духу их выбросить (непоправимо измятые, они по-прежнему лежали в одном из ее карманов). О том, как она боялась передать тете весточку. И о том, как вышло, что, хотя сама Катриона частенько оставалась голодной, принцесса всегда получала достаточно молока.

Тетушка выслушала все это, время от времени похлопывая племянницу по руке и явно не обращая внимания на нарастающую вонь мокрого немытого тела и мокрого немытого ребенка, расползающуюся от Катрионы и принцессы, по мере того как огонь согревал их и дождевая вода превращалась в пар. Девуш-

ка охрипла, но продолжала говорить, пока ее не свалил сон.

Проснувшись, Катриона обнаружила, что она, чистая, лежит в постели. В собственной постели. Да и не важно, в какой постели. На миг она подумала, что ей это снится, и изо всех сил постаралась не просыпаться... Потом наощупь перебралась к изножью, выглянула в чердачный люк и увидела у очага колыбель. Тетушка мягко покачивала ее ногой. Сколько Катриона помнила, там никогда не было колыбели. Должно быть, тетя услышала, как племянница заворочалась в постели, поскольку выглянула из-за спинки стула и увидела, что Катриона уже сидит и смотрит вниз.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила тетя.

— Хорошо, — после краткого раздумья с удивлением отозвалась Катриона. — Лучше, чем когда-либо с тех пор... с самых именин. Тетушка, я помылась.

Тетушка улыбнулась.

— В той мере, в какой мне удалось это устроить. Ты сможешь вымыться как следует позже. С бессознательным, посапывающим телом не так уж многого можно добиться, даже при содействии воды. И мне пришлось приберечь часть сил, чтобы уговорить лестницу отнести тебя на чердак. Но я подумала, что так тебе будет уютнее — чистой и в собственной постели.

Как твоя простуда?

– Прошла, кажется. – Катриона неуверенно поднялась на ноги. – Я так голодна, что даже думать не в силах.

– Так и не думай. Поешь, – заключила Тетушка. – Подумаем потом вместе.

На столе был хлеб, и чатни, и салат из зелени, и молодая картошка... Катриона съела все, что смогла. И только потом подошла к колыбели.

Девушка опустилась рядом с ней на колени. Принцесса, тоже очень чистая с виду, крепко спала. Впервые Катриона обратила внимание на то, что волосы у нее светлые и вьющиеся, а кожа бледная, но все же розовая. И с нежностью залюбовалась длинными шелковистыми ресницами, лежащими на атласной щечке.

– Тетя, – тихонько проговорила она, – я даже не знаю, как ее называть. Ее имя – Каста Альбиния Аллегра Дав Минерва Фиделия Алетта Блайт Домина Делиция Аврелия Грейс Изабель Гризельда Гвинет Перл Руби Корал Лили Ирис Бриар-Роза. Я звала ее малышкой или, когда мы бывали достаточно далеко от всех, принцессой, потому что не хотела... Не хотела, чтобы она забыла... Я понимаю, что это глупо, пока она совсем маленькая, но... И вообще, нельзя же звать принцессу по имени, правда?

– Бриар-Роза... – повторила тетя. – Роза. Розы. Розы – хорошее имя для маленькой деревенской девушки. Мы будем звать ее Розы.

Часть вторая

Глава 6

В следующий раз, вскоре после прибытия второй племянницы Тетушки, Розы, королевский герольд появился в Туманной Глуши по куда более мрачному и тревожному поводу. В деревнях Двухолки услышали о происшествии на именинах принцессы от вернувшихся гостей – к счастью, никто не спросил Катриону, почему на то, чтобы вернуться домой, у нее ушло в два с лишним раза больше времени, чем на дорогу в столицу, – и теперь с беспокойством поглядывали на собственные прялки и веретена. Каждый дом в Двухолке имел хотя бы один инструмент для прядения. Ткачи в Дымной Реке платили звонкой монетой за хорошую нить, и лорд Прендергаст, как и большинство местных мелких землевладельцев, разводил овец.

Герольд привез распоряжение, что ни одно веретено, железное или деревянное, не должно иметь острия тоньше, чем указательный палец трехмесячного ребенка – столько как раз исполнилось принцессе в именины. И он помахал деревянным колышком,

напоминавшим детский указательный палец. Катриона вздрогнула и без нужды поправила мирно спящую принцессу в новой перевязи. Малышка возмущенно застонала и вновь соскользнула в глубокий сон.

Тетя твердо сообщила, что всей деревне приказано прослушать объявление герольда, а значит вся деревня и должна там присутствовать, включая Катриону и Розу.

— Я понесу ее, если хочешь, но вам обеим следует там быть. — Она посмотрела на несчастное лицо Катрионы и добавила: — Подумай об этом, милая. Ни один здравомыслящий взрослый не оставит младенца в доме одного, и чего мы уж точно не можем себе позволить, так это привлекать к себе внимание, держась в стороне. В малютке нет ничего, что позволило бы заподозрить в ней кого-то другого, а не нашу Розу.

Катриона утешилась тем, что в толпе присутствовали еще несколько испуганных женщин с разновозрастными детьми на руках, а также тем, что рядом успокаивающе маячил высокий и надежный Бардер, протолкавшийся к ней, чтобы вместе выслушать объявление герольда. Этот вестник тоже уехал на следующий день, но накануне вечером в трактире никто ничего не праздновал.

Герольд привез и другую новость: король с короле-

вой назначили потрясающую награду за любые известия о Перниции – о ее местонахождении, состоянии, планах и силах, в общем, о чем угодно, связанном с ней. Отряды королевских войск и группы королевских магов все еще прочесывали страну в поисках ее следов, но, насколько было известно герольду (и Тетушкиным малиновкам), так ничего и не нашли.

И не только они. Никто не вышел потребовать часть королевской награды. Никто не смог сообщить о том, где находилась Перниция до именин, где она сейчас и чем занимается. Никто. Никто из придворных фей и магов, входящих в число самых могущественных чародеев этой страны. Никто из авторитетных умов Академии. Никто из опасно своенравных фей из глуши, умеющих видеть сквозь камень, разговаривать с огненными змеями и слышать пение звезд.

«Перниция... – шептались люди. – Разве не так звали...»

Они слышали истории дедов и прадедов, пересказанные со слов уже их дедов и прадедов. Речь в них шла о злой фее с именем, похожим на Перницию, которая много поколений назад поклялась отомстить королеве их страны – королеве, обладавшей необычайно ясным зрением и удивительно даже для королевы неподвластной никаким магическим средствам.

«Ладно, – заявила ей Перниция (если так ее зва-

ли), – сейчас ты одолела меня. Но однажды я низвергну наследника твоих наследников и сокрушу твою страну потрясениями, пока ни единого камня не останется лежать на камне, куда он был положен человеческими руками, пока звери не спрячутся глубоко под землей у подножия гор, пока птицы не перестанут садиться на деревья, а с самих деревьев не опадут и листья, и плоды».

И злая фея, чье имя, возможно, звучало как-то похоже на Перницию, удалилась в неведомую чащу, где никто не мог ее найти, и расставила вокруг волшебных стражей, чтобы эта чаща казалась еще глуше, чем была на самом деле, и люди держались от нее как можно дальше, даже не подозревая, почему они так поступают. Как говорилось в этих рассказах, фея принялась упорно изучать способы, помогающие прожить дольше срока, отмеренного человеку, чтобы отомстить тогда, когда ей это будет удобнее всего, в полном расцвете собственной гордыни и ненависти, позволяющем ей насладиться местью. Возможно, она оказалась достаточно могущественна и злобна и сумела научиться этому, ведь говорят, что, если вы достаточно могущественны и злобны, способ найдется.

Но в этой стране было полно волшебных чаш, куда никто не ходил. И даже если бы вы туда пошли (будь вы даже самой умной феей или мудрым магом), вам

вряд ли удалось бы увидеть или найти все, что там скрывается.

Эта страна была полна историй о феях, волшебниках и магии. Многие из них были просто сказками.

Но Катриона помнила слова маленькой феи: «О да, я знаю, кто она, но и не подозревала, что она так могущественна. Я надеялась, что этого не произойдет, — как обычно надеются, пока не грянет беда. Я надеялась, что годы лишили ее сил, многие годы, с тех пор как наша последняя королева...»

Если история о злой фее с именем, похожим на Перницию, была не просто сказкой и если эта Перниция вернулась из долгого изгнания, значит стране угрожала самая страшная опасность, с тех пор как с севера на нее нахлынули огненные змеи. Перниция едва не одолела королеву, когда давным-давно сражалась с ней, и добилась бы успеха, будь королева обычной королевой. А если Перниция узнала секрет долголетия, то долгие годы ожидания подходящей возможности она наверняка провела, обучаясь новым злодеяниям и лелея свою ненависть. Король Харальд отразил нашествие огненных змеев, но на землях Двуколки по-прежнему виднелись шрамы от столкновения: скалистые вершины холмов и глубокие овраги там, где шли битвы и змеи в ярости плавили почву, когда сработанные волшебниками до-

спехи войск Харальда выдерживали их удар. На что может пойти Перниция, чтобы разрушить и сломить всю страну?

Принцессу следовало уберечь не только ради нее самой, но и ради страны. Даже недовольные рождением принцессы коварные кузены короля, отправившиеся по домам, не выказывали желания вернуться ко двору теперь, когда она пропала. Принцесса была жива – исчезновение самой Перниции это доказывало. Но где бы ни спрятали принцессу король с королевой, ее следовало защитить. Герольды не делились новостями на этот счет, впрочем люди этого и не ждали. Об этом не стоило говорить вслух, ведь Перниция может услышать.

По всей стране, выслушав объявление герольда, все сразу же разошлись по домам, отрубили у своих веретен острые концы и сожгли их или откололи молотами и отдали местным кузнецам, которые бросили их в жаркое пламя горнов. Пряжи горестно смотрели на искалеченные веретена и привыкали к более коротким и толстым. Запасы ниток у ткачей тем временем истощались. Позднее пряжи и ремесленники принялись изобретать новые веретена и новые способы наматывать на них нить и сматывать ее. Со временем в смеси гнева, страха и негодования вкупе со смутным, но искренним желанием выказать поддержку ко-

ролевской семье родился новый вид искусства: резьба по наворачиям веретен.

Началось все с грубой обработки обрубленных концов, которые резали глаза своей неправильностью. Веретена приспособили к тому, чтобы легко снимать их с прялок, – так проще было пробовать ту или иную форму, подправлять ее, переделывать и испытывать снова. От железных веретен отказались вовсе. Затупленные веретена сделались интересны сами по себе. Люди с той же увлеченностью спорили о том, из какого дерева получаются лучшие веретена, с какой обсуждали луки или рукоятки инструментов.

Со временем новый вид веретен из неизбежной уступки новым обстоятельствам сделался единственным возможным порядком вещей: вместо небрежного обстругивания их стали замысловато украшать. Веретено превратилось в волчок, округлую шляпку размером с ладонь, сужающуюся к изящному стержню не тоньше, чем указательный палец трехмесячного ребенка. На опорах прялки появились небольшие петли, куда концом вниз втыкали веретена, когда те не были нужны. На дверных косяках и каминных полках проросли такие же петли для ручных веретен. Пряжи стремились каждый раз доводить работу до конца, чтобы выставить напоказ освободившиеся веретена. Широкие затупленные концы веретен

с ножных прялок украшались особенно искусной резьбой.

Несколько поколений спустя веретена-волчки ручной работы сделались самым распространенным свадебным подарком: считалось, что они привлекают удачу и предвещают здоровое потомство жениху с невестой. Веретена с особенно изящной резьбой заботливо передавались по наследству. В ближних странах люди, насмотревшиеся на веретена, которые их соседи начали возить с собой на счастье, приспособили собственные прялки к тому, чтобы на них тоже можно было использовать веретена с красивой резьбой, и веретена-волчки стали одной из существенных статей экспорта королевства. За его пределами никто как будто не мог научиться этому ремеслу, хотя многие пытались. Но даже в краях, где никогда не видели резного веретена-волчка, люди, если речь шла о чем-то очень дорогом для них, говорили: «Хорош, как славное веретено-волчок».

Но это все произошло много позже. Пока Тетушка отправляла в очаг острие своего веретена и проталкивала его кочергой поглубже в огонь, Катриона сняла талисман, который по-прежнему носила спрятанным под одеждой, и сжала его в ладонях. Потревоженное пламя вспыхнуло ярче, жаркий красный свет

упал на талисман, тот тоже засиял, и девушка едва не выронила его, словно он вдруг превратился в щепочку угля и мог ее обжечь. Она вспомнила, как он пульсировал у нее под пальцами в день именин принцессы. С тех пор он лежал тихо. До этого момента. Огненный свет мерцал в унисон дрожи под ее пальцами, и талисман сверкал по всей длине, даже там, где на него падала тень от ее рук.

– Думаю, – проговорила Катриона медленно, – думаю, я больше не буду тебя носить.

Она подняла голову и увидела, что Тетушка смотрит на нее, по-прежнему сжимая в руке кочергу.

– Я дам тебе что-нибудь, чтобы его вернуть, – предложила та.

Катриона понимала, что она имеет в виду что-нибудь способное спрятать талисман от волшебного зрения. В нише, расположенной высоко в дымоходе, стояла небольшая железная чашка на трех коротких ножках, похожая на миниатюрный котел. Обычно в нее прятали от любопытных глаз мелкие волшебные вещицы, но сейчас она пустовала. Катриона подтащила к очагу табуретку, встала на нее и дотянулась до ниши с чашкой. Тетушка протянула ей белую тряпицу. Укладывая на нее талисман, девушка ожидала, что ткань почернеет и обуглится, но этого не произошло. Она тщательно обернула талисман тряпицей

и в два витка уложила тонкий сверток внутри чашки, чтобы он лежал плоско.

– Закрывать его железом? – спросила Катриона.

Тетушка задумалась.

– Нет, – решила она, чуть помешкав. – Не думаю, что в этом доме утечка будет заметной. Пусть бедняжка дышит. Такого рода вещице будет приятнее, если она сможет приглядывать за нами.

– За Рози, – уточнила Катриона.

Местный главный священник явился и важно осведомился об именинах и посвящении Рози. Тетушка приготовилась к его визиту и держалась с ним вежливо, чего нельзя было сказать о Катрионе. Дабы избавиться наконец от неуместного потока приглушенных возражений, который служил единственным вкладом племянницы в беседу, и без того неловкую, тетя отослала ее с выдуманном поручением. Недовольство Катрионы отчасти объяснялось тем, что главный священник Двуколки был напыщенным ослом (Двуколка была слишком глухим местом, чтобы в ней был собственный епископ). Однако даже самый елейный и умудренный опытом священник, каковым главный священник Двуколки не являлся, никогда не сумел бы непринужденно общаться даже с самой кроткой и наименее деятельной профессиональной феей, каковой,

в свою очередь, не являлась Тетушка.

Это было не самым простым призванием – служить священником в стране, где магия буйствовала повсеместно, раздражающая и неуголимая, а богов считали своего рода сверхфеями, – вот только вы никогда их не встречали и не видели конкретных свидетельств тому, что, по утверждениям священников, они сделали для вас. Возможно, именно из-за неистовой повседневности магии в этой стране ее уроженцы редко соглашались потратить сколь-нибудь существенное время на размышления о том, как зародился мир и для чего или почему люди – это люди, а не палочки, или какие-нибудь водоросли, или еще что-то из обычного спектра религиозных рассуждений. Дабы удержать человека от того, чтобы избить соседа и украсть у него землю, деньги или дочь, здесь долгими веками прививалась уверенность, что так поступать нехорошо, с чем столько же веков соглашалось сильное правительство. А для исступленных видений можно было противозаконно наесться рыбы.

Тетушка предполагала, что религия проникла к ним из какой-то другой, менее волшебной страны и ее миссионеры, хотя и были крепкими ребятами, всегда готовыми сокрушать неверующих, так никогда и не приспособились к своеобразным местным условиям. Поэтому, хоть им и удалось возвести своего

рода неуклюжий управленческий настил, он, условно говоря, так и не обзавелся собственными стенами и крышей, взамен украсившись местными архитектурными традициями. За несколько поколений священники, благодаря определенным интригам магов, отчасти укрепились на земле, но с феями они по-прежнему вели себя словно масло и вода.

Катриона вернулась, выполнив поручение, и обнаружила, что Тетушка уже проводила гостя и теперь забавляла Рози, покачивая на цветном шнурке крошечный божий амулет, которым одарил ее священник. Рози сидела на полу и пыталась его поймать (время от времени падая).

– Феи-крестные могли бы стать неплохим шагом к перемирию между нами, – задумчиво заметила Тетушка. – Жаль, что возможный прецедент обернулся такой катастрофой.

– Он просто хочет денег! – заявила Катриона, возмущенная тем, что Тетушка согласилась на вторые (сокращенные) именины для Рози, как будто кому-то не хватило первых.

Тетушка вздохнула. Священник не был приятным собеседником, и общение с ним стоило ей головной боли.

– Да, конечно хочет, но он потратит их на покупку пищи и дров для тех, кто в них нуждается. Не беспо-

койся, я уже объяснила ему, что моя сестра успела посвятить Розы до того, как умерла. Повторять над ней еще раз слова никто не будет.

(Со сверхфеями стоило вести себя осторожно, на случай если их магия чем-то похожа на обычную, где повтор одного и того же заклинания дважды может привести к серьезной беде.)

— Но я не могла себе позволить чересчур упорствовать. А вдруг он попытается найти предполагаемого священника моей предполагаемой сестры, чтобы убедиться, что обряд состоялся? Священники связаны друг с другом лучше, чем малиновки.

Катриона сдалась, хотя и с явной неохотой.

Священник Туманной Глуши заслужил свое звание и некоторое невольное уважение, даже у Катрионы, ухаживая за больными и неимущими, но побаивался Тетушки, как будто религия и магия могли рикошетом отразиться друг от друга и причинить вред невинным свидетелям. Хотя он был готов исполнить свой долг для каждого из прихожан, вплоть до втирания освященных трав и масел в, возможно, воспламеняемые лбы младенцев, связанных с Тетушкой узами крови, он определенно не собирался лезть из кожи вон, уговаривая ее. После начальственного визита он испытывал слишком явное облегчение, что ему не придется проводить сам обряд, и принял обещанную плату

за внесение Розы в церковные книги Туманной Глуши рукой, которая дрожала лишь самую малость.

Розы, присутствовавшая при этом соглашении, благосклонно улыбнулась ему и подергала бы священника за положенную ему косицу, если бы тот не успел ее вовремя отдернуть, предложив взамен шнурок от своего капюшона. Малышка с восторгом в него вцепилась и с каждым рывком издавала негромкий счастливый лепет.

– Она звучит как одна из ваших малиновок, – заметил священник, подумав, что этого ребенка трудно не полюбить, с кем бы он ни состоял в родстве.

– Только не тогда, когда она чего-нибудь хочет и считает, что не получила желаемого достаточно быстро, – суховато отозвалась Тетушка.

Розы росла крепкой и сильной, упрямой и любознательной и проявляла беспредельные энергию и настойчивость, означавшие, что, требуя по малости лет постоянного присмотра, она была для Тетушки и Катрионы сущим наказанием.

– Имей в виду, все маленькие дети таковы, – заметила Тетушка, опираясь на немалый опыт: она была старшей из одиннадцати братьев и сестер. – Но я не встречала никого, способного сравниться с Розой поистине ослиным упрямством. Со всем должным

уважением к ослам.

Катриона вздохнула. Ей хотелось иметь собственных детей (даже если бы выяснилось, что Тетушка права, а она ошибается и она сама действительно фея), но приобретенный с Розы опыт наводил ее на мысли, что, возможно, она хочет меньше детей, чем мечтала раньше. Даже когда у Тетушки, как это часто бывало, проживали один-два юных постояльца, дожидаящиеся, пока их детская магия не пройдет своим чередом, чтобы они могли благополучно вернуться к своим семьям, Розы ни на миг не отвлекалась от собственных занятий ни на пророчествующую мебель, ни на одежду, хихикающую и убегающую, когда ее пытаются надеть, ни на голодную пантеру за дверью, явно намеренную проглотить первого же увиденного ею человека. (Точнее, это было нечто напоминающее пантеру. Проявления детской магии ограничены воображением ребенка, а представления малыша о естествознании существенно уступали его желанию озорничать.)

В чем-то это было удобно, поскольку менее спокойному и независимому ребенку шутки и хитрости детской магии могли бы доставить немало огорчений, но порой Катрионе казалось, что это, возможно, того и стоило бы. Вскоре после того, как Розы стала жить с ними, девушка официально дала обеты и поступила

в ученицы к Тетушке. Теоретически это подразумевало, что Тетушка может поручать ей любую волшебную работу, на которую ученица, по ее мнению, способна. Несмотря на ревностное усердие, основы ремесла давались Катрионе с трудом. Поначалу единственным явным проявлением ее способностей к чародейству в целом оказалась способность охлаждать (так сказать) пыл всевозможных вспышек детской магии, да и в той не наблюдалось ни умысла, ни искусности. Катриона делала это машинально, так же как подхватывала кувшин молока, прежде чем его перевернет Роза или превратит в осиное гнездо постоялец. Первые годы ученичества представлялись ей безнадежным упражнением в жонглировании, и в отчаянии ей казалось, будто обращение с Розой, по сути, отличается от обращения с магией только тем, что в действиях Розы нет злого умысла.

Роза ненавидела свои вьющиеся белокурые волосы. Когда она достаточно подросла, чтобы поддерживать самую простую беседу, склонные квохтать и сюсюкать взрослые зачастую нежно ерошили ее мягкие локоны и рассказывали ей, какая она хорошенькая девчушка. Таких взрослых она меряла пристальным взглядом и отвечала: «Я не хорошенькая. Я умная. И смелая». Взрослые обычно этому умилялись, что лишь сердило ее – возможно, отчасти потому, что она

говорила чистую правду, хотя трудно определить границу между «смелым» и «безрассудным» для ребенка трех-четырёх лет. (По счастью, ее вера во взрослых, помимо Тетушки и Катрионы, основывалась на таких людях, как Бардер. Тот завел обычай подхватывать ее на руки со словами: «Ну и крепкая же ты девица. Собираешься стать кузнецом, как Нарл, или колесным мастером, как я?» – и подбрасывать в воздух. Она с самого начала обожала Бардера и великодушно прощала ему то, что с течением лет он подбрасывал ее все ниже и ниже.) Но если не считать волос, хорошенькой она не была (все эти феи-крестные, подарившие ей губы как вишни, зубы как жемчуг и кожу как шелк, напрочь забыли сделать ее хорошенькой, думала Катриона), зато была умной.

Ей, например, хватило ума сообразить, что драгоценные Тетушкины ножницы (единственные во всей деревне) режут куда лучше, чем нож, хотя ей не разрешалось брать в руки ни то ни другое. Тем не менее однажды она пришла домой к чаю с волосами, стриженными по всей голове примерно на пол-ладони от кожи. Они стояли торчком, словно венчик потрепанного подсолнуха. Пока Тетушка с Катрионой пытались опомниться от потрясения, Роза аккуратно убрала ножницы на место. Ее уверенная непринужденность со всей очевидностью свидетельствовала, что

она делала это и раньше.

Но шум, поднявшийся по этому поводу, не шел ни в какое сравнение со скандалом, который устроила Катриона, заметив, что Роза остригла еще и ресницы. Долгие переговоры, дошедшие в конце концов до таких крайних мер, как «если ты, конечно, еще захочешь когда-нибудь есть», в итоге привели к нехотя данному обещанию, что Роза оставит ресницы в покое, если Катриона будет коротко стричь ей волосы.

Короткая стрижка даже шла Розе. Ставшая еще более заметной широкая кость личика как будто отражала характер девочки (или предупреждала о нем). А без отвлекающих кудряшек Катриона начала чаще замечать мелькающие на этом искреннем личике выражения... Когда она вполглаза наблюдала за Розой, ее внимание зачастую привлекал поворот головы девочки, взгляд, вздернутый подбородок, подчеркнутый, возможно, взмахом руки, движением плеча, игривым прыжком. Движения малышки отчетливо напоминали Катрине повадки лисы, барсука, лесной кошки, лани... И не просто каких-нибудь лисы, барсука, лесной кошки или лани. У Розы бывал веселый, лукавый и проницательный вид, свойственный одной особенно доброй и умной козе, которую они когда-то встретили на своем пути, и искренний, пылкий взгляд овчарки. Даже ее забавная способность подражать Те-

тушкиным малиновкам – даже сами малиновки заливались добродушным птичьим смехом над близостью ее промахов к цели – начинала выглядеть несколько зловеще. Катриона гадала, что же успела впитать с молоком их принцесса.

Она отказывалась думать о том, что выпалила над колыбелью в разгар сорванных именин: «...можешь забрать мой дар, это всего лишь детская магия, надолго его не хватит, и он все равно не слишком-то полезен, я умею разговаривать с животными...» Она лепетала это только для того, чтобы что-то сказать, чтобы прогнать отзвук слов, произнесенных Перницией. То, что она наболтала, ничего не значило и не в большей степени, чем любые ее или чьи-то еще слова, могло снять проклятие Перниции.

Как-то вечером она тихонько заговорила о молоке с Тетушкой, пока та пряла. Тетушка некоторое время разглядывала Рози, в то время как ее пальцы и нога на педали прялки неуклонно продолжали трудиться. Рози пыталась скормить нежеланную кашу, полученную на ужин, своей любимой подставке для дров с левой стороны от очага. Сама Катриона не видела между ними разницы, но, зная Нарла, выковавшего пару, допускала, что она есть. Обе подставки были увенчаны мордами гончих, чьи длинные уши летели вдоль шеи, как от порыва ветра, а пасти были нетерпеливо

распахнуты. Роза шептала что-то своему приятелю – единственному, что удавалось ясно разобрать, была часто повторяющаяся фраза: «Тебе это полезно». Наблюдая, Катриона в пляшущих отсветах пламени яснее обычного разглядела на личике Розы собачье выражение – и той овчарки, и других, и сухопарой, настойчивой, серьезной гончей вроде той, какую явно имел в виду Нарл, когда делал подставки для дров, и крупной, медлительной, задумчивой собаки в густой шубе, похожей на небольшого медведя.

– Я этого не вижу, – призналась Тетушка, когда Роза уложили спать, – что не означает, будто этого нет вовсе. Не знаю, милая. Она счастлива, она здорова, она растет, определенно растет, и мы ее любим.

Катриона уловила легкую дрожь в тетином голосе на словах «мы ее любим», поскольку это было правдой, а Роза оставалась принцессой.

«Паучок, упав на парчовый рукав...» – вспомнила Катриона.

«И только этот стишок я могу подарить ей, моей милой, единственной малышке!»

Когда же она пришлет весточку?

– Этого должно быть достаточно, – заключила Тетушка.

И в основном этого было достаточно, если не считать снов, где разнообразные, пугающе величествен-

ные или зловещие типы объявлялись у них на пороге, повторяя стишок, и требовали возвращения принцессы. Катриона радовалась тому, что Роза с таким пылом окунулась в деревенскую жизнь. Ей казалось, так девочка будет в большей степени походить на местных детей. Но что Катриона знала о принцессах? Возможно, они все точь-в-точь походят на обычных жительниц деревень, разве что являются принцессами.

В тот год Роза исполнилось четыре. Спустя несколько недель после того, как она обрезала себе волосы, произошло кое-что более тревожное.

Глава 7

После роковых именин принцессы, случившихся четыре года назад, во дворце поднялась изрядная суматоха, и невестка двоюродного брата жены Тетушкиного друга-малиновки обнаружила, что уже не живет под окнами королевы. А затем, поскольку королевских покоев там больше не было, малиновка пришла к выводу, что сад, прежде бывший ее владением и отрадой, изменился, с птичьей точки зрения, к худшему, и вместе с семьей перебралась в другое место.

Они действительно покинули территорию дворца. Вокруг королевской резиденции теперь висела свежая густая печаль, в этой стране похожая на мел, и воздух казался от нее пыльно-серым, и птицы предпочитали вить гнезда в других местах. Впервые на памяти Катрионы им с Тетушкой пришлось полагаться на новости о королевской семье, добирающиеся до трактира Кернгорм.

Там, спустя месяц или два после визита второго герольда, они услышали, что сразу же после кошмарных именин королева с принцессой были тайно перевезены из столичного дворца в крепость под названием Фордингбридж в западных горах и что с ними отправились три четверти придворных магов и два луч-

ших полка армии. Все считали добрым знаком, что король с королевой достаточно уверены в принятых ими ради защиты дочери мерах, чтобы сообщить народу, где ее укрыли. Король оставался в столице, откуда ему было удобнее править страной, но часто навещал семью. Порой королева ненадолго возвращалась в город вместе с ним; ее скорбь и достоинство принесли ей больше народной любви, чем терпеливое выслушивание нудных речей, и подданные мужа просили о встречах с ней. Было известно, что здоровье ее пошатнулось, но все, кроме Катрионы и Тетушки, верили, что она сама заботится о маленькой дочери.

Хотя в Тетушкиных личных источниках информации случился перебой, животное царство живо интересовалось тем, что происходило в королевской семье. Некоторые малиновки, воробьи, скворцы, кролики, мыши, жуки и многие другие малозаметные существа лично наблюдали за явлением Перниции на именинах принцессы, и им необязательно было понимать человеческий язык, чтобы с первого взгляда узнать очень плохие новости для всех и каждого. Лис, которого первым встретила Катриона, сам пришел к собственным выводам, но большинство других животных, выручавших их с принцессой в долгом путешествии, прекрасно знали, кому именно и зачем помо-

гают, даже если не слышали человеческой истории о старинной вражде между Перницией и древней королевой. Животные от природы хороши в обращении с тайнами (одно из качеств, которого лишились люди, став людьми, как и хорошего нюха). Позже лис устыдился собственного промаха (насколько лисам вообще ведом стыд), когда услышал всю историю целиком. Он понял, что ему стоило промолчать.

Бегство принцессы через всю страну было надежно скрыто в умах и памяти животных еще до того, как Катриона, мокрая и чихающая, появилась на тетинном пороге с младенцем в перевязи. Даже малиновки с героической, несвойственной малиновкам осмотрительностью воздерживались сообщать Тетушке, почему Катриона так задержалась в пути, хотя и уведомяли ее о загадочно медленном продвижении племянницы. По напряженной атмосфере подавленного возбуждения Тетушка без труда догадалась, что тут замешана какая-то важная тайна.

Склонность малиновок бесконечно обсуждать нарушения границ их владений служит главным образом поводом для обмена новостями и сплетнями. Линия связи, утраченная малиновками, которые перебрались из дворцового сада, быстро восстановилась. Вскоре после того, как Роза научилась ходить, одна из малиновок Тетушки, слишком юная, чтобы помнить

о едва удавшемся побеге принцессы, простодушно принесла известие от троюродного деда, что в крепости, где теперь живет принцесса, царит какая-то странная атмосфера. Когда король с королевой возвращаются туда после некоторого отсутствия, они въезжают в ворота крепости так же понуро, как и выезжали, и даже мысль о скорой встрече с дочерью их не воодушевляет.

Катрионе было так больно думать о королеве, что девушка начала мысленно беседовать с ней. Король, по крайней мере, был занят управлением страной, а королева оставалась просто его супругой, чужестранкой на землях мужа, приехавшей, чтобы выйти за него замуж, и вынашивать и растить его детей.

Поначалу ее мысленные отговорки для королевы были всего лишь способом избавиться от неуютных ощущений. Она выпаливала их тем же резким, не терпящим возражений тоном, каким твердят заклинание для капризной речной нимфы, перед тем как пересечь поток, где она, как известно, обитает. Произнесли — и идете дальше. Но надолго этого средства не хватало, Роза росла, и того, о чем можно было рассказать, становилось все больше. Катриона начала выстраивать целые истории о малышке, о том, какая она смышленная, очаровательная, милая и как порой способна довести кого угодно до белого каления. Ис-

тории, позволявшие материнской любви куда-то направиться, где-то поселиться, чем-то заняться, забыв на время о бесконечной скорби...

Катриона привыкла заниматься этим по ночам, в постели, пока сон подкрадывался к ней; она успокаивалась, представляя себе, как утешает королеву. За годы она выстроила в воображении образ королевы, которую немножко помнила по роковым именам, хотя и не подходила достаточно близко, чтобы разглядеть, что глаза у нее совсем как у Розы (пусть и не с такими длинными ресницами), на носу заметна крошечная горбинка, а снизу на левой щеке виднеется небольшая родинка. Такой она видела королеву теперь.

Она придумала для нее спальню, потому что представляла королеву спящей, как и она сама, и сонные слова Катрионы проскальзывали ей в сознание в смутном промежутке между бодрствованием и дремотой. Комната была не слишком просторной, но светлой, с высоким потолком, с большими окнами, пропускающими много солнца днем, когда шторы раздвинуты. Даже поздно ночью в нишах между окнами горели несколько тусклых ламп, озаряющих беленые стены и белые драпировки вокруг королевской кровати. В спальне никогда не бывало полной темноты — Катриона так и не решила, настояла ли на этом са-

ма королева или те, кто ее охранял. Для королевы комнатка была удивительно тесной и голой, но Катриона подозревала, что это связано с ее собственной неспособностью вообразить обстановку королевской спальни. Порой это оказывалось другое помещение, такое же тесное и голое, с такими же белеными стенами и лампами в нишах, но с узкими и высокими окнами, забранными решеткой, как будто королева находилась в некой твердыне, делая вид, что составляет компанию дочери.

Катриона поуютнее устроилась в собственной постели и, опустив веки, наблюдала за королевой: голова на подушке, длинные волосы заплетены в косу, ворот ночной рубашки простой и белый, как и драпировки у кровати.

«Сегодня Роза наблюдала за стрекозами, — сообщила Катриона королеве. — Ей понравилось, какие они яркие, как стремительно мечутся и умеют замирать в воздухе, словно смотрят на тебя в ответ. Я была рада возможности просто стоять рядом с ней и любоваться стрекозами, как будто я тоже еще ребенок».

Королева улыбалась рассказу о Розе и стрекозах, но, едва Катриона произнесла: «Я была рада возможности просто стоять рядом с ней», лицо ее сморщилось и из-под сомкнутых век проступили слезы.

— Ох, королева, — расстроено пробормотала Ка-

триона и мысленно потянулась смахнуть ее слезы.

И тут королева открыла глаза, села на постели и поймала Катриону за руку.

Катриона ощутила хватку королевы, ее силу, ее вещественность: ее собственные пальцы чуть вдавились друг в друга, пальцы королевы лежали на тыльной стороне ее кисти, а большой пересекал ладонь.

Девушка придушенно взвизгнула. Ей хотелось сказать что-нибудь вроде: «О, помогите, что же я наделала?» – но голос не слушался. Королева схватила ее вторую руку и подалась вперед, заглядывая ей в лицо.

– Я вас знаю, – прошептала она. – С тех пор как потеряла дочь, я много раз видела вас по ночам, и вы рассказывали мне о ней. Сигил сообщила мне, что отослала мою девочку во имя ее спасения. Я помню лицо Перниции и понимаю, что Сигил поступила правильно, но... Я так скучаю по своему ребенку! Мне кажется, тоска по ней так сильна, что я могла невольно поставить ее жизнь под угрозу. Я думала... боялась... верила, что вы мне просто снитесь, ведь иначе и быть не может: если бы вы не пришли, моя тоска создала бы вас. Скажите мне, что вы действительно существуете. Я не решаюсь спрашивать ни о том, как вас зовут, ни о том, где вы живете, ни о том, как вы попали сюда. Но скажите мне, пока я вижу вас наяву и чувствую под пальцами, как стучит ваша кровь, что

вы есть, что моя дочь у вас, что истории, которые вы рассказывали мне о ней, правдивы. Из них я знаю, что вы любите ее и что именно из любви к ней сжалились и пришли ко мне. Говорите! Вы должны говорить! Но не повышайте голоса: мои фрейлины всегда поблизости, ведь, с тех пор как потеряла дочь, я плохо сплю по ночам. Скажите мне что-нибудь, чтобы я запомнила, – тогда не напрасно будет то, что я потеряю и вас тоже, поскольку после этого вы не сможете больше приходить.

Катриона прилагала немалые усилия: как бы ни вышло, что сейчас она сидела на кровати королевы, одновременно она лежала в собственной постели, за много лиг оттуда. Ее сердце колотилось слишком часто, и дышать было трудно, как если бы тело вдруг оказалось слишком большим для сердца и легких, а от ощущения постельного покрывала, давящего снизу на ноги, ее заметно мутило.

– Я... – заговорила она так, словно каждое слово приходилось заново создавать из хаоса. – Я забрала ее с собой, вашу дочь, в день ее именин. Это была я. Я действительно существую. Я взяла ее домой. Она по-прежнему у меня, у нас с тетей. Мы ее любим. Рассказы, которые вы слышали от меня за эти четыре года, правдивы все до единого. Ей с нами настолько безопасно, насколько... насколько это позволяет ее

внешняя обыкновенность. Мы ее не оставим...

Королева и ее спальня внезапно исчезли, и Катриона осталась сидеть, хватая ртом воздух, словно лесной дух, чье дерево только что срубили. Тетушка заключила ее в объятия.

– Я хочу, чтобы ты полностью проснулась и лишь потом снова попыталась заснуть, – сообщила тетя, когда дыхание Катрионы выровнялось. – Спускайся вниз. Я разведу огонь и заварю тебе травяной чай.

Катриона спустилась, дрожа от потрясения, голова у нее все еще гудела, а в груди ныло, как будто ей пришлось слишком долго задерживать дыхание. Она села на свой обычный стул, откинув голову, и взгляд ее притянула ниша, где стоял маленький железный котел. В полумраке казалось, что от него исходит красноватое свечение, хотя, возможно, это были всего лишь отблески огня, который ее тетя раздула в очаге. Катриона опустила взгляд, наблюдая за тем, как хлопчет Тетушка: выбирает несколько листочков из маленькой корзинки, капает из бутылочки, добавляет воды из большого чайника, всегда стоящего на огне. Выглядела она мрачной и измученной.

Наконец Тетушка протянула Катрионе чашку, и та мгновенно ее осушила, ошпарив рот. Зато в голове у нее несколько прояснилось.

– Прости, – проговорила она. – Я не знала...

Но потом она вспомнила о скорби королевы.

– Я не знала, – уточнила она. – Но не уверена, что сожалею.

Тетушка смотрела в разгорающееся пламя.

– Я понятия не имела, что твоя магия уже настолько сильна, – сообщила она. – Я знала – с тех пор как тебя привезли ко мне, совсем кроху, слишком маленькую для своего возраста и совершенно измученную тем, что в тебе крылось. Именно поэтому я отбила тебя у прочих родственников, которые хотели тебя забрать, после того... после того как закончились припадки. Я знала: то, что в тебе кроется, непременно проявится, будь то к добру или к худу, и хотела, чтобы оно проявилось к добру. – Она слегка улыбнулась и добавила: – Возможно, я все равно поборолась бы, потому что любила тебя, но тогда я опасалась бы, что поступаю так из чистого себялюбия.

Глаза Катрионы наполнились слезами.

– Тетушка... Моя магия вовсе не просыпается. Я хотела, чтобы ты оказалась права, хотела стать феей, как ты... Как же я этого хотела!..

Слез стало слишком много, и они хлынули по щекам Катрионы.

– Но ты впустую тратишь время, пытаюсь меня обучить, и тебе стоило бы взять настоящую ученицу... Не потому, что она приходится тебе племянницей,

как я. Магия... Я чувствую ее иногда. Но она просто просачивается сквозь меня, не задерживаясь. Ты же знаешь, я даже не могу разговаривать с животными, как раньше. Возможно, я и впрямь каким-то образом отдала эту способность в тот жуткий день именин. Хорошо, что она продержалась достаточно долго и позволила нам вернуться домой. Теперь она почти исчезла, если не считать кошек и лисы – всего пару раз. Я думала, может, меня найдет фамильяр...² или получится как у тебя с малиновками... но никто так и не пришел, и разве это не означает... в остальном это просто огромная темная пустота с несколькими клочками, которые мне удастся использовать, когда я их нахожу. Ты по-прежнему учишь меня самым простым вещам и еще не знаешь, что дальше я пойти не смогу. А мне не хватало духу тебе сказать.

– Милая, это мне следует извиниться. Я-то все гадала, чем занимается твоя магия, потому что чувствовала ее присутствие, но знала также, что она почему-то тебе недоступна. Все, что я смогла придумать, – это оставить тебя в покое еще на некоторое время, не давить на тебя, как не стоит требовать слишком много работы от ребенка, переросшего собственную силу. Я понятия не имела... Моя вина. Мне стоило

² *Фамильяр* – существо – спутник волшебника, связанное с ним узами магии.

быть повнимательнее. Кэт, я учу тебя не только простым вещам. То, что ты сейчас описываешь, случается со всеми: магия проскальзывает сквозь тебя и исчезает, а позже возвращается в каком-то ином виде. И мне жаль тебе это говорить, но там, где обитает твоя магия, всегда будет огромное темное пространство с ключьями, которые тебе придется ловить наугад. Ты должна научиться чувствовать их в темноте. Что до твоего звериного языка, я всегда подозревала в нем некий род детской магии. Не всякая детская магия непредсказуема и длится всего лишь пару месяцев или лет. Последовательность и долговременность твоей – я не рассказывала тебе о собственной детской магии? – еще раз подтвердили, что я права на твой счет. Но ты волей-неволей повзрослела, когда проломилась сквозь барьер, чтобы спасти принцессу, и твоя детская магия тебя покинула. То, что у тебя до сих пор нет фамильяра, ничего не значит. Крестанова, одна из величайших фей, которых знала эта страна, нашла своего только в сорок пять лет. Сегодня ты сотворила потрясающую магию. Неудивительно, что нам тут оставалось так мало того, с чем можно было работать. Ведь это же был не первый раз, когда ты разговаривала с королевой, так?

Катриона расстроено покачала головой.

– Почти с самого начала – чем дальше, тем чаще.

Но мне казалось, что я это просто выдумываю. Я считала это просто фантазией...

– Побуждения у тебя были самыми лучшими, – заметила Тетушка, – а там, где замешана магия, благонамеренные ошибки чуть реже оборачиваются дурными последствиями. Ты называла ей свое имя?

– Нет. Она запретила мне его говорить и рассказывать, откуда я, а еще сказала, что мне нельзя больше приходить.

Только теперь Тетушка слегка расслабилась.

– Мудро с ее стороны – мудрее, чем можно было бы ожидать от матери, разговаривающей с незнакомкой, у которой находится ее ребенок. Ты упоминала, что Роза живет с двумя феями?

– Нет. Но она обязательно поймет, что тут не обошлось без магии. Разве нет?

– Нам следует тревожиться не о королеве, а о Перниции. Но Перниция может недооценивать королеву и, если вдруг узнает о магии, которая сегодня побывала на королевской постели, возможно, предположит, что виной тому какая-нибудь иллюзия, сотворенная придворным волшебником ей в утешение. В конце концов, у нее нет ни имени, ни дома. На это мы и будем надеяться.

Они не знали, что именно Перниция выяснила

или угадала насчет той ночи, но всего шесть недель спустя Туманной Глуши достигла весть, что некто или нечто проникло в глубину западных гор и, хотя принцессу успешно защитили и невредимой увезли прочь, Фордингбридж больше не считается надежным местом.

– И на этот раз нам уже не говорят, где ее прячут, – добавил Шон, возчик из Туранги, ближайшего города за пределами Двуколки. – Сейчас они оборудуют и укрепляют несколько крепостей и будут защищать их все. Возможно, ее спрячут в одной из них или будут тайно возить из одной в другую. А может, у них есть еще крепости, о которых никто не знает, и ее укроют там. Они вербуют новых солдат, и несколько виднейших академиков оставили Академию ради службы королю. Все считают, что оно того стоит – делить вот так силы и мозги.

Ведь люди помнили, что первую крепость защищали два лучших полка армии и большинство придворных магов, но этого оказалось недостаточно.

Среди слушателей поднялся заинтересованный шепот. Появление Шона в деревне всегда притягивало к трактиру хоть нескольких обитателей деревни, надеющихся услышать новости, но яснее других Катриона расслышала голос Кернгорм.

– Теперь она в безопасности, – повторила трактир-

щица, верная подданная их величеств и мать двух дочерей. – Теперь она в безопасности.

– Да, – уверенно подтвердил Шон. – Волшебники увидели, что вот-вот произойдет, и солдаты увезли ее. Она в порядке.

Это он произнес поверх головы Розы, которая целеустремленно пробиралась между ножками мебели и ногами людей к крупному рыжему коту трактирщицы, Корсо. Тот, бдительно наблюдая за девочкой полуприкрытыми глазами, позволил ей приблизиться. Катриона зашла сюда за местным превосходным сидром. Флора нацедила для нее питье, и теперь, стараясь не цепляться за кувшин так, будто это ребенок, которому грозит похищение, Катриона оставила Розу минутку на обмен приветствиями. Ей казалось, что сейчас даже произнесенное вслух имя Розы привлечет к ней излишнее внимание. (Розы присела на корточки, упершись подбородком в колени, и вежливо, искоса, уставилась на кошачью морду. Корсо повернул голову так, чтобы ей стало проще, но не слишком просто. Катриона и прежде замечала, что, в отличие от большинства маленьких детей, Розы не пытается опрометчиво погладить животное, когда то ничем не выказывает такого желания. Катрионе казалось забавным, что о зверином этикете Розы явно имеет лучшее представление, чем о человеческом.)

Флора, принявшая молчание Катрионы за вежливость, рассмеялась, когда ее подруга бочком выбралась за дверь с кувшином в одной руке и маленькой липкой ладошкой в другой.

– Ты ведешь себя так, будто им можно помешать, – заметила она. – Ты можешь лупить их палкой по голове и орать: «Пожар!» – а они и в ус не подуют. Это же новости, Кэт. Разве ты не понимаешь про новости?

– Я просто расстраиваюсь из-за короля с королевой, – пробормотала Катриона. – Все время думаю: что, если бы это был мой... Раньше мне иногда даже снилась королева.

Флора посерьезнела:

– Да, ты права. Но принцесса жива и в безопасности, Кэт, с ней все хорошо. Помни об этом. Королева, должно быть, сейчас радуется, что все обошлось благополучно, и поит девочку замечательным вечерним чаем, как поила ее каждый день, с тех пор как они скрылись. А на столе столько кексов с вареньем, сколько в нее влезет, и три вида тортов.

– Да, возможно, – согласилась Катриона.

Дротик, возвращаясь после уличных собачьих дел, задержался рядом с ними и соизволил склонить голову, чтобы его поцеловали в нос: Роза едва хватало роста.

– Торт? – заинтересованно спросила она, все еще

цепляясь свободной рукой за ухо Дротики.

– Мы как раз идем домой пить чай, – сообщила ей Катриона.

– Мы будем есть торт, – заявила Роза. – Как принцесса.

– Вот и правильно, – откликнулась Флора.

После того как они вышли из трактира, Роза, чувствуя настроение Катрионы (и в предвкушении торта), позволила держать себя за руку целых три минуты. Как только они свернули с короткой главной улицы, Катриона отпустила ее, и девочка умчалась поговорить с небольшим стадом деревенских овец, забредших на этот край общинного выгона. Катриона заметила маленького мальчика с палкой, который, как она заподозрила, крепко спал, но овчарка при нем бодрствовала и была настороже. Несколько овец на время перестали щипать траву, чтобы нежно пободать Розу. Так же нежно девочка погладила некоторые морды и почесала некоторые спины (ее маленькая ручка почти до плеча погружалась в шерсть, которой скоро предстояла стрижка), как будто знала, кто из овец что предпочитает. Ни одна из овец не заблеяла, не затопала и не пустила возмущенную струю, как они делают, желая прогнать незваного гостя.

– Идем же! – окликнула ее Катриона, когда Роза перездоровалась со всеми овцами в окружившем ее ма-

леньком стаде. – Разве ты не хочешь чаю?

– Торта! – счастливо отозвалась Роза и подбежала к ней. – Не хмурься, – добавила она, подняв взгляд. – Мы можем устроить пикник и притвориться, что мы король с королевой и принцесса. Ты можешь быть принцессой. Я буду королем.

«Ей с нами настолько безопасно, насколько это позволяет обыкновенность».

Что за жалкая защита!

Глава 8

Катриона с самого начала беспокоилась, что какой-нибудь из волшебных подарков на именины, который она прослушала, окажется слишком заметным и однажды выдаст Рози, чем все и закончится. И тем вечером, после того как Рози заснула (наевшись имбирных пряников, которые она приняла как достойную замену тарту), она поделилась своими опасениями с Тетушкой.

Та ответила так быстро, что Катриона поняла: она и сама об этом задумывалась.

– Маловероятно, что какие-то пожелания, которых ты не услышала, существенно отличаются от остальных. И мне кажется, тебе стоит больше верить в нашу Рози. Посмотри, сколько подарков она уже искадила, просто будучи собой. Поскольку она, похоже, не способна петь в тон, безусловная нежность ее певческого голоса в расчет не идет. Рев, заменяющий ей смех, возможно, и напоминает колокольчик – если можно найти такой колокольчик, который подойдет для сравнения. И кто знает, из чего он окажется сделан. Большинство деревенских детей еще моложе ее уже учатся праздничным хороводам. Тебе известно, что думает о танцах Рози.

(«Глупости», – думала Роза и, если не связать ее заранее надежными обещаниями, исчезала в тених на краю праздничного костра, подыскивая себе лучшее занятие.)

– Уверена, точно так же она относится к игре на флейте. Мы можем не учить ее вышивать или... или прясть, что ее только обрадует. Вместо этого через пару лет попросим Бардера научить ее резьбе по дереву. Золотистых локонов нет и в помине, хотя, соглашусь, ресницы выглядят слегка подозрительно. Пока что только удивительная кожа выдает с головой ее настроение – что, признай, довольно-таки удобно, хотя ей это будет изрядно досаждать, когда она подрастет. И с таким цветом лица, думаю, ее губы в любом случае были бы яркими. А зубы, на мой взгляд, довольно привлекательны.

Тетушка была права во всем, кроме разве что зубов, которые чуть заметно светились в темноте. Но к тому времени, как Роза обзаведется мужем, – а кто еще может это заметить? – она, вполне вероятно, уже снова станет принцессой и про зубы можно будет объяснить.

У Тетушкиных малиновок была, разумеется, собственная версия насчет событий в Фордингбридже и собственные догадки о том, что их вызвало. (Большинство фей Двуколки, были у них собственные фа-

миллиарды или нет, справлялись у Тетушки, что рассказали ей малиновки. Тетушка утверждала, что ее малиновки просто выражаются понятнее, чем большинство других животных, но Катриона подозревала, что это Тетушка была лучшим переводчиком.) Каждое животное, общающееся с феей, сразу же доставило бы ей любые очевидные новости о принцессе, все еще живущей с королем и королевой, и всякая звериная новость об этой принцессе передавалась дальше, пока не добиралась до животного с феей в собеседниках. Отчасти тайна местонахождения принцессы (среди тех, кто знал, и тех, кто подозревал, что, помимо крепостей, магов и полков, происходит что-то еще) опиралась на то, что веру в историю о той, другой принцессе следовало поддерживать. Более того, где бы ни скрывалась принцесса, Перниция была бедствием, принадлежащим человеческому миру, и предполагалось, что именно люди с ней и разберутся.

Но никаких новостей о Перниции не появлялось. Ее имя не упоминалось с определенностью даже в рассказе о проникновении в Фордингбридж – только жуткое, мутное, расплывчатое ощущение дурной магии. Многие птицы, находившиеся близ Фордингбриджа, когда произошло это происшествие (чем бы оно ни было), начали несвоевременно линять. (Рыба

Нурле сообщала, что вода близ Фордингбриджа стала мерзкой на вкус и все подводные жители покинули эту местность. Рыба Нурле была самым ревностно хранимым секретом Туманной Глуши, хотя, строго говоря, законы, запрещающие взаимодействие с рыбой, не упоминали отдельно о дружеских отношениях.) Чему же научилась Перниция за время добровольного изгнания, если теперь могла так надежно прятаться, когда вся страна взбаламучена и разыскивает ее?

С самого начала Тетушка и Катриона отмечали день рождения Розы на следующий день после дня рождения принцессы. Придумала это Катриона, заявившая, что это будет еще одной подробностью, делающей Розу обыкновенной девочкой, а не принцессой. Но и Катриона, и Тетушка знали, что празднуют очередной благополучно пережитый день рождения принцессы. Хотя Тетушка не преминула пояснить для племянницы и ученицы, что добавленная Перницией в последнюю минуту злобная оговорка, будто заклятие может убить принцессу в любое удобное Перниции время, почти наверняка не была правдой.

– Почти? – переспросила Катриона.

Но Тетушка пропустила ее вопрос мимо ушей, продолжая рассуждать сухим учительским тоном, как будто то, о чем она говорила, было явлением того же порядка, что и состав болеутоляющего сред-

ства.

– Она должна была приурочить это ко дню рождения, потому что в свой день рождения человек наиболее восприимчив к магии, доброй или злой. Именины тоже неплохо подходят, но день рождения лучше всего. И если она сказала, что отложила это до двадцатиоднолетия принцессы, то почти наверняка так и сделала...

– Почти... – пробормотала Катриона.

– Тем более что она, очевидно, подстроила все так, чтобы проклятие каким-то образом связалось с уже врученными именинными подарками, а это достаточное осложнение, чтобы с ним пришлось разбираться по ходу. Однако то, что она произнесла это вслух, к тому же при слушателях, помогло чарам воплотиться. Магия любит, когда о ней объявляют. И конечно, это придает ей дополнительную силу...

Во второй половине того года, когда Катриона каким-то образом очутилась на постели королевы, чтобы рассказать про ее ребенка, королева появлялась на людях еще реже, чем в первое время после пропажи дочери. Молва утверждала, будто виной тому потрясение из-за того, что Фордингбридж оказался уязвимым. Ведь, возможно, даже лучшей крепости короля и лучших его войск и магов (и фей, хотя защита

не считалась сильной стороной их волшебства) окажется недостаточно, чтобы уберечь принцессу от Перниции. Может быть, им просто повезло, что на этот раз ее удалось благополучно увезти.

Но спустя десять месяцев и восемнадцать дней после той ночи, когда Катриона сидела на постели королевы, королевский герольд на усталой лошади въехал в Туманную Глушь и объявил, что пять недель назад у королевы родились сыновья-близнецы.

— Это входит у нее в привычку — не предупреждать о таком заранее, а? — заметил Грей.

— А ты можешь ее в этом винить? — тут же срезала его Кернгорм. — Она пятнадцать лет дожидалась первенца, и что из этого вышло?

— Да, но то был первенец, и к тому же девочка, — уточнил бармен Бол.

— Бьюсь об заклад, они проведут закрытые именины и никто не узнает о них, пока все не будет закончено, — оживился Гаш, но никто не принял пари.

Гаш оказался прав. Четыре месяца спустя Шон привез новость о том, что маленьких принцев назвали Колином и Терберусом. А на закрытые именины позвали так мало гостей, что епископ даже оскорбился.

Маленьким принцам фей в крестные не приглашали.

В тот год, когда Роза исполнилось восемь, а ее братьям три, у королевы родился третий сын. Малыша называли Осмер, и на этот раз на именины созвали достаточно гостей, чтобы епископ остался доволен. Коллин и Терберус присутствовали на празднике, и все говорили о том, какие прекрасные у принцев манеры, как они спокойны и сдержанны для своих трех с половиной лет.

Катриона глянула на Розу и покачала головой.

— Ты же... э-э... ничего не делаешь, правда? — спросила она у тети.

Она знала, что Тетушка спрятала чарами прибытие Розы так, чтобы все помнили, будто она ездила за Розой через неделю после того, как Катриона вернулась с именин принцессы. («Мне придется, — пояснила она. — Жаль, что без этого не обойтись. Я сделаю морок настолько слабым и сбивающим с толку, насколько это вообще возможно». Когда магия Катрионы укрепилась, она присмотрелась внимательнее и впечатлилась изобретательностью тетиного воображения. Морок, скрывший прибытие Розы, тесно переплетался с проходившим в Дымной Реке состязанием сказителей по выдумыванию историй. И то, что удавалось об этом вспомнить (весьма немного), казалось всего лишь одной из баек, примерно такой же правдоподобной, как и все остальные, где го-

ворилось в том числе об огромных серебряных повозках с длинными жесткими крыльями, летающих по воздуху, словно птицы, о немагических устройствах для разговоров на дальние расстояния и о семействе огненных змеев, попросивших короля о вечном мире и готовых поселиться в дворцовых подвалах и заменить собой центральное отопление. В истории не упоминалось, что при этом случилось со всеми лесорубами, угольщиками и истопниками, оставшимися без работы.)

Тетушка покачала головой:

– Нет. Э-э-э... сильный характер Розы не имеет ко мне никакого отношения. Впрочем, это любопытно. Я не ожидала такого от этой семьи. Мне казалось, их воспитывают так, чтобы добиться не только отсутствия магии, но и покладистости.

Они трудились в огороде, занимаясь рассадой. Предсказатель погоды уверенно обещал, что поздних заморозков этой весной не будет. Домик, в котором они жили, стоял в четверти часа быстрой ходьбы от деревни, на собственной тропинке, как раз перед развилкой, с которой правая дорога уходила к огромному жутковатому дому лорда Прендергаста, Вудволду, а левая – к Дымной Реке. К нему прилагался собственный огород, что было удобнее, чем права на клочок общинной земли позади деревенских домов, при-

строек и сараев. Давным-давно Тетушка оказала лорду Прендергасту некую особенную услугу, и наградой ей стала постоянная аренда этого домика, до тех пор пока он ей нужен.

Возможно, награда оказалась именно такой, поскольку лорд Прендергаст, будучи внимательным сеньором, понимал, что люди обычно предпочитают, чтобы могущественные феи селились в некотором отдалении от них. Соседи профессиональных фей почти всегда страдали от сурового засилья пыли, а их лозы джа — если, конечно, они выращивали лозы джа — разрастались за год примерно на лигу во всех направлениях и требовали жестокой и частой подрезки. У хорошо разросшихся лоз джа пробивались шипы, рядом с которыми колючки шиповника выглядели так, будто они даже не стараются вырасти. Жилища фей также привлекали странную погоду: краткие порывы ураганного ветра, пылевые бури, туманы необычных цветов — и небольшие нашествия зачарованных или отчасти зачарованных существ, которых притягивала магия, пульсирующая под их шкурами. Вели себя эти создания порой так, что приводили в замешательство обычных людей, которые к тому же не могли снять с них чары или прогнать прочь. Фея же, разумеется, могла и делала это ради поддержания дружеских отношений, но соседям порой могло

показаться, что действует она недостаточно быстро.

– Невозможно... э-э-э... Что ты имеешь в виду, говоря про покладистость? – уточнила Катриона, перед внутренним взором которой внезапно вспыхнуло видение советников, согнувшихся над пергаментами с генеалогическими древами, как это делал лорд Прендергаст, решая, какие кобылы достойны внимания его прославленных жеребцов. – Нельзя же... нельзя измерить покладистость, как...

– Рост, вес и магию? – закончила за нее Тетушка. – Верно. Но покажи мне где угодно сборище советников, которые, будь у них выбор, предпочтут для своего правящего монарха уверенную в себе супругу с сильной волей, а не мягкую и уступчивую. Интересно, не скрывается ли в нашей королеве больше, чем мы предполагали?

От мыслей о королеве Катриона всегда делалась раздражительной и несчастной. Она принялась с такой силой втыкать рассаду в грядку, что земля выступала гребнями вокруг каждого крошечного, едва ли не испуганного растения, и казалось, что между этими редутами только что произошли миниатюрные битвы.

– Двадцать одна! – внезапно взорвалась она. – Два десятка и еще одна из самых могущественных и значительных фей в стране! Они могли сделать ее неуязвимой к проклятиям! Они могли сделать ее неви-

димой для любого, кто желает ей зла! Они могли бы... Они могли... А вместо этого всучили ей золотистые волосы!

Тетушка не ответила. Они слышали, как Роза, немилосердно фальшивя, напевает себе под нос или, возможно, для Ромашки и Чертовки – их коров, пасущихся по другую сторону от домика. Чертовка раньше принадлежала Грею, но тот устал звать к себе на ферму Тетушку, а позднее Катриону, чтобы те заклинали ее быть хорошей коровой, давать молоко и не лягать доярок, крестьян, ведра и табуретки, расшвыривая их, словно чурки. Как-то раз Катриона взяла с собой Розу. Грей слишком долго изливал ей свои печали (возможно, потому, что Катриона выслушивала его причитания реже, чем Тетушка), и когда они наконец-то вышли на скотный двор, то обнаружили там шестилетнюю Розу. Та с силой тянула обеими руками за сосок вымени, заранее подведя Чертовку к подходящему ведру, такому большому, что ей не хватило бы сил сдвинуть его самой, и извлекала тонкую, но вполне достойную струйку молока.

Грей вышел из себя и попросил Катриону забрать эту скверную корову с собой. По счастью, в домике была маслобойня и кладовая – даже магии было бы непросто угнаться за Чертовкой, когда та бывала в подходящем настроении. (Грей достаточно смяг-

чился, чтобы случить ее со своим быком и забрать себе телят.) Звали ее по-прежнему Чертовкой, поскольку Розы, предполагая, что чертовка – это такой цветок, считала это хорошим именем.

Тетушка с Катрионой держали нескольких кур, но, помимо этого, единственным их ручным животным – если слова «их» и «ручным» применимы в его случае – был Флинкс, «не домашний» кот. Сейчас он представлял собой большую пеструю лужицу, растекшуюся на солнышке за несколько грядок от них. Поскольку давил он лишь кое-какую несущественную зелень, которая все равно вырастет снова, вмешиваться они не стали.

Кошки часто становились фамильярами чародеев, потому что тем, кто привык бороться со своевольной, капризной, коварной магией (а такова вся магия), приятно видеть все те же качества, заключенные в маленьком, пушистом, довольно симпатичном свертке, который изо дня в день выглядит примерно одинаково и может, будучи в хорошем настроении, устроиться у вас на коленях и помурлыкать. Магия никогда не сидит ни у кого на коленях и не мурлычет. Из всех зверей людям проще всего разговаривать с кошками, если это можно назвать разговором, и большинство фей способны поддержать беседу с котом. Но это всегда в той или иной степени игра в загадки, и если

вы слишком быстро находите ответ, кот попросту меняет ее правила. Катриона предполагала, что кошки – одни из немногих представителей животного царства, обладающих развитым художественным вкусом, и этот преувеличенный хаос представляет собой главный вид кошачьего искусства, но ей так и не удалось выманить ни у одного кота достаточно прямой ответ, чтобы в этом увериться. Именно такого впечатления кошки и хотели бы добиться от людей, особенно если оно не соответствовало истине.

За несколько месяцев до рождения принцессы, в слякотный зимний день, Катриона проснулась до зари от голоса котенка, извещающего мир, который он собирался вот-вот покинуть, о собственной близкой смерти, и выскочила за дверь, чтобы его спасти. Это и был Флинкс. Он так и не решил, как в итоге относиться к Катрионе: безоговорочно обожает или обижен на то, что она услышала, как он плачет, утратив последнее достоинство, да еще и вмешалась. Он никогда не отлучался далеко от нее, пока она оставалась возле дома или в деревне (и до глубины души оскорбился ее пятимесячным отсутствием шесть лет назад), но не был домашним котом и не собирался ввязываться во что-либо, способное нарушить распорядок его трапез. Сейчас его уха достигло слово «феи», и он приготовился изящно удалиться, если разговор

свернет на волшебные темы. Флинкс знал несколько человеческих слов, которые относились к наименее любимой им теме, но еще лучше представлял себе колющее, щетинистое, тревожащее мысли чувство, порождаемое этими самыми словами. Он никогда не понимал, зачем некоторые кошки снисходят до того, чтобы стать фамильярами.

Солнце было теплым, в воздухе сладко пахло весной (навозная куча располагалась с подветренной стороны от них, иначе, даже с приглушающей вонь магией, ее невозможно было бы не учуять), а Роза находилась в безопасности – еще на несколько минут, или недель, или лет. Катриона решила, что Тетушка собирается пропустить мимо ушей ее возмущение по поводу фей-крестных как не требующее ответа. Она часто так поступала с тирадами, касающимися Розы. Но тут Тетушка все же заговорила.

– Волшебные подарки – хитрая штука, – заметила она. – Ты остаешься связана с любым колдовством, которое совершаешь.

«Именно поэтому ни одна разумная особа не станет связываться со злыми чарами», – мысленно добавила Катриона, понимая, что они обе сейчас думают о Перниции.

– Более того, магии нужно что-то, за что она сможет держаться. А на членах королевской семьи ей

ухватиться почти не за что. Если нужно дать кому-то сильные чары, когда у него нет собственного волшебства, обычно используется какой-нибудь предмет. Если, скажем, ты хочешь, чтобы человек выиграл битву, можно дать ему зачарованный меч. – Тетушка помолчала и добавила, слегка скривившись: – Ну, возможно, ты наложишь заклятие на драгоценный камень у него в рукояти. Злые чары лучше ложатся на холодное железо, чем добрые, но даже и так...

Тетушка умолкла, и Катриона поняла, что они опять разом подумали о Перниции.

– Выбирая веретено, она просто... просто рисовалась, – произнесла Тетушка с какой-то принужденной решимостью.

Крайняя несовместимость магии и холодного железа означала, что в тех редких случаях, когда их все же успешно связывали, полученное оружие (поскольку никто не слышал, чтобы таким образом производилось что-то помимо оружия) оказывалось непостижимо мощным.

– Младенцы податливы, как глина, – продолжила Тетушка после еще одной, более долгой паузы, – и даже предвидение почти бесполезно, пока ребенку не исполнится хотя бы пара лет.

Катриона с усилием перевела собственные мысли с последствий того, что Перниция выбрала для сво-

его проклятия веретено, на вопрос подарков от фей-крестных.

— Никто не захочет... предлагать что-то, способное помешать ребенку вырасти тем, кем ему суждено стать. К тому же твоим двум десяткам крестных пришлось выдумывать подарки, зная, что тем же самым занимаются и двадцать других. Часть самых глупых пожеланий, можешь не сомневаться, была изобретена в последнюю минуту, когда то, что задумала бедная фея, успевал подарить первым кто-то другой. Было бы невежливым заранее спрашивать остальных, что они подарят принцессе, а исправления на скорую руку не бывают удовлетворительными. Возможно, поэтому часть пожеланий, похоже, исполнилась... гм... не вполне точно. Хотя произнесенные пожелания остаются в силе.

«Произнесенные пожелания остаются в силе», — мысленно повторила Катриона.

Она вспомнила, как фея королевы, Сигил, спросила: «Милая, ты вообще представляешь, что сделала?»

«Но это же была всего лишь детская магия», — мысленно взмолилась Катриона. Ей нечего было отдать, только облака и смятение. Сама малышка не обладала волшебством, а магии, как сказала Тетушка, нужно за что-то держаться. Роза просто любит животных.

Вот и все.

Магия делает каждого своего обладателя более заметным для всех остальных. Волшебное восприятие слегка отличается от обычных пяти чувств, которыми пользуется большинство людей, чтобы познавать окружающий мир. Магия вероятнее сообщит тому, кто к ней прислушивается, кем были его родители, чем какого цвета у него волосы.

Перница знает о королевской семье. Она не станет присматриваться ни к одному носителю волшебства.

– Прекрасная дева на берег пришла, – напевала Роза. – Корону свою она мне отдала...

Ее голос, одновременно нежный и фальшивый, странновато вплетался в тихий шелест ветра в деревьях, растущих за домом. Более резкие птичьи трели могли бы созвучно вторить ему, если бы Роза пела чисто. Катриона знала эту балладу: дева отдавала свою корону, собираясь утопиться, потому что отец принуждал ее выйти замуж за человека, которого она ненавидела. Дева была принцессой. Бардер, вероятно, умолчал о том, чем заканчивается песня, решила Катриона. Но она едва ли осмелится попросить его не учить Роза песням о принцессах, где все заканчивается плохо. Надо будет спеть ей «Студеной ночью вышел лис». И почему она не может напевать ка-

кую-нибудь бессмыслицу, как остальные дети?

Обычно, когда юные феи только начинали разговаривать полными предложениями, которые вытекали одно из другого понятным для взрослых образом, ими на несколько месяцев завладевала детская магия. И если невезучая неволшебная семья обнаруживала, что их малыш превращает кухонные горшки в слонов и делает так, чтобы во всем доме никогда не наступала пора ложиться спать, им приходилось обращаться к фее с просьбой принять необходимые меры, пока не закончится самое худшее. (Одной из многих странностей в этой ситуации было то, что, хотя взрослые практикующие феи почти все были женщинами, детская магия примерно поровну распределялась между мальчиками и девочками. Волшебники, которые сами почти никогда не страдали от детской магии, хотя их талант наследовался точно так же, как и талант фей, тщательнейшим образом исследовали этот феномен, но так и не пришли ни к каким полезным заключениям.) Порой оказывалось достаточно общего сдерживающего заклинания, но чаще всего трех-четырехлетним чародеям нужен был присмотр взрослой феи, чтобы они не причинили себе (или неволшебным членам семьи) существенного вреда. Люди со всей Двухолки обращались по этому поводу к Тетушке и Катри-

оне (такие просьбы доставляли им лишнее беспокойство: когда занимаешься маленькими детьми, приходится пренебрегать множеством других забот).

Но Тетушка никогда не уступала даже жесточайшим атакам детской магии, как порой случалось в других местах. Сплетники в трактирах по-прежнему рассказывали историю о Хэверал, отошедшей от дел лет за тридцать до рождения Розы: она однажды не уследила за юной феей по имени Гобар. Гобар превратила себя в огромного стремкопуса – похожее на дерево существо, которое ест людей, а Хэверал – в маленького пятнистого одноухого терьера. Узнали об этом люди, обнаружив, что стремкопус (который, к счастью, не выказывал желания кого-либо съесть) шагает через Дымную Реку на длинных корнеподобных ногах, взрыкивая весьма нехарактерным для стремкопусов образом, и помахивает руками-ветками (у большинства стремкопусов их было по меньшей мере шесть). Следом за ним, тяжело дыша, бежал маленький пятнистый одноухий терьер, который слишком запыхался от попыток удерживать темп, больше подходящий для восьмифутовых ног, чем для восьмидюймовых, чтобы произносить какие-либо ответные заклинания. Когда несуразная парочка скрылась на дороге, ведущей к Туманной Глуши и Вудволду, другая фея несколько раз моргнула.

- Это была Хэверал, – с удивлением сообщила она.
- Стремкопус?
- Нет, конечно. Терьер.

Дальнейшие события излагались в нескольких версиях. Достоверно одно: у Хэверал ушло несколько дней, если не неделя, на то, чтобы превратить Гобар обратно в маленькую девочку, и к этому времени они уже несколько раз прошли через все деревни в Двухолке.

Когда Роза начала связно разговаривать, все, кроме Тетушки и Катрионы, ожидали какой-нибудь впечатляющей выходки детской магии. Ничего не произошло. Деревенские поддразнивали на этот счет Катриону с Тетушкой, причем довольно-таки сердито: им казалось, что их лишили славного и законного развлечения. Хоть за ней и следили в оба две опытные феи, зная Розу, можно было не сомневаться, что, прежде чем ее усмирят, девчонка успеет отмочить какую-нибудь штуку. Делались ставки, и Роза уверенно выигрывала. Две феи улыбались любому, кто поднимал тему вероятного фейства Розы: Тетушка – безмятежно, а Катриона – тревожно, поскольку подозревала, что от Розы можно ожидать всего, даже магии, даже если девочка ее лишена.

Тетушка никогда охотно не рассказывала о своей семье, но дала понять, что ее сестра, приходящаяся

Рози матерью, сама не имела магии и вышла замуж за человека из совершенно неволшебной семьи, а потому нет никаких оснований для всеобщего интереса. (Тетушка была родом не из Двухолки. Рассказывали, что они с родителями страшно разругались, когда юная Софрония решила пойти в ученицы к профессиональной фее. От нее ожидали, что она удовлетворится чисткой чайников и будет вести обыкновенную жизнь. Никто точно не знал, правдива ли эта история. Впрочем, Катрионе было известно, что сама она перебралась к Тетушке, потому что потрясение, вызванное смертью родителей, породило у нее столь сильный приступ детской магии, что все местные феи, даже объединив усилия, не смогли с ней совладать и уведомили не слишком обрадованную их заключением семью, что наибольшего успеха добьется кто-либо, состоящий с ней в родстве.)

Во многих деревенских домах жили менее сильные феи, не занимающиеся чародейством профессионально. Они могли проследить за семейными сосудами для воды и легкими вспышками детской магии у маленьких фей, не превосходящих их силой. Но Туманная Глушь сочла несколько чрезмерным, что семья, из которой вышли Тетушка и Катриона, произвела на свет еще и маленькую хулиганку Рози, даже если та не оказалась тоже феей. Но Рози не проявляла

детской магии.

Ближе всего она к этому подошла, подружившись с Нарлом, деревенским кузнецом. Нарла признавали чудаковатым даже для кузнеца, а большинство кузнецов считались чудаками.

В стране, настолько наполненной магией, как эта, нужно быть особенно крепким орешком, чтобы податься в кузнечное ремесло. Феи, разумеется, могли жить и каждый день иметь дело с холодным железом, но ни одна фея не решилась бы стать кузнецом. (Считалось, будто столь многие феи, чистая чайники, обжигались о них именно потому, что чайники зачастую делались из железа, а от прикосновения к железу феи становились рассеянными.) Дело было не только в том, что даже капелька волшебной крови в жилах кузнеца могла еще в юности изувечить его ревматизмом. Магия ненавидела холодное железо и скапливалась у кузниц в надежде устроить неприятности, которые, хотя и редко удавались, изрядно накаляли атмосферу вокруг. Феи, посещая кузницы, почти всегда внезапно обнаруживали, что резко хлопают руками перед собственным лицом, как будто их донимают мошки, и даже обычные люди временами отмахивались от невидимых точек, которых там не было. (Поскольку разговоры Розы щедро украшались жестикуляцией как во дворе у кузнеца, так и вне его, невоз-

можно было сказать, отгоняет ли она невидимые точки.)

Еще одно занимательное поверье гласило, что правда правдива на дворе кузнеца, но проверялось оно не слишком тщательно – по крайней мере, не в последнее время. Древняя история рассказывала о короле, жившем шестнадцать или восемнадцать поколений назад, который притащил своего соперника на двор к кузнецу, чтобы доказать, что сам он истинный наследник, а тот – самозванец, но в легенде не уточнялось, в чем именно состояло доказательство. Существовала еще традиция переносить зашедшие в тупик судебные тяжбы во двор к кузнецу, чтобы таким образом установить истину, но у самих кузнецов, которым принадлежали дворы, она не пользовалась особым успехом, поскольку судебные истины имеют обыкновение выясняться с мучительной неторопливостью.

В народе рассказывали и сомнительные истории о феях-кузнецах, но это было столь явной чепухой, что даже дети, подрастая, не просили рассказывать такие сказки, хотя они были захватывающими, полными приключений.

Из всех мужчин только от кузнецов не требовали, чтобы они всегда были чисто выбриты. Это не было собственно законом, как запрет иметь какие-ли-

бо дела с рыбой, но не было и всего лишь модой. Не считался модой и обычай бриться за порогом дома, на улице (за этим куда менее строго следили суровыми зимами), где любой, кто смотрит (хотя никто не смотрел, поскольку это происходило каждый день), мог убедиться, что в ход идет должным образом заточенная сталь. Если мужчина изо дня в день брился дома, в одиночестве, могли пойти слухи, будто он фея и пользуется медью во избежание несчастных случаев, а странные или необщепризнанные способности феи вызывали достаточно тревоги, чтобы об этом думали дурное. С феями все было более или менее в порядке. В этой стране невозможно было прожить без их помощи, но люди предпочитали знать, с кем имеют дело. Необузданная магия и злое сердце в конце концов породили Перницию.

Первое бритье для мальчика было важным обрядом взросления: считалось, что он навсегда оставляет в прошлом детскую магию (если таковая была). Мужчина, носящий бороду, все равно что объявлял себя феей. Бородачам следовало ожидать, что люди будут просить у них волшебной помощи и злиться, если ее не получат, как будто им солгали или ввели их в заблуждение. Борода означала фею – или кузнеца. А кузнецы всякий раз, покидая собственную деревню, надевали на шею железную цепь, чтобы их узнавали.

Но Нарл всегда бывал чисто выбрит. Его прозвали (хотя никогда не упоминали это прозвище в его присутствии) Железными, поскольку выражение его лица редко менялось и он никогда не говорил больше, чем было необходимо.

Еще он решительно не желал иметь дело с детьми. Ребятишкам Туманной Глуши крайне не повезло, ибо они с радостью ошивались бы около кузницы, чтобы пообщаться с лошадьми. Дружба с ним Розы больше походила на настоящее волшебство, чем на детскую магию, и потому казалась тем более непостижимой. К тому времени, как Тетушка и Катриона поняли, что если Розы вдруг пропадала, то первым делом следовало искать ее в кузнице, девочка уже тараторила как белка, и они спешили прийти ей – или, скорее, ему – на выручку. В первый раз покрасневшая Катриона попыталась извиниться.

– Не стоит, – возразил Нарл. – Ей здесь рады.

Повисла пауза. Катрионе так и не удалось придумать уместный ответ на это совершенно нехарактерное замечание.

– Мне нравится, когда она говорит, – добавил Нарл. Катриона со стуком захлопнула разинутый рот и с усилием сглотнула.

– О, вот как... – выдавила она. – Ну... спасибо.

А затем увела Розы (продолжавшую без умолку бол-

тать) с собой.

– Он вовсе не выглядел так, будто ему приятно ее общество, – позже сообщила она Тетушке. – Конечно, по нему никогда не скажешь, приятно ли ему что-либо. Или неприятно, если уж на то пошло. Но когда он поворачивается к тебе, в огромном черном фартуке, с гривой черных волос, на миг это просто поражает, как будто он оживший плод собственных трудов. Можно было ожидать, что маленький ребенок его испугается.

– Только не Роза, – возразила Тетушка.

– Да, – согласилась Катриона, наполовину гордая, наполовину озадаченная. – Только не Роза.

Несколько минут тишину нарушало лишь равномерное постукивание педали тетиной пряхки.

– Знаешь, насчет правды на дворе кузнеца... – снова заговорила Катриона. – Ты не думаешь...

– Нет, – ответила Тетушка. – Думаю, с Нарлом она в большей безопасности, чем где-либо еще. Если бы мне пришло в голову, что такая дружба возможна, я, вероятно, постаралась бы ей поспособствовать, что почти наверняка оказалось бы ошибкой.

Катриона приглушенно фыркнула. Трудно было представить, как кто-то пытается повлиять в чем-либо на Нарла, даже Тетушка. А сама Роза примерно так же поддавалась уговорам, как рост и убывание луны.

Хотя Рози никто не поощрял убежать и докучать кузнецу, но после того первого раза, если девочка целеустремленно скрывалась в направлении его двора, Катриона не спешила отправляться следом. Однако после долгой борьбы с собственным здравым смыслом она пошла к священнику, тому самому, который внес Рози в церковные книги Туманной Глуши, и заплатила ему, чтобы он молился за безопасность девочки, пока та находится во дворе кузнеца: чтобы она не порезалась и не ударилась холодным железом, не обожглась горячим, не встала в неудачном месте, когда огонь, подстегнутый разгулявшейся магией, внезапно ярко вспыхнет, и не пострадала от чего-либо еще, что может приключиться с ребенком, путающимся под ногами у работающих взрослых. Катриона предпочла бы славное прямолинейное заклинание, но славные прямолинейные заклинания редко работали близ кузниц. Если бы какая-нибудь фея придумала, как сплести чары, которые, скажем, могли бы надежно качать кузнечные мехи, она обеспечила бы себя до конца своих дней. Каждый кузнец в стране захотел бы иметь такие. Но ни у одного их не было. Молитвы священника лучше, чем ничего, и бесконечно предпочтительнее, чем пытаться убедить Рози не делать того, что ей хочется. В деле воспитания Рози запрет всегда был последней мерой. К тому же

Катрионе со временем начал нравиться священник Туманной Глуши, потому что он с очевидной нежностью относился к Розе. А то, что девочка тоже относилась к нему хорошо, еще сильнее смягчило Катриону. Впрочем, Роза хорошо относилась едва ли не ко всем подряд.

К величайшей скорби и разочарованию всех, кто успел сделать ставку, споры о детской магии Розы со временем утихли. Жители деревни нашли другие поводы для сплетен. Однако кое-кто все же заметил, что Роза действительно разговаривает с животными. И те ей отвечают.

Она начала болтать с ними, как только вообще заговорила. Малышка была дружелюбной, а вокруг домика Тетушки, по одну сторону от которого рос лес, а по другую простирались луга лорда Прендергаста, встречалось больше зверей, чем людей. Да, она разговаривала с животными точно так же, как с людьми, но так поступали многие дети, а если эта привычка и проявлялась у Розы сильнее, чем у большинства детей, то это же можно было сказать и о многом другом.

Подрастая, Роза начала все более и более явно ждать ответа от зверей, к которым обращалась: ее выразительное от природы лицо явственно отражало искреннюю уверенность в том, что они ей и впрямь

отвечают. Однако самым странным казалось то, что она постепенно переставала заговаривать с животными по-человечески. Ее часто замечали просто молча сидящей или стоящей рядом с Корсо, Дротиком (рослым величавым волкодавом из трактира и тамошним лучшим миротворцем) или любым из прочих ее многочисленных друзей-животных. А все знали, что Роза не склонна молчать и ничего не делать.

Однажды вечером Катриона пришла забрать Розу от Нарла и обнаружила, что та смотрит в глаза взмокшему, дрожащему жеребенку, уткнувшемуся носом в ее сложенные горстью ладони. Катриона видела, как ее пальцы нежно поглаживают его под нижней челюстью. Нарл сидел на корточках рядом, свесив руки между колен. Его голова находилась на том же уровне, что и голова Розы, он так же внимательно, как и она, вглядывался в морду жеребенка.

Роза медленно выдохнула – звук весьма походил на лошадиный, с фырканием в конце. И двигалась она тоже по-лошадиному, и голову наклоняла так, как могла бы наклонить лошадь. Жеребенок повернул голову и осторожно потянулся носом к Нарлу, а тот прижался щекой к его щеке.

– Я сказала ему, что ты хороший, – пояснила Роза. – Понимаешь, дело в том, что ты чисто выбрит. Он не собирается стоять тут на трех ногах, позволяя чи-

сто выбритому человеку проделывать странные человеческие штуки с его копытами. Чисто выбритые люди орут, слишком туго затягивают подпругу и плюхаются на спину, как будто считают, что ничего не весят, да еще и пинают в живот ногами.

– Люди Прена с ним так не обращаются, – пробормотал Нарл, пока жеребенок исследовал губами его лицо, постепенно поднимая и поворачивая вперед уши.

– Нет, но в первом месте, где он жил, обращались, – уточнила Роза, – а у их кузнеца была борода. Теперь с тобой все будет в порядке, – пообещала она не то Нарлу, не то жеребенку и повернулась к Катрионе. – О, привет, Кэт. Надеюсь, уже пора пить чай. Я проголодалась.

Глава 9

– ...И Нарл не обратил на это внимания. Они просто беседовали. Тетушка, это была детская магия! А ее семья вовсе лишена волшебства! Я не понимаю!

– Я тоже, – призналась Тетушка. – Но это происходит прямо у нас под носом вот уже некоторое время – возможно, с самого начала. Может, ты и впрямь не позволяла себе замечать?

Взгляд Катрионы невольно метнулся к стоящей у стены прялке с затупленным веретеном. Бардер давно уже сделал им веретено-волчок и вырезал на нем оскалившуюся горгулью с широко открытыми, чуть выпуклыми глазами. Зубов у нее было невероятно много, но при взгляде на нее складывалось впечатление, что это своеобразная сторожевая собака, верно охраняющая дом и очаг. Катриона радостно рассмеялась, когда Бардер вручил ей подарок. Со времен маленькой ясеновой цапли (которую она носила на шее, на ленточке) он вырезал множество ложек и рукояток для ножей, но эта вещица не шла с ними ни в какое сравнение. Роза была еще совсем крохой, не умеющей толком ползать, и ей пока не слишком угрожали веретена и их острия.

– Какая красота! – восхитилась Катриона.

– Я старался, – пояснил Бардер, явно польщенный.

На спинке его обычного стула у их очага висела тряпица, чтобы развернуть ее, как только он достанет из кармана нож, постелить на полу у его ног и собирать стружки.

– Нарл показал мне, как вырезать лица. Я увидел, как этот маленький приятель смотрит на меня, едва лишь подобрал кусок дерева.

Катриона с улыбкой вертела в руках подарок. Ее пальцы благодарно замирали на рабочей части веретена – гладкой, словно шкура породистой лошади. Мордочка на другом конце выглядела такой живой и смышленной, что казалось, она вот-вот моргнет и что-нибудь скажет.

– Спасибо. Я... я все гадала, смогу ли и дальше держать в доме прялку.

Бардер глянул на Розу, которая таинственным способом уже умеющих сидеть, но еще не научившихся как следует ползать детей ухитрилась преодолеть половину комнаты и вцепиться в его штанину.

– А-а-а! – заявила она, что означало: «Возьми меня на руки и подбрось, пожалуйста».

– Вот потому я его и сделал. – кивнул Бардер, покорно наклоняясь. – Половина крестьян в округе не будут знать, как с тобой расплатиться, если не смогут отдавать шерсть для пряжи.

...Катриона порывисто встала, подошла к горгулье и погладила ее по маленькому носу картошкой. Этот жест служил своего рода полuosознанным заклинанием на удачу, и нос горгульи уже блестел от поглаживаний. Она понимала, что с течением лет вещица постепенно накапливает все эти бестелесные пожелания, превращая их в настоящие чары (так достаточное количество отложившегося ила в конце концов становится полуостровом), но вряд ли ей окажется под силу не пустить сюда Перницию.

Близился одиннадцатый день рождения Розы. Катриона сильнее потеряла горгулье нос.

«Магия делает каждого своего обладателя более заметным для всех остальных. Никто, разыскивая члена королевской семьи, не обратит внимания на человека, наделенного волшебством. Это не магия, потому что не может быть магией».

Одиннадцать... Больше половины от двадцати одного года.

Когда остальные в Туманной Глуши сообразили, что Розы действительно владеет звериным языком (Нарл знал это с самого начала, но, конечно, никому и словом не обмолвился), это пришлось им весьма по душе. Не так здорово, как детская магия, – способность была полезной, а детская магия редко приносила пользу, – но все же уже кое-что. На этот счет можно

было шутить, а шутки про своих фей – один из способов, помогающих обычным людям мириться с магией, рядом с которой они вынуждены жить, и это знают как сами обычные люди, так и феи.

Катриона тревожилась, поскольку Рози не была феей и с ней не следовало обращаться как с таковой – это казалось несправедливым. Не ее вина, что она живет с двумя феями. Обычным людям не нужно защищаться от нее, изобретая шутки, проводящие между ними границу. Рози обыкновенная девочка, вовсе не фея. Хотя ее разговоры с животными и доказали, ко всеобщему удовлетворению, что Тетушка и Катриона не лгут про родство с ней, ведь знание звериного языка – редкая способность даже среди фей и невозможно представить, чтобы в одной деревне нашлись две ее обладательницы, не связанные кровными узами, этого оказалось недостаточно, чтобы утешить Катриону.

К тому же новость о том, что Рози говорит с животными, воскресила некоторые застарелые сплетни одиннадцатилетней давности.

Обычные люди иногда странно реагировали на монологи вроде того, которым Тетушка скрыла прибытие Рози в Туманную Глушь, – настойчивым, свербящим ощущением, будто что-то не вполне в порядке. В данном случае это обернулось слухом, будто Рози прихо-

дится Катрионе дочерью.

Вопрос, которого по-настоящему опасалась Катриона, заключался не в том, не мать ли она Розы, — это она могла отрицать вполне убедительно, а в том, действительно ли они двоюродные сестры. Бардер, единственный человек, кто, по мнению Катрионы, имел право спрашивать, никогда не задавал вопросов, и слух давным-давно умер естественной смертью — как предполагала Катриона. Одиннадцать лет спустя ей пришлось приложить немалые усилия, чтобы вспомнить, что он вообще когда-то ходил.

Как-то к вечеру они с Розы пересекали площадь от кузницы к трактиру, направляясь домой. Моросил дождь, а Катриону одолевала усталость. Как только она перестала навещать королеву, вся сила ее магии вернулась к ней с оглушительным грохотом, словно проглоченная наковальня. Темное и пустое, сбивающее с толку место, куда она заглядывала в поисках ключев магии, больше не было пустым, но находить нужное стало, пожалуй, еще труднее, чем прежде. Во-первых, теперь она знала, что искомое, скорее всего, окажется там, если не сдаваться достаточно долго, а во-вторых, это напоминало поиски одного конкретного камешка на галечном берегу, где ураганный ветер перекачивает с места на места все, включая тебя самого. Тетушка утверждала, что со временем ста-

нет проще. Катриона на это надеялась. В тот день она провела хитрый экзорцизм – если бы они знали, насколько хитрый, Тетушка пошла бы с ней, – избавляя поле от древней битвы, которая вдруг пробудилась снова и чье повторение пугало овец Мэтью.

Бардер сегодня работал только полдня, и на вечер он обычно приходил к ним в гости, а она слишком устала, чтобы радоваться его обществу. Чашка чая поможет, решила она. Голос, который она слышала, мог принадлежать кому угодно – или, возможно, он сам зародился из воздуха Туманной Глуши и слов, произнесенных кем-то в ее отсутствие. Они как раз проходили мимо трактира, и Катриона кратко помахала рукой, не поднимая взгляда.

– ...Стоило жениться на ней одиннадцать лет назад – или вовсе незачем на ней жениться, – произнес голос.

В первое ошеломляющее мгновение она усомнилась, не показалось ли ей, но ей не показалось, поскольку рядом внезапно возник Бардер и по его лицу она поняла, что он тоже слышал этот голос. Она видела, что он сердится, но, хотя знала и любила его большую часть своей жизни, не решилась спросить почему. Они втроем дошли до дому. Роза болтала о птицах, лошадях и дождевых червях, а взрослые молчали, хотя обычно Бардер непринужденно беседовал

с девочкой, как будто вовсе не удивляясь ее рассказам (например, о том, что у дождевых червей нет глаз, но они видят землю, сквозь которую ползут, в прекрасных видениях вроде тех, какие люди надеются получить, поедая рыбу). Тетушка встретила их у калитки и, увидев их лица, послала Розу кормить коров и кур. Обычно Роза и так этим занималась, но сейчас чуть помедлила, поглядывая на остальных, так как понимала, что вот-вот пропустит нечто интересное, но, если останется поблизости, этого не произойдет вовсе. Она ушла совершенно нехарактерной для себя походкой: нога за ногу, ссутулив плечи и понутив голову.

— Я не понимаю, — заявил Бардер, как только за ними закрылась дверь дома. — Мне это показалось низостью, а в Туманной Глуши такого обычно не случается без причины. Я бы врезал этому болвану... но подумал, что тебе это не понравится. — (Катриона догадалась, что он узнал говорившего по голосу.) — Милая, я знаю, что Роза не твоя дочь. Я помню, какой тощей ты была, когда уходила на именины принцессы. И точно такой же ты оттуда вернулась с подростком на руках. — Он не сразу заметил, как замерли при этих словах Тетушка и Катриона. — Не могу сказать, что меня бы не взволновало, появившись у тебя ребенок не... не от меня. Меня бы это очень взволновало. Но... я бы спросил... Если бы не знал, что это

невозможно.

– Тетушка забрала ее уже после того, как я вернулась, – слабо возразила Катриона.

Бардер уставился на нее в упор:

– Но... нет, ничего подобного... Я же тебя видел. Ты выглядела так, будто тебя протащили задом наперед через каждую живую изгородь и рощицу от столицы до самой Туманной Глуши. Я слышал, как ты чихала. Я возвращался из Древесного Света короткой дорогой, через луга лорда Прена. Ну, это не совсем короткая дорога. Я... Понимаешь, я тогда, пока тебя не было, завел привычку по малейшему поводу проходить мимо твоего дома – просто проверить, хотя я знал, что услышу, как только ты вернешься. Я видел свет, когда Тетушка открыла дверь.

– Ты рассказывал кому-нибудь о том, что видел? – резко спросила Тетушка.

Бардер медленно, озадаченно покачал головой:

– Нет. Моя тетя – сестра матери – приболела. Вот почему я ходил в Древесный Свет. В тот день я работал только до обеда. Дома все разговоры были лишь о тете, а на следующий день я подумал, что, собственно, не о чем рассказывать. Кэт явно выпала нелегкая дорога, пусть она отдохнет спокойно. Мы все о ней скоро услышим. Я подождал, пока встречу Кэт в деревне, а затем зашел вас навестить. И тут была Роза.

А после появилась история о том, как Тетушка за ней ходила. Я просто решил, что люди все неправильно поняли, – тогда все в основном думали о принцессе и Перниции, и спорить не имело смысла. Возможно, это и вовсе были какие-то волшебные дела – нельзя же обсуждать волшебные дела. Но вы-то должны помнить...

Он посмотрел на них обеих, затем остановил взгляд на Тетушке, и Катриона почти воочию увидела, как он приходит к неизбежному выводу.

«Стой! – хотелось крикнуть ей. – Не думай об этом!»
– Это вы нас заморочили, – заключил Бардер, обращаясь к Тетушке. – Но зачем? – уточнил он и с улыбкой добавил: – Другой на моем месте мог бы решить, что вы похитили принцессу.

Веретено с горгульей внезапно вспыхнуло ярким светом, три Тетушкиных флакончика опрокинулись, последний упал с полки и разбился о камень очага. Резкий свежий запах заполнил комнату, а затем все трое оказались где-то в глуши, окруженные неровными рядами высоких покосившихся стоячих камней, согнутых и искаженных в странные фигуры. Среди камней пробивалась низкая, стелющаяся поросль кустарников, чьи маленькие заостренные листочки издавали тот же сильный запах, что и Тетушкин флакон.

Сгустились сумерки, почти стемнело. В стороне

от них, в некотором отдалении, с камнями перемежались деревья, пока не начинало казаться – наверняка в полумраке сказать было невозможно, – что стволы сдвигаются, образуя темноту леса. Возникло и никак не отступало жуткое ощущение следящих за ними недружелюбных глаз. Напротив леса, если это был лес, по другую сторону от них, стоячие камни и низкая поросль делались реже, обнажая неровную землю. Но вдали на горизонте маячила какая-то громада, высокая и очень узкая. Огромный стоячий камень? Или мрачная крепость, возведенная человеческими руками?

Солнце скрылось за непонятной громадой, но послезакатное небо еще оставалось багровым. Небо и замок. Это все же был замок. Действительно замок, и, пока Катриона смотрела на него, от его подножия как будто начали подниматься пурпурные полосы, такие же, какие она однажды видела на плаще...

– Нет!.. – выдохнула она.

Каким-то образом, сама не понимая как, она выдернула себя и двух своих спутников обратно в дом, где в очаге все еще горел огонь и горгулья по-прежнему поблескивала золотисто-медовым цветом, словно не дерево, а ограненный драгоценный камень, сияющий на просвет, и темная липкая лужа, багровая в отблесках пламени, растеклась по полу, мерцая оскол-

ками битого стекла.

Тетушка уже подхватила ведро с золой и принялась совком густо засыпать лужу. К тому времени, как Катриона вспомнила о том, что дышать все-таки надо, свежий запах почти пропал, задушенный тучей стылого пепла. Катриона закашлялась.

– Пе... – начала она.

– Не произноси ее имени, – перебила ее Тетушка.

Катриона заметила, что тетины руки дрожат. Тетушка повернула голову, как будто искала что-то и не могла вспомнить, где оно находится. Она отложила ведро и совок и прижала руки ко лбу, словно у нее болела голова. Катриона услышала, как Бардер тяжело сел – ножки его стула коротко стукнули по полу. Сама она уже подтащила табурет к дымоходу и попыталась нащарить маленький железный котел, стоящий высоко в нише. Почувствовала она его раньше, чем нащупала пальцами, и вытряхнула содержимое в руку. Спустившись вниз с зажатым в руке свертком, она развернула его и поспешно накинула ожерелье на толстую шейку горгульи – чуть выше петли на прялке, в которую было продето веретено.

Полупрозрачные бусины в талисмани человека с саблей поблескивали, как мордочка горгульи, только не желтовато-медным, а неровным кремово-белым цветом, напоминавшим свежее молоко с еще не сня-

тыми сливками. Они чуть покачивались на прятке. Домик и трое людей в нем рывком вернулись в обыденность – словно закончилось землетрясение или внезапно отступила лихорадка.

Тетушка уронила руки, а Бардер выпрямился. Катриона зашла за спинку стула, обняла Бардера и прижалась щекой к его щеке. Он скрестил руки, дотянувшись до ее плеч, и прижал ее к себе. Мгновение спустя она поцеловала его в щеку, и он отпустил ее. А затем все трое сели достаточно близко друг к другу, чтобы можно было взяться за руки.

– Хвала судьбам, что Роза была за дверью, – заметила Тетушка.

– Значит, это... правда, – заключил Бардер.

– Боюсь, что так, – подтвердила Катриона. – Но я ее не похищала. Ее мне... э-э-э... отдали.

Бардер кивнул так, будто это было совершенно разумным объяснением.

– Морок не сработал, потому что Бардер меня видел, Тетушка? – спросила Катриона после недолгого молчания. – Нам стоит беспокоиться о ком-нибудь еще, кто мог меня заметить? Мне казалось, никто меня не видел – но к тому времени я так устала...

– Не вини себя, – успокоила ее Тетушка. – Ты великолепно справилась. И я не думаю, что дело в этом. Боюсь, мороки действуют тем лучше, чем меньше

связей им мешает, а Бардеру было далеко не все равно. Думаю, Флоре тоже непросто будет вспомнить, когда именно прибыла Роза, появившись у нее причина об этом задумываться. Но ей незачем. Прости, Бардер. Обычно такого не случается, даже если ты... э-э-э... слегка расположен к какой-нибудь фее.

– Я не просто слегка к ней расположен, – уточнил Бардер почти обычным тоном. – Вы знаете, что только что произошло? Или мне лучше не спрашивать?

Тетушка и Катриона обменялись взглядами.

– Нет, не знаю, – покачала головой Тетушка. – Но больше не рискну откупоривать сок бдета в этом доме.

– Сок бдета? – медленно переспросила Катриона. – Но бдет растет совсем близко отсюда – там, где Двухолка переходит в пустоши, в которых никто не живет.

– Да, – кивнула Тетушка.

Снова ненадолго повисла тишина.

– Кто-то следил за нами из леса, – вспомнила Катриона.

– Не думаю, что нас видели, – уточнила Тетушка. – Надеюсь, и не увидят. Вроде бы я об этом позаботилась. Но большего я сделать не могла. И нас очень скоро заметили бы, не вернись мы сюда благодаря тебе так быстро. Бардер... Прежде чем ты сегодня уйдешь домой, тебе понадобится защита. Не уверена...

Я могла бы просто сделать так, чтобы ты забыл. Возможно, так будет надежнее всего, и спать ты будешь крепче.

– Я... я предпочел бы не забывать, – отозвался Бардер. – Если не возражаете. И... Роза важна и для меня тоже. Чем... кем бы она ни была.

– Коснись носа своей горгульи, – внезапно велела ему Катриона. – Той, что ты вырезал для веретена.

Бардер сидел спиной к прялке. Он удивленно взглянул на Катриону, но все же медленно обернулся и увидел сияющую горгулью. Ожерелье на ней походило на болотные огоньки, нанизанные на свитую из тумана нить.

– Судьбы моих предков! – изумленно выдохнул он, но встал и шагнул к прялке, протягивая руку.

Прежде чем коснуться пальцами носа горгульи, Бардер чуть помедлил, но все же подался вперед. На миг все его тело озарилось мягким потусторонним светом талисмана, и Катриона затаила дыхание, осознав, что никогда не отдавала себе отчета в том, насколько он красив.

А затем свет угас, и горгулья осталась обыкновенным веретеном-волчком с блестящим от частых прикосновений носом, а талисман сделался всего лишь необычным украшением.

Наружная дверь со стуком распахнулась.

– Вы еще не закончили говорить? – жалобно спросила Роза. – Я провозилась так долго, как только смогла, и хочу есть.

Пять недель спустя кто-то вломился в королевскую крепость Флури, и солдат, охранявших ее, обнаружили спящими вповалку на посту с копьями и мечами в руках. Их лошади тоже спали, и слепни на лошадях спали, и маги в глубине крепости спали, и феи спали, и все остальные – от придворных до судомоек – были погружены в глубокий сон.

Возчики, еженедельно доставлявшие в крепость фургоны со свежими продуктами, бежали в ужасе, и Шон поговорил с одним из них, поскольку Флури стояла не очень далеко от Туранги.

– Он говорит, – делился услышанным Шон, – то же самое произошло и в Фордингбридже. Все заснули. Только в тот раз их обнаружил сменный полк, и поэтому история не выплыла наружу, как сейчас. По его словам, спали они дурным сном, каждому виделись кошмары, некоторые заболели, а кое-кто болен до сих пор, особенно среди магов.

– А что насчет принцессы? – уточнила Кернгорм.

– Принцессу, на ее счастье, увезли двумя неделями раньше. Туда заезжал король и уехал вместе с ней. Теперь она, должно быть, редко видится с матерью,

ведь королева почти все время проводит в столице, с младшими мальчиками, – сообщил Шон. – Поговаривают, время от времени принцессу украдкой провожат в город...

– Надеюсь, что так, – отозвалась Кернгорм.

– Угу, – кивнул Шон, сам бездетный и не слишком интересующийся вопросом. – Разное рассказывают о том, почему принцессу в этот раз перевезли раньше. Кое-кто говорит, что придворные волшебники применяют особые чары, чтобы решать, когда ее перевозить. Другие считают, будто какая-то фея-провидица переволновалась и настояла, чтобы ребенка увезли как можно скорее. Какая разница, что там вышло, – главное, ее там не было.

– Они еще одолеют Перницию, – заявила Десси, младшая сестра Флоры.

– Солнышко, мы все на это надеемся, – откликнулась Кернгорм. – Но не узнаем, пока не наступит следующий день после двадцать первого дня рождения принцессы, а до него еще много лет.

Однако те, кто был наиболее близок к принцессе, лучше всего запомнили одну фразу из проклятия Перниции: «...предначертанное мною может случиться в любую минуту».

Тем временем Роза продолжала разговаривать с животными. Поскольку большинству людей, имев-

ших с ней дело, она нравилась, и поскольку Нарл как будто принимал ее всерьез, и поскольку она была племянницей Тетушки и двоюродной сестрой Катрионы, шутили над этим обычно беззлобно. Но поскольку она говорила об этом окружающим всякий раз, когда спрашивали, а иногда и по собственной инициативе («Десси, бесполезно заигрывать с этим молодым кровельщиком из Конца Пути. Он не станет иметь с тобой дела, потому что побаивается твоей матери. Его лошадь так говорит»), все много об этом слышали.

Временами сведения оказывались полезными: Роза рассказала Тетушке, что Джед, пес пекаря, так отощал, потому что домовому пекаря не слишком нравится молоко, зато нравятся объедки в миске Джеда. Домовой толстел, потому что Джед был крупной собакой, а Джед худел, потому что молоко для домового ставили в маленьком блюдечке.

– Я разберусь с этим домовым, – пообещала Тетушка. – Бедный Джед!

Было очевидно, что круг знакомых Розы в зверином царстве не только широк, но и разговорчив. Люди слушали, одни лишь улыбались, другие задавали вопросы, и ответы на эти вопросы приносили в дом больше овечьей шерсти и прочего добра – к удивлению Розы и тайному удовольствию и недоумению Катрионы. А некоторые качали головой. Особенно феи. С живот-

ными обычно разговаривали иначе. Только Роза делала это именно так. Катриона снова вспомнила о молоке, которое выпила девочка на пути от прежней жизни к новой, и задумалась, какой бы та могла вырасти, если бы пила лишь проверенное магами, очищенное феями молоко от королевского скота, когда ее отлучили бы от материнской груди. Возможно, пресловутая покладистость королевской семьи была скорее врожденной готовностью приспособливаться к обстоятельствам – а обстоятельства Розы выдались необычными. Звериная речь, которую слышала Катриона, никогда не была такой беглой и понятной, как у Розы. Может, Катриона и подарила ей что-то в день именин, но явно не собственную способность говорить с животными.

После новостей о Флури у Тетушкиного очага повисла непривычная тишина (даже принимая во внимание отсутствие Розы, которая тем вечером получила особое разрешение задержаться у кузнеца допоздна и поболтать с новыми жеребьями лорда Прена).

– Хорошо бы фея королевы Сигил прислала нам весточку, – заметила Катриона.

Тетушка опустила на колени амулет, который чинила.

– Она прислала бы, если бы могла.

– Знаю, – согласилась Катриона. – Это я и имею

в виду.

Они переглянулись, и каждая увидела в глазах другой отражение высокого замка, стоящего на голой пустоши, на фоне дымного багрового неба.

Глава 10

Проходили годы, и, похоже, люди короля успели прочесать каждый клочок королевской земли в ладонь шириной. И придворные маги обыскали каждый клочок над и под королевской землей в мысль шириной (к тому времени, как Роза исполнилось тринадцать, отряды королевской кавалерии, сопровождаемые волшебниками, проезжали через Двуколку четырежды, но если даже и нашли что-либо загадочное на краю ничейных земель, где рос бдет, то ничем этого не показали). И дворцовые феи коснулись, попробовали на вкус или прислушались к каждому дуновению дикой магии, поднявшейся с королевских земель. Но новостей о Перниции по-прежнему не было: ни знака, ни отпечатка, ни следа, ни подсказки. И тогда люди начали рассказывать другие истории. Никто не знал их источника, но предназначались они, очевидно, для того, чтобы поднять боевой дух и сплотить народ.

Все вестники единодушно утверждали, что принцы растут отличными молодыми людьми, но у них есть сестра, которая должна стать королевой, и никто не собирается об этом забывать: ни их родители, ни их страна, ни даже они сами, никогда с ней, похо-

же, не встречавшиеся, — маги объявили это чрезмерно опасным. Когда принцы Колин и Терберус в восьмой день рождения произносили первые публичные речи, оба упомянули о ней и о своей надежде скоро с ней встретиться. Все посчитали это крайне трогательным, в особенности когда Терберус внезапно добавил то, что явно не входило в подготовленную речь: «Мне бы хотелось иметь сестру». Его народ тоже тосковал по его сестре, и наблюдение за тем, как маленькие принцы растут и становятся юношами, способными произносить речи, только обостряло эту тоску.

И если где-то поблизости есть могущественная и злая фея, лучше знать, где она, чтобы держаться от нее подальше. Как не тревожиться о том, что она может выскочить из любой тени и напасть?

Поговаривали, что принцессу превратили в жаворонка или павлина (или, по самой нечестивой версии, в рыбу), чтобы у нее не осталось пальца, который можно уколоть. И что малышку вовсе не прокляли, ибо на именинах в колыбели лежала не настоящая принцесса, а всего лишь волшебная кукла. Король с королевой прячут старшую дочь, пока Перниция все еще на свободе, но та может причинить ей не больше вреда, чем любому другому... Однако ведьма способна доставить много неприятностей, а потому король вполне обоснованно стремится отыскать ее и выгнать

из страны. Рассказывали даже, что Перницию захватили в плен, но не стали об этом объявлять, потому что король не удовлетворится, пока не будут найдены и названы все до единого ее шпионы и помощники. Мало кто находил эту историю обнадеживающей: домыслы о том, будто Перниция больше не разгуливает на свободе, перевешивало соображение, что у каждого среди собственных друзей и соседей могли затеяться ее союзники.

В любимых почти всеми историях говорилось о празднике, назначенном на двадцать первый день рождения принцессы, — дескать, он превзойдет описательные способности всех сказителей страны. Байки эти от раза к разу становились все причудливее и, разумеется, заканчивались вполне благополучно.

Рассказы о предполагаемом празднестве в честь двадцать первого дня рождения принцессы изрядно раздражали Тетушку.

— Это хуже, чем воздушные замки, — пояснила она Катрионе как-то вечером, после того как в трактире Гисмо один из сменщиков Шона позволил воображению разгуляться, описывая последние задуманные чудеса. — Или, скорее, это и есть замки в воздухе, и возводятся они из больших тяжелых камней, которые когда-нибудь рухнут нам на голову и расплющат в лепешку.

Катриона выслушала сомнительно построенную метафору без возражений.

Дверь с шумом распахнулась, и вместе с небольшим порывом ветра вошла Роза. Она мурлыкала что-то себе под нос. Ее мурлыканье всегда было лишено мелодии, и невозможно было угадать, что за песня имеется в виду, если она обходилась без слов.

— Что не так? — спросила она, взглянув на лица Тетушки и Катрионы.

Катриона улыбнулась. При виде девочки ей делалось одновременно легче и тяжелее на сердце. Вот и теперь она не в первый уже раз задумалась о том, что потеряли король с королевой: не просто свою дочь, но Роза.

— Мы говорили о принцессе, — сообщила Тетушка.

— О, вот как! — откликнулась Роза.

К принцессе она испытывала симпатию и сочувствие, поскольку они были ровесницами и она постоянно слышала разговоры о таинственном исчезновении королевской дочери и видела, с каким интересом относятся взрослые к любой истории, якобы содержащей новости о ней.

У Розы сложилось представление, что взрослым известен единственный способ тебя защитить — как-нибудь тебя запереть. Даже защитные чары обычно ограничивали тебя, как заклятие, не позволяющее

утонуть в трясине, которое Тетушка наложила на Розу примерно восемь месяцев назад, после того как с ней едва не случилось именно это, хотя Роза с негодованием все отрицала. Чары попросту не позволяли ей ходить в определенных направлениях и в определенные места, хотя вокруг сырой и топкой Туманной Глуши таких мест было немало. (У близкого родства с феями были серьезные недостатки. Противотрясинные чары требовали большего ухода, чем могли себе позволить обычные семьи. Но по крайней мере, пару лет назад Тетушка позволила выдохнуться совершенно унижительному заклятию, запрещавшему крупным животным обижать Розу. Конечно, день или два спустя конь, которого Роза придерживала для Нарла, наступил ей на ногу, но он был из тех лошадей, которые укусят тебя, если не смогут отдавить ногу, и она решила, что это не в счет. Кроме того, дело было в кузнице, где даже Тетушкины чары путались и рассеивались. Дома она об этом происшествии упоминать не стала.)

Предположения о том, где находится принцесса, почти обязательно включали упоминания крепостей или замков, поэтому Роза всегда представляла ее в окружении каменной кладки. Поначалу девочка воображала ее в крошечной комнатке в башне, но потом решила: нет, это же принцесса, она достойна просторных покоев. А еще она придумала множество угрю-

мых стражников, вооруженных до зубов разнообразным пугающим и смертоносным оружием, которого Роза никогда не видела и могла лишь притвориться, что представляет его себе. В целом такое существование казалось довольно-таки унылым, и Роза жале- ла принцессу.

– А почему бы нам за ней не присмотреть? – пред-ложила она. – Она могла бы жить с нами. Тетушка, ты же самая умная фея во всей Двуколке. Даже Нарл так говорит, а уж он-то не пытается выклянчить закл-ятие даром. Если ты ее найдешь, никто не узнает, ку-да она делась, и она будет в безопасности. Тут ей бы-ло бы весело. Я могла бы ей показать, где находятся все болота и трясины.

Роза пребывала не в духе, поскольку забыла, ку-да именно направлялась, пока не обнаружила, что взбунтовавшиеся ноги поспешно увлекают ее к до-му. Баллада, которую она мурлыкала, когда шагнула за порог, – ее она тоже узнала от Бардера, – имела приятно кровожадный припев, соответствовавший ее настроению: «Обрушил я свой верный меч и на кус-ки его рассек, и на куски его рассек...» Возможно, она сама могла бы охранять принцессу.

Повисло краткое молчание.

– Какая интересная мысль, милая, – отозвалась Те-тушка, – но, боюсь, у тебя сложилось несколько пре-

увеличенное представление о моих способностях.

— А что мы объяснили бы всем остальным, откуда она взялась? — спросила изумленная таким предложением Катриона.

Рози пожала плечами. Сколько она себя помнила, рядом всегда были Тетушка и Катриона, и они казались ей отличной семьей. О своих родителях ей пока пришло в голову спросить только одно: насколько те были высокими, ибо уже стало ясно, что она перерастет и Тетушку, и Катриону. (Непривычный цвет ее волос среди темных или неопределенно-русых, в основном встречавшихся в Туманной Глуши, объяснили белокрысым отцом с юга.)

— Скажем, что у Тетушки есть еще одна племянница, а у нас еще одна двоюродная сестра.

— Конечно, — повторила Тетушка. — Как разумно с твоей стороны, Рози. Какая жалость, что нам вряд ли представится случай воспользоваться твоим предложением!

Рози покосилась на нее с подозрением: ей нечасто доводилось слышать слово «разумно» применительно к себе. Но Тетушка лишь ответила ей обычной безмятежной улыбкой. Ее настроение, испорченное глупостью Гисмо, заметно улучшилось. Она продолжала прясть, веретено неустанно кружилось, и блестящий нос горгульи казался крохотным ярким пятнышком.

Саркон, учитель Бардера, умер в разгар зимы, в один из самых коротких дней в году, когда тяжелые облака лежали так низко, что лампы в трактире Кернгорм горели с самого утра. Его погребальный костер зажгли на следующий же день, и только Бардер и Джоб, второй подмастерье, попросили по щепоту его пепла, поскольку его жена умерла много лет назад, а другой родни не осталось. Никого больше не было, и Бардер и Джоб договорились, что трехмесячное оплакивание проведут они сами.

Кернгорм, Тетушка и сестра тележного мастера, Хрослинга, — у колесного и тележного мастеров был общий двор на площади, по другую сторону от кузницы, — помогали как могли. Не годилось, чтобы оплакивание полностью брали на себя двое юношей. Это, вероятнее всего, навлекло бы на головы Бардера, Джоба и всей Туманной Глуши гнев главного священника Двуколки, и тот разразился бы нудными речами о должном уважении, почтении и важности поддержания традиций. Всю ту зиму Бардер был занят, выглядел усталым и лишь дважды заходил домой к Тетушке, где сразу же засыпал прямо на стуле.

Катриона уже задумывалась в страхе, не стали ли они видаться реже с того вечера, когда он пошутил о том, что Роза могла бы оказаться принцессой,

не нужно ли ему больше времени в свои неполные дни, чтобы заниматься чем-то другим, не начнет ли он с меньшей охотой останавливаться, когда Катриона встретится с ним в деревне. За все те годы, что они знали друг друга, между ними не было сказано ничего определенного. Ни один из них не мог позволить себе всерьез думать о свадьбе, и оба это знали, хотя Катриона давно уверилась, что Бардер заговорил бы с ней об этом, будь у них такая возможность. Он сделал ей цаплю, которую она до сих пор носила на шее, и только она, Тетушка и Роза получили ложки и ножи с вырезанными им ручками. А теперь, невольно вспомнила Катриона, Бардер в свободное время вырезает веретена-волчки и отправляет их на продажу за пределы Двуколки. Впрочем, им вовсе не нужен еще один волчок, одергивала она себя, яростно поглаживая горгулью по носу.

Флора в утешение рассказала ей, что от матери Бардера неоднократно слышали жалобы на его привязанность к «этой фее». Та утверждала, будто в их семье волшебной крови не водилось (что явно было неправдой, поскольку тетя Бардера в Древесном Свете размагичивала чайники для половины деревни, хотя иным колдовством не занималась). Однажды сам Бардер вошел в трактир посреди очередных ее разглагольствований и, забыв о сыновнем уважении,

весьма грубо велел ей либо замолчать либо выражаться повежливее.

Когда Бардер подружился с Рози, Катриона подумала (обрадованно и благодарно), что изначально он сделал это ради нее. Но в связи с болезнью и смертью Саркона она начала гадать, не сблизился ли Бардер с ними обеими всего лишь из человеколюбия, только потому, что они нуждались в друзьях. Даже историю его столкновения с матерью можно было трактовать как природное рыцарство.

Однажды в начале следующей весны Катриона принялась к воздуху, посмотрела на облака, сверилась с предсказателем погоды и решила, что крысогномы в курятнике Труги могут и подождать до завтра. Она подмела пол в уступку собственной совести, выманив из углов труху волшебства несколькими чистящими заклятиями, а затем вышла покопаться в огороде. Тетушка ушла на Перекресточный холм встретиться с Торг и Айлиной, главными феями Древесного Света и Лунной Тени. Рози, как обычно, была с Нарлом.

Копая и пропалывая, Катриона напевала (хотя и отметила, что под влиянием Рози ее собственное пение стало менее мелодичным) и не думала ни о чем в особенности. И она все еще не думала ни о чем в особенности (разве что недоумевала, как сорнякам уда-

ется расти настолько быстрее, чем всему, что бы ты ни посадил), когда на нее упала человеческая тень. Она подняла взгляд и увидела Бардера, непривычно чистого и еще менее привычно взволнованного. Сердце Катрионы дрогнуло, голос прервался, и слезы обожгли уголки глаз.

Катриона встала и двинулась к нему, но тут заметила, что руки у нее перепачканы. Она посмотрела на них с изумлением и испугом, как будто никогда прежде не видела грязных рук, и начала уже поворачиваться к бочке с водой, где их можно будет сполоснуть, но не успела: Бардер поймал ее за запястье.

Так они и стояли, вытянув руки почти на полную длину: он подался к ней, она наполовину отвернулась к бочке с водой, но оглянулась на него, почувствовав прикосновение, — и их лица говорили друг другу все, что им нужно было знать, поскольку Бардер тоже, похоже, был не в силах произнести ни слова. Они шагнули друг к другу: она — нерешительно, все еще не до конца веря, что он все же к ней пришел, он — пылко. Он поцеловал ее, и она сжала грязные руки в кулаки, чтобы обнять его за шею и при этом не испачкать его лучший воротник.

— Я бы послала за тобой, если бы ты не пришел в ближайшее время, — сообщила Тетушка, вернув-

шись часом позже.

Бардер и Катриона стояли на коленях бок о бок и согласно пололи. Он снял нарядную куртку и воротник и закатал рукава, но испачкал колени приличных штанов. (Прополка обладала для Бардера притягательностью новизны. Впрочем, получив правильный ответ на важный вопрос – сперва безмолвный, а затем и словесный, он готов был выполнить любую просьбу Катрионы. Прополка была одной из собственных феям причуд. Никто больше этим не занимался, но феи постоянно делают какие-то странные вещи, и никому не хочется, чтобы их бальзамы, настойки и снадобья пострадали от нежелательного соседства в огороде феи.)

Бардер рассмеялся, но Катриона покачала головой:

– Нет, ты бы не стала.

– Может, и нет, но я об этом задумалась бы. Я уже об этом думала, – ответила ее тетя, ни в малейшей степени не взволнованная.

– И ты не знала, – уточнила Катриона. – Ты не знала.

– Если ты имеешь в виду, что моя магия мне этого не говорила, так в этом и нужды не было, – отозвалась тетя. – Вся деревня этого ждала. Возможно, и вся Двуколка.

Вещи, которые Бардер мастерил из дерева, помимо колес, принесли ему славу, как некоторое время назад искусные поделки из холодного железа наряду с пряжками, подковами и плужными лемехами сделали популярным Нарла. Развитие романа столь видной фигуры, разумеется, вызывало интерес. И все, кроме Катрионы, отлично знали, зачем Бардер в последнее время продает столько веретен-волчков, и как можно дороже. Саркону принадлежал хороший дом, но он требовал определенной починки, прежде чем приводить туда молодую жену. Теперь же Катриона издала придушенный звук, а уши Бардера, открытые более обычного из-за туго стянутых на затылке волос, ярко покраснели.

— Мне будет тебя не доставать, Кэт, — с легким сожалением добавила Тетушка.

— О, но ты же переедешь с нами! — спохватилась Катриона, вскочила на ноги и схватила тетю за руки, на этот раз не задумываясь о чистоте собственных ладоней. — Мы как раз об этом разговаривали. Лорд Прен согласился, что Бардер получит дом, двор и звание мастера, поскольку он старший подмастерье. И даже лорд Прен знает, что все по-настоящему интересные штуки, которые резал Саркон в последние годы, сделаны руками Бардера.

Бардер протестующе хмыкнул.

– Ты же знаешь, что дом достаточно велик, даже слишком, – продолжала Катриона, – и там есть сарай для коров и кур. Ты должна переехать к нам. А иначе как нам быть с Рози?

– Я с самого начала знал, что никогда не добьюсь Кэт, если буду возражать против вас с Рози, – застенчиво вставил Бардер. – Вы сможете устроить там огород вроде этого – с прополотыми грядками. К вашему переезду мы с Джобом вскопаем землю и поставим ограду, чтобы держать кур снаружи. Или внутри.

– Помнишь, ты сама говорила: нехорошо, что Рози живет вне деревни, только с парой фей, и это тем важнее, чем старше она становится, – добавила Катриона. – И я буду очень внимательна со связующими чарами вокруг двора. Ты же знаешь, они хорошо мне удаются. Наши соседи едва заметят, что мы там живем.

– У Хрослинги растет лоза джа, – мягко напомнила Тетушка.

– Ну, я что-нибудь придумаю, – пообещала Катриона. – Ох, тетя...

Та выглядела озабоченной.

– Я знала, что Рози не может уехать далеко от тебя, Кэт, как и от Нарла. Но я подумывала о том доме, который остался от Мед...

– Потому что в нем обитает, – подсказала Катриона.

на, – особенно неприятный дух плесени, который все подряд делает зеленым и липким и стонет ночами напролет.

– Я, знаешь ли, вероятно, смогла бы его изгнать, – заметила Тетушка.

– Вам... вам настолько неприятна сама мысль о том, чтобы жить в доме колесного мастера? – печально спросил Бардер.

– Тетушка! – возмутилась Катриона.

– Ох, милая моя... милые мои, – вздохнула Тетушка, – я с радостью приму ваше приглашение переехать в дом колесного мастера, если вы уверены, что сами этого хотите.

Она с улыбкой посмотрела на них и с подозрительной живостью повернулась к двери:

– Пойду-ка приготовлю чай.

Катриона успела заметить слезы у тети в глазах.

– Тогда нам осталось только объяснить все это Розе, – заключила Катриона.

– Разве Розе не обрадуется тому, что станет жить ближе к Нарлу? – спросил Бардер. – Если сам Нарл это выдержит.

– Да, она обрадуется, но у нее много... друзей в лесу, – пояснила Катриона.

Бардер, разумеется, знал о том, что Роза разговаривает с животными, но, поскольку он считал ее Те-

тушкиной племянницей и двоюродной сестрой Катрионы, его это никогда не удивляло. А воспоминание о некоем вечере, случившемся несколько месяцев назад, он постарался убрать как можно дальше от повседневных мыслей, чтобы сохранить в тайне и безопасности. Теперь же, когда его старый взгляд на Розу столкнулся с новым знанием, он помотал головой, и Катриона, догадавшись, к чему (или к кому) относится этот жест, встревоженно глянула на него.

Бардер заметил ее беспокойство и в свою очередь угадал, в чем дело.

— Не волнуйся, — попросил он. — Мысленно я много лет назад согласился быть с тобой и в добрые, и в дурные времена. И всегда знал, что ты фея, даже когда ты сама еще в это не верила. Остальное не имеет значения. — Он чуть помедлил и продолжил: — Я взял тебя и в ответ отдал тебе себя, даже если ты этого не знала. Что произошло с тобой, то произошло и со мной тоже, даже если я этого не знал.

Катриона прижалась лбом к его плечу и вздохнула. «Паучок, упав на парчовый рукав... — подумала она. — Хотелось бы мне, чтобы это было так легко: просто чтобы никто из нас не говорил вслух о том, что знает».

В ее голове до сих пор часто звучал голос королевы: «Я так скучаю по своему ребенку... Скажите мне,

что вы действительно существуете...» Но ей редко вспоминались слова маленькой феи: «И только этот стишок я могу подарить ей, моей милой, единственной малышке!»

«Но по крайней мере, я знаю еще на одну, и притом важную, вещь больше, чем сегодня с утра», – подумала Катриона.

Прильнув к плечу Бардера, она улыбнулась и запрокинула лицо для поцелуя.

Рози, к собственному смятению, обнаружила, что не уверена, как относится к новостям о предстоящей свадьбе Катрионы и Бардера и их общем переезде в деревню, в дом колесного мастера, где решил остаться работать и Джоб. То, что после смерти Саркона Катриона с Бардером поженятся, она знала так же твердо, как и все остальные в деревне (кроме Катрионы). Но внезапно (теперь, когда перемены навалились на нее) она осознала, что прежде не задумывалась, к чему это приведет.

«Я думала как ребенок», – с тревогой и стыдом сказала она себе.

Она жалела, что не задумалась об этом раньше: эти размышления сейчас помогли бы ей определиться. Рози чувствовала себя потерянной. Девочке стало казаться, будто она вовсе не она, а кто-то другой, что

отдавалось эхом где-то в глубине души и пугало ее. Эхо подсказывало ей, что она не Роза и никогда ею не была, а была кем-то другим. Она всегда была кем-то другим. Кем-то, кто не имел отношения к Тетушке и Катрионе, к Туманной Глуши. Кем именно – эхо не говорило. Оно только отнимало все: уют, мир, безопасность, но ничего не давало взамен. Ей мерещилось, что она слышит некий чужой голос, называющий странное имя – ее имя, ее настоящее имя. Роза затыкала пальцами уши, но это не помогало: голос был совсем иного рода.

Впервые в жизни она проснулась в кровати, в которой спала каждую ночь, с тех пор как стала достаточно взрослой, чтобы не скатываться во сне с постели, и не поняла, где находится. Она лежала без сна, прислушиваясь к сонному дыханию Катрионы и Тетушки – глубокому и тихому Катрионы, слегка шелестящему Тетушки, – и не узнавала их тоже. А она знала звуки, издаваемые ими во сне, и смутные очертания их тел под одеялами так же твердо, как все остальное, как форму собственной руки и собственное имя... Но тени сказали ей, что ее имя ей не принадлежит, а форма ее руки менялась. Ей было пятнадцать, за последний год она выросла на четыре дюйма, и тело превращалось из приземистого в длинное. Даже пальцы стали длинными и костлявыми,

а не пухлыми в ямочках, как у ребенка.

Она лежала в темноте и прислушивалась к тихому бормотанию домовых мышей, рассказывающих друг другу, что Флинкс только что вышел, а одна из ставен осталась незапертой. Она ощутила, как сова бесшумно промчалась в вышине, — ее голова была полна мыслей об обеде, бессловесных, но достаточно громких, чтобы Роза услышала их сквозь стропила и соломенную кровлю. Она слышала и другие вещи — безголосые, бессмысленные: лежащее у себя в нише ожерелье, которое так высоко ценила Катриона, и горгулью с веретена-волчка, висящего в деревянном кольце, куда ее убрали, когда прялка стояла без дела. Они говорили: «Спи, спи, мы посторожим и присмотрим за тобой». И тогда Роза поняла, что это ей снится, и с улыбкой заснула.

Она не рассказала о своем смятении ни Катрионе, ни Тетушке, отчасти опасаясь, что это их расстроит, особенно Катриону, а отчасти страшась одной из мерзких на вкус Тетушкиных настоек. Но они обе заметили. Катриона встревожилась, потому что она всегда тревожилась, а еще потому, что причиной душевных волнений Роза считала новости о предстоящем переезде в деревню, к Бардеру. Но Тетушка сказала, что Роза слишком быстро растет и ей, должно быть, трудно в себе разобраться.

За десять недель, прошедших от официального визита Бардера в дом до свадьбы, она выросла еще на дюйм. Тетуска надставила подол платья, которое предстояло надеть Рози, еще одной полоской ткани, чтобы оно, как и полагалось, по-прежнему доходило до лодыжек и чтобы неопрятные, крепко поношенные ботинки, оказавшиеся единственной обувью, подходящей ей по размеру, не выглядывали из-под него больше необходимого.

Рози вела себя непривычно покладисто, и это было удобно, но Катриона предпочла бы хлопанье дверьми и вопли о нежелании жить в деревне, где чужой дым, кухонные запахи и пыль с дороги мешают поддерживать порядок, что и без того непросто в доме феи. Но девочка молчала. Она даже не возразила против того, чтобы надеть на свадьбу платье, а юбки она ненавидела почти так же сильно, как собственные волосы, и носила штаны с тех пор, как научилась ходить.

Все, что смогла придумать на этот счет Катриона, — это попросить Нарла приглядывать за ней.

К этому времени Катриона уже хорошо разбиралась в ворчании Нарла, и звук, которым он ответил на ее просьбу, сообщил ей, что Нарл тоже заметил перемену в Рози и сам об этом думал. Спустя день или два после этого Рози вернулась домой, куда боль-

ше похожая на саму себя, чем в последние несколько недель, и сообщила, что Нарл начал учить ее врачеванию лошадей.

Девочки реже становились подмастерьями, чем мальчики, и никто не ожидал, что Рози понадобится учеба вне дома, поскольку рано или поздно она должна была оказаться феей, а до тех пор работа для лишней пары рук нашлась бы и так. Нарл изредка брал временных учеников – не обычных, на которых ему не хватало времени, как он утверждал, если на него нажать, но взрослых мужчин (женщины-кузнецы встречались еще реже, чем мужчины-феи), уже знакомых с ремеслом и желающих научиться делать замысловатые штуки вроде Тетушкиных очажных подставок для дров и ворот лорда Прендергаста. Но хотя Нарлу, как и всем кузнецам, частенько приходилось лечить лошадей и, в отличие от многих кузнецов, он хорошо с этим справлялся, он никогда не предлагал учить других тому, что знает сам. До Рози.

Их маловероятный союз годами привлекал внимание деревенских, и известие, что теперь Нарл учит ее лечить лошадей, лишь подстегнуло всеобщий интерес. Десси, несколько романтическая натура, как-то сказала Флоре, что, когда видишь, как они разговаривают друг с другом, Нарл выглядит моложе обычного (хотя никто не знал, сколько ему лет), а Рози старше. Фло-

ра поняла, что она имеет в виду: было что-то в том, как они смотрели друг на друга – словно они не просто друзья, но старые друзья, товарищи, ровня. Но склонность Десси к фантазиям изрядно мешала в трактире, где работы всегда бывало с избытком, и Флора ее осаждала: «Разговаривают друг с другом? Ты их с кем-то путаешь. Роза болтает за шестерых, а Нарл вовсе не раскрывает рта».

Также казалось странным, что кузнец берется учить будущую фею приземленным навыкам коновала, поскольку к кузнецам обычно обращались за этим именно потому, что большинство лошадей плохо реагировали на магию. Наложив чары объездки на норовистого жеребенка, и он умчится, шарахаясь от листьев, кроликов и теней, и закатит форменную истерику из-за заклятия. Вдуть ему в ноздри пары от измельченного корня визо было проще – и помогало куда надежнее. Обитатели Туманной Глуши, к этому времени уже изрядно привыкшие к разочарованиям, которые доставляли ей и Нарл, и Роза, решили списать все на то, что Роза с Нарлом странные, и оставить их в покое. Но Кэтриона, хоть и благодарная Нарлу за вмешательство, все гадала, нет ли у него каких-то особых причин считать, что из Розы не вырастет фея.

Ко дню свадьбы Розы уже достаточно пришла в себя, чтобы яростно воспротивиться попытке вплести

цветы ей в волосы. Тетушка поспорила с ней на этот счет. Катриона отлучилась куда-то вместе с Флорой, обсуждая еду и тревожась, что той окажется недостаточно (как отважилась указать ей Флора, еды хватило бы, чтобы трижды накормить всю Двуколку).

— У меня все равно слишком мало волос, чтобы втыкать в них цветы! — пылко заявила Роза.

Это, пожалуй, было не вполне верно: она обросла чуть сильнее, чем когда впервые обкорнала себе кудри в возрасте четырех лет. Но ненамного. Когда что-либо приводило ее в волнение и она ерошила волосы, они по-прежнему вставали вокруг головы пушистым ореолом. И все еще заметно вились, хотя им не хватало длины, чтобы завернуться локонами, как им явно хотелось.

— Я заключу с тобой сделку, — предложила Тетушка, минутку поразмыслив. — Тебе полагалось бы полностью убрать голову цветами — помнишь, как Сура на свадьбе Гарли в прошлом году? — но я только немножко украшу тебя... э-э-э... венцом. Подойдет?

«Именно этого мне и не хватало, — думала она между тем. — Еще одно дело на последнюю минуту. Как жаль, что у меня не шесть рук».

Роза, далеко не дурочка, понимала, что ее обошли и что Тетушке и без того есть чем заняться, и подумала о Катрионе, которой, скорее всего, хоте-

лось бы, чтобы ее подружка вплела в волосы цветы. Она вспомнила головной убор Суры – та выглядела словно ходячий куст, и Розы тогда едва не приснула.

– Хм. – «Ради Катрионы», – напомнила она себе. – Хм. Я доделаю за тебя ленты на воротах.

– Спасибо, – вздохнула Тетушка.

Ленты на свадебных воротах в большей части страны служили лишь украшением, но в Двуколке по-прежнему относились к ним серьезно – возможно, потому, что ее из-за климата наводняли маревки, которых эти ленты успешно сбивали с толку. Более плотных озорных духов приходилось отпугивать от важных обрядов кистями и ветками.

Венец подходил Розы – венец на нее и надели. Катриона, позволившая успокоить себя несколькими тоннами еды, разложенной на столах как внутри, так и снаружи трактира (и Тетушка, и предсказатель погоды обещали хороший день даже без магического вмешательства), полагала, что ее мысли полностью заняты подготовкой к свадьбе с Бардером. Но вид Розы, в маленьком цветочном венце, платье с надставленным подолом и старых ботинках, ее поразил. В ней было достоинство, которого Катриона не видела прежде. Складывалось оно (Катриона об этом не знала) из новизны ее увеличившегося роста, первого взгляда в темные глубины того, что значит быть чело-

веком, и решимости вести себя как подобает на свадьбе той, кого она любила больше всех на свете, а это исключало (она, конечно, оценила Тетушкину уступку) возможность сорвать с головы и растоптать дурацкий венок. Именно последнее и побуждало ее держаться прямо и гордо. Она казалась исполненной достоинства.

В доме колесного мастера Роза получила собственную комнату. В Тетушкином домике они все спали в одном конце длинного чердака, а разнообразные припасы, как волшебные, так и обычные, свисающие с потолка или аккуратно сложенные и убранные на полки или в штабеля по углам, занимали остальное пространство. Обзавестись собственной комнатой, конечно, приятно. Но вот что с ней делать?

Это было небольшое помещение в уголке крыла, обращенного в сторону общинных земель позади деревни. Окно выходило на сарай, где обитали застенчивая Ромашка, настороженная Чертовка и десяток хандрящих кур. Их тонкая чувствительность была оскорблена переездом, и теперь они отказывались нестись. Стоя на коленях у окна, Роза видела Флинкса, лежащего на крыше сарая, – выпуклую тень на плоской темной крыше. Она сомневалась, переберется ли Флинкс в деревню вместе с ними, хотя дав-

но уже выяснила, что в любой важной ситуации, затрагивающей Катриону, обнаруживался и Флинкс, затаившийся где-нибудь в сторонке и притворяющийся, будто размышляет о чем-то стороннем.

В настоящее время Флинкс, повстречавшийся (кратко) с собакой тележного мастера, Зогдобом, выказывал явное предпочтение возвышенностям. Вместе с ним на крыше расположились еще несколько деревенских кошек. Все они присутствовали на свадьбе, проявив необычную для кошек благопристойность, – впрочем, все они были расположены к Катрионе. (Кошки ошивались у храмов и жилищ священников, если только те их не прогоняли. Религия священников привлекала кошек: они одалживали какие-то ее части, чтобы включить в собственные представления о предзнаменованиях и метафизике.) Свадьбу они обсуждали в бессвязном и солипсическом ключе, но у Розы складывалось впечатление, что некоторые из самых глупых замечаний звучат исключительно для нее, и она перестала слушать.

Она развернулась, села на пол, опершись плечами на подоконник, и окинула взглядом свою новую комнату. В отличие от темных грубых досок, которыми был обшит чердак (к ним никогда не приближались вплотную из-за крутых скатов крыши), свежесвеженные стены как будто чего-то ждали, словно собравши-

еся слушатели, а у Розы было слишком мало пожитков, чтобы занять ими пространство. Она гадала, кому лорд Прен отдаст их домик. Кто будет спать на чердаке, готовить на очаге? Скоро ли они научатся следить за тем, чтобы крюк над огнем, когда на нем висит полный котел, покачивался мягко, а не забрызгивал пол и голени незадачливого повара кипящей похлебкой или обжигающим рагу? Даже Тетушка не нашла заклятия на этот случай.

— Железо на железе — это слишком трудно, — пояснила она. — Будь это вопросом жизни и смерти, я бы что-нибудь придумала, а так как-нибудь обойдемся.

После того как Розы показали предназначенную для нее сверкающую чистотой комнату, она ненадолго задумалась, не стоит ли заявить, что она боится темноты, чтобы не пришлось жить тут в одиночестве. Вот только никто ей не поверил бы. А после безмолвного эха последних недель, твердившего, что она все не та, кем всегда себя считала, ей не хватало духу на намеренное притворство. Кроме того, она не то чтобы хотела делить комнату с Тетушкой — ее просто тревожило то, как сильно все меняется.

Ромашка утешила ее, что все еще обернется к лучшему, но Ромашка всегда так говорила по любому поводу, и к тому же она была в тягости, а это делало ее сентиментальной. Чертовка, также стельная, бы-

ла настроена не так жизнерадостно, но ее всегда приводили в уныние предстоящие роды: она верила, что схватки обязательно призовут волков. Куры только и сказали, что пыль совершенно не та, и жучки совершенно не те, и форма курятника совершенно не та – и как, по мнению людей, они вообще могут нестись в подобных условиях?

Рози снова развернулась и, опершись локтями о подоконник, уставилась в ночь. Из ее нового окна даже небо выглядело иначе, хотя (как она предполагала) это было то же самое небо. Другие кошки ушли, а Флинкс перебрался чуть ближе к окну спальни, которую Катриона теперь делила с Бардером. Луна этой ночью была полной (жениться в полнолуние считалось хорошей приметой), а небо усеивали яркие звезды. Обычный для Двуколки стелющийся туман до второго этажа не поднимался.

Тетушка, Катриона и Рози сегодня ночью впервые спали в доме колесного мастера. Все втроем, а теперь уже вчетвером, если считать Бардера (точнее, даже впятером, поскольку у Джоба был собственный закуток в углу, между домом и лавкой), и она предполагала, что вскоре их станет еще больше, когда у Бардера с Катрионой родятся дети. А завтра к ним привезут еще и постоялицу с детской магией – до сих пор Тетушка собственными чарами помогала семье

ее контролировать, но обещала взять девочку к себе, как только пройдет свадьба. Было поздно. Роза устала, но не была готова ложиться спать, опасаясь, что теперь, когда она и впрямь очутилась в незнакомом месте, опять проснется и не поймет, где находится.

Она задумалась, понравится ли ей жить в деревне. Воздух тут пах совсем иначе. Полевые, лесные, садовые и звериные запахи, к которым она привыкла, никуда не делись, но к ним примешивались дымки из чужих домов, где готовили пищу, легкий душок извести, говорящий о тщательно вычищенных уборных (деревенский совет по этому вопросу был непреклонен), с примесью разных незнакомых запахов от стойл животных, пыли и навоза с дороги. До нее доносился даже гул человеческих разговоров, а затем и раскат смеха из трактира, где после свадьбы засиделись несколько гостей.

За последний десяток недель она привыкла к тому, что чувствует себя потерянной, сбитой с толку. По крайней мере, эта отчужденность не казалась враждебной. Пытаясь вновь обрести уверенность и почву под ногами, она принялась повторять в уме некоторые из последних наставлений Нарла. Успеха она добилась лишь отчасти, поскольку немногие из его рецептов оказывались точными: скажем, нужно добавить достаточно едники, чтобы мазь ста-

ла липучей, но вязкость ягод разнилась от года к году в зависимости от погоды, а если насыпать слишком много, то засохшую мазь уже не соскоблишь с лошадиной ноги.

Нарл наверняка не случайно взялся ее учить именно теперь, и она могла только надеяться, что он и сам искренне этого хотел, что это не было своего рода игрушкой, призванной отвлечь растерянного ребенка. Едва подумав об этом, она осознала, как оскорбило бы Нарла подобное предположение, и едва не рассмеялась, но смех сейчас не доставил бы ей удовольствия. От смеха у нее расшатались бы все кости.

Возможно, она попросит у Тетушки несколько пучков сушеных трав, чтобы повесить их в спальне, — они будут приятно пахнуть и приглушат ужасную белизну стен. Бардер сам побелил комнаты, чтобы сделать их светлыми и радостными, — не может же она сказать, что предпочитает полумрак. Она привыкнет и к звукам, и к запахам, и к собственной комнате. Роза еще раз обвела спальню взглядом и закрыла ставни, готовясь лечь в постель. По крайней мере, это была ее собственная кровать, перевезенная из Тетушкиного домика, и ее собственная одежда висела на крючках у двери. Она могла бы взять свечу, но, если уж это будет ее комната, следует научиться находить дорогу в темноте.

Часть третья

Глава 11

У Розы была дополнительная причина сомневаться насчет переезда в деревню. Хотя Бардер предлагал им занять собственный дом, его лавка делила двор с лавкой тележного мастера, а у того была племянница, Пеони.

«Тебе еще повезло, – подумала Роза после драматической встречи Флинкса с Зогдобом, – тебе-то ничто не мешало сбежать».

Пеони была примерно ровесницей Розы и единственным ребенком в доме, где взрослые приходились ей не родителями, а дядей и тетей. Но этим все сходство между ними исчерпывалось. У Пеони были длинные золотистые локоны, правда более светлого оттенка, чем непослушные короткие вихры Розы, и прозрачные голубые глаза, которые улыбались, даже когда ее лицо оставалось серьезным. Взрослые никогда не относились к ней свысока: еще в младенчестве она была слишком вежливой и сдержанной, а когда подросла, оказалась весьма приятной в общении. Снисходительность соскользнула бы с нее,

как снег с теплой крыши. Она редко проявляла непослушание, а когда это все же случалось, обычно это было вызвано ее стремлением радовать окружающих своим присутствием или как-то более существенно им помогать, когда тетя с дядей ждали от нее быстрого выполнения какого-либо поручения.

Она умела шить, готовить и убираться, писала аккуратным, разборчивым почерком и складывала без ошибок. Она правильно напевала мелодию, танцевала и играла на разнообразных музыкальных инструментах, какие можно было найти в деревне. И в довершение всего она была красивой (ей достались изогнутые золотистые ресницы, хотя и не такие длинные, как у Розы.) Все вместе эти достоинства казались несколько чрезмерными. Розы считала так уже не первый год и избегала ее.

И все же изредка они встречались. В такой маленькой деревне все друг друга знали. Кроме того, Пеони была всего на семь месяцев старше Розы, а взрослые считали, что случайные временные совпадения обязывают детей хорошо ладить. Розы была слишком добросердечной, чтобы ненавидеть кого-то без веских оснований, но с Пеони дело обстояло иначе. Слишком много доводилось слышать о ее многочисленных достоинствах от жителей деревни, особенно после того или иного досадного недоразумения

с собственным участием. К несчастью Рози, ситуацию усугубляло то, что они с Пеони оказались единственными девочками их возраста в Туманной Глуши – все остальные были на несколько лет моложе или старше.

Добронравие Рози подверглось тяжкому испытанию, когда до нее дошло, что предложение Бардера будет иметь и такое последствие. Поскольку все трое взрослых: Тетушка, Катриона и сам Бардер – встревоженно наблюдали за ней, они заметили, как спустя несколько мгновений после первого объявления она вздрогнула, словно от удара, и скрипнула зубами. Чего они не узнали, так это того, что скрип зубов подразумевал мужественно-сдержанное: «По соседству с Пеони? Лучше я поселюсь в старом доме Мед вместе с плесневым духом. Может, новому арендатору лорда Прена понадобится пастух».

Все полные хлопот недели до свадьбы Рози удавалось избегать новой соседки, хотя Пеони частенько путалась под ногами, радостно предлагая любую помощь и донимая отвратительными возгласами вроде: «О, я так надеюсь, что мы станем как сестры». Рози удавалось притвориться, будто она не расслышала. Но теперь, когда она и впрямь тут поселилась, ей не удастся и дальше не обращать на Пеони внимания.

Однако столкновение произошло совершенно

не так, как ожидала Роза, хотя и началось весьма малообещающе. После свадьбы все заспались допоздна (Роза кое-как выбрела из дому, чтобы покормить коров и кур, а затем вернулась в постель), и, когда Роза выбралась во двор, было уже позднее утро. Ее выгнала туда Тетушка, которая угадала, по какой именно причине девочка отсиживается в кухне, и знала, что сама Пеони с похожей надеждой затаилась на улице.

— Милая, — обратилась она к Розе с сочувствием, которого трудно было не заметить, — рано или поздно тебе придется как-нибудь с ней примириться. Я понимаю, она... воплощенная добродетель и совершенно на тебя не похожа, но, возможно, не так уж и плоха.

Пеони, разумеется, сразу бросила то, чем занималась, и подошла к Розе с лучшей, самой обворожительной улыбкой на устах.

— Что ж, — начала она, — теперь, когда вся эта шумиха улеглась, возможно, нам удастся наконец узнать друг друга получше.

Роза, рассчитывая найти союзника, с надеждой огляделась в поисках Зогдоба, но тот свернулся калачиком в дальнем углу двора и притворился спящим.

— Хм... — не самым ободряющим тоном буркнула она.

Роза стояла как солдат на параде: выпрямив спину и глядя прямо перед собой. Рядом с Пеони она во-

обще предпочитала стоять, потому что стоя оказывалась на полголовы выше.

– Знаешь, – задумчиво заметила Пеони, подняв взгляд на Рози, – я никогда прежде не видела таких длинных ресниц, как у тебя...

– Сгинь! – яростно прошипела Рози, перестав изображать статую. – Я ненавижу свои ресницы!

Пеони уставилась на нее, приоткрыв рот, а затем приснула. Она взяла Рози за руку, и ту, к ее собственному удивлению, не передернуло от отвращения. В смехе Пеони она услышала, что девочка точно так же, как и она сама, волновалась из-за будущего соседства, опасаясь ляпнуть при Рози что-нибудь не то, и какое же облегчение осознавать, что все уже закончилось. Рози тоже расхохоталась.

После недель трудов, перемен, страха, обиды и надежды у нее ныло в груди, и поначалу смех причинял боль. Она вдохнула поглубже, наполнив легкие воздухом, и хохотала вместе с Пеони, пока обе не рухнули на землю прямо посреди двора. Дяде Пеони, Крантабу, даже пришлось прикрикнуть на них, приказав убратся с дороги. Отсмеявшись, они уже готовы были сделаться не просто подружками, но лучшими друзьями, связанными дружбой такого рода, которая оставляет отпечаток на всей жизни.

Спустя месяц после свадьбы у Тетушки с Катрионой гостили уже семь постояльцев, одолеваемых детской магией, – больше, чем когда-либо прежде, и постоянное присутствие в доме Пеони было встречено с безмерной благодарностью. Даже две вошедшие в полную силу феи могли побледнеть при встрече одновременно с семьей ребятишками, обладающими детской магией, притом что прочие их заботы никуда не девались только потому, что весь дом ходил ходунком.

Пеони (разумеется) отлично управлялась с маленькими детьми, была счастлива помочь и охотно носила амулет, сделанный для нее Катрионой, чтобы поддерживать какое-то подобие порядка. Пусть даже из-за амулета все, что она ела, пока его носит, напоминало по вкусу овечьи мозги. Спустя пару недель она робко упомянула об этом Катрионе.

– Ох, судьбы, – вздохнула та, – прости, пожалуйста. Так иногда случается.

Она сделала новый амулет и пристально следила за Пеони во время следующего обеда, но девочка старалась не встречаться с ней взглядом и занималась тем, что не давала Моне доводить Тибби до слез, корча ей гоблинские рожицы (включая бородавчатую зеленую кожу и клыки). Когда Тибби плакала, ее слезы превращались в разнообразнейшие интересные шту-

ки, бо́льшая часть которых заставляла ее реветь еще сильнее.

На следующий день Катриона увела Пеони во двор, сдернула с нее через голову амулет и протянула ей корзинку.

– Ступай-ка и поешь с Розы в кузнице.

Пеони зарумянилась:

– Новый амулет лучше, правда. Мне уже почти нравятся овечьи мозги.

Катриона рассмеялась:

– Часок я управлюсь и одна. Иди уже, или я выращу крылья у тебя на пятках, и ты туда полетишь.

Спустя примерно три месяца после того, как Пеони начала ходить на обед в кузницу, Розы возвращалась домой после долгого дня. Ей пришлось выяснять, не из-за того ли тяжелоюз Грея прихрамывает на заднюю ногу, что у него болят мышцы спины («Ну не знаю... – заявил Добряк, упомянутый тяжелоюз. – Болит-то лодыжка, но она... она и впрямь маленько отдает в спину, если уж на то пошло»), не из-за того ли кроткая верховая лошадь трясет головой, что у нее воспалился зуб («У меня голова гудит, мне это не нравится, сделай так, чтобы она перестала», – скорбно попросила Йора), и не из-за того ли кобыла, прибывшая к племенному жеребцу лорда Прена, никак не входит в пору, что ей не нравится конь, с кото-

рым хозяин хочет ее свести («Хмпф», – только и сообщила она Розе по этому поводу).

Катриону она застала за превращением нескольких сот пауков, столпившихся на кухонном потолке, обратно в ячменные зерна, которыми они были до того, как до них дорвалась Мона. Катриона аккуратно возвращала им изначальный вид, кучками, чтобы они со стуком ссыпались в подставленную ею миску. Пеони, в кои-то веки слегка взъерошенная и измотанная с виду, сидела за столом и зашивала дырки на коленях очень коротких штанишек. Когда потолок был очищен от пауков почти полностью («Ой! – между делом вскрикнула Катриона. – Простите, я не сразу поняла, что вы настоящий!»), Катриона поставила миску с ячменем на стол и вздохнула:

– Пеони, солнышко, тебе стоит проветриться. Наши маленькие чудовища уже все спят, а если нет, я обкурю их сонным дымом, и плевать на профессиональную щепетильность, хоть на один вечер. Розе, почему бы вам с Пеони не пойти прогуляться?

Они двинулись по дороге, от площади к перекрестку, где можно было свернуть либо к Вудволду, либо к Дымной Реке. Стоял туманный влажный вечер, и почти слышно было, как хихикают маревки. К утру должен был пойти дождь. Пеони взяла Розе под руку и вздохнула.

– Ты проводишь у нас больше времени, чем у себя дома, – заметила Роза с легкой ревностью.

Пеони улыбнулась:

– Тут от меня есть польза.

– От тебя везде есть польза, – откликнулась Роза с чувством, но без враждебности. – Разве твои дядя и тетя по тебе не скучают?

Пеони промолчала, и Роза внезапно кольнуло сожаление.

– Пеони?

Та вздохнула:

– Я так устала, не могу... Ты никогда не замечала разницы между твоим домом и моим?

– Твой чище, – прямо ответила Роза.

Тетя и дядя Пеони высоко ценили Розу, поскольку та взяла на себя раздражающую и болезненную обязанность подрезать их внезапно взбунтовавшуюся лозу джа и по мере сил ее укрощать. Заниматься этим приходилось почти еженедельно, и Роза казалось, что теперь она понимает, как должны были чувствовать себя воины, выезжавшие на битву с огненными змеями. Лоза джа не дышала огнем, это правда, но их норов и зубы были вполне сравнимы. Тетя Пеони, Хрослинга, завела обычай после каждого из этих рискованных предприятий приглашать Розу в дом и угощать ее лучшей выпечкой местного пекаря. Хрослин-

га была серьезной, озабоченной, суетливой женщиной, которая держала свой дом в удивительной чистоте (благодаря одному из заклятий Катрионы вся дерзкая волшебная пыль выпадала на парадном крыльце, хоть это и означало, что парадное крыльцо приходилось часто подметать) и превосходно шила. Розы не удавалось поддерживать беседу ни на одну из этих тем, но выпечка ей нравилась.

Пеони то ли рассмеялась, то ли закашлялась.

— Да, он чище. И тише. И... мои тетя и дядя взяли меня к себе, когда родители умерли. Они брат и сестра, ты же знаешь, да? И единственные родственники моей мамы. А папа был родом с юга.

Все это Розы знала.

— Им и в голову не пришло... уклониться от ответственности, они хорошие люди. Они заботливо меня вырастили и хорошо со мной обращаются.

— Как и должно быть! — вставила Розы, не в силах смолчать.

— Да-а. Пожалуй. И от меня им есть польза. В общем, все не так плохо, как могло бы быть...

— О, Пеони, — грустно откликнулась Розы.

— Они меня не любят, — тоскливо заключила Пеони. — Не так, как Тетушка, Катриона и Бардер любят тебя.

Ненадолго повисла тишина.

– Тебя люблю я, – наконец сообщила Рози.

Пеони снова издала тот же негромкий звук: что-то среднее между смехом и кашлем.

– Что ж, – произнесла она голосом, куда больше напоминающим ее обычный, – я же говорила тебе, что мы станем сестрами, верно? О, Рози, как же я тебя боялась! Ты высокая, как мужчина, и такая же сильная, если столько времени проводишь в кузнице, да еще и дружишь с Нарлом! Все немножко побаиваются Нарла! А твои тетя и двоюродная сестра – лучшие феи во всей Двуколке, а ты сама разговариваешь с животными лучше, чем любая фея, о какой только рассказывают люди. Я была уверена, что ты будешь меня презирать!

– Я бы не посмела. Все в деревне считают тебя совершенством.

– Да, – согласилась Пеони.

Вся энергия вновь отхлынула от нее. В этом тихом односложном ответе Рози расслышала все то, что подруга пыталась ей сказать, и у нее заныло сердце.

– К тому времени, как мы вернемся, уже будет готов ужин, – заметила она.

Пеони кивнула.

Они в молчании вернулись на общий двор при мастерских. Рози крепко сжимала руку Пеони, и та не воспротивилась, когда подруга повела ее в дом.

Восхитительный ароматный парок от мяса, овощей и овсяной каши встретил их вместе с голосом Катрины:

– Никогда не видела ничего подобного. Семеро маленьких чудовищ одновременно! И притом настолько... э-э... бодрых! В Туманной Глуши не так много магии, да и в Двуколке тоже, а в семье Даквита, сами знаете, никогда не водилось волшебства, никакой даже троюродной сестры, способной размагичить чайник. И обычно – знаете, как это бывает, – достаточно просто пасти их, как овчарка овец. Обычно дети с готовностью поддаются, несмотря на все их фокусы. Зачастую они сами до смерти боятся того, что могут натворить, а потому искренне хотят, чтобы их остановили, даже если все равно пытаются озорничать. Но не эти ребяташки. Иногда мне и впрямь казалось, что они вот-вот от меня ускользнут. Как сегодня. Верно, Пеони?

Она говорила и одновременно раскладывала по тарелкам еду. Розы и Пеони сели рядом с Джобом и Бардером. Взгляд Пеони на миг задержался на амулете, безобидно висящем на стене, над Тетушкиной прялкой. Мордочка горгульи усмехнулась, как будто оценила шутку.

Джоб чихнул. Никто, в том числе и сам Джоб, не предполагал, что он страдает аллергией на вол-

шебную пыль, пока в дом не переехали Тетушка и Катриона. Тетушка бесплатно обеспечивала его чарами против пыли, поскольку это они с племянницей были виноваты в том, что в доме колесного мастера ее внезапно стало гораздо больше, чем прежде, но подобрать в точности верную силу и охват оказалось не так-то просто. Джоб относился к происходящему с неизменно доброжелательным юмором, надеясь, что рано или поздно им удастся настроить чары. (Ни Тетушка, ни Катриона не могли придумать, что делать с привычкой матери Бардера всякий раз, приходя к ним в гости, проводить пальцем по какой-нибудь поверхности, а затем изучать неизбежно грязный кончик с выражением лица женщины, обнаружившей у себя в супе жабу.)

— И дело не только в детях, верно, Тетушка? — продолжала Катриона. — Я заговаривала нового коренника Шона, и, конечно, он рисковал, дожидаясь, когда сможет приехать в Туманную Глушь, чтобы заговорить новую лошадь, но до сих пор ничего страшного же не случилось — ведь так? Но на этот раз я почувствовала, как... как само плетение заговора пыталось вывернуться из моих рук. Никогда прежде не видела и не ощущала ничего подобного.

Последовало молчание, но Тетушка нахмурилась.

— Гм... — неуверенно заговорил Джоб. — Есть такая

история... ну, сказка...

Он снова чихнул, на этот раз сильнее.

— Храню тебя и берегу, — поспешно вставила Катриона.

Можно лишиться много чего важного, если не сдержаться и чихнуть слишком сильно, а нечто притаившееся хочет тебя обокрасть. Не то чтобы они с Тетушкой не могли все вернуть, если потребуется, но лучше вообще ничего не терять.

— Да? — добавила она. — Ты имеешь в виду что-то, имеющее к нам отношение?

— Ну, возможно, — осторожно предположил Джоб: он все еще слегка робел новой семьи своего мастера. — Просто говорят, что иногда, когда фея выходит замуж, вокруг на некоторое время становится больше волшебства.

— Да, я такое слышала, — подтвердила Тетушка. — Предполагается, что это одна из причин, по которым феи выходят замуж реже, чем все остальные. Думаю, поверье основывается именно на этом. Впрочем, это не важно.

— Так это правда? — уточнила Катриона.

— Возможно, — небрежным тоном произнесла Тетушка. — Церковные обряды задевают связь между волшебным и обыденным. Фея, участвующая в каком-нибудь важном ритуале, может привлечь к себе

определенное магическое внимание, что на некоторое время нарушает равновесие.

– Привлечь... внимание? – переспросила Катриона.

Рози подняла озадаченный взгляд от тарелки, гадая, почему голос Катрионы сделался столь странным.

– Я бы не стала об этом тревожиться, – все тем же небрежным тоном отозвалась Тетушка. – Это всего лишь немножко избыточной детской магии. Вполне вероятно также, что всемером они накапливают общую мощь, а Шон, возможно, ждал дольше обычного.

Но взгляды Тетушки и Катрионы обратились к Рози, а спустя мгновение задумчиво посмотрел на нее и Бардер.

– Не смотрите на меня так! – возмутилась Рози. – Ко мне это вообще отношения не имеет! Я просто стояла там в этом дурацком венке и ростом была выше всех, кроме Бардера! Я просто разговариваю с животными! Я не фея!

Через три дня после этого разговора Рози проснулась среди ночи от сотрясшего дом грохота. Мгновение она лежала, пытаясь отдышаться, поскольку чувствовала себя так, будто ее швырнули на землю и вышибли из нее дух, хотя по-прежнему оставалась в собственной постели. Голова кружилась. Как только ей

удалось собраться с силами, она поднялась с кровати, чтобы проведать остальных. Роза еще недостаточно освоилась в доме, чтобы уверенно передвигаться по нему в темноте, и ощупью нашаривала путь вниз по лестнице, к мерцающему свету, который пробивался из-за не до конца прикрытой кухонной двери.

Она с трудом распахнула дверь и обнаружила за ней Тетушку: та склонялась над огнем, которому в это время суток полагалось бы теплиться в углях, и поспешно швыряла в него какие-то дурнопахнущие травы. Катриона тем временем стояла у очага на коленях и бормотала нечто ритмичное. Роза узнала песню-заклинание, но никогда прежде не слышала, чтобы ее проговаривали так быстро и отчаянно. По стенам мелькали клочки теней, напоминавшие тени малиновок, хотя самих птиц Роза не видела.

— Кэт... — окликнула она, но имя прозвучало хриплым карканьем.

Давление на грудь, которое Роза ощутила еще наверху, вернулось. Ей показалось, что при звуке ее голоса Катриона запнулась, но к этому времени она уже сама оседала на колени, а глаза медленно затуманивало дымкой.

«Я теряю сознание, — подумала она. — Я никогда прежде не падала в обморок. Какое странное ощущение. Кажется, будто я уже не вполне здесь».

Перед ее глазами протянулись отчетливые цветные полосы – тускло-фиолетовые, словно злонамеренный туман. А затем она ощутила что-то на шее. Оно горело, обжигало ее... Нет, оно сжигало подозрительное маслянистое облако, в котором она как будто зависла. Чья-то рука схватила ее повыше локтя и сжала до боли, и она снова оказалась в кухне (хотя, конечно, никуда из нее и не девалась) – только теперь лежала на полу, а рядом стояла на коленях Катриона и держала ее за плечо.

– Рози? – окликнула ее Катриона.

Рози осторожно села. Она снова могла дышать, но на шее и груди по-прежнему оставалось жаркое, почти обжигающее ощущение, как будто она примерила пылающее ожерелье. Девочка коснулась ключиц рукой и обнаружила там кусочек обугленного шнурка, рассыпавшийся у нее в ладони. Она уставилась на него в совершеннейшем изумлении. Угольные крошки размазались по пальцам и просыпались ей на колени.

– Ох, Кэт, – заговорила она, – прости. Я ведь испортила вам колдовство, да? Я не знала, что вы делаете... делаете что-то... вот так, посреди ночи. Я проснулась – был еще этот жуткий грохот – и какое-то мгновение не могла дышать.

– Ты не виновата, – заверила ее Катриона.

У ее локтя горела свеча, и впадины ее глаз казались огромными.

– Если... Если это тебя побеспокоило, ты правильно сделала, что пришла и нам сказала. Очень хорошо, что ты пришла. Рози, если еще когда-нибудь произойдет что-то подобное, сразу же скажи нам. Слышишь меня? Обещай. Обещай, что разыщешь Тетушку или меня немедленно.

– Да... хорошо, обещаю. – Рози с удивлением смотрела на Катриону. – А это... это затронуло только меня? Ни Бардера, ни Джоба, ни малышей?

– Да, только тебя, – прошептала Катриона, выпустила руку Рози и с глухим стуком опустилась на пол. – Разные люди... реагируют по-разному. Как Джоб на пыль. Ты не виновата.

Рози глянула в другой конец кухни, где Тетушка все еще стояла у огня, но травы в него кидала уже щепотями, а не пригоршнями, и ее напряжение заметно спало. Она посмотрела на Рози и улыбнулась:

– Возвращайся-ка ты в постель, милая моя. Все уже сделано. Кэт, ты тоже ложись. Я сама закончу.

Детская магия наконец-то выдохлась, и семь маленьких чудовищ Катрионы отправились по домам. Тибби, Даквит и Мона выглядели при этом несколько ошеломленными, как будто не могли толком вспом-

нить, что с ними происходило в последние четыре месяца. До конца года погода оставалась капризной (к смятению крестьян), с грозами и градом летом и теплыми ливнями после зимнего солнцестояния вместо положенных сильных морозов и волшебной изморози, по которой феи-провидицы могли что-нибудь предсказать о предстоящем годе. Катриона с Тетушкой были заняты больше обычного, выпутываясь из шалостей озорных духов, и даже добродушные домовые завели обыкновение сворачивать молоко, сквашивать пиво и швырять обувь, оставленную для чистки, в навозные кучи. Но год закончился, и начался следующий, все улеглось и вернулось на круги своя.

Первенец Катрионы и Бардера родился через восемнадцать месяцев после свадьбы, вскоре после того, как Рози исполнилось шестнадцать. Рози готовилась к тому, что начнет чувствовать себя лишней (она разговаривала об этом с Пеони, но больше ни с кем), и вечером, когда у Катрионы начались схватки и повитуху предупредили, а в кузнице не осталось дел, которые не могли бы подождать, Рози отправилась в лес на долгую прогулку. Она устроила себе основательную выволочку, вполуха слушая голоса зверей и птиц, которые передавали с ней любезные пожелания будущей матери. Так продолжалось, пока не появился

Фуаб – зяблик, второй по важности целью своей жизни (первая состояла в том, чтобы вырастить как можно больше птенцов) считавший воспитание странного человека, разговаривающего с животными.

Он слетел вниз, приземлился на голову Розы и несколько раз крепко клюнул ее в макушку.

– Эй! – сердито откликнулась девочка и смахнула его прочь.

Фуаб чуть отлетел, убравшись из-под руки, а затем вернулся на прежнее место.

«Слушай внимательно! – потребовал он и клюнул снова. – Дети – это важно! Дети важнее всего!»

Каждая фраза перемежалась новыми клевками.

«Ладно, – отозвалась Роза. – Я тебя услышала. Лети отсюда».

«Вы, люди, слишком долго живете, вот в чем ваша беда», – заключил Фуаб и, расправив крылья, улетел.

Они договорились, что, если к ночи Катриона еще не родит, Роза переночует у Пеони. Но Роза все равно не смогла заснуть. Дома стояли достаточно близко друг к другу, и она слышала шум суеты, доносившийся с другой стороны двора, и видела свет, горящий в окне на втором этаже. Кроме того, до нее доносилась болтовня мышей, обсуждающих происходящее. Мыши ужасно болтливы. Они способны говорить о чем угодно, а если говорить не о чем, то обсуждают то, что

им не о чем говорить. По сравнению с мышами даже малиновки замкнуты и сдержанны. Рози казалось, что если бы мыши меньше болтали, они реже становились бы обедом для кошек и сов. Но это не ее забота. Самым важным правилом животного мира было «не вмешивайся».

В ночь, когда у Катрионы родился первенец, Рози лежала рядом с Пеони и прислушивалась к рассказам мышей. Конечно, она сразу же узнала, когда показалась головка ребенка и когда последовало все остальное. Она гадала, подумала ли Катриона о мышах и почему не отослала Рози подальше: потому, что хотела, чтобы Рози узнала от них о происходящем, или потому, что ее больше некуда было отослать... А может, Катриона так волновалась из-за ребенка, что вовсе забыла о Рози. Она вспомнила темные бессонные ночи в Тетушкином домике перед свадьбой, когда внутреннее эхо рассказывало ей, что она не та, кем себя считает, и жалела, что не прихватила с собой веретено с горгульей и не спрятала его под подушку. Рози хотела было спросить разрешения взять его с собой, но это показалось ей ребячеством, для которого она уже слишком взрослая. В те последние недели перед свадьбой она отказалась от подобных глупостей.

Рози уже на цыпочках обходила комнату Пеони, со-

бирая свою одежду, когда услышала первый слабый крик. Она медленно и тщательно оделась в мягком полумраке, как будто готовилась к встрече с незнакомцем, на которого хотела произвести хорошее впечатление. Затем вышла в коридор, но на полпути вниз по лестнице остановилась, засомневавшись, может ли пойти дальше. Она коснулась рукой стены и все же продолжила путь, но так, будто эта лестница была ей незнакома, а внизу ее могли поджидать великаны-людоеды.

Во дворе она встретила повитуху, кутающуюся в плащ перед возвращением домой. Арниса улыбнулась ей и похлопала по руке.

– Здоровый крупный мальчик, – сообщила она.

Рози вошла через черный ход и обменялась долгим взглядом с Флинксом – тот охранял дверь, ведущую из кухни в остальную часть дома, и ему в кои-то веки не удавалось изобразить полное безразличие к окружающим обстоятельствам. Рози медленно поднялась по лестнице к спальне Катрионы и Бардера, по широкой дуге обогнув узел с испачканным постельным бельем и грязной соломой, оставленный у двери.

– Входи, – позвала ее Тетушка. – Я так и думала, что ты не будешь спать.

– Я знала, что мыши тебе сообщат, – слабым голосом выговорила Катриона, когда Рози робким толчком

приоткрыла дверь. – Заходи посмотреть.

Катриона выглядела измученной, но уже успела умыть лицо и причесать волосы. Постель еще пахла травами из бельевого шкафа, но в комнате стоял и другой, более сильный запах. Бардер поднялся с края кровати, где сидел рядом с женой, и шагнул к Розе, протягивая ей небольшой сверток. Девочке потребовалось мгновение, чтобы понять, что ей предлагают взять его на руки, а не просто посмотреть на красное сморщенное личико в одном из его концов.

– Это Джем, – пояснил Бардер. – Он твой... Не знаю точно, как это называется, но он часть твоей семьи.

Глава 12

Рози не была так уж уверена насчет детей, что бы там ни говорил Фуаб, но почувствовала она себя не столько лишней и никому не нужной, сколько одной из взрослых, вместе с другими угодивших в эту заварушку. Ощущение пустоты и потерянности, беспокоившее ее перед свадьбой Катрионы, по большей части заполнилось или вытеснилось новой жизнью и новыми заботами, но остатки его напрочь уничтожил Джем, занимавший собой все время, какое только было.

– Это потому, что он фея? – озадаченно спросила Рози у Тетушки.

– Нет, милая, это потому, что он младенец, – пояснила та, с героическим самообладанием удержавшись от замечания, что еще совсем недавно Рози была точно таким же младенцем (если не хуже).

Когда Рози сравнялось восемнадцать, а Джемму два – он пошел и начал разговаривать, и, хотя оставался совершеннейшим маленьким бедствием (по мнению Рози), в нем уже можно было распознать будущего человека, – Катриона родила Гилли, и все началось заново.

Однажды вечером, укачивая Гилли, в жизни кото-

рой наступила неприятная пора, когда она соглашалась спать только на руках у взрослого, прохаживающегося с ней по комнате, Рози вспомнила о Перниции. До них не доходили слухи о ней вот уже... с самой свадьбы. Шон больше не рассказывал историй о придворных магах, и они давно не видели, чтобы через деревню проезжал отряд несчастных кавалеристов, гонящихся за призраками. Рози посмотрела на личико спящей Гилли – та обмякла и растеклась, словно хлебное тесто, в которое добавили слишком много воды, – и попыталась этому обрадоваться. Но в свои восемнадцать Рози стала уже слишком взрослой, чтобы верить, будто не видеть чего-то и быть от этого в безопасности – это одно и то же. И ее коснулось протянувшееся из ниоткуда холодное щупальце страха.

– Спасибо тебе, солнышко, – обратилась к ней Катриона, появляясь из-за двери и зевая после недолгого сна, – теперь я ею займусь.

– Кэт... – начала Рози, бережно передавая малышку (впрочем, недостаточно бережно, раз та захныкала, угрожая проснуться и разразиться полноценным ревом). – Кэт, мы уже несколько лет ничего не слышали о Перниции. Даже Гисмо больше не рассказывает баек ни о ком, кроме трех принцев.

– Нет, не слышали, – признала Катриона, прохаживаясь по кухне так же, как чуть раньше делала это Ро-

зи.

Кухня была самым просторным и хорошо приспособленным для прогулок помещением в доме, с длинным столом посередине и прялкой в углу у двери.

Ее взгляд скользнул к трехногому железному котелку, в котором теперь лежал моток зачарованного шнура. Роза так и не выяснила, что случилось с ожерельем Катрионы, кроме того, что его утрата сильно ее огорчила.

— Но что же насчет несчастной принцессы? — спросила Роза.

— Не знаю, — ответила Катриона, снова посмотрев на нее.

Роза заметила, какой она сделалась грустной, испуганной и встревоженной, и подумала, как это похоже на Кэт: любить кого-то, кого она никогда не встречала, только потому, что над этим незнакомцем висит проклятие и ему, должно быть, приходится по-настоящему туго. Бедная принцесса! Жаль, нельзя ей сообщить, что на ее стороне такой человек, как Кэт. Роза надеялась, что придворные феи хорошо заботятся о принцессе, но они не могли быть и в половину так заботливы, как Кэт.

— Возможно, Перниция отступилась, — предположила она, — и принцесса уже завтра отправится домой.

— Хорошо бы, — попыталась улыбнуться Катриона

и продолжила тихонько, чтобы не потревожить ребенка, но так, будто она долго об этом размышляла: — Конечно, проклятия имеют обыкновение изнашиваться, но она не могла этого не знать. Перед тем как явилась на именины, она наверняка придумала способ преодолеть течение времени. Иногда превращение из ребенка во взрослого ломает даже самое мощное проклятие, как это много лет назад случилось с лордом Карреном... — (Рози кивнула: Бардер научил ее балладе про этого лорда.) — Но, должно быть, она придумала, как обойти и это. Тетушка всегда говорила, что с самого начала дело было только в двадцать первом дне рождения, остальное просто жестокость, как будто само проклятие было недостаточно жестоким...

— Возможно... возможно, это просто жестокость, — нерешительно предположила Рози. — Возможно, дело только в этом единственном дне рождения. Возможно, принцесса может завтра вернуться домой. До ночи накануне ее двадцать первого дня рождения.

— Нет, — отрезала Катриона.

Она слегка хмурилась, и ее взгляд сосредоточился на чем-то, чего Рози не видела и что не смогла бы разглядеть, даже если бы обернулась и посмотрела.

— Нет. Сиг... Фея королевы узнала бы, будь это безопасно.

Катриона моргнула. Теперь она смотрела на пауч-

ка, осторожно спускающегося с потолочной балки. Роза тоже глянула на него. Он нерешительно покачивался туда-сюда, поблескивая хитином в свете лампы, а затем поспешно взобрался по своей невидимой нити и скрылся в тенях.

Катриона поудобнее перехватила Гилли.

– Я засыпаю на ходу, Роза. Не слушай моего бормотания.

– Хотелось бы надеяться, что в конце концов принцесса победит, – вздохнула Роза.

– Мне тоже, – поддержала ее Катриона.

К этому времени Роза уже с головой ушла во врачевание лошадей, а иногда и коров, овец, свиней, коз, собак, птиц, кошек и почти всех остальных, кроме людей. Тетушка и Катриона пытались поддразнивать ее насчет работы, которую она у них перехватывает, но она так расстроилась, что они прекратили шутить на эту тему. (Бардер по-прежнему иногда заявлял ей, что стоило бы почаще оставаться дома и вырезать веретена-волчки, но, поскольку обычно после такого вступления он показывал ей еще какой-нибудь хитрый прием в обращении с ножом и деревом, она не возражала.) Весьма часто способ лечения для какого-либо недомогания они находили на общем совете. Многие животные (в отличие от людей) понима-

ли, когда их преследовали духи. Это сберегало время на постановку диагноза, так как Роза могла передать их слова по назначению. Но сама Роза ничего не могла поделать с земляным духом, вызывающим болотную лихорадку, или водяным чертом – виновником воспалений кожи. Впрочем, однажды в первом случае она почти случайно выяснила, что земляной дух раздражен тем, что все его лучшие туннели перерывы и расширены кротом, и сумела уговорить крота перенаправить усилия на другую сторону луга.

Однажды утром Роза заметила на противоположной от кузницы стороне площади двух конюхов в лиффах лорда Прена, приехавших на двор к тележному и колесному мастерам. Она предположила, что они прибыли за Тетушкой и Катрионой, и даже начала гадать, зачем они обе могли понадобиться лорду Прену. Но когда она увидела, как Тетушка через площадь направляется к кузнице, а конюхи следуют за ней, ведя лошадей в поводу, у нее упало сердце: она испугалась, что ее попросят посидеть с ребенком.

– Они приехали за мной? – удивилась она.

– За тобой, – с улыбкой подтвердила Тетушка.

– Я же говорил, – буркнул Нарл с полным ртом гвоздей. – Ждал, пока тебе стукнет восемнадцать.

Восемнадцать лет считалось официальным возрастом, когда можно было объявить об окончании

ученичества или братья за собственную работу, даже оставаясь при мастере, если он (или она) не возражал.

Рози, в кои-то веки лишившаяся дара речи, взобра-лась на лошадь позади второго конюха и, подпрыгивая от резвой рыси, отправилась в Вудволд. Езда верхом никогда не доставляла ей удовольствия.

«Прошу прощения», – извинилась она перед лоша-дью.

«Рада помочь», – отозвалась та, поскольку ей нра-вилось считать себя искушенной в человеческих обы-чаях.

Рози уже бывала в Вудволде. Лорд Прен ежегод-но по некоторым праздникам приглашал на обед всю Двуколку (а деревенские старосты сидели за его соб-ственным столом). И тогда парк вокруг огромного скопления зданий, башен, закоулков и щелей, состав-лявших Вудволд, заполняли прилавки, с которых тор-говали цукатами, амулетами, лентами, тканями, иг-рушками и веретенами-волчками (поделки Бардера вот уже несколько лет получали высшую цену, но Ро-зи потихоньку его догоняла). Рядом обязательно вы-ступали сказители и певцы, и танцы становились тем зажигательнее, чем ниже спускалось солнце и чем больше выпивалось пива, эля и сидра. Даже тогда, в окружении сотен людей, чувствовалось, как громада

Вудволд наблюдает за тобой. Но Вудволд был единственным по-настоящему крупным строением во всей Двуколке, и большинство ее жителей никогда не видели других ему подобных. Конечно, про Вудволд рассказывали истории – куда же без них? Весьма огорчительно, если про твоего лорда, его семью и владения не ходит легенд, а сами Прендергасты вот уже много поколений считались такими удручающе обыкновенными, надежными и ответственными, что оставалось только радоваться существованию Вудволда, дававшего сказителям хоть какую-то основу для работы. И если казалось, что он подавляет своими размерами, что ж, это свойственно всем крупным зданиям, а ощущение, будто он наблюдает за своими гостями, было, вероятно, вызвано избытком услышанных легенд (и, возможно, выпитого пива).

Но Роза воспринимала Вудволд иначе, когда в ходе своего ученичества бывала там вдвоем с Нарлом.

После развилки дорога, ведущая из Туманной Глуши, расширялась вдвое, достаточно, чтобы на ней могли разъехаться две повозки, а перед тем, как вывести к большим воротам, удваивалась еще раз, образуя просторную круглую площадку, похожую на двор. На ней не стояло ничего, кроме ворот и каменной стены двенадцати футов в высоту, тянувшейся в обе стороны, насколько хватало глаз. Ворота вдвое превос-

ходили высотой самый высокий фургон и завораживали Розы сложностью ковки. (По мнению жителей Двуколки, как и многих гостей Прендергастов из других земель, они были настолько красивы, что могли бы быть сотворены волшебством, если бы холодное железо уступало чарам или кузнецы не чурались магии.) Когда человек пересекал невидимую границу, отделяющую земли Вудволда от внешних, его желудок кратко вздрагивал, как будто его на миг переворачивало вверх тормашками и сразу же обратно, и лошадиные копыта, колеса повозки и даже ноги на протяжении нескольких шагов поднимали в воздух удивительные клубы пыли. (Леди Прендергаст всегда заказывала перед праздниками длинные цепи заклятий, прибывающих пыль к земле, и их красиво развешивали на открытых воротах.)

Затем дорога тянулась все дальше и дальше, потому что парк все не заканчивался, полный красивых деревьев и маленьких красновато-коричневых оленей, совершенно не похожих на обычных больших оленей в лесах Двуколки (в том числе и тем, что эти были наполовину ручными и с нетерпением предвкушали дни, следующие за праздничными, когда можно подбирать разные вкусы там, где накануне стояли пиршественные столы), и неожиданно открывавшихся аллей с причудливыми строенницами или статуями

в конце. К тому времени, как путник решал, что забрел в какое-то зачарованное место, и принимался гадать, сумеет ли выбраться обратно, начинались конюшни на окраинах Вудволда.

Казалось, Вудволд всегда стоит против солнца, откуда бы на него ни смотреть и где бы ни находилось само солнце. Он был возведен из камня и дерева. За многие века они потемнели и как будто вросли друг в друга, пока не стало невозможно отличить, где заканчивался один материал и начинался другой. Если попытаться его исследовать, выходило, что этот дом совершенно не уравновешен: здесь крыло, там пристройка, лишний этаж в этой части, но не в той, шесть окон по одну сторону от двери, семь – по другую. Но он производил впечатление великой основательности, глубинного упорядочивающего духа или принципа, пронизывающего его от самого захудалого чулана до вершины высочайшей башни, где развевалось знамя Прендергастов.

И он ощущался живым. По крайней мере, он казался живым Розе. Она всегда почти ожидала, что Вудволд с ней заговорит, и ощущала, как то чувство (чем бы оно ни было), с помощью которого она общалась с животными, пыталось наладить с ним связь. Каменная стена была границей – даже с завязанными глазами Розе поняла бы, где находится, едва шагнув

за ворота. Она ощутила бы присутствие Вудволда.

В тот день, без Нарла, он казался еще больше. Нарл сглаживал воздействие любой неведомой мощи даже лучше, чем Тетушка.

Она решила, что ей повезло с этой первой самостоятельной работой. Дрок, любимый жеребец лорда Прена, лишился аппетита.

«Со мной обращаются как с парадным седлом, – пожаловался ей Дрок. – Полируют и полируют, а затем вешают на крючок до парада».

Дрок был шестнадцати с половиной ладоней в холке и золотистым, словно предполуденный свет. Даже просто стоя рядом с ним, ты ощущал прилив гордости и благородства.

«Ты слишком хорошо воспитан, – заметила Роза. – Если бы ты время от времени кусал людей и закатывал им истерики, они бы уловили намек».

Дрок склонил голову так, чтобы заглянуть ей в лицо, – если у него и был какой-то недостаток, так это малость чопорное чувство юмора, – а она могла посмотреть на него. Смиренная печаль в его темных глазах придавала Розе больше резкости, чем она позволила бы себе, если бы вспомнила, с кем разговаривает, и осознала, что ее будущее может зависеть от следующих произнесенных слов.

– Возьмите его на охоту, – вслух потребовала она. –

Дайте ему взмокнуть, испачкаться, устать и испугаться. У него внутри совсем пусто, ему нужно чем-нибудь заняться.

– Он... К нему приводят лучших кобыл в стране, – смущенно напомнил встревоженный главный конюший.

Он подумывал, не рассердиться ли ему, но выражение морды коня (и лица Розы) его остановило.

Розы коротко хохотнула:

– Это трудно назвать занятием, не правда ли?

Ей нравился главный конюший лорда Прена, и, что важнее, она ему тоже нравилась. Он всегда держался с ней вежливо, а даже к договорным подмастерьям, каковым она не являлась, необязательно относились с уважением. Она посмотрела конюшему прямо в лицо и увидела, как до него постепенно доходит смысл ее слов. Наконец улыбка нехотя смягчила его лицо.

– Ты ничуть не уступаешь прямотой Нарлу, – заключил он. – Похоже, он хорошо тебя обучил. Что ж, ладно, я сообщу лорду Прендергасту, что ему следует взять самого ценного жеребца в его конюшнях на охоту. Скоро состоится охота на того кабана, который докучает Мглистой Запруде. Это подойдет?

Главный конюший Вудволда начал звать ее «моей Розы» в разговорах с подчиненными и, похоже, видел в ней нечто среднее между протеже и дочерью.

Ее дар не исчерпывался тем, что она умела говорить с лошадьми: она слышала их, а они слышали ее. Однажды ее вызвали, когда Резвый, крупный скаковой гнедой, довел свою неприязнь к движущимся теням до такой степени, что скорее опрокинулся бы на спину, чем покинул стойло, а затем разнес стойло в щепки, поскольку извелся от тревоги в замкнутом пространстве.

«Ты самовлюбленный, дурно воспитанный сосунок, – заявила Рози, распахнув дверь в его стойло. – Попробуй только закатить мне одну из своих истерик, и я огрею тебя по голове доской. Чего, по-твоему, ты хочешь? Стать королем всего мира? Знаешь, это тоже скоро наскучит – решать, кто прав, а кто нет, когда твои подданные спорят, пытаться выяснить, кто строит против тебя козни и что с этим делать. Вбей в свою тупую башку, что вокруг полно других живых существ, не менее важных, чем ты сам, как бы ты к этому ни относился, и веди себя соответственно, или я скажу егерю, чтобы он сделал из тебя каминный коврик».

Резвый, вставший на дыбы, как только дверь открылась, с ошеломленным видом опустил обратно на все четыре ноги. Рози чувствовала себя слегка виноватой, поскольку он был очень юным и очень-очень резвым и его конюхам и наездникам велели относиться к каждой его прихоти с величайшим почте-

нием. Нельзя было винить его одного в том, что он начал баламутить воду, раз ему это позволяли. Но все равно его следовало остановить. Лорд Прен не станет держать у себя в конюшнях опасную лошадь и не захочет ее перепродавать. Рози сказала себе, что спасает Резвому жизнь, скрестила на груди руки и свирепо нахмурилась.

Он явно размышлял, но не произнес ни слова. Спустя примерно минуту смятенной тишины он склонил голову и издал негромкий, робкий жующий звук, словно страдающий жеребенок. Рози опустила руки и потянулась почесать ему лоб.

«Хочешь пойти прогуляться? – предложила она. – День выдался чудный».

Она рассказала Нарлу о столкновении с Резвым, наблюдая за тем, как он трудится над новой табличкой с пожеланием удачи, которой предстояло висеть за стойкой в трактире. Раньше там красовалась серебряная, принадлежавшая еще бабушке Кернгорм, но пару недель назад она взорвалась, изрядно встревожив всех, а в особенности саму Кернгорм, которая не думала, что успела нажить врагов, настолько ее ненавидящих и способных позволить себе нечто столь драматическое. Решив не рисковать, замену она заказала из холодного железа. Бардер в последнее время учил Нарла замысловатым узлам, поэто-

му табличка напоминала большую плетенку из черной веревки.

Рози вывела Резвого на прогулку по дороге к воротам и несколько минут простояла, разглядывая их, пока конь пощипывал редкие травы, растущие на ухоженных выгулах Вудволда. Издали можно было увидеть стойки с тремя поперечинами ближе к верху и еще тремя внизу, но, если подойти ближе и присмотреться, остов исчезал в кипении растений и животных, переплетенных и скрученных вместе, словно куча спящих щенят. Львиные морды выглядывали из завитков ломоноса, скачущий заяц выгибался над извивом змеи, а анютины глазки и розы спускались гривой вдоль медвежьего хребта. Очнулась она лишь тогда, когда Резвый зашел ей за спину и ущипнул губами за загривок.

— Нарл... — начала она. — А правда, что лорд Прен привез тебя сюда, чтобы сделать эти ворота?

Кузнец поднял на нее взгляд, и Рози поняла, что он, вредина, уже решил не отвечать, о чем бы она его ни спросила.

— Нет, — ответил Нарл и вернулся к работе над табличкой.

Рози вздохнула и направилась домой — пропалывать грядку с травами.

Она все еще думала о Вудволде, когда Тетуш-

ка позвала ее помочь с приготовлением чая, но так и не смогла заставить себя произнести: «Я все жду, когда же он со мной заговорит».

— У этого места есть занятный... запах, что ли, — вместо этого заметила она. — Ты не замечала? Конечно, у ворот есть какая-то преграда, и, когда я ее пересекаю, мне почти мерещится запах горячей медовухи, или подвальной плесени, или еще чего-то. Но когда заходишь поглубже внутрь, он становится отчетливее, а не исчезает, только уже совсем не придумать, на что он похож. И мне кажется, это даже не запах вообще...

Тетушка посмотрела на нее с интересом:

— Ты права. Но это и запах, и что-то еще... Я не ожидала, что ты его уловишь. Живя со мной и с Катрионной, ты научилась большему, чем я предполагала.

— Ты имеешь в виду, что это волшебный запах? — уточнила Роза.

Она наморщила нос, хотя причиной тому, возможно, был Джем. Тот вернулся с улицы, вывалявшись в какой-то мерзости, — вероятно, взял пример с Зогдоба. Флинкс, пришедший следом за Розой с огорода, приблизился к нему с явным недоверием, встопорщил усы, выпрямил трубой хвост и величественно удалился.

— Не совсем, — поправила ее Тетушка, — но это за-

пах, который порождает близость магии.

Рози рассмеялась:

– Типичный ответ феи. Даже если бы я оказалась феей сама, все равно ни за что не смогла бы уложить это в голове. Тебе пришлось бы делать для меня амулет (как Сник кладет в карман немножко боярышника и рябины, когда садится играть в карты), или я до самой смерти от старости продолжала бы творить какую-нибудь жуткую детскую магию.

По лицу Тетушки было видно, что она задумалась о чем-то другом, но ни за что не признается, о чем именно.

– Необязательно. Магия обычно следует форме своего сосуда. Если ты будешь так любезна, что избавишь это дитя от одежды, я его искупаю, иначе он всем нам отравит удовольствие от чая.

Когда яростные возражения Джема поутихли и он заявил о своем намерении стать рыбой, надеясь вызвать какой-нибудь отклик использованием плохого слова (разочарованный, он принялся плескать водой на пол), Рози вернулась к беседе.

– Но я по-прежнему не понимаю, – задумчиво сообщила она. – Среди Прендергастов нет ни фей, ни магов. У них почти не бывает детской магии. Тот славный ходячий лес несколько лет назад устроил ведь сын дворецкого, верно? Я помню, как ты делала огромный

амулет, чтобы он мог остаться дома. Они даже не держат собственных фей, поэтому всегда приглашают тебя и Кэт. Тогда откуда... откуда этот запах?

Тетушка закончила отскребать Джему волосы и плеснула ему на голову водой.

— Это сам дом, — коротко пояснила она. — Ты же слышала истории.

Не такой ответ хотела услышать Роза. Мысль о том, что нечто столь могущественное спит так неглубоко под поверхностью обыденного мира — каким бы изъеденным и истрепанным магией ни был этот обыденный мир, — что даже обычный человек, живущий с парой фей, может заметить его присутствие, изрядно ее беспокоила. Не говоря уже о том, что ей постоянно казалось, будто оно вот-вот с ней заговорит.

Глянув на Розу, Тетушка отчасти угадала, что ее тревожит.

— Думай о нем как о своеобразном сторожевом псе, — предложила она. — Думай о Дротике.

Выразительное лицо Розы тут же расслабилось, когда перед ее внутренним взором торжественно двинулась процессия огромных сторожевых псов, украшенных башенками. Свои первые шаги она делала, цепляясь за хвост Дротика, пока Флора с Катрионой мыли тарелки и кружки и разговаривали. Хотя его темная шуба уже почти вся побелела от старости, он по-преж-

нему оставался грозой буйных пьяниц со всей Двуколки.

Глава 13

То, что началось с мелкого сбоя в работе слабенького амулета, дало начало приятной традиции. Пеони до сих пор почти каждый день приходила в кузницу в полдень с горячим обедом для себя и Розы прямо с домашнего очага или большой общественной печи, стоящей между трактиром и пекарней. Они с Розой и Нарлом ели вместе, или, скорее, они с Розой ели и разговаривали (Пеони с бóльшим сочувствием, чем Роза, относилась к некоторым из избалованных красавцев лорда Прена), а Нарл бродил вокруг кузницы и изучал то, что делал или собирался делать сегодня, на этой неделе или в будущем году. Нарл считал перерыв на обед пустой тратой времени (а горячую пищу в середине рабочего дня едва ли не чем-то непристойным).

Однажды Пеони описывала воротничок, который вышивала для Десси, чтобы та надела его на свадьбу Флоры, но осеклась и расхохоталась:

– Видела бы ты свое лицо, Роза. Ты скорее согласишься бы, чтобы тебя согнули в дугу, прожарили на огне и прибили гвоздями к конскому копыту, чем взяла в руки иголку, да?

– Да, – подтвердила Роза.

Тетушка с Катрионой научили ее в общих чертах, как подрубать ткань и штопать прорехи, но она ненавидела это занятие и, хотя и была слишком честной, чтобы пытаться от него отвертеться, нарочно портя собственную работу, вполне естественным образом справлялась с ним так плохо, что ей не поручали никакого шитья.

– Тебя просто не научили получать удовольствие от шитья. Вышивка очень полезна, – сообщила Пеони.

Рози время от времени впадала в мрачное настроение, поскольку ей казалось, что она слишком мало помогает Тетушке и Катрионе и те, вероятно, предпочли бы располагать ее временем и парой ловких рук, а не монетами, которые платил ей главный конюший Вудволда. Она решилась (хоть и без особой охоты) проверить, не испугит ли рукоделие прочих ее недостатков. И вот вечером, когда они остались вдвоем на кухне в доме Рози, Пеони достала несколько цветных ниток и лоскут жесткой ткани, предусмотрительно выбрав для начала спокойный синий цвет, и показала подруге два или три основных стежка.

Но пальцы Рози, едва сомкнувшись на иголке и ткани, переданной им для упражнений, запорхали над льняным лоскутом так, будто каждый из них обладал собственным разумом и с рождения учился ко-

мандной работе. Иголлка ныряла в ткань и выныривала, оставляя за собой изумительный след из ярких цветов и бабочек.

Пальцы добрались до края лоскута и развернули его, чтобы начать следующий ряд, но тут Роза резко отпрянула назад – так натягивает поводья всадник на понесшей лошади, – и квадратная тряпица упала на пол, увлекая за собой нитку и иголку. Роза спрятала ладони под мышки и, дрожа, ссутулилась на стуле. Пеони тем временем нагнулась, подобрала лоскут и бережно расправила его в руках.

– Роза, это же чудесно! – заметила она. – Когда ты научилась так вышивать? Мне казалось, ты говорила, что не умеешь вовсе.

– Я и не умею, – приглушенно подтвердила Роза.

– Что ж, не важно, – попыталась успокоить подругу Пеони. – У тебя получается, и это одна из самых красивых работ, какие я видела. Она далеко превосходит мои умения. Пара стежков, которые ты использовала, мне вообще незнакомы. Твоя вышивка пойдет нарасхват, как только я это кому-нибудь покажу...

– Не смей! – потребовала Роза, потянулась было за лоскутом в руках у Пеони, но в последний миг отдернула руку, как будто не хотела к нему прикасаться. – Нельзя это показывать. Я запрещаю.

– Но... – изумленно возразила бедная Пеони. –

Но... разве ты не собираешься продолжать? Разве ты не понимаешь, как здорово у тебя получается?

– Ничего у меня не получается! – закричала Роза. – Я не понимаю, что произошло! Это не имеет никакого отношения ко мне! И не смей никому рассказывать! Я до конца дней своих больше не притронусь ни к одной иголке!

Она залилась слезами и выбежала из помещения, едва не врезавшись в Тетушку, которая пришла посмотреть, чем вызван весь этот переполох.

Вскоре Роза, спрятавшая голову под подушку, ощутила, как в комнате чуть прогибаются половицы, – кто-то вошел. Знакомая ладонь коснулась ее плеча, знакомая тяжесть опустилась на край постели. Роза, не вытаскивая головы из-под подушки, протянула одну из своих предательских рук и ухватилась за Катриону.

Пальцы ее все еще дрожали, и разум Катрионы, профессиональной феи, отметил последствия сильного потрясения. Старое заклятие, внезапно пущенное в ход, часто отзывалось в объекте воздействия неудержимой дрожью. То, что Роза удалось откинуть дверную щеколду, взбежать по лестнице наверх, накрыть голову подушкой и вцепиться в руку Катрионы так, будто только она удерживала ее от падения в про-

пасть, лишний раз свидетельствовало о ее исключительной силе воли и характере.

Еще старое заклятие, внезапно пущенное в ход, оставляло след в воздухе, словно дым от огня, заметный любому, кто готов присматриваться. Ни одна фея в Двуколке не удивилась бы тому, что он исходит из этого дома, – не в большей степени, чем любой прохожий удивится обычному дыму, поднимающемуся над печной трубой. Однако Тетушка уже поспешно разводила волшебный огонь, чтобы скрыть слабый след происшествия, случившегося с Розы.

Их относительная бедность защищала Розы от знания, как хорошо она могла бы готовить цукаты, и Тетушка с Катрионой позволили себе считать, что отвращение к шитью убережет ее от таланта вышивальщицы. Кто бы мог предугадать, что Розы обзаведется такой заботливой, терпеливой и хозяйственной подругой, как Пеони? Катриона вздохнула. А что, если в следующий раз Пеони захочет научить Розы танцам или игре на флейте? Они не смели наложить на Пеони даже самые слабые чары, препятствующие этому, – невозможно сделать такое заклятие невидимым, без того чтобы его присутствие не стало еще более очевидным в иных отношениях.

«Это же совсем крошечная ошибка, – подумала Катриона, вспомнив несколько прошлых происшествий

в жизни Рози. – Наверняка на этот раз все обойдется. Должно обойтись».

Свободной рукой она коротко погладила Рози по плечу, а затем достала из кармана передника небольшой пучок трав, перевязанный шнурком.

– Это поможет от дрожи, – сообщила она голове под подушкой. – Если ты выберешься оттуда и понюхаешь их.

Рози села, сбросив с себя подушку, словно медведь, пробуждающийся от спячки. Она сцепила дрожащие руки на травяном пучке, протянутом Катрионной, и принялась. Глаза ее были влажными и покрасневшими.

– Со мной ведь что-то не так, да? – спросила она чуть дрогнувшим голосом. – Есть что-то, что я толком не могу вспомнить про... про время до того, как я стала жить с вами. Знаю, что была слишком маленькой, чтобы что-то запомнить, но я помню. Ну... это не совсем воспоминание. Просто... что-то не укладывается в картину.

Она остановилась, потому что не собиралась рассказывать Катрионе про время перед самой свадьбой, когда та была так счастлива, – вдруг это радостное воспоминание окажется отравлено, если она узнает, что Рози счастлива не была.

– Меня это никогда не беспокоило. Но... сейчас это

ведь было заклятие. Пеони могла этого не понять — она же не росла с двумя феями, — но я-то знаю. Зачем кому-то накладывать на меня чары? Чары для вышивания? Что со мной? Что еще делает это заклятие? Ты знаешь?

Чего она не произнесла вслух, так это: «Я не опасна для тебя и Тетушки, для Бардера, Джема и Гилли, для Пеони? Что ты знаешь о том, чего я не могу вспомнить? Тетушка всегда говорила, что у моей матери не было магии и во всей семье отца ее никогда не бывало тоже. Тогда зачем заколдовывать меня?»

Она не произнесла вслух: «Я ведь твоя двоюродная сестра и племянница Тетушки, правда?»

Катриона покачала головой. Не потому, что ей хотелось лгать Розе более явным образом, чем она в каком-то смысле лгала все эти девятнадцать лет, но потому, что не представляла, что ей сказать. Не будь Катриона так поглощена другими заботами, она услышала бы незадаанные вопросы и поняла бы, что теплый поток утешений вполне успешно смывает самые неловкие из них. Но она их не услышала.

Ей по-прежнему часто снились именины принцессы и маленькие паучки, заплетающие серебряной паутиной парчовые рукава, и она резко просыпалась, как будто слышала эти слова произнесенными вслух, но обнаруживала себя в собственной спальне, ря-

дом с успокаивающим, теплым, негромко похрапывающим Бардером. Ей не нравилось вспоминать. Думать о том, что однажды Рози отнимут у них. Как сказал Бардер в ту ночь, когда родился Джем, она не знала точно, как это называется, но Рози была частью их семьи. Рози принадлежала им. Но с тех пор как Катриона вышла замуж, и особенно с тех пор, как у нее появились собственные дети, ее ужас перед памятью о происхождении Рози сделался почти невыносимым.

Все трое, знаящие правду, никогда ее не обсуждали. Тетушка с Катрионой теперь редко оставались наедине, но, даже когда это случалось, тема Рози не поднималась, как бывало прежде. Рози стала взрослой: у нее была своя работа и собственная жизнь. Прежние обсуждения того, как управиться с ней, потеряли смысл, а то, что еще можно было обсуждать, им не хватало духу затрагивать. Тем более так близко к ее двадцать первому дню рождения. Бардер никогда об этом не упоминал, хотя Катрионе, наблюдавшей за тем, как он поддразнивает Рози, учит ее новой балладе или лучшему способу добиться от резных поделок желаемого впечатления, порой казалось, будто он сдерживает те же свирепые собственнические чувства в ее отношении, что и сама Катриона: Рози была одной из них. Но по мере того как Рози росла, близилось и неизбежное расстава-

ние – столь окончательное, что, по мнению Катрионы, оно мало чем отличалось от смерти...

А что, если им все же не удастся одолеть Перницию? Осталось два года – и по-прежнему ни словечка, ни шепотка от малиновки, никаких весточек от Сигил. Всего два года. Пытаясь отрешиться от этих пугающих размышлений, Катриона поспешно заговорила:

– Я... мы... выйдет только хуже, если рассказать тебе сейчас. Прости, милая, мне так жаль... Я не просто так веду себя загадочно, ты же мне веришь, правда? Мы ждали... ждем знака. Не знаю, почему его так долго нет.

Последовало молчание. Розы все еще шмыгала носом – отчасти от слез, отчасти послушно приносясь к травам, которые держала в руках. Но лицо ее порозовело, а пальцы больше не дрожали. По голосу Катрионы она поняла, что ожидание длилось очень долго. Девятнадцать лет? Как же ты беспомощен, когда что-то случается с тобой в младенчестве. Ты не можешь даже вспомнить, что именно произошло и произошло ли. Можешь только догадываться... Она вспомнила эхо в темноте, перед свадьбой, перед рождением Джема, – эхо, рассказывавшее ей, что она не та, кем себя считает, что ей не место рядом с людьми, которых она любит.

– Чудовище, по крайней мере, знало, за что его пре-

вратили в зверя, – наконец заявила она, имея в виду сказку, рассказывать которую снова и снова заставляла Бардера, когда была совсем маленькой.

Катриона, чьи нервы уже звенели от горя, тревоги и нерешительности, расхохоталась.

Рози нехотя улыбнулась в ответ.

– Не будь это волшебными делами, я бы еще с тобой поспорила, – заявила она. – Но не стану. Если я начну, мы обе разозлимся и Тетушке придется нас мирить, а я все равно так ничего и не узнаю. – Она вернула Катрионе пучок трав и нахмурилась. – Спасибо. В первый раз на моей памяти жалею, самую чуточку, что я не фея. Тогда я бы могла знать.

– Милая, это так не работает, – мягко заметила Катриона.

Она пыталась не расхохотаться снова, поскольку знала, что обидит Рози, хотя смеялась бы она над собой, над собственным досадным невежеством.

Рози одарила ее взглядом, в котором читалось: «Ты говоришь это только для того, чтобы меня утешить».

– А я все еще жду, когда меня найдет мое животное-фамильяр, – правдиво добавила Катриона. – Я фея, и я не знаю.

Рози могла лишь с трудом, величайшим мысленным усилием представить, каково это – не уметь раз-

говаривать с животными. Она боялась даже вообразить, как должна чувствовать себя Катриона, которая обладала такой способностью и утратила ее, тяжело вздохнула, подалась вперед и поцеловала ее в щеку:

– Спасибо за травы. Мне нужно найти Пеони и извиниться.

Пеони страшно расстроилась из-за того, что огорчила подругу, и едва выслушала ее извинения, поскольку страстно желала извиниться сама. На том все и закончилось, не считая того, что впредь она старалась никогда не упоминать о вышивании при Розе. А когда несколько месяцев спустя она вызвалась показать Розе шаги самого простого хоровода, который все (кроме Розе, Нарла и старого Пенфарона, обладателя деревянной ноги) танцевали на праздниках и ярмарках, и Тетушка с Катрионой, на этот раз оказавшиеся в комнате, сказали: «Нет!» – хором и слишком громко, ни Пеони, ни Розе не попросили объяснений.

Примерно через неделю после того, как Пеони показала Розе основные стежки для вышивания, над Двуколкой видели пролетающего гиппогрифа. В целом гиппогрифы пользовались дурной славой среди всех, не считая волшебников, и появление такого по соседству никого не обрадовало. Оно могло означать, что за ним последует неблагоприятная

магия, а этот гиппогриф определенно выглядел так, будто что-то искал. Люди встревожились, и отвращающие амулеты шли нарасхват – они в той или иной степени, в меру мастерства сделавшей их феи, отводили от владельца внимание бродячей магии, ищущей, за кого бы ей уцепиться. Тетушка и Катриона изготавливали очень хорошие амулеты, и через две недели у них не осталось ни одного на продажу, а новых они не могли бы наделать до самой зимы, когда лоза оленьего копытца покраснеет, а ягоды салии пожелтеют. Правда, в течение этих двух недель никто больше не видел гиппогрифа, и люди начали надеяться, что опасность все же минует Двуколку. Среди общего волнения никого не удивило, что Тетушка с Катрионой снабдили отвращающими амулетами Розы и Пеони.

Но гиппогриф и впрямь улетел прочь, и единственной неприятностью, постигшей в эту зиму Двуколку, оказалось нашествие таралианов – крупных полосатых кошек, обладающих острым разумом и свирепым аппетитом (матерый таралиан способен съесть лошадь за один присест). Сам король повел против них войско. Армия одержала победу, и уцелевших таралианов прогнали за границу, в дикие южные пустоши, откуда они и пришли. Но король был ранен, и хотя рана оказалась легкой, он так медленно восстанавли-

вал силы, что даже пошли слухи о заклании. Зачем таралианы вообще пришли на населенные людьми земли? На собственной территории они были свирепыми хищниками, но покидали ее редко, а зима выдалась не слишком суровой.

Говорили, что болезнь короля проявлялась очень похоже на ту, которой мучились солдаты и придворные, сраженные колдовским сном в Фордингбридже и Флури: головными болями, продолжительной вялостью, неспособностью сосредоточиться или принимать решения, бессонницей, кошмарами. Она вызывала беспокойство не только потому, что страдал ею король, но и потому, что он был крепким уравновешенным мужчиной с обнадеживающей нехваткой воображения, заботливым и добрым правителем.

Опасность, угрожающая дочери, все же подкосила его, утверждали слухи. Слишком много сил было потрачено, чтобы ее защитить – где бы она ни находилась. Не меньше ушло и на розыски Перниции. Но все впустую. Перниция была не только злой и могущественной, но и умной. Двадцать лет беспомощного страха измотали страну и в наибольшей степени короля. Когда она наконец захлопнет свою ловушку, у него, его магов и войск уже не останется сил, чтобы ей противиться, и она, как и предсказывали старинные истории, получит не только принцессу, но и всю

страну. Но ведьма не пошла бы этим путем, если бы могла захватить ее сразу, а это означало, что она не настолько могущественна, как делает вид. «Давайте же, – шептались люди, – вернемся к обычной жизни, пока еще осталось немного времени. Кто вообще видел Перницию после именин? Она не стала бы терпеть столько времени, будь у нее возможность добиться своего быстрее. Возможно, проклятие на принцессе вовсе не таково, каким объявила его Перниция: вместо этого всех вокруг нее сражает загадочная болезнь, тянущая из людей здоровье, силы, волю и смелость. Верните же ее домой – и пусть она передаст корону принцу Колину, которого народ знает и любит. Пусть люди сплотятся вокруг него в этот последний год перед двадцать первым днем рождения принцессы, чтобы у Перниции не осталось ловушки, которую можно захлопнуть. Проклятие никогда не подразумевало, что принцесса должна умереть от укола веретена, – и ни единого острого веретена не осталось во всей стране.

Пусть она вернется домой. Пусть этот фарс закончится. Давайте восславим юного будущего короля и забудем о Перниции. Судя по всему, это проклятие – полный вздор и всегда было вздором, а мы, дураки, поверили».

«Именно этого она от нас и добивается, – шепта-

лись другие. – Поэтому так долго ждала, чтобы в самом конце у нас не выдержали нервы. Никогда еще в нашей стране королева не отрекалась от престола. Дождитесь двадцать первого дня рождения принцессы. Остался всего один год. Ждите».

В тот год весна пришла в Двуколку вместе с необыкновенным обилием нарциссов, распускающихся как капуста или шток роза, а бóльшая часть сирени оказалась тревожащего лазурного цвета. Старый домик, где некогда жили Тетушка, Катриона и Розы, заполонили летучие мыши особой породы, не только роняющие помет, как и все прочие летучие мыши, но еще и громогласно храпящие. Изгоняющие и очищающие чары пришлось накладывать на дом несколько дней подряд, пока его нынешний арендатор отсиживался в трактире, восстанавливая самообладание. К плесневому духу в старом доме Мед присоединились несколько его родственников, которые решили, что для них всех там слишком тесно, принялись осваивать соседние здания и страшно нагрузили Катрионе, когда та пообещала, если они оттуда не уберутся, иссушить их в репейный пух и развеять по ветру. (Впрочем, после того как несколько дальних родичей разлетелись семенами одуванчика, остальные все же отступились.) А волшебной пыли –

как обычной меловой, так и почти невидимой мерцающей – на корзинах с травами, которые Роза приносила на двор кузницы, чтобы превратить в мази и настойки для лошадей, стало столько, что временами, выпрыгивая из корзин и разбегаясь, она прихватывала с собой и травы, к превеликой радости деревенских кошек, которые теперь ошивались около кузницы чаще, чем у дома священника, подбивая лапами клочки неизвестно чего. Конечно, все кошки так поступают и сами по себе, но на дворе кузницы эта привычка вызвала куда большее беспокойство, что еще больше радовало кошек.

Почти каждый год, когда весеннее тепло пробуждало топи Двуколки от холодных зимних снов, приходил новый вид лихорадки, но в этом году хворь распознана непривычно широко и оказалась удивительно стойкой. Малиновки сообщили Тетушке, что болезнь сразила многих зверей и птиц, не пощадив и человеческое население Двуколки. Фуаб и несколько других созданий, как крылатых, так и прикованных к земле, рассказали Розе, что слишком многие животные принялись перебираться с места на место – кто в Двуколку, кто из нее, – и все раздражались и тревожились, хотя и не могли назвать причину беспокойства. Конечно, не считая того, что принцессе пошел уже двадцать первый год и до ее двадцать первого дня рождения

оставалось меньше дюжины месяцев.

Из других областей тоже приходило больше, чем обычно, сообщений о всяческих неурядицах. Поскольку в этой стране постоянно что-нибудь превращалось во что-нибудь другое, или притворялось, что превращалось, или вело себя пугающе, пусть даже недолго, временами трудно было определить, какие донесения требуют расследования, а что можно оставить без внимания. В Инкорбане откопали крупное семейство гриплов, что объясняло, почему вода в городском водопроводе становится фиолетовой, а затем и вовсе перестает идти. Фиолетовый цвет выглядел до крайности тревожно, и жители успели обратиться с прошением к королю.

— Ах, гриплы, — буркнул мэр, вздохнув одновременно с облегчением и досадой.

Конечно, это были всего лишь гриплы, но они доставляли множество неудобств, а избавление от них обойдется до крайности недешево.

В огромном внутреннем озере Гиламдра стали часто видеть водяной народ. Прикосновение водяного ядовито, но они так красивы, что почти всегда кто-нибудь, чаще всего юный и романтичный, все равно отваживается попробовать. (Священники были удивительно подвержены этой ошибке. Те, кто выжил, настаивали, что пытались обратить водяных в свою

веру.) Не помогало и старание держаться подальше от берега, поскольку водяные пели, особенно женщины, и их голоса, не менее прекрасные, чем они сами, проникали повсюду, словно сквозняк под дверь. Король послал к Гиламдре отряд магов, и они окружили озеро звуконепроницаемой пеленой, за которой даже волны плескались удивительно беззвучно. Птицы пролетали сквозь липкую преграду рывком, с клейким хлюпаньем и возмущенными воплями.

В последний год перед двадцать первым днем рождения принцессы необычайно много учащихся первого и второго курсов Академии решили вернуться домой и заняться сельским хозяйством или политикой, несколько старейших академиков вышли в отставку, а множество деревенских фей внезапно передумали и подались в повитухи и доярки или повыходили замуж за парней, заявивших, что охотно женятся на них, если те откажутся от этой волшебной ерунды.

Нарл по-прежнему оставался официальным коновалом Туманной Глуши, но теперь, когда спрашивали его мнения, попросту отсылал всех к Розе. Это все реже приводило к отчаянным воплям «Нарл!» со стороны самой Розы, а про нее начали говорить, что, дескать, она-то хотя бы объясняет, в чем дело и что она по этому поводу намерена предпринять, чего от Нарла не дождешься. Она так часто бывала в Вудвол-

де, что большинство людей лорда Прендергаста знало ее в лицо. Порой, когда ее отпускал конюший, она обнаруживала, что ее дожидается скотник или пастух с новым пациентом на веревке. Она разговаривала с огромными звонкоголосыми охотничьими псами – быстрыми и бесшумными гончими, полученными, по слухам, от собственных собак королевы, и порой с терьерами, страдающими в этом превосходно упорядоченном поместье от нехватки поводов вспылить в лучшем терьерском духе. Она говорила с кучерявыми спаниелями с нежным взглядом и научилась выдерживать внимание одной конкретной собаки по кличке Подсолнух, которая обожала людей, всех подряд, причем так сильно, что не могла удержаться от напрыгивания на них при малейшей возможности. Подсолнух пришла в запредельный восторг, обнаружив человека, способного по-настоящему с ней разговаривать. Все попытки Розы убедить ее в том, что сдержанность – это достоинство, терялись в радостной суматохе. Порой Розы разговаривала с комнатными собачками, страдающими от избытка лакомых кусочков. Впрочем, они ее не слишком заботили (многим из них не доставало здравого смысла), за исключением Дрозда, лохматого песика размером с ладонь, принадлежащего леди Прендергаст. Дрозд был фидестерьером – их еще называют чайными терьера-

ми. Предполагается, что они достаточно малы, чтобы, свернувшись клубочком, поместиться в чайную чашку (окрасом они похожи на чайный лист, а их грубоватая шерсть чем-то напоминает его на ощупь). Чаще всего их можно обнаружить в дамском рукаве или кармане, и нередко они слегка безумны, поскольку смутная родовая память подсказывает им, что некогда они были заметно крупнее. Дрозд, судя по всему, не имел ни малейшего понятия о том, что он слишком мал, чтобы защитить леди Прен от чего-то более крупного, чем средних размеров жук, и очень серьезно относился к своему положению.

Рози разговаривала с полудикими птицами в клетках, и те отвечали ей образами, острыми, как ножи, и стремительными, как ястреб, хватающий на лету птицу помельче. Они говорили о смерти и пище и о своих сокольных, которых одновременно ненавидели и любили, поскольку были дикими лишь наполовину и сами это знали.

А однажды весной, когда небо было таким ярким и твердым, что казалось, будто по нему можно постучать костяшками пальцев и оно запоеет, словно чеканный металл (крайне редкий день для туманной, влажной Двуколки), Рози впервые обратилась к огромному белому меррелу с десятифутовым размахом крыльев, который жил в стропилах большого

зала Вудволда и сиял в темноте, будто луна в облаках. Тот рассказал ей, что непостижимый шум пиршеств, их удушливые запахи и суэта слуг – плохая замена свободе его леса.

Большой зал, даже почти пустой, как всегда бывало, когда Рози случалось в него заглядывать, казался ей ошеломляющим. Она заходила туда нечасто и почти никогда не задерживалась. Он был таким высоким, что потолок терялся в тених, даже когда ставни бывали открыты и солнечный свет лился на бледные, дочиста отмытые половицы, и достаточно просторным – пожалуй, не узнаешь лучшего друга в лицо, если тот окажется в другом его конце. Лорд Прендергаст проводил здесь судебные заседания, чтобы устрашать негодяев.

Рози предполагала, что к одному только размеру зала могла бы привыкнуть. Но здесь особенно остро ощущалась способность Вудволда подавлять, и ей казалось, что стоило лишь перешагнуть порог зала, как на плечи ложилась тяжесть – возможно, бремя долгих лет его существования, поскольку он был старейшей частью Вудволда, но в большей степени его странного полудремотного сознания. Давление ослабевало, когда она проходила дальше, к покоям леди Прендергаст и ее дам, чтобы побеседовать с комнатными собачками и канарейками, или вниз, в кух-

ни, чтобы вести переговоры с вторгшимися белками. (В действительности белки не вели переговоров. Они полагали, что слишком быстры и умны, чтобы кто-то мог их поймать или не подпустить к желаемой цели, если не считать неудачных дней. Рози оставалось убедить их в том, что «неудачный день» – понятие гибкое, особенно когда в дело вовлечено достаточно хорьков и ловчих собак.)

«Прости, – сказала Рози меррелу. – Не думаю, что я могу просить, чтобы тебе вернули свободу».

«Знаю, что не можешь, – ответил меррел. – Но ты спросила, и я ответил».

«Не могу ли я сделать для тебя что-нибудь другое?» – предложила она робко, почти ожидая, что в ярости разочарования птица разорвет цепь и обрушит на нее всю мощь своего клюва и когтей.

Молчание было долгим, а затем до нее словно издалека донесся тихий, будто у едва оперившегося птенца, голос.

«Ты придешь поговорить со мной снова еще когда-нибудь?» – с тоской спросил он.

«Да, – заверила его Рози. – Конечно приду. Я буду рада... это честь для меня».

После того первого разговора Рози часто думала о пленном мерреле. Она решила, что сможет жить дальше, не зная, какое заклятие на нее наложено

и зачем оно там, пока не появится тот знак, которого ждет Катриона. Она думала обо всем, чем занималась за эти двадцать лет, не всполошив чар, к чему бы те ни относились. Зачарованным вышиванием, хоть по ходу дела оно и показалось крайне противным, в конце-то концов можно было и пренебречь. Особенно если вспомнить о мерреле.

Она думала о том, как меррел бесшумно расправляет крылья в темноте под крышей большого зала лорда Прендергаста. Она думала о том, как он осторожно двигается по клетке из стропил, чтобы не звякнула цепь на щиколотке и никто из гостей лорда Прендергаста, не знающих о нем, не поднял взгляд и не обнаружил его. (Пол под ним отскребали дважды в день, в сезон линьки трижды подметали.) Она думала об истории, которую рассказал ей егерь: как меррел был ранен, по предположению, острым сколом обрушившегося льда в горах, где брала начало река Стон, в нескольких днях пути от Вудволда, и как охотничий отряд лорда Прендергаста обнаружил его, но он не дал себя убить. Даже с перебитым крылом, полумертвый от истощения, он держался так, что никто не смел к нему приближаться. Егеря бросили сеть, чтобы спутать ему ноги, а лорд Прен лично накинул ему на голову кусок мягкой кожи, отрезанный от собственного охотничьего камзола, а затем его связа-

ли, привезли домой и вправили ему крыло. Но крыло не срослось как надо, поэтому ему отвели для обитания своды большого зала, где никто не решался его беспокоить, а кормил его сокольничий с очень длинного шеста.

Меррел тоже знал, что крыло не зажило.

«Но я мог бы еще раз достичь великих высот, прежде чем оно подвело бы меня, — вздохнул он. — А там я сложил бы крылья и ринулся к земле, как будто заяц или олененок привлек мое внимание. Но я устремился бы вниз к самому себе. Это был бы славный полет и славная смерть. Вот так я и ем мертвечину, болтающуюся на шесте, и мечтаю о своем последнем полете».

Глава 14

Той же весной Нарл обзавелся новым учеником. При других обстоятельствах его прибытие стало бы предметом разговоров и измышлений на несколько недель: помимо того, что его принял Нарл, что уже выходило за рамки привычного, он вдобавок оказался привлекательным юношей, да еще таким же чисто выбритым, как сам Нарл.

Но разгул по всей Двухолке, а особенно в Туманной Глуши, необычных лихорадок, которые ни Тетушкины травы, ни загадочное бормотание священника не могли вылечить или даже отчасти смягчить их течение, всех отвлек. Тем, кому самочувствие позволяло сплетничать, не хватало на это времени. Лихорадки не были особенно тяжелыми, но их широкая распространенность, неясное происхождение и нежелание отступать вызывали достаточную тревогу, чтобы приглушить всяческий интерес к симпатичным и благовоспитанным молодым незнакомцам.

В этом году Катриона уделяла меньше внимания болезни, чем могла бы в другое время, потому что присматривала за четырьмя маленькими обладателями детской магии, включая их собственную Гилли, рано и эффектно пробужденную рождением младшего

брата, Гейбла. (Джем как раз недавно сам прошел через период детской магии, ограничившись нечастыми явлениями черной красноглазой твари, которая таилась по углам и хрипло дышала. Мальчик утверждал, что она настроена дружелюбно, и потому ее никто не трогал, хотя все, кроме самого Джема, огибали излюбленные ею углы с некоторой настороженностью.) Гейбл, по счастью, уродился спокойным младенцем и не переставал сосать молоко, даже когда Катриона свободной от него рукой отчаянно рассыпала отменяющие чары.

Поскольку помощь Пеони требовалась постоянно: то посидеть с детьми, то навести порядок в доме колесного мастера, она несколько недель подряд пропускала обеды в кузнице. Рози рассказала ей о прибытии нового подмастерья, о том, что его зовут Роулэнд и что он не носит бороды. Но саму Рози он не слишком занимал, и Пеони тоже не проявила особого интереса.

Вплоть до первого дня, когда Пеони, по заведенному порядку, пришла обедать в кузницу. Рози, стоявшая рядом с одним из коней лорда Прена, заметила подругу как раз перед тем, как та встретилась взглядом с Роулэндом.

— А вот и ты! — обрадовалась Рози. — Я решительно умираю от голода. Пеони, познакомься с Роулэндом.

Мне еще надо разобраться тут, – предупредила она, кивнув на коня. – Не съешьте там все.

Когда Нарл и Рози покинули своего подопечного, в утешение оставив ему немного сена, Пеони и Роулэнд уже некоторое время пытались завязать разговор. Рози смутно сознавала, что ее подруга и новый подмастерье ведут себя несвойственным им образом: Пеони умела поддерживать беседу с кем угодно, а Роулэнд обладал превосходными манерами, куда более изящными, чем можно было ожидать от ученика кузнеца, что вызывало еще больше подозрений, чем его высокий рост, привлекательность и отсутствие бороды. Но сейчас эти две общительные персоны стояли, уставившись друг на друга, и Роулэнд то и дело перекладывал из руки в руку молот, а Пеони держала перед собой корзинку, вцепившись в нее так, будто отгораживалась ею от демонов. Рози привыкла к воздействию, которое при первой встрече оказывала ее подруга почти на каждого, особенно на молодых людей, но сама Пеони никогда себя так не вела.

Что-то заворочалось в глубине сознания Рози: удивление, любопытство, недоумение. Испуг. И что-то еще.

– Нарл, – тихонько окликнула она, – глянь-ка. Что с ними творится?

Нарл, умывавшийся над ведром с водой, выпря-

мился и вытер руки. Большую часть внимания он по-прежнему уделял коню, которого они подковывали. Это был жеребец из тех превосходно сложенных безумцев, которых предпочитал младший сын лорда Прена, и ко всему прочему в его ужасных копытах совершенно не держались гвозди. Как бы часто он здесь ни бывал, чтобы вернуть на место потерянную подкову, он никак не мог поверить, что и в этот раз тоже Нарл собирается использовать раскаленные клещи и кочергу только на его подковах, а не на нем самом. Если бы кузнецу не помогала Роза (по ее словам, она рассказывала безумцу сказки, словно капризному ребенку на ночь), ему, вероятно, и вовсе не удалось бы подковывать жеребчика, сколько бы тертого корня виза он ни пускал в ход. Сейчас конь выглядел полусонным и задумчиво жевал сено, опустив уши, словно старая кляча. Нарл мог бы заподозрить, что он достаточно смышлен, чтобы не упустить своей выгоды, и попросту любит сказки Розы, но прекрасно знал, что это не так. Ему говорили об этом белки лошадиных глаз, когда кузнец приближался к коню, и то, как он держал ногу. Именно безумцы, ненавидящие подковываться, чаще всего теряли подковы.

Передавая полотенце Розы, Нарл мельком глянул на своего подмастерья и племянницу тележного мастера, но куда больше его занимал вопрос, как вбить

гвозди в копыто, уже и без того сплошь испещренное дырками. Лицо его, как обычно, ничего не выражало. Но Роза, отмывая руки, наблюдала за ним, а она за годы, проведенные около кузницы, научилась угадывать его чувства, пожалуй, даже лучше, чем он сам отдавал себе в них отчет. И она увидела, как прямо у нее на глазах его поразило острое как нож понимание и там, где невидимый клинок оставил рану, она закровоточила надеждой, страхом, тоской – и чем-то вроде безропотного отчаяния. От неожиданности Роза едва не накрыла ладонью его руку и не выпалила: «Что такое? Я могу помочь? Я что угодно для тебя сделаю!» – но быстро осознала, что Нарл не хотел, чтобы она это заметила, и что сама она чуть не сказала чистую правду, но вовремя остановилась.

Роза с необыкновенным усердием оттирала ладони и предплечья, всецело поглощенная этим занятием, и, когда Нарл снова повернулся к ней, подняла на него взгляд, старательно очищенный от какого бы то ни было выражения. На ее щеках пылал румянец, но в качестве оправдания она плеснула на лицо холодной водой.

– Они только что влюбились, – безучастно сообщил он, и его лицо снова сделалось спокойным и непроницаемым.

Эта безмятежность и мягкость тона едва не убеди-

ли Рози, что ей померещилось. Он же был Нарлом, и его никогда ничто не беспокоило и не отвлекало от холодного железа. Она нарушила привычное течение его мыслей, но только на мгновение. Нарл вот-вот приступит к обеду и одновременно станет разглядывать какую-нибудь незаконченную работу или изучать куски железного лома, которые перестанут быть такими, когда он с ними закончит.

Но затем Рози наконец осознала смысл его слов.

– Они? – ошеломленно переспросила она. – Но...

– Так иногда бывает, – пояснил Нарл. – Тяжело им придется. Он обещан другой.

– Обещан? – повторила Рози. – Ты имеешь в виду, в мужья?

– Да, – подтвердил Нарл.

Вид у него сделался еще более замкнутым, чем обычно, подразумевая, что больше он не произнесет ни слова. Будь Рози в себе, она бы удивилась, даже столь краткому его ответу: Нарл редко заговаривал на подобные темы.

– Я... я должна ее предупредить, – в замешательстве пробормотала она.

– Ни в коем случае, – возразил Нарл. – Он сам ей скажет. Это их дело. Оставь их. Рози! – окликнул он, когда она отвернулась, слепо уставившись в пространство, и попыталась на ощупь повесить по-

лотенце, но вместо этого уронила его на грязную землю двора. – Рози, она по-прежнему твоя подруга.

А затем он сам накрыл ладонью ее руку, и она опустила взгляд на широкую смуглую ладонь с почерневшими от работы пальцами, лежащую на ее загорелой веснушчатой коже. Нарл убрал руку. Рози снова посмотрела на него и попыталась улыбнуться. Она, похоже, поняла, что разглядела на его лице, когда он впервые увидел Роуланда с Пеони: он сам был влюблен в Пеони.

А Рози только что узнала, что влюблена в него.

Она вслепую шагнула прочь, к Пеони и ее корзинке, вспомнила, что еще несколько минут назад была голодна, и сосредоточилась на мысли о том, что ей хотелось есть.

«Я в порядке, – сказала она себе. – Я в порядке».

Это оказалось непросто, поскольку притворство было чуждо ее природе, но нежелание расстраивать друзей оказалось не менее сильным – сильнее, чем ее собственное расстройство.

Они все – Пеони, Роулэнд и Рози – каким-то образом пережили этот обед. Нарл затерялся в тених под навесом кузницы. Взгляд Рози время от времени разыскивал его, находил движущуюся тень, какой он выглядел, если смотреть с солнцепека, где они сидели. В тот день солнечный свет особенно сле-

пил, полный ярких искорок, которые попадают в глаза, заставляя моргать или даже отмахиваться от них, как будто их можно задеть руками. Она задумалась, как давно... Задумалась, не приходило ли Нарлу в голову признаться в собственных чувствах. Рози подумала, что ей известна причина его молчания: Пеони его не любила, а из Нарла вряд ли вышел бы поклонник, способный ухаживать за ней.

Аппетита ни у кого не было. Порция Нарла исчезла, но съел он ее или скормил одной из деревенских собак, знал лишь сам Нарл.

– Нарл сказал, люди иногда влюбляются мгновенно, – приглушенно пробормотала Рози, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки.

Катриона с Тетушкой плели и зачаровывали амулеты, а Рози только что закончила вырезать волчок, чтобы утром отдать его Джему. Гейбл спал в колыбели, которую одной ногой покачивала Катриона. Джем, Гилли и маленькие постояльцы ночевали наверху, а они ждали в кухне, когда придут ужинать Бардер с Джобом.

Ставни задребезжали. Лето стояло холодное, и любопытный, надоедливый ветер сновал вокруг домов, просачивался под двери и пробирался за воротники. Маревки пребывали в необычайно дурном настрое-

нии: усеивали паутину каплями росы так, что лопались нити, и не давали черстветь вчерашнему хлебу, расквашивая его в жижу. Даже мыши, в чьих жилищах всегда гуляли сквозняки, жаловались на холод.

– Так оно и есть, – подтвердила Тетушка. – Я никогда не видела этого собственными глазами, но так бывает.

– Я тоже не видела, – прибавила Катриона, – но я давно уже гадаю, не стоит ли за этим судьба. Необязательно магия, как с той несчастной королевой, которая влюбилась в первого рыцаря своего мужа, но судьба – то, что просто случается с тобой: скажем, ты рождаешься в один день, а не в другой и в этой деревне, а не в соседней.

Рози встала и беспокойно прошлась по кухне, остановившись у Тетушкиной прялки, чтобы погладить нос горгульи. Она подцепила эту привычку у Катрионы так давно, что припоминала, как придерживалась одной рукой за опору прялки, чтобы другой дотянуться до веретена. После каждого поглаживания мордочка как будто на мгновение улыбалась чуточку шире.

– Ты ведь не влюбилась в Роуланда сама, правда? – уточнила Катриона с напускным безразличием.

Она была почти уверена в отрицательном ответе, но не сомневалась, что Рози тревожит не только романтическое увлечение Пеони. Когда Рози повзрос-

лела, Катриону, помимо всего прочего, начали беспокоить мысли о том, что девочка кого-нибудь полюбит. Катриона помнила, что хотела Бардера или никого вообще уже годам к двенадцати, а Флора нашла своего Гиммеля в шестнадцать, хотя потребовалось еще десять лет, прежде чем они смогли позволить себе свадьбу. Роза никогда не проявляла ни малейших признаков влюбленности. Правда, в последнее время Катриона начала задумываться о главном конюшем Вудволда и прикидывала, что, во имя всего, что есть на земле и на небе, она сможет сказать, если он станет ухаживать за Розой и та согласится на его предложение. Но этого так и не произошло. А до двадцать первого дня рождения принцессы оставалось восемь месяцев...

С началом последнего года перед этим днем рождения Катриону охватило непреодолимое замешательство. Она обнаружила, что с удивительной яркостью вспоминает события того года, когда родилась принцесса: день, когда они услышали о рождении принцессы, день, когда приехал герольд и объявил о приглашении на именины, а она, Катриона, вытащила длинную соломинку...

Трижды за последние двадцать лет нечто – некое колдовство – едва не находило Розу, и трижды Тетушка с Катрионой отражали или запутывали его. Четвер-

тый раз обернулся не историей об очередном нападении на одну из королевских крепостей, а гиппогрифом, пролетевшим над Двуколкой. И хотя остальные жители деревень расслабились, так и не дождавшись новых его появлений, феи Двуколки чувствовали, что он оставил после себя нечто. И это нечто, предположительно, тут и поселилось. Возможно, именно оно порождало лихорадки и влияло на погоду...

«Плети свою сеть, паучок! – уже не в первый раз сердито подумала Катриона. – Почему вы так и не прислали весточки? Мы всего лишь пара деревенских фей, а она ваша принцесса!»

Восемь месяцев...

– Влюбилась в Роуленда? – переспросила Роза с некоторой долей обычного напора. – Нет. Он довольно мил, но он... он... ох, он же скучный!

Голос ее говорил правду, но мысли сосредоточились на чем-то ином, и она прикусила губу, как будто не позволяя себе продолжать.

Как раз перед тем, как молчание, повисшее в кухне, сделалось тяжелым, вошел Бардер и со вздохом рухнул на стул.

– Джоб подойдет, как только умоеся, – сообщил он. – Простите, что мы снова подзадержались. Такое впечатление, что сейчас всем колесным повозкам в Двуколке удивительно не везет. Спицы ломают-

ся, ободья лопаются, оси трескаются – ничего не понимаю. И Крантаб говорит то же самое. Ему в починку отдали повозку, которая выглядит так, будто попросту решила взорваться. Мы оба сейчас могли бы взять новых подмастерьев – дел для них навалом, – но так быть не должно, и это не та работа, которой по-настоящему приятно заниматься...

Бардер умолк, поскольку неизбежно возникало подозрение, что необычная частота поломок вызвана какой-то магией, а подчистка волшебных огрехов не считалась благотворным или достойным уважения занятием.

– Мне пока еще только веретена не приносили в починку, – после паузы добавил он, пытаясь обратить все в шутку, и поднял взгляд на двух фей. – Обычно вы говорите мне, если что-то затрагивает меня или мою работу.

Тут вошел Джоб, огляделся, взял протянутую ему Тетушкой тарелку, но, вместо того чтобы, как обычно, сесть за стол, отговорился необходимостью еще раз взглянуть на что-то и выскочил обратно за дверь. В тишине кухни они слышали его шаги, удаляющиеся по утопанной земле двора.

– Кэт... – напомнил о себе Бардер.

– Мы не знаем, – отозвалась та нехотя, как будто слова тянули из нее клещами. – Это похоже на поис-

ковое заклятие. Причем знающее, что оно долгое время искало не то.

Слишком долгое время, подумалось ей. Поисковые заклятия не выдерживают по двадцать лет, но это продержалось. Оно представляло собой мешанину, лоскутное одеяло, колючую рваную путаницу из сплетенных, переделанных и завязанных на самих себя обрывков разных дней. Обтрепанные края расправлены и снова скручены вместе, каждая неудача подшита к телу заклятия, чтобы не повторяться, пока наконец оно не найдет то, что ищет, потому что нигде больше будет искать. И его почти невозможно было заметить: оно казалось сероватой бахромой, какая возникает на краю поля зрения, если слишком долго обходиться без сна. Оно было, вероятно, бессмысленной чередой лихорадок и полумок. Катриона не могла создать подобное заклятие и не знала ни одной феи, способной на такое. Чары были столь чуждыми, что ни Катриона, ни Тетушка не могли в полной мере поверить в их существование. И это притом что из всех фей Двуколки только у них могло хотя бы зародиться такое подозрение.

«Ей с нами настолько безопасно, насколько это позволяет обыкновенность».

Обыкновенность и язык животных — редкий даже для фей талант.

– Эта повозка, вероятно, и впрямь взорвалась, – сообщила Тетушка.

Бардер взял хлебный нож и принялся рассматривать его, как будто не мог понять, для чего тот нужен.

– Вы знаете, чего оно хочет? – спросил он.

– Нет, – ответила Катриона.

– Да, – сказала Тетушка.

– Вроде того, – поправилась Катриона.

Эти четыре слова прозвучали почти одновременно, слившись в некое единое целое: «Нетдавродетого».

Последовала еще одна пауза.

– Ясно, – медленно заключил Бардер.

И они трое обменялись взглядами, отягощенными таким невысказанным пониманием, – взглядами, которые как будто бы не столько связали их вместе, сколько помешали им посмотреть на что-то еще, – что Роза обратила на них внимание.

Она понимала, что в этом году в Двуколке не все в порядке. Она знала о лихорадках и поломках, о постоянном высоком спросе на мелкие упорядочивающие чары, позволяющие обычным вещам оставаться собой. Только вчера у Десси три кружки подряд превратились в лягушек, пока она пыталась налить в них пиво. А ведь она, снимая их с полки, приговаривала над каждой: «Кружка, оставайся кружкой». После третьей Десси расплакалась и пообещала, что сбе-

жит в Турангу и найдет там работу где угодно, кроме трактира. Роза случайно зашла в трактир, пока Десси еще рыдала и грозилась уйти. Встав на четвереньки, она попыталась выманить лягушек из-под стойки, где они сгрудились, сбитые с толку, испуганные, и мечтали о чем-то – насколько Роза удалось понять, о своеобразном болоте, состоящем из пива и колбасок.

Но ее внимание было далеко отсюда. Никогда прежде она не сталкивалась с трудностью, о которой не могла забыть и с которой не могла ничего поделать. Ей хотелось бы никогда не видеть такого выражения на лице Нарла. Ей хотелось бы никогда не узнать, что оно означало для нее. Ей хотелось бы не видеть, как Пеони по дюжине раз за минуту переходит от восторга к страданию. Ей хотелось бы обвинить во всем Роуланда, но она не смогла, потому что он был другом. Он был терпеливым, внимательным и веселым – в манере, напомнившей ей о Пеони, когда она узнала его получше. (Ее удивило не то, что они влюбились друг в друга, а то, как им удалось сделать это мгновенно.) Его интересовали животные, причем не только лошади и волы, которых подковывает кузнец. Он выучил клички всех деревенских собак, даже лохматых бурых псов среднего размера, которые большинству людей казались одинаковыми, и останавливался послушать пение птиц. И кошки его лю-

били. Они звали его Сладким Дыханием и Ароуа – кошачьим словом, означающим, что у тебя гибкие суставы. Кошки редко использовали его применительно к людям. Нарла они звали Камнеглазым и Чурбаном.

Роулэнд не был скучным. Просто она не была в него влюблена.

Рози вполуха прислушивалась к беседе, против воли борясь с собственными мыслями, и подняла глаза как раз вовремя, чтобы перехватить взгляды, которыми обменялись остальные. Ей показалось, что если бы она сейчас выставила между ними палку, та бы загорелась.

«Ты ведь можешь нам что-то рассказать, верно? – спросила Рози у Флинкса, который улегся рядом с колыбелью и забавлялся своеобразной игрой со смертью при участии полозьев колыбели и собственно хвоста. – Вы, кошки, знаете, что происходит нечто странное. Даже кошки священника обеспокоены».

Трудно сказать, позволил ли Флинкс прищемить себе хвост нарочно или попросту застыл в негодовании, вызванном вопросом Рози (ведь котов нельзя подвергать допросам), и забыл о нем, оставив в опасном месте. Но хвост был прищемлен, и кот с воплем вскочил на все четыре лапы и вылетел с кухни.

– Ох, Флинкс, – вздохнула Катриона. – Ты мог бы лечь и в другом месте.

– Этот кот приходит в дом не для того, чтобы лечь у огня, потому что стареет, – заметила Тетушка. – Он делает это, чтобы доказать, что ему вовсе не следовало заходить в дом.

Беседа свернула в новое русло, но ужин в тот день все равно выдался напряженным.

Таковыми же напряженными по большей части стали теперь и обеды в кузнице, подумалось Розе на следующий день. Роуленд и Пеони почти не обращались друг к другу, а когда все же заговаривали, то напоминали Тетушку с Катрионой и Бардером в тот вечер – как будто их настоящая беседа проходила где-то вне слов. Розе начало казаться (она надеялась, что ей только кажется), будто, помимо той неудержимой силы, что тянула Роуленда и Пеони друг к другу, действовала и другая, почти столь же могучая, пытающаяся их разлучить. Розе хотелось не то за ними наблюдать, не то вовсе никогда их не видеть. Она переняла от Нарла привычку бродить вокруг кузницы, разглядывая разные предметы, хотя внимательно следила за тем, чтобы не выбирать те же, что и Нарл.

Розе гадала, почему воздух между Пеони и Роулендом как будто временами искрится и почему, когда они вместе, волшебная мошка донимает их больше, чем следовало бы ожидать от людей, не являющихся

феями и сидящих в кузнице. Она старалась не подавать виду, что ее собственная кожа зудит и ноет, когда она засиживается рядом с ними. Никогда прежде она не обращала особого внимания на влюбленных людей – не считая Катрионы с Бардером, но те полюбили друг друга еще до ее рождения, и, вероятно, к тому времени, как Тетушка привезла ее в свой дом, вся эта свербящая неустроенность уже выветрилась. Возможно, именно такова и есть любовь – первая вспышка взаимной любви. Магию всегда притягивали волнения и перемены. Роза подумывала, не спросить ли у Тетушки, но ей не хватило на это духу.

Конечно, в деревне узнали про Роуланда и Пеони. Красота и мягкий нрав Пеони превратили ее будущее замужество в предмет трактирных споров, самых оживленных с тех пор, как Роза, ко всеобщему разочарованию, не блеснула детской магией, и куда более жарких, поскольку по крайней мере половина мужчин (молодых и старых, женатых и холостых), делающих ставки, сами были в нее влюблены.

– Ну что, Нарл, ты готов принять еще одного человека на постоянную работу? – спросил однажды Грей.

Кузнец лишь неопределенно хмыкнул, но Грей изрядно удивился бы, если бы получил ответ на столь легкомысленный вопрос. Но Бринет, у которой Роулэнд снимал комнату и завтракал по утрам, как-то

спросила у Розы, начала ли уже тетя Пеони подготавливать семейное свадебное платье к фигуре племянницы. Розы, не изменившись в лице, хмыкнула и удалилась прочь.

— Хмыкнула на меня точь-в#точь как Нарл! Ни словечка! Ни кивка, ни улыбки! — чуть позже в тот же день возмущенно жаловалась Бринет трактирщице. — Не думаю, что работа с мужчинами вроде Нарла идет на пользу молодым девушкам, как бы хорошо они ни управлялись со скотиной.

Но Розы и без того была напряжена до предела и не находила в себе сил на болтовню с назойливыми сплетницами. Через несколько дней после разговора с Бринет она обнаружила Пеони рыдающей над недочищенной картошкой, села рядом и приобняла подругу за плечи.

— П-прости, — выговорила Пеони. — Просто... внезапно стало уже чересчур.

— А ты не можешь за него выйти? — спросила Розы, вспомнив слова Нарла и предположив, что именно внезапно стало уже чересчур.

— Нет, — отозвалась Пеони.

Когда этот единственный слог остановил ее слезы, Розы поняла, насколько все безнадежно. Возможно, ей помогли в этом собственные не пролитые в подушку слезы.

– Нет. Он обещан... кому-то другому. Кому-то, кого он никогда не видел. Она... На ней лежит проклятие, и из-за этого она очень одинока и печальна.

Рози упала духом:

– Значит, это семейный обычай?

Что делает кузнец в такой семье, которая обещает сыновей дочерям других людей, которых они в глаза не видели? Тем более дочерям, на которых лежит проклятие. Если он вышел из такой семьи, это, конечно, объясняет его манеры. Но тогда что он делает в кузницах? Потому что он кузнец. Он знает дело – это видела даже Рози, да и Нарл иначе не взял бы его в ученики. Разве он не может выбросить все это из головы и стать просто кузнецом?

«Магия», – подумала Рози и нахмурилась.

Не об этом ли отчасти говорили Тетушка с Катриной тем вечером, когда Бардер пытался выудить из них хоть какие-то ответы? Но если заклятие искало Роуланда, почему оно его не нашло? Может, потому, что он окружен холодным железом?

– Ох, Рози... – вздохнула Пеони, снова принимаясь за картошку. – Надеюсь, ты никогда не влюбишься не в того человека – не в того, хотя ты-то знаешь, что он тот самый. Это ненадолго, – добавила она, чуть помолчав. – Ему скоро придется вернуться домой и... выполнить обещание. Они должны пожениться вско-

ре после... после ее дня рождения. Он будет весной, когда зацветут крокусы. Как у принцессы и у тебя, Розы.

Розы хмыкнула на манер Нарла. В тот день она вернулась из Вудволда. Собаки лорда Прендергаста сбежали от егеря, чего прежде никогда не случалось. Егерь так расстроился, что лорду Прену с трудом удалось удержать его в должности и пришлось приставить к нему слежку, чтобы он не смог сбежать украдкой. Розы позвали поговорить с собаками, которые все как одна глубоко стыдились своего неблагоприятного поведения и при каждой возможности смиренно ползали на брюхе перед обожаемым ими егерем.

«Не знаю, – объяснила Хьюер, одна из самых старых и мудрых гончих. – Никогда не ощущала ничего подобного. Как будто я снова стала шестимесячной глупышкой, только совершенно лишенной мозгов. Я знавала безумных собак. Они не способны учиться. Хуже того, их не волнует, что они не способны учиться. А если егерь не знает своего ремесла, один безумный пес может испортить всю свору, потому что когда мы бежим...»

Хьюер умолкла. Розы знала, что она имеет в виду. Когда собачий мозг полон запаха жертвы, там остается мало места для независимого мышления.

«Близится буря, – сообщил меррел, сидящий в тем-

ноте под крышей большого зала лорда Прендергаста. – Близится буря».

Погода ближе к осени сделалась такой же беспокойной и непостоянной, как лошади младшего сына лорда Прена. Но плохая погода никогда прежде не сводила собак с ума.

Рози казалось, что ее окружает дурная погода – ее собственная и всех остальных. Дождь и ветер при этом едва ли играли какую-то роль. Роулэнд никак не мог иметь отношения к принцессе, но все же казалось донельзя странным то, что ее собственный личный мир изо всех сил пытается треснуть по швам именно в этот последний, безумно напряженный год перед двадцать первым днем рождения принцессы. Если так это ощущалось в Двуколке, там, где находилась она сама, вероятно, было и вовсе жутко.

– Думаю, я спрошу у тети с дядей, нельзя ли мне на сезон перебраться в Дымную Реку. Может, я научусь там прядильному заговору, – предположила Пеони и одарила Рози слабой, неуверенной улыбкой, похожей на солнце, пытающееся пробиться сквозь грозовые тучи. – Ты знаешь, я плохо пряду, и это меня расстраивает.

Рози знала. В этом ремесле Пеони была медлительна и неуклюжа. Между ними ходила давнишняя шутка о том, что Пеони превосходно умела прядь, по-

ка Роза не перебралась жить по соседству. Роза как-то хотела одолжить ей веретено с горгульей, объяснив про поглаживание носа, но Пеони отказалась, серьезно заявив, что если это действительно зачарованная вещь, то она принадлежит их семье и расстроится, а то и вовсе испортится, попав в чужие руки.

– Я попрошу Бардера вырезать тебе веретено-волчок в подарок на возвращение домой, – пообещала Роза, подавив желание упросить Пеони остаться. Ведь тогда ей придется день за днем проводить в кузнице наедине с Нарлом.

На этот раз солнце в улыбке Пеони проглянулоточку увереннее.

– Я бы предпочла, чтобы ты сделала его сама, – отозвалась она.

Глава 15

Осень была сезоном бурь, когда ветры наизусть выкрикивали бестиарии и королевские генеалогии в дверные щели и печные трубы. Кухонные горшки потом обнаруживались на чужих крышах, выбранных ими в качестве нового места жительства, в кронах деревьев, а несколько раз даже на дне деревенского колодца, откуда они отказывались выбираться, утверждая, что там, внизу, тихо и спокойно, господствующая стихия не склонна к таким неистовствам, как ветер, а рыбы более приятные собеседники, чем люди. Бури случались слишком часто, и народ устал от них, а вялые лихорадки весны и лета переросли в неотвязный сухой кашель.

Холодный, упрямый, игольно-острый дождь начался и переставал, а по ночам часто ударяли сильные заморозки. Так продолжалось несколько недель, пока земля не схватилась льдом, не позволяя взойти озимым. Дороги сделались слякотными, изрытыми и ненадежными, а небо – низким, темным и зловещим. Туманная Глушь стала менее туманной, чем обычно, поскольку резкие ветры, дувшие весь год, так и продолжали дуть случайными порывами со всех сторон света. Необычные лихорадки, одолевавшие Двукол-

ку, отступали и объявлялись снова, приходили и уходили, как и зловредные ветры. Маревки жаллись друг к дружке под людскими карнизами и визжали, словно банши, особенно посреди ночи. Ни одно из предсказаний погоды, сделанных феями, не сбывалось.

А затем обрушилась буря с мокрым снегом и градом. Рози промокла до нитки, пока бежала через площадь из кузницы домой – ужинать. В тот вечер они остались вчетвером: Джоб взял выходной и отправился на ферму к Грею, где непогода не мешала ему ухаживать за дояркой, а Пеони осталась у дяди с тетей. Джем, Гилли и Гейбл спали наверху. Последний постоялец Катрионы, избавившись от детской магии, вернулся домой еще три дня назад.

– При таком ветре мы не услышим, если кто-нибудь расплачется, – заметила Катриона.

– Джем спустится и скажет нам, если что, – ответила Тетушка.

Они прислушались, сами не зная к чему, и едва не подскочили на стульях, когда особенно свирепый порыв ветра ударил в ставни. Рози вспомнила о Нарле, сидящем у слабого одинокого огня, и гадала, не скучает ли он хоть изредка по человеческому обществу. Катриона время от времени заманивала его на ужин, утверждая, что они обязаны вознаградить наставника Рози, а от любой другой опла-

ты он отказывался. Единственным объяснением, которое он соизволил дать, было: «Она оказала мне услугу». За столом он говорил немногим больше, чем в течение дня в кузнице, но его общество не тяготило остальных, а с Бардером они были старыми друзьями. Бардер умел истолковывать хмыканье Нарла лучше всех в деревне (не считая Розы). Но Нарл вот уже полгода не заходил к ним на ужин.

В кухонную дверь, выходящую во двор, заколотили. Стук прозвучал весьма основательно и целеустремленно, и, как бы им ни хотелось списать его на очередной порыв ветра, все знали, что это не так. Они перестали впустую прислушиваться и вместо этого пожелали, чтобы их оставили в покое. Стук повторился.

Бардер вздохнул, поскольку он только-только успел сесть за стол.

— У вас там серьезная поломка? — обреченно спросил он.

Так всегда бывало во время ужина и не могло быть по-другому в такую-то погоду, иначе посетитель, кем бы он ни был, дождался бы утра. Если поломка серьезная, придется высвобождать лошадей — в таком случае Розы должна будет пойти с ним... Бардер заговорил сразу, как только дверь начала открываться. Но на последнем слове, когда она распахнулась полностью, тон его голоса изменился.

За порог шагнул высокий человек, скрытый под мокрым серебристым плащом, проблескивающим множеством красок, – такой прекрасной ткани не делали даже в Дымной Реке. Точнее, скрытый весь, за исключением босых ног. Роза первая заметила эти ноги: чистые и гладкие, несмотря на погоду и дороги, и обратила внимание на их манеру как будто бы ощупывать пол, как рука может ощупывать незнакомый инструмент.

– Прошу прощения, – спохватился Бардер, смущенный и от этого скованный. – Доброго вам вечера. Я колесный мастер, а заодно... чиню большинство вещей, сделанных из дерева. Тележного мастера можно найти через двор отсюда, но ближайший плотник живет в Конце Пути. Когда в такое время в плохую погоду стучат в дверь, обычно это означает, что что-то нуждается в починке.

Голова, спрятанная под глубоким капюшоном, кивнула. Но когда он откинул промокшую ткань, открывая лицо, Катриона отчаянно вскрикнула и вскочила на ноги.

– Слишком поздно! – заявила она. – Вы ее не получите!

Она шагнула вбок, встала позади стула Розы и положила ладони ей на плечи, и девушка, ошеломленная и испуганная тоном Катрионы, заметила, что у той

трясутся руки. По босым ногам пробежала мышечная дрожь, как у руки, пробующей на вес меч или топор. Роза не нашла в себе сил поднять взгляд к лицу незнакомца.

Мокрый человек покачал головой, и дождевые капли брызнули в стороны. По полу уже растекалась лужа.

— Вы не можете отрицать то, кем она является, как я не могу отрицать, что последние двадцать с лишним лет сделали ее и вашей тоже.

Он повернулся посмотреть на Бардера — тот закрыл дверь от грозы, но так и остался стоять с рукой на щеколде, уставившись на необычного гостя. Под плащом незнакомец носил одежду, как будто целиком состоящую из длинных лент, хитро переплетенных и скрученных. Его безволосая кожа цветом напоминала глубокую воду в тени и тускло шелковисто переливалась, почти как его плащ. Лысая голова блестела, словно драгоценный камень. И что самое странное, на его боку висел длинный изогнутый клинок, подобного которому никогда не видели в Двухолке. Тонкая металлическая вязь оплетала рукоять, а на лезвии, не скрытом ножнами, виднелась надпись на непонятном языке. Когда человек шевелился, клинок блестел на свету, как будто сам высвободился из влажных объятий плаща и двигался сам по себе. Никто в Двухол-

ке не носил оружие столь открыто. Даже когда по ней проезжали королевские кавалеристы, их сабли оставались в ножнах и свисали с седла, словно длинный тонкий предмет багажа.

Незнакомец внимательно посмотрел на Бардера, а потом медленно обвел взглядом помещение, как будто имел право находиться здесь и пристально его изучать. Если бы Рози не пугала его уверенность и небрежность, с какой он носил длинный клинок, ее рассердила бы его самонадеянность. Когда взгляд незнакомца упал на Рози, она уже достаточно оправилась от первого потрясения, вызванного его появлением и реакцией Катрионы, и устояла на него в ответ, но возмущение, которое она хотела бы выразить, застряло у нее в горле.

Напоследок он повернулся к Катрионе, и Рози не могла решить, поднял он подбородок, чтобы обратиться к ней свысока или чтобы признать в ней равную себе.

— Послушайте... — Он простер руку к Катрионе, и откуда ни возьмись из какой-то складки его блестящего ленточного рукава выпал паук. — Вот слова, которых вы так долго ждали: «Паучок, упав на парчовый рукав, плотнее плети свою сеть. Пусть с короны златой шелк спускается твой, ведь владельца ее больше нет».

Паук замер примерно на полпути от протянутой ру-

ки незнакомца до пола, помешкал, взобрался обратно по своей паутинке, ненадолго скрывшись в мерцающих складках, и снова резко рухнул вниз. Теперь у него появилось две нити основы, с которых можно было начать работу. Он принялся деловито раскачиваться взад и вперед, вывязывая сеть прямо на рукаве незнакомца в кухне колесного мастера из Туманной Глуши. Но когда паутина начала принимать форму – это было странное плетение, где ни одна петля не походила на соседние, – паук замешкался, как будто недовольный плодом собственных трудов, и заново обегал свое творение, поддерживая углы, как человек, заправляющий постель, – словно, с паучьей точки зрения, они отказывались лежать ровно.

– Я знаю, кто вы, – сообщила Катриона с удивительным гневом в голосе. – Я знаю, кто вы. Предполагалось, что этот ваш... ярмарочный фокус произведет впечатление на нас, деревенщин? Мне казалось, мы ничем не заслужили вашего презрения.

– Я не знал, что со мной приехал попутчик, пока сейчас не вытянул руку, – мягко заметил незнакомец.

Паук торопливо спустился до самого низа недоплетенной сети и бросился с ее края, словно ребенок, с разбегу ныряющий в воду. Он коснулся пола, едва ли не с нетерпением освободился от своей паутиной лестницы и побежал в сторону Розы.

«Ну и дела», – мысленно вздохнула она.

С пауками, как и со всеми насекомыми, было трудно разговаривать. Незначительное исключение составляли бабочки, которые поголовно сходили с ума почти по-человечески, особенно те из них, кто проводил бóльшую часть своей краткой жизни в зачарованном состоянии. С тем же успехом можно было ходить на руках, произносить все слова задом наперед или пытаться поцеловать локоть. В некоторых случаях это оказывалось почти возможным (Рози могла бы поддерживать нечто напоминающее беседу с бабочкой, если бы они обе прилагали усилия). Рози удавалось уловить от паука только что-то вроде неравномерного пощелкивания, в котором она подозревала некий код, если, конечно, его можно расшифровать.

Этот паук, направляясь к ней, щелкал отчаянно – словно крошечный кузнечный молот, стучащий по железной крупинке.

«Тики-так-тики-так-тики-так».

Рози не хотелось наклоняться, пока ладони Катрины тяжело лежали у нее на плечах. Она продолжала спокойно сидеть, пока паук бежал к ней и взбирался по ее ботинку к штанине, потом на колени и наконец на тыльную сторону ладони. Он был таким легким, что заметить его на себе можно было лишь глазами; а потом она ощутила, как сгибаются волоски на ко-

же, по которой он шел.

Щелканье внезапно прекратилось.

«Прости, – сказала она пауку. – Я не понимаю. Я тебя... э-э... не слышу».

Последовала тишина. Затем щелчок, пауза, еще щелчок, другая пауза, щелчок. Затем пауза подольше, и все сначала. С третьего повторения Роза поняла, что замечает разницу между этими тремя щелчками, и прислушалась усерднее.

«Все... будет... хорошо», – выговорил паук и погладил тыльную сторону ее ладони несколькими ногами, на ощупь напоминавшими ресницы.

В его голосе слышалось что-то знакомое (впрочем, у пауков не бывает голоса) – или в его словах... или нет, в его интонациях... нет, в чем-то, что напоминало ей о давно минувших днях, предшествовавших времени ее появления в доме Тетушки и Катрионы. Это имеет какое-то отношение к ее родителям? Она никогда не интересовалась родителями, как будто знание о них могло каким-то образом отдалить ее от семьи, которую она любила.

Но люди вокруг нее продолжали говорить. Голос Катрионы звучал уже не гневно – только устало и надломленно.

– Мне нечего вам вернуть: он сгорел дочерна и рассыпался пылью, настолько мелкой, что мне даже

не удалось ее собрать, – сообщила она.

– Вот как? – отозвался гость, и все заметили, насколько он потрясен. – В самом деле? Я и не представлял, что она так сильна. Когда? Вы можете мне сказать, когда это произошло?

– Могу, – ответила Катриона. – Шесть лет назад, поздним летом, спустя примерно три с половиной месяца после нашей с Бардером свадьбы.

– Шесть лет назад... – повторил человек, как будто размышляя вслух. – Да, я помню, это был сезон бурь в Карлеоне. Мы тогда боялись, что она определила верное направление для своих поисков, поскольку знали, что уступили больше, чем могли себе позволить. Но когда ничего не произошло, не произошло ничего очевидного, мы решили, что все же справились. Что ж! Старый Нагильбран порадует, узнав, какому хорошему делу послужил его талисман. А он еще считал меня легкомысленным!

Человек улыбнулся, и в его мрачной улыбке не было ничего легкомысленного.

Почему бы Катрионе не спросить: «О чем вы? Какое отношение может иметь к нам очередная битва в очередной королевской крепости?» Но нет, она этого не сделала.

– Я думаю, он помог нам не только той ночью, – вместо этого сказала она. – С тех пор не случалось... вот

только... жаль, что его больше у нас нет. Вы сказали, что заберете его у меня, когда я перестану в нем нуждаться, но он нужен мне теперь, потому что вы пришли.

Ее дыхание прервалось всхлипом, а пальцы болезненно впились в плечи Розы.

То, что незнакомец был феей, было так же очевидно, как и его босые ноги. Розы никогда не встречала волшебников. Увидеть, как один из них проезжает мимо с отрядом королевской кавалерии, не считается. Но буйная дикость, исходящая от этого человека, подсказывала ей, что он никогда не посещал Академию, не проводил долгие часы под крышей, заучивая высказывания своих предшественников, не спорил всерьез о существовании рыб. В кухне было тесно от его силы, будто жаром огня обдувавшей ее лицо. Розы мерещилось, что она может протянуть руку, выхватить из воздуха чудо и оно обретет форму и плотность благодаря одной лишь ее ладони. И все же по тому, как он держался, она угадывала (как могла бы понять лошадь или ястреба), что этот человек охотно успокоил бы Катриону, но не мог. Несмотря на то что на поясе он носил саблю и оглядывался тут, словно состоятельный покупатель на ярмарке, он пришел как друг, скорее даже, как проситель.

Какие дела с подобным человеком могли быть у ко-

го бы то ни было в Двуколке, не считая разве что лорда Прендергаста? Рози глянула на тыльную сторону ладони, но паук уже исчез.

Незнакомец стоял как будто в ожидании или погруженный в размышления.

– Вы знали, что этот день настанет, – произнес он наконец. – Я ничего не могу с этим поделать. Как и вы. Как и она сама.

– У меня не было выбора! – воскликнула Катриона.

– Вы могли позволить ей умереть, – возразил человек. – К этому времени она успела бы уже погибнуть. Несколько раз. Или хуже чем погибнуть. Нужно ли мне вам об этом рассказывать?

Но Катриона осела на пол рядом со стулом Рози, ее ладони соскользнули вниз по руке девушки, а затем она уткнулась лицом в локоть, которым оперлась на колено Рози, и расплакалась, как дитя. Рози, до сих пор даже не представлявшая, что такое возможно, нагнулась к ней, обняла названую двоюродную сестру – единственную мать, которую она помнила, – и притянула к себе на колени, как будто это Катриона была ребенком, а Рози – ее опекуном и защитником. Рози прижала Катриону к себе, смахнула с ее лба влажные волосы и поцеловала ее, а та цеплялась за ее шею и рыдала.

– Лиса, – пробормотал человек. – Лиса... барсучи-

ха... медведица... выдра. Олениха и корова, кобыла и коза, сука и волчица и... Ну и путешествие выпало вам с малышкой, верно? Розы – так вы ее зовете? Розы?

Розы вскочила, не выпуская Катрину из объятий – ярость придала ей сил.

– Хватит! – потребовала она от чужака, который причинил боль Катрине и нарушил их покой. – Я не понимаю, что вы говорите Катрине, но мне это не нравится. Мне это нравится еще меньше, чем то, что вы говорите обо мне так, будто меня здесь нет. Меня-то зовут Розы. А вот вы нам до сих пор не представились.

Катрина слабо вздохнула – не то смущенно, не то благодарно. Розы склонилась и бережно опустила ее на пол, не отрывая взгляда от смуглого человека. Дождь прекратился, и ветер стих. Во внезапной тишине, если бы люди в помещении не были так поглощены друг другом, они могли бы заметить, как Флинкс прокрался в кухню и домовые мыши расположились вокруг него, словно знали, что в этот вечер потрясений он им ничем не угрожает. Одна из кухонных ставен – та, что плохо прилегала и пропускала ветер, дующий с запада, – задребезжала, распахнулась, и внутрь скакнул Фуаб, за которым последовали несколько малиновок и сова. Дверь, выходя-

щая во двор, тихо отворилась, поскольку Дротик умел справляться со щеколдами, и вместе с ним зашли Зогдоб и Ральф, подросший щенок пекаря. Сквозь открытую дверь любой, кто посмотрел бы, мог увидеть нескольких оленей, торопливо заходящих во двор, насторожив чуткие уши, а в холмике на штабеле досок нетрудно было узнать барсука. Пока еще слишком далеко, чтобы его различили человеческие уши, раздался топот копыт в галопе. Едва слышный, не вполне отличимый от ветра, полился долгий восторженный лай охотничьих псов, объявляющих, что они напали на след и идут по нему.

— Но они так ей и не сказали, Сигил, так и не сказали, — пробормотал незнакомец.

И множество выражений пробежало по его лицу, словно краткие, резкие порывы ветра, волнующие зыбью поверхность пруда: изумление, смятение, неверие, неодобрение, сгустившееся до осуждения. Человек шагнул к Розе и, к ее совершеннейшему ужасу, рухнул перед ней на колени. Уже в этой позе он медленно снял с пояса свой красивый и опасный клинок и уложил его на ладони, протянув к ней так, словно это был подарок. Розе непроизвольно спрятала руки за спину.

— Да, так вас зовут, — подтвердил он, подняв на нее взгляд. Его кожа переливчато мерцала в мягком све-

те ламп, а клинок в руках сиял, словно луна. — Но вы, дорогая, дражайшая, вы наша принцесса, та самая, которую мы так усердно стремились защитить, Ка-ста Альбиния Аллегра Дав Минерва Фиделия Алетта Блайт Домина Делиция Аврелия Грейс Изабель Гризельда Гвинет Перл Руби Корал Лили Ирис Бриар-Роза. А я ваш слуга Айкор, один из последних ваших слуг. Но я должен был стать вашим двадцать первым крестным. Фея королевы, Сигил, поручила мне отыскать вас и сообщить, что настала пора вам перестать скрываться. И мы должны быстро решить, что нам делать дальше, поскольку та, кто прокляла вас, ищет вас так же, как искал я, и непременно, как и я, найдет, потому что мы больше не можем ей помешать. Мы пытались все эти двадцать лет, но в итоге потерпели неудачу и знаем это. Никакая фея — и никакой маг — не может сотворить поисковое заклятие, способное продержаться двадцать лет, но Перниции это удалось. Теперь это огромная косматая тварь, ошети-нившаяся, как остролист, ошибками за двадцать лет поисков. И мы дразнили, допекали и тревожили ее как могли — охраняемые крепости были не единственными нашими отвлекающими средствами, — но она продолжала искать. Когда мы обнаружили, что заклятие остановилось здесь, в Двухолке, мы поняли, что это означает. И в столь горьких обстоятельствах

нам оставалось только надеяться найти вас раньше – на минуту, на час, на день или на три месяца. Я с радостью предлагаю вам мою жизнь, но ее недостаточно.

Рози слышала, что сказал человек, но не могла – не хотела – это понимать. Она как будто парила отдельно от тела, оставшегося стоять в освещенной очагом и лампами кухне, рядом с Катрионой, перед коленопреклоненным чужаком. Но она сама, Рози, настоящая Рози, отлетела прочь, подальше, в безопасное место, где ее не достанет никакая ужасная, пугающая, сокрушительная ложь. Она огляделась вокруг. Словно во сне. Она стояла в туманном месте – еще более туманном, чем Туманная Глушь, – и поначалу ничего не могла разглядеть. Но она слышала голоса – животные, ее животные, ее друзья, разговаривали друг с другом: малиновка с лисой, олень с барсуком, выдра с полевкой. Они говорили все разом, наперебой, обращались друг к другу, используя человеческие слова как простейший способ общения, поскольку сегодня вечером все предосторожности оказались отринуты.

«Ты здесь!»

«Да, и ты тоже!»

«И ты, и ты!»

«Почему ты пришел?»

«А ты?»

«Это в воздухе».

«Да, в воздухе и в воде».

«Оно падает с дождем».

«Я услышала это в ветре».

«Я почувствовал лапами на земле».

«Что-то приближается».

«Кто-то приближается».

«Происходит нечто важное».

«Мы знаем о принцессе».

«Мы знаем о... той, которая ее прокляла».

«Мы знаем, что это наконец-то приближается».

«Моя бабушка говорила мне, что это произойдет при мне».

«Мой отец рассказывал мне. Он помнил тот день».

«Я помню тот день».

«Принцесса и злая».

«Но это... это происходит здесь».

«Здесь».

«Рядом с нами всеми».

«Я подумала о Розе».

«Мы подумали о Розе».

«Что-то насчет Розы».

«Розы, наша Розы».

«Наш друг».

«Та, что говорит со всеми».

«Поэтому мы пришли».

«И я».

«И ты».

«И все мы».

«Но принцесса!»

«Не может быть!»

«Она говорит с нами!»

«Она принцесса. Люди бы не перепутали».

«Мокрый темный человек не перепутал бы. Разве вы по нему не чувствуете?»

«Но здесь!»

«Она!»

«Рози!»

«Наша Рози – принцесса!»

«Я знал, что со всеми этими крепостями что-то неладно! Вы слышали, чтобы кто-нибудь ее там учужал?»

«Но здесь, прямо здесь...»

«С нами, в сырых землях!»

«Вот я расскажу родне!»

«Принцесса! Она жива!»

«Вы знаете истории о том, как мы все кормили ее, пока она бежала через всю страну, прочь от той, что желала ей зла...»

«Мы кормили и прятали ее...»

«Лиса, и медведица, и барсучиха, и олениха, и ко-

рова, и овца, и коза, и сука, и волчица, и кошка, домашняя и лесная, – мы все кормили ее...»

«В историях никогда не говорилось, куда она бежала!..» – выпалил очень молодой и глупый кролик, мгновенно прижатый к земле тяжестью неодобрения, которое навлекло на него это бездумное замечание.

«Ну разумеется, нет», – отозвалась гусыня, презрительно зашипела, обогнула его и устроилась ближе к двери в дом колесного мастера, втиснувшись между парой овец и бобром.

«Принцесса!»

«Наша принцесса!»

«Мне следовало бы принести ей подарок – я знаю, где найти яблоки...»

«...сладкие желуди...»

«...чудесные корешки...»

«...белку, погибшую совсем недавно...»

Несмотря на клубящийся вокруг серый туман, Роза рассмеялась, смех вырвал ее из оцепенения, и она опустила взгляд. На ней было длинное платье из чего-то такого же серого и мерцающего, как туман. Но туман поблескивал только на краю ее поля зрения, куда бы она ни смотрела, а широкая юбка, ниспадающая с нее, сверкала и искрилась снизу доверху. Она ощущала вес платья, тяжелого, как холодное железо. Ей пришлось напрячь спину, чтобы держаться

под ним прямо. Так лошадь в своих первых подковах от удивления высоко поднимает ноги.

«Такие платья носят принцессы, – подумала она, – но я же не принцесса. Я оставила все это позади, в кухне, с человеком, державшим в руках саблю, с которого на пол капала вода. Я оставила это позади. Я коновал и ношу штаны, а не неуклюжие тяжелые юбки».

Ей не хотелось видеть это платье, и она закрыла глаза ладонями, но вес его никуда не делся. Она снова уронила руки, уже уставшая от тяжести рукавов.

«Я оставила тебя позади, – сказала она платью. – Я оставила тебя позади. Я Роза, племянница и двоюродная сестра двух лучших фей в Двуколке, я живу в доме колесного мастера, Бардера, – он мой друг и муж двоюродной сестры. Еще я дружу с Пеони и... и с Нарлом. Я коновал».

Мысленно она снова оглянулась на кухню в доме колесного мастера, с отвращением посмотрела на коленопреклоненного человека, затем перевела взгляд на доброго, задумчивого Бардера, на умную, проницательную Тетушку и, наконец, на Катриону. Дорожки слез все еще были заметны на ее щеках, выражение на лице напоминало о хорошо знакомых любви и тревоге, но теперь оно сделалось суровым, безрадостным и полным отчаяния.

«Я оставила тебя позади», – удивленно подумала Роза и снова опустила взгляд на платье, в котором оказалась не по своей воле.

Нечто, какая-то отдельная искорка зашевелилась под ее взглядом. Она протянула руку, и паук взобрался на подставленный палец.

«Все будет хорошо», – повторил он.

«Мне знаком твой голос, – сказала ему Роза. – Я тебя знаю. Кто ты?»

Паук не ответил.

Роза закрыла глаза, глубоко вздохнула, вынырнула из холодного тяжелого платья и проскользнула обратно в собственное тело, по-прежнему стоявшее в кухне колесного мастера. Внезапно она ощутила тепло огня, согревающего ей спину, и звенящее, покалывающее напряжение в комнате. Животные продолжали разговор.

«Но... принцесса... здесь... это значит...»

«Да».

«Да».

«Но если Роза чья-то принцесса, значит она наша принцесса, и мы ее сбережем».

«Мы ее защитим».

«Пусть люди сделают, что смогут».

«Против злой».

«А они сделают. Ведь она и их тоже».

«Но мы сделаем то, что тоже должно быть сделано».

«Как только выясним, что это».

«Мы выясним».

«Да».

«Наша», – вздохнуло множество голосов.

«Нам ее защищать».

Глаза Розы по-прежнему оставались закрытыми, но тут среди звериных голосов она расслышала еще один, и под сомкнутыми веками возникли лиловые, фиолетовые и черные полосы, складывающиеся в узоры, от которых ее замутило.

– Наконец-то я тебя нашла, – произнес другой голос, человеческий, говорящий ей о ее смерти и радующийся этому предсказанию. – Нашла!

Но затем голос изменился, дрогнул, утратил всю злобу и сделался знакомым – знакомым, любимым и близким. Это был голос Катрионы, и она окликала ее по имени, по знакомому имени, единственному имени, которое она знала: Розы, Розы, Розы! Она открыла глаза, хотя успела забыть, что они закрыты. Айкор уже не стоял перед ней на коленях, Катриона придерживала ее рукой за талию, а Тетушка замерла рядом, протягивая Розы чашку.

– Выпей это, – велела она. – Руки не дрожат? Тебе помочь?

Рози неуверенно отступила на шаг назад, снова нашла свой стул и села. Собачья голова украдкой опустилась на ее бедро – один из высоких гончих псов лорда Прена. Она уже почти вспомнила его имя... ах да, Хрок. А щенок-подросток, уже слишком крупный для таких забав, запрыгнул ей на колени – Ральф. Несколько мышей вскарабкались по ее штанине. Флинкс, как будто бы случайно, уселся ей на ступню (Рози почувствовала, как он запустил когти ей в ботинок, чтобы удержаться на месте), а Фуаб вспорхнул на голову. Она взяла чашку одной рукой, потом решила придержать ее и второй, с другой стороны, но выпила лекарство без сторонней помощи. Когда настойка – она узнала по запаху содержимое одной из Тетушкиных склянок – скользнула вниз по ее горлу, она вспомнила ужасный голос, который только что слышала, и череду имен, произнесенных Айкором: Каста Альбиния Аллегра Дав Минерва Фиделия Алетта Блайт Домина Делиция Аврелия Грейс Изабель Гризельда Гвинет Перл Руби Корал Лили Ирис Бриар-Роза. Взглянув в лицо Катрионе, она поняла, что это все правда, поняла, почему та ей не сказала, и горько обиделась, почти возненавидела ее за это. Почти возненавидела Катриону! И все же она ощущала благодарность, смиренную, пристыженную благодарность за то, что двадцать один год пробыла про-

сто Рози. Эту благодарность она приняла как обязательство, тяжелое, словно истина, словно железное платье.

«Это правда», – бормотали животные.

«Это правда».

Она окинула взглядом четырех обращенных к ней лица и топнула ногой, потому что мышцы щекотались. Другая ее нога гудела от урчания Флинкса. Она не могла припомнить, чтобы он прежде мурлыкал для нее. Рози уставилась на Айкора – тот стоял, прислонившись к стене, и на полке прямо над ним замерла сова, мерцающая белым, точно так же, как он мерцал черным и серебристым. Рука его лежала на рукояти огромной изогнутой сабли, на лице отражались участие и изумление.

«Что за истории? – спросила она у своих друзей. – Что за истории о том, как вы все кормили маленькую принцессу? Что за истории о том, как она бежала через всю страну после своих именин?»

«Истории...» – отозвалось несколько голосов, и Рози пришлось напомнить себе, что животные не рассказывают истории так, как люди.

Рассказывалось обычно о том, как вить гнезда и выстилать логова, как убегать от врагов, как найти или поймать пищу и как делать все это, не привлекая излишнего внимания – к каковому относилось все че-

ловеческое внимание.

«Почему? – не отступалась Роза. – Почему вы помогли ей... им?»

Катриона принесла ее домой – принесла ее сюда. Именно Катриона была на именинах принцессы от Туманной Глуши – Роза знала, что каждой деревне и каждому городу позволили прислать по одному человеку. Остальные посланцы Двуколки: Осиб из Древесного Света, Глир из Мглистой Запруды, Зан из Конца Пути, Милли из Дымной Реки – охотно рассказывали о своем путешествии и о самих именинах, несмотря на то, что случилось с принцессой. Катриона никогда об этом не заговаривала – это Флора рассказала Розе, кто представлял Туманную Глушь. Роза, хорошо зная, насколько мягкосердечна Катриона и как ее огорчает участь принцессы, предполагала, что понимает, почему та не говорит о пережитом.

«Почему? – спросила она снова. – Я не понимаю. Почему вы все помогали?»

Животные недоуменно зашумели, но озадачила их она, ее вопрос.

«Мы не знаем почему, – ответила наконец сова. – Злая была зла; это то человеческое зло, которое... просачивается, словно дождь в трухлявую колоду. Те из нас, кто видел это, знали: оно было там. Наши родители и деды, если они были там, знали. Вы, люди,

используете „мы“ и „все вы“ по-другому. Мы не собирались вместе. Мы передали историю о дурном дне человеческого сближения соседям, а те – их соседям, и они и мы сделали то, что следовало сделать. Теперь история – это то, как все есть. Все закончено».

«Ты наша принцесса, – подхватили другие голоса. – Это сейчас, а не тогда».

Тетушка. Конечно, Тетушка знала, ведь Катриона должна была вернуться домой с маленькой принцессой – с ней, с ней самой, с Розы, – и рассказать ей, что произошло. А Катриона тогда сама была почти ребенком – пятнадцатилетней девочкой, на пять лет моложе, чем сейчас Розы. Бардер – она видела, что Бардер тоже знал, и ей пришлось приложить усилие, чтобы простить за это их троих, за то, что Бардер тоже знал, поскольку он мог узнать об этом только много позже, они должны были сказать ему через ее, Розы, голову, через ее неосведомленную голову. Должно быть, Бардер прочел что-то в ее глазах, потому что одарил ее странной, кривоватой улыбкой, слабее, чем его обычная, и все же знакомой улыбкой, какой они много раз обменивались в последние годы, два обычных человека, живущие в одном доме с парой фей, – улыбкой, в которой в равных частях смешивались любовь и раздражение.

Она порадовалась тому, что сидит, потому что внут-

ри ее сдвигались могучие силы, соотнося это новое, ужасное знание со всем, что она о себе знала и чего не знала: с воспоминанием о том, как она обрезала себе волосы в четыре года, провалилась в болото в десять лет, смотрела в темноту чердака в пятнадцать, обнаружила, что влюблена в Нарла, в двадцать. Как она росла, разговаривая с животными точно так же, как разговаривала с людьми, и удивительно долгое время не понимала, что не все это умеют. Ей казалось, что, когда она встанет снова, эта огромная перемена должна как-то проявиться внешне: возможно, у нее увеличится или уменьшится рост или на каждой руке появится по шестому пальцу – как временами случалось с людьми, в жилах которых текла кровь фей. Но нет, она же принцесса, и в ее семье, в ее настоящей семье, вовсе нет волшебства.

А затем ее глаза наполнились слезами, и она бросилась в объятия Катрионы (Ральф взвизгнул, но удержался на месте). Катриона, ее обожаемая кузина, сестра, мать... Ничего подобного, ведь она, Роза, принцесса, дочь короля и королевы, вовсе не родня Катрионе, Тетушке, Джему, Гилли и Гейблу... Утрата внезапно оказалась тяжелее, чем можно было предполагать, практически невыносимой.

– Ох, милая моя, милая, – услышала она голос Катрионы, – ты по-прежнему остаешься нашей Розы. Ни-

когда в этом не сомневайся.

Она плакала, как ей показалось, очень долго, отчего глаза будто забились песком, а в горле пересохло. Только тогда она остановилась и утерла глаза (и спину Ральфа) полотенцем, которое протянула ей Тетушка, а Дротик и Хрок слизали слезинки, которые она пропустила. Рози отложила в сторону полотенце, и первым, на что упал ее взгляд, оказалась маленькая скалящаяся горгулья, которую вырезал Бардер. Она вспомнила рассказы о затупленных веретенах, о том, что на пропавшую принцессу наложили проклятие: она, мол, уколет палец о веретено (о железное веретено, какого Рози никогда не видела) в собственный день рождения и умрет. Рози вспомнила, как переняла от Катрионы привычку поглаживать пальцем нос горгульи, чтобы та принесла удачу.

Кухня уже успела переполниться животными: овцы и ягнята, олененок, чья мать просунула голову в дверной проем, несколько кошек, устроившихся на столе, кролики и зайцы, сидящий старый барсук и маленький поросенок, лоснящийся черный петух, сидящий на спинке пустого стула Бардера и делающий вид, будто не замечает на спинке Катриониного стула лощенного черного фазана, хвост которого был длиннее, хоть и не таким переливчатым. Птицы пристраивались почти везде, где могла удержаться пара птичьих

ног, в том числе и на овечьих спинах. Несколько кро-
тов притворялись горбатыми бархатистыми клочками
тени, а горностаи замер с упрямым видом, поскольку
друзья и родичи пытались его отговорить, а он
все равно пришел. Жеребец лорда Прена, Дрок, про-
сунул голову в окно, которое открыл Фуаб, а из-за его
спины доносилось негромкое ржание Резвого. Роза
слышала, как кишит и бурлит двор, куда приходят все
новые и новые звери.

Вода все еще капала с деревьев и стекала с кры-
ши, но весь остальной шум производили животные.
Роза слышала хихиканье выдр, тараторящие мысли
коз и медлительные коров, а неподалеку, в лесу, во-
рочался по меньшей мере один медведь. В дверном
проеме возникла очередная тень, и на пороге появи-
лась Пеони, с изумлением на лице и лисенком-под-
ростком на руках.

Роза встала, перехватив Ральфа под мышку. На од-
ном ее плече теперь сидел воробей, а на другом куро-
патка. Воробей встрепенулся, удерживая равновесие,
и хлопнул крылом по ее уху. Но только от легонько-
го покалывания коготков Фуаба, сидящего на макуш-
ке, на ее глаза навернулись слезы. Пара мышей, ко-
торых она вытряхнула из-под штанины, взобрались
на нее снаружи и нырнули в карман, пока она, вста-
вая, ненароком не сбросила их снова. Свободной ру-

кой Розы взъерошила свои короткие волосы (давно привыкший к этому жесту Фуаб подпрыгнул, пропуская ладонь под собой), но на этот раз образовавшийся пушистый ореол напомнил не о подсолнухе, а о солдате, только что снявшем боевой шлем.

— Нужно решить, что мы скажем, — удивительно ровным, спокойным голосом заговорила Роза. — У нас не так много времени. Люди лорда Прендергаста вскоре догонят Дрока и Резвого, а следом подтянутся и деревенские — как только выглянут за двери глотнуть свежего воздуха перед сном и увидят зверинец у нас во дворе. Мой двадцать первый день рождения уже близок. Вы ведь прибыли сюда сообщить именно об этом, не так ли, Айкор? И тогда окончательно решится моя судьба, к добру или к худу. Что же мы должны предпринять?

Часть четвертая

Глава 16

Рози снова стояла у странного окна непривычной новой спальни, глядя в темноту на ряды крыш и гадая, что с ней станет. Даже спустя три месяца эта спальня по-прежнему оставалась для нее непривычной, в то время как в доме колесного мастера она освоилась за три недели.

Окно, у которого она стояла теперь, располагалось высоко, куда выше, чем любой деревенский дом или даже дерево, на которое случалось залезать Рози. И крыши, на которые она смотрела, не походили на привычную мешанину крыш сараев и пристроек, подходящих любому дому, где жили несколько поколений деревенских мастеровых, в окружении не слишком опрятной общинной земли. Вместо них перед ней расстиралось море флигелей, конюшен, оружейных, часовен, пекарен, маслобоен, домов для слуг и еще множества стен и крыш, для которых она не находила названий, а вокруг лежали ухоженные парки, выгоны, сады с птичьими вольерами. Она была в Вудволде.

Рози хотелось, чтобы рядом лежала кошка, подергивающая хвостом под звездным светом и неразборчиво бормочущая. Но комната в башне, выбранная лордом Прендергастом и одобренная Айкором, располагалась действительно высоко, а мешанина крыш вызывала тревогу даже у кошек, любящих залезать повыше. Здесь всегда бывало тихо, но сегодня не слышалось ни уханья сов, ни ржания лошадей в конюшнях, ни лая собак в округе. Молчали даже мыши за обшивкой стен и голуби под изящными козырьками крыш.

Все застыли в ожидании...

Завтра наступит двадцать первый день рождения принцессы...

Предстоял большой бал – о большем никто не слышал, не говоря уже о том, чтобы видеть, и Роза, словно возвращаясь из изгнания или оправляясь после изнурительной болезни, вспоминала старые истории о том, каким будет бал в честь двадцать первого дня рождения принцессы.

Придворные, в том числе (пока что) сорок четыре мага и двадцать шесть фей, прибывали в течение последних двух месяцев. Айкор, особый представитель королевской феи, приветствовал их и сообщал все, что им необходимо было знать. Если кто-то из них испытывал сомнения (все волшебники уж точ-

но, просто из принципа), никто не решался с ним спорить. Поскольку в истории – той, которую излагал Айкор, – утверждалось, что это фея королевы, Сигил, спасла принцессу в день именин, дала отпор Перниции и придумала убежище для принцессы. (Как следствие, к феям по всей стране стали относиться с совершенно непривычным для них почтением, которое самые рассудительные из них находили весьма досадным.)

Сама Сигил не только отказалась от заслуженных почестей – она померкла до смутной бесцветной тени при королеве, и уже спустя мгновение после встречи никто не мог быть уверен, что видел ее вовсе. Но другие придворные, величественные и капризные, хлынули в Двуколку, жалуюсь на дороги со столичным выговором, и повезли с собой изысканные подарки для Прендергастов и принцессы.

Король с королевой и трое их сыновей отправились в Двуколку почти сразу после того, как было объявлено, где находится принцесса. Объявление это прилетело из Двуколки в столицу на крыльях заклинания. Но они проезжали через всю страну долгой дорогой: встречались с народом, радостью на собственных лицах убеждали людей в правдивости новостей, уверяли их, что возвращаться в столицу они будут еще более длинным путем, представляя всех желающих

принцессе, которая наконец-то освободится из заточения.

Никто не упоминал о том, что Сигил просила короля с королевой не прибывать в Вудволд до самого дня бала.

«Вудволд! – повторяли люди по всей стране. – Как удивительно! Нам и в голову не приходило подумывать о Вудволде!»

«Поди разбери этого лорда Прендергаста, с его-то манерой держаться наособицу», – говорили другие.

Правду сказать, Прендергасты всегда были такими: держались подальше от двора, занимаясь собственными землями, оставались удивительно верными, хотя сами могли бы стать королями, почти как если бы судьба приберегала что-то на будущее.

Вся страна вела себя так, будто начался праздник, будто все праздничные дни года – последних двадцати с лишним лет – смешались, образовав одно грандиозное, радостное празднование, от которого невозможно было отказаться. В истории, рассказанной Айкором, прямо утверждалось, что бал принцессы станет окончательным поражением Перниции. Перниция потерпела неудачу. У нее был двадцать один год, и она не справилась. Они уберегли свою принцессу. В ее двадцать первый день рождения никто не будет тревожно оглядываться через плечо, высматри-

вая черно-фиолетовые тени там, где не может лежать ни одна честная тень, – они будут праздновать конец тьмы.

Это было частью великого волшебства, сотворенного Сигил, Айкором, Тетушкой и Катрионой. Это было частью их последнего, отчаянного хода против судьбы, поймавшей принцессу в ловушку в день ее именин. Пусть люди верят, что Перниция уже проиграла и день рождения принцессы – самое время для ликования. Пусть они безоглядно полюбят возвращенную им принцессу, чтобы сама любовь стала для нее защитой и обороной – а за этой защитой можно будет создать и другие, тайные защиты.

Люди забыли. Человеческой природе свойственно забывать, размывать границы, пересказывать истории, заканчивая их желаемым образом, помнить все, как должно было быть, а не как было на самом деле. И Тетушка, Катриона, Айкор и Сигил позаботились о том, чтобы люди забыли, чтобы они вспоминали случившееся самую малость – самую существенную малость – неправильно.

Перницию невозможно победить какими-либо обычными средствами – прямыми атаками магии или оружием. Пришлось найти иной путь.

Это было столь обширное обманное заклятие, что четыре феи все время бодрствования бродили напо-

ловину в мире чар, а когда спали, недолго и беспокойно, оно вторгалось в их сны. Катрионе казалось, будто они с Тетушкой, Айкором и Сигил распустили собственные человеческие облики и из полученной нити связали образ мира – мира, где Перниция потерпела поражение, а двадцать первый день рождения некогда проклятой принцессы был радостным и беззаботным событием. Где беспокоиться следовало только о том, как бы не пропустить ничего особенно вкусного из угощения и достаточно громко крикнуть, когда будут пить за здоровье принцессы. По выражению лиц Тетушки и Айкора – лиц людей, чьи тела едва удерживают одежду в нужных пределах в высоту и ширину, потому что от них осталось совсем мало, если не считать магии, которую они поддерживают и претерпевают, – она понимала, что они разделяют ее чувства.

Теперь, ощутив себя истрепанным, еле ковыляющим существом, она задумалась, не было ли некогда человеком и истрепанное, еле ковыляющее, упорное заклятие. Они с Тетушкой больше не видели его с тех пор, как Айкор прибыл в Туманную Глушь. Она не знала, распалось оно, вернулось домой или...

Все заговорщики гадали, почему молчит Перниция. Айкор выиграл предпоследнюю схватку: нашел принцессу раньше, чем она, но новостей о возвращении принцессы не просто не скрывали – они подняли оглу-

шительный шум во всех эфирных слоях, от самых темных подземных палат гномов, земляных духов и скальных ведьм до высоких холодных царств тучеедов и звездных танцоров. Перниция знала, как не могла не знать и о том, что некие чары убеждают жителей страны, которую она собиралась сокрушить, будто ее замысел уже провалился. Но она выжидала. Как только пройдут последние дни до двадцать первого дня рождения принцессы, Перниция войдет в полную силу. День рождения и их последнее противостояние. И Катриона испытывала нелепую признательность за молчание врага, поскольку сомневалась, что шаткая иллюзия заговорщиков выдержит хотя бы один раскат хохота Перниции, того демонического смеха, который оборвал знамена в день именин принцессы.

Катриона часто думала, что ни за что бы не справилась без Сигил. Дело было не только в том, что так их было четверо, а не трое, дело было в чистых и прочных нитях магии, которые она создавала, никогда не провисающих, не путающихся и не рвущихся. Она ни разу не видела лица Сигил, хотя, когда слышала ее голос, он звучал так близко, как если бы она снова стояла рядом и приобнимала ее за талию, а Катриона держала на руках крошечную принцессу. Никто из троих находящихся в Туманной Глуши не знал,

где сейчас Сигил, даже Айкор. Она не осталась в столице и не отправилась в дорогу, сопровождая короля, королеву и принцев. Но трое фей-заговорщиков часто слышали ее голос и постоянно ощущали ее присутствие, силу и любовь к принцессе, которую она не видела больше двадцати лет.

Рози оперлась подбородком на руки, прислушиваясь к выжидательной тишине. Она напомнила себе, что другого пути нет. Они обсуждали это снова и снова – Кэт и Тетушка в один голос подтвердили, что Айкор прав, это единственный способ, и он дарит им надежду, когда той не было вовсе, потому что Перницию не удалось ни сбить с толку, ни одолеть, и противопоставить ей здесь, в последнем столкновении, можно только саму Рози. Ничего другого им не осталось двадцать один год назад. Все, чего смогли добиться Кэтриона, Тетушка, Сигил и Айкор, – это дать ей время вырасти.

Идея, разумеется, принадлежала Айкору. Потребовалось посмотреть на ситуацию со стороны, чтобы увидеть это и предложить. Сигил выбрала Айкора не только потому, что тот был двадцать первым крестным и владельцем талисмана, но и потому, что он был из тех людей, кто замечает то, что можно увидеть, и из тех фей, кто успешнее всего обращает это себе

на пользу. Но и его едва не сокрушила новость о том, что Роза умеет разговаривать с животными.

— Не может быть! — повторял он снова и снова. — Не может быть!

Это был единственный раз за всю ту долгую ночь, когда Катриона рассмеялась.

— Но это так, — заверила его она. — Вам не кажется — я часто об этом думала, — что и это в том числе сохранило ей жизнь до сих пор? Ей было настолько безопасно, насколько позволяла обыкновенность — обыкновенность и умение разговаривать с животными, как фея. Лучше, чем фея.

Это был также единственный раз за всю ту долгую ночь, когда Айкор утратил свое превосходство над ними.

— Не может быть! — повторил он.

Еще ненадолго они сделались семьей, объединенной против чужака. Но Роза не могла цепляться за это воспоминание, сидя в башне Вудволда в ночь накануне дня рождения принцессы. Вспоминала она выражение на лице Кэт, когда та согласилась с планом Айкора.

Часто за последние три месяца Роза вспоминала голос, который слышала вечером, когда прибыл Айкор: «Наконец-то я тебя нашла! Нашла!» Ее не успокаивало то, что больше это не повторялось, поскольку

ку она знала правду, скрытую заговором. А завтра настанет день рождения принцессы.

Рози помнила выражение лица Пеони, когда та стояла тем вечером на пороге, с лисенком на руках, рассматривая их всех: животных, окружающих ее стул и жмущихся к ней, и ее саму, двоюродную сестру Катрионы и племянницу Тетушки, только что узнавшую о том, что она принцесса – принцесса, на которой лежит проклятие.

Все замолчали и посмотрели на фигуру, выступившую из сырого сумрака. Сварливо забормотал ветер. Пламя очага золотисто озарило встревоженное лицо; светлые волосы и мех лисенка ярко блеснули на свету.

– Я... я увидела... из окна и спустилась... А он просто... просто прыгнул, – пояснила Пеони.

Лисенок перевернулся на спину, чтобы удобнее было подбивать передними лапами длинный локон, изящно спадающий по плечу Пеони. Выглядел он весьма довольным и спокойным.

– Я... я подумала... Должно быть, он каким-то образом перепутал нас с тобой, и я решила принести его сюда. Рози, с тобой все в порядке? Ты странно выглядишь. Зачем тут собралось столько твоих друзей? Что-то не так?

– Перепутал вас с ней? – переспросил Айкор. – Пе-

репутал вас с ней...

Пеони ошеломленно повернулась к нему.

– Я Айкор, – представился он и поклонился.

Прежде он не кланялся. С другими он заговорил сразу, а перед принцессой опустился на колени. Но Пеони он отвесил изящный поклон, нимало не пострадавший от покачнувшегося на его поясе изогнутого клинка. Рози решила, что так, должно быть, кланяются придворные. Озадаченная Пеони ответила ему реверансом. К немалому удивлению Рози, подруга велела себя как знатная дама, хотя приходилась племянницей тележному мастеру.

– А это, – объявил Айкор, указав на Рози, – Ка-ста Альбиния Аллегра Дав Минерва Фиделия Алетта Блайт Домина Делиция Аврелия Грейс Изабель Гризельда Гвинет Перл Руби Корал Лили Ирис Бриар-Роза, ваша принцесса.

Пеони порозовела, затем побледнела (ни тогда, ни позже, вспоминая об этом, Рози так и не поняла, почему на ее лице не промелькнуло ни малейшего сомнения), с еле слышным вскриком пробралась через толчею животных и склонилась перед Рози. Но та соскользнула со стула и села на пол, свободной рукой вцепившись в свободную руку Пеони (лисенок и Ральф не ладили друг с другом, и их пришлось удерживать).

– Не кланяйся! – взмолилась она. – Милостивые судьбы! Пеони, Пеони, пожалуйста, не кланяйся!

Снаружи послышался цокот копыт, тяжелый топот верховых лошадей и голоса, среди которых Роза узнала голос одного из конюхов Вудволда.

– Они приехали за Дроком и Резвым, – догадалась она.

Айкор кивнул, и сова, сидевшая на полке над его головой, перебралась к нему на плечо. Роза ощутила, как Айкор просит о помощи кого-нибудь из прочих птиц: он не владел звериной речью в полной мере, но объясниться мог. По птичьим рядам прокатилась волна неохоты – все они были меньше совы.

«Давай, Фуаб, – попросила Роза. – Я за тобой присмотрю».

«Присмотришь за чем именно? – уточнил тот. – С твоего места ты отлично разглядишь, как перья моего хвоста исчезают в чьей-то глотке».

Но он взмахнул крыльями, на миг присел обратно, чтобы резко клюнуть ее в макушку в память о былых временах, и перепорхнул на плечо Айкора, забившись как можно глубже под его ухо.

«Перемирие», – напомнила Роза сове.

«Перемирие, – подтвердила сова, заметно позабавленная. – Я бы не явилась сюда, если бы искала завтрак».

Фуаб пробормотал что-то неразборчивое, но чуть смелее выглянул из-под уха Айкора, желая как следует видеть, что произойдет дальше.

Сова повернула голову и уставилась дикими желтыми глазами прямо на Рози.

«Я остаюсь здесь ради тебя, принцесса. Я сижу на плече этого человека, потому что он утверждает, что это тебе поможет. У тебя есть страшный враг, принцесса. Мы ощущаем ее с этим человеком, хоть он и пришел с добрыми намерениями».

— Прости меня, малыш, — произнес Айкор, — но сова выглядит так впечатляюще.

Между его большим и указательным пальцем возникло маленькое семечко, которое Фуаб, с сомнением покосившись на него левым глазом и с интересом правым, аккуратно выхватил и проглотил. Он как раз глотал второе, когда знакомый Рози конюх появился на пороге, стряхивая воду с мокрой шляпы.

— Его светлость передает наилучшие пожелания, но двум коням его светлости взбрело в голову сорваться и ускакать сюда... Рози, что тут вообще творится? — добавил конюх, растерянно обводя взглядом сборище.

Тогда Айкор шагнул вперед, привлекая к себе внимание. Сова и впрямь впечатляла, возвышаясь над ним со своего насеста на его плече, ее макушка

задевала потолок, а блеклое серо-коричневое оперение как будто нарочно дополняло собственный цвет кожи Айкора.

– Прошу прощения, – произнес Айкор. – Боюсь, это моя вина.

Больше он ничего не сказал, но конюх посмотрел на сову, проследил за тем, как Фуаб принял еще несколько семян из пальцев Айкора, и предположил именно то, чего от него хотел Айкор.

Большинство оставшихся мышей вскарабкались по штанине Рози, а две или три – по ее куртке, поскольку она так удобно расположилась на полу (и надежно удерживала Ральфа, приобняв его рукой за шею). Флинкс по-прежнему мурлыкал, прижимаясь теперь к ее боку (Ральфа он уgomонил одним взглядом), но в кухне собрались еще одна сова, две пустельги, кречет и другие кошки, а мыши всегда предпочитают темноту и низкие потолки. Рози пришлось придушить все нарастающее желание расхохотаться – по большей части над ужасающей нелепостью ее собственного положения, но щекотка мышиных лапок и усиков оказалась последней соломинкой. Она вцепилась в руку Пеони (у той, похоже, тоже возникли трудности с дыханием) и проглотила пузырящиеся смешинки.

– Собственно, я намеревался... хм... просить ауди-

енции у его светлости, однако... хм... решил сперва заглянуть сюда. Не соблаговолите ли передать ему, что завтра с утра я буду ждать встречи в удобное для него время?

Конюх поспешно вернул на голову мокрую шляпу, чтобы вежливо ответить этому внушительному незнакомцу. Капля сорвалась с полей и сбегала по его носу. Он непроизвольно фыркнул.

— Какое имя мне назвать?

— Айкор, вестник королевы.

«Вестник королевы».

Животные забормотали, переговариваясь друг с другом, и по коже Розы побежали мурашки, словно от сквозняка. Она сглотнула очередной приступ испуганного смеха и непроизвольно икнула.

Взгляд конюха разом прояснился, и он коротко поклонился:

— Сэр...

К нему подошел второй конюх.

— Они отказываются уходить, — расстроено сообщил он. — Я надел на них уздечки и все остальное, но они только сжимают челюсти и не двигаются с места.

«Ступайте, друзья мои, — поспешно вмешалась Роза. — Увидимся завтра».

Наверное.

Но кони так и не шелохнулись. Роза слышала, как ворчит и улещивает их конюх.

«Что-то очень неладно, Роза, принцесса, — объяснил Дрок. — Мы ощутили это в воздухе, давным-давно, почуяли, как оно приближается, смотрит, ищет чего-то, как жестокий человек — потерянный кнут, как волк — ужин. Не просто ищет, но жаждет, томится, нуждается. Задолго до этого кратко сейчас, когда явился этот странный тип и заявил, что оно ищет тебя из-за того, кто ты есть, и превратится в кнут в жестокой руке, как только тебя коснется. Мы все боимся этой руки. Мы боимся этого человека, несущего на себе запах и жажду, хотя они не принадлежат ему — он несет их, словно упряжь, и то, что его взнуздало, ненадолго от него отстает. Но ты наша, принцесса, ты была нашим другом еще до того, как научилась с нами говорить, и... может, нам это и не по душе, но нам нужны друзья среди людей, потому что у нас есть враги среди людей, хотим мы того или нет. Теперь мы слышим то, что говорит этот человек, и его слова ранят тебя, как удары кнута. Ты то, что привело сюда эту жестокость, эту злобу, но ты и то, что прогонит эту злобу с нашей земли. Теперь мы понимаем это, помимо его человеческих слов, потому что у нас есть собственные легенды и собственные утраты. Этот человек с его страхом и ранами там, где их натерла

упряжь, не может спасти тебя один. Мы не уступим тебя ему и людям. Вот почему мы здесь – вот почему нас здесь так много. Мы пришли раньше, чем услышали, что этот человек сказал тебе, мы почуяли приближение чего-то – чего-то большого и сильного. И еще больше становится нас теперь, когда мы слышим его рассказ. Разве ты не понимаешь?»

«Возможно, вы понимаете лучше, чем я, – ошеломленно отозвалась Роза. – Люди так много говорят. Мы видим, слышим, чувствуем на вкус или на ощупь куда меньше, чем разговариваем. Думаю, из-за этого я глуха, слепа и бесчувственна».

«Чем больше табун, тем безопаснее, – сообщил Дрок. – Мы не хотим уходить. Сип и Мелли – те, кто привез сюда конюхов, – присоединятся к нам, если мы попросим. Я могу созвать сюда всех лошадей с земель моего лорда, если хочешь. В твоей большой комнате не одна сова и не один ястреб – они охотятся поодиночке, – и, несмотря на них, к тебе пришли и мыши, и кролики, и мелкие птицы».

«Нет, – отказалась Роза. – Ступайте домой. В этом случае большой табун только сделает нас заметнее, а мы не хотим, чтобы нас заметили. Ступайте домой. Пожалуйста».

Дрок раздраженно мотнул головой, а Резвый откусил кусок покореженной ставни и разгрыз его, позвя-

кивая удилами и роняя пену со щепками. Один из коныхов протестующе вскрикнул.

«Ты принцесса, – чуть помедлив, заявил Дрок. – Мы знаем, что это значит. У тебя должен быть самый большой табун».

«Я не хочу быть принцессой», – призналась Рози, сдерживая разом и смех, и новые слезы, и опять икнула.

«Я не хотел становиться лучшим жеребцом моего лорда, – мягко ответил Дрок, – проходить в поводу перед людьми с холодными глазами, попусту тратить время в помещении, чтобы не попортить холеную шкуру, сходиться с кобылами, которые не знают меня, как и я их. Резвый не хотел уметь бегать так, чтобы тот безумец снова и снова требовал это от него. Мы то, что мы есть. Однажды я больше не смогу крыть кобыл и получу собственный небольшой зеленый выгул вместе с несколькими пожилыми кобылами, больше не способными жеребиться, и я буду стоять на солнышке, пока каждый волосок на моей шкуре не выгорит до тускло-коричневого цвета. Однажды Резвый больше не сможет бегать. Мы то, что мы есть, принцесса».

«Лошади не говорят так, как ты разговариваешь со мной, – невпопад заявила Рози, поскольку не хотела слушать его рассуждения. – Ты звучишь как мер-

рел».

«Мы, животные, говорим, когда в этом есть нужда, — сообщил Дрок. — То, что происходит сейчас, — это нужда для всех нас. Ты же не ждешь, что жеребенок, испугавшийся кузнеца, расскажет тебе все, о чем знает, — какая тебе в этом нужда? Это всего лишь один жеребенок, один страх, один кузнец».

«Фуаб как-то сказал мне, что мы, люди, слишком долго живем», — припомнила Роза.

«Не знаю. Люди разговаривают. Такие уж они есть. Возможно, разговоры заполняют годы. Возможно, годы растягиваются, чтобы вместить разговоры. Зимой мне нравится тепло конюшни, построенной для нас людьми, и некоторые вещи из тех, о которых они говорят, и сладкое сено, и зерно. Меррел рассказывает истории, потому что он одинок, и разговоры — это все, что у него осталось. Разговоры и память. Приходи ко мне на выгул, когда я состарюсь, и мы поговорим».

«Я...» — начала было Роза, но не нашлась что сказать.

«Скажи нам снова, чтобы мы ушли, и мы уйдем, — заключил Дрок. — Но помни, кто ты. И если мы понадобимся, тебе нужно только попросить».

«Я запомню, — пообещала Роза. Икота у нее наконец прошла. — Ступайте. Я приду к тебе на выгул, когда ты состаришься. Мы переживем эти времена,

потому что я хочу увидеть тебя выгоревшим и пыльным».

Она шевельнулась и обнаружила, что за ней наблюдает Айкор.

– Полагаю, теперь ваши лошади пойдут с вами, – объявил он.

Рози слабо улыбнулась, когда конюхи уважительно поклонились ему и скрылись за дверью. До нее донесся приглушенный стук копыт, в воздухе повис слабый дымный след разочарования Резвого: скакун хотел действовать, хотел встретить врага, которого можно будет растоптать или перегнать.

«Я буду помнить, что сказал Дрок!» – крикнула она ему вслед.

«Помни, что я еще не стар!» – отозвался Резвый.

– А теперь быстрее, – потребовал Айкор. – Закройте двери и окна!

Рози, оглядевшись, поняла, что животные разбрелись по дому и нашли место, чтобы устроиться на ночь и всем вместе ожидать новостей, держась поближе к ней и (во многих случаях) не попадаясь на глаза деревенским. Каким-то образом Айкор сумел им объяснить, что лучше сохранять тайну, пока они не определятся с планом действий, а определиться им нужно будет нынешней ночью. Животные расположились и внизу, и наверху и весь пол словно покры-

ли то ли ковром, то ли лоскутным одеялом. Несколько овец и барсук разместились в комнате Джема, Гилли и Гейбла. Коза с парой козлят и сколько-то гусей разделили спальню Катрионы и Бардера. Молодая корова, шесть выдр, два ежа и дюжина полевок устроились у Розы. Олененок с матерью заняли верхнюю часть лестницы, а олень, по счастью сбросивший рога всего парой дней раньше, – нижнюю, оставив кроликам площадку. Маленький медведь пристроился в сарай к Ромашке, Чертовке и курам, птицы, мыши (а также несколько сонь, втиснувшиеся между ставнями), кошки, три собаки, несколько поросят и лисенок остались в кухне. Большинство малиновок расселись на коленях у Тетушки, а Флинкс перешел к Катрионе. Сова с плеча Айкора вернулась на полку, но Фуаб наполовину спрятал голову под крыло и сделал вид, будто там и задремал, выдавая притворство дрожью всякий раз, когда Айкор шевелил рукой, которой скормливал ему семечки.

Они проговорили всю ночь. Розы помнила, какой долгой она выдалась. И все же, когда Розы увидела, как свет зари просачивается сквозь щели в ставнях, она удивилась, будто не ожидала, что новый рассвет настанет, пока они не встретятся с Перницией и не сокрушат ее. Или она их. Розы приходилось одергивать себя, когда ей начинало казаться, будто все это дол-

гий и страшный сон: Айкор, новости, которые он принес, – новости о том, что Перниция не просто беда всей их страны, как засуха или нашествие таралианов, но их беда, ее беда, ее собственный личный враг, знающий ее имя и жаждущий ее смерти. Именно ее, Рози, ведь она принцесса, а вовсе не двоюродная сестра Катрионы и не племянница Тетушки, о чем она не могла забыть, потому что Перниция не забудет и потому что Рози обещала Дроку помнить о том, кто она.

Никогда прежде она не бывала окружена таким количеством столь разных животных, сосредоточенных на одном и том же деле – ее деле. От их мельтешения и галдежа выкрикиваемых наперебой замечаний и мнений (и требований повторить то, что только что прозвучало: Рози явно была лучшим среди людей переводчиком – или передатчиком, а малиновки, вполне бегло беседующие с Тетушкой, имели привычку говорить все одновременно) у Рози кружилась голова. Она пропустила часть рассказа Айкора, описывавшего прошлый год: как все приближенные короля с королевой ощутили, что то, чего они все ждали, страшилось и надеялись избежать, не предотвращено вовсе (они разве что могли поставить себе в заслугу прошедшие двадцать с лишним лет) и приближается к кульминации, к которой стремилось все это время.

– Волшебники и мы, феи, конечно, почувствовали это острее всех, но даже посудомойки и младшие конюхи заметили ее приближение – так в преддверии сильной бури волосы на затылке становятся дыбом. Мы должны были найти вас первыми. Ведь если бы она встретила вас, коснулась, схватила раньше... что ж, мы бы уже ничего не могли предпринять, чтобы ее остановить.

Рози вспомнила голос у себя в голове: «Нашла!» Но ей не хотелось никому об этом рассказывать, особенно Айкору, и она смутно подозревала, что, описав произошедшее вслух, сделает его более настоящим, а она не хотела, чтобы оно оказалось настоящим.

– Вы действительно не знали, где мы, – заключила Катриона.

– Нет, – подтвердил Айкор. – Так решила Сигил, и я с ней согласился. Знание оставляет следы, хоть и слабые. Мы бы предпочли вовсе не оставлять следов, но Сигил нужно было поговорить с вами, а вам – унести принцессу с того места, где... с именин. Но это были очень слабые следы, и мы предприняли все возможное, чтобы их запутать. Если бы мы знали, в какую сторону направить наши мысли или в какую сторону их не направлять... Нет. Это привело бы к катастрофе, не к безопасности. Королевские маги, конечно, не согласились, но ничего не могли с этим поде-

лать. – Он издал еле слышное сухое фырканье, которое можно было принять за смешок, чуть помешкал и продолжил, посерьезнев: – Сигил приняла решение. Среди нас никогда не было согласия по вопросу, может ли проклятие подействовать раньше назначенного. Мы с Сигил считаем, что, даже если нет, Перница была бы счастлива... заполучить принцессу в руки, прежде чем сожмет кулак.

– Как вы нас нашли? – спросила Тетушка.

– Я прошел по следу, оставленному моим талисманом двадцать один год назад. О да, это и впрямь был весьма бледный и выцветший след! Но я мог его различить. Наверное, никто другой не смог бы, если Перница так вас и не нашла. Вот почему меня выбрали для этого похода, хотя... – Он снова чуть помешкал. – Я бы в любом случае боролся за это право. Но мои... обстоятельства... также на удивление убедительны: забытый крестный, который непреднамеренно подарил... кое-что.

Рози ощущала на себе его взгляд, но свой решительно не отрывала от пола. Ее по-прежнему изредка сотрясали приступы дрожи, и она предпочла сесть у очага, спиной к огню. Рубашка так нагрелась, что временами, когда Рози шевелилась, ткань, касавшаяся кожи, обжигала. Она вздрагивала, но не отодвигалась. Некоторые из младших зверей уже засыпа-

ли. Олененок на лестнице перестал повторять: «Но я не понимаю», козлята в спальне Катрионы перестали повторять: «Но зачем кому-то так поступать?» — а прочие разнообразные детеныши перестали повторять: «Но это же плохо. Почему она такая плохая?» Ральф свернулся калачиком, спрятав нос под хвостом, и уснул у нее на коленях. Пеони сидела рядом, чуть дальше от жаркого пламени, но они по-прежнему держались за руки. Лисенок, тоже уснувший, зарылся носом под локоть Пеони, а его длинный пушистый хвост свисал у нее с колен. Катриона то и дело поглядывала на них, как будто убеждаясь, что они, а главное, Роза, по-прежнему там. Роза встречалась с ней взглядом, когда чувствовала, что она смотрит, — с ней, но не с Айкором.

Ее мысли снова пришли в смятение. Ей вспомнилось заветное для вышивания. Наверное, это был один из подарков фей-крестных. Она вспомнила о том, что у нее были феи-крестные и что у Катрионы сложилось о них невысокое мнение, хотя не смогла вспомнить, чтобы слышала когда-нибудь, какими были подарки. Если они сводились к чему-то наподобие вышивания, неудивительно, что Катриону это не впечатлило. Что еще она может делать? Штопать, как ветер? Прясть золото из соломы? Внезапно у нее перехватило дыхание: ее ужасные, отвратительные во-

лосы! Волосы принцессы! Золотистые локоны! Интересно... Она искоса глянула на длинные золотистые локоны Пеони. Да, но ей-то они идут. Роза подняла свободную руку и подергала себя за ненавистные кудряшки. По праву или нет, но они со всей определенностью принадлежали ей.

«Интересно, что Айкор подарил бы прин... мне?»

— ...Когда пропал Роулэнд — вот когда мы по-настоящему начали тревожиться, — продолжал говорить Айкор.

Роза ощутила дрожь, охватившую ее подругу при этом имени, увидела, как слово «Роулэнд» складывается и замирает на ее губах. Вслух Пеони его не произнесла. Какое отношение может иметь к чему бы то ни было подмастерье кузнеца, пусть даже хороший подмастерье? Это не может быть тот же самый Роулэнд. Даже хороший подмастерье кузнеца со странным семейным обетом, не позволяющим ему жениться на любимой девушке...

— Холодное железо, — задумчиво произнесла Тетушка. — Мне мерещилось нечто странное в этом мальчике, но я была совершенно уверена, что с ним все в порядке, и не стала вмешиваться. Столько всего произошло в этом году...

— Да, — подтвердил Айкор. — Холодное железо. Когда он исчез, мы поняли, что он наверняка скрывается

под видом кузнеца. Забавно, но это я предложил ему заняться кузнечным ремеслом из-за обета. Он годился по возрасту в подмастерья, и его отец обратился к нам за советом. Вы знаете, что каждый наследный принц Эрлиона приносит обет в свой десятый день рождения? Конечно, он знал историю нашей принцессы, но кто мог предугадать... Обычно клятвы приблизительно одинаковы: касаются преданности Эрлиону и всему королевству и всего такого. На протяжении поколений это было скорее формальностью, чем обетом, но обычай по-прежнему в силе, и в том числе поэтому принцы Эрлиона остаются столь надежными друзьями наших правителей. Юный Роулэнд решил, что сделает что-то значительное. Впрочем, мое впечатление от мальчика подсказывает, что думал он не столько о значительности собственных поступков, сколько о несчастной, одинокой, лишенной друзей принцессе, на которой никто, вероятно, не захочет жениться, что крайне прискорбно для будущей королевы.

Роулэнд выкрикнул это прямо на церемонии. Никому даже в голову не пришло спросить его, что он собирается сказать, поскольку все ждали от него повторения клятв его отца, деда и прадеда. Его несчастный отец, придя к нам, признался, что не забыл спросить Роулэнда, выучил ли тот слова своего обета наизусть.

Тот ответил, что выучил. Но отец не поинтересовался, какие это слова, ибо хотел показать Роуленду, что доверяет ему и не сомневается в его способности все сделать как надо. И вот итог.

Эрлионы всегда отдают своих детей в учение. Они считают, что это укрепляет характер. Я предложил, чтобы он обучился работе с железом. К тому времени, как старший Эрлион вернулся к себе во дворец, там видели гиппогрифа, а он отправился к нам на следующий же день после церемонии. Проходила она, к счастью, без зрителей, и нам удалось пресечь бóльшую часть сплетен. Он сразу же нашел кузнеца, который согласился принять мальчика. Ремесло пришлось Роуленду по душе. Все это железо послужило лучшими защитными чарами, какие мы могли придумать, и не оставляло ни малейшего следа. В том числе, разумеется, и для нас, когда он исчез почти год назад. Ну и шум поднялся! Пожалуй, даже хуже, чем после клятвы наследника. Потому что мы все знали, что, вероятнее всего, сила обета приведет его к принцессе, куда бы и зачем он ни направился.

Теперь Пеони безудержно дрожала. Роза, отчасти оглушенная собственными бедами, отчасти благодарная за повод отвлечься на человека, которого постигли, возможно, еще более тягостные несчастья, приобняла ее за плечи. Ральф заворчал и потянулся во сне,

переложив голову на спину лисенку, как будто между ними не было ни малейших разногласий. Лисенок приоткрыл один глаз и снова его закрыл. Пеони уткнулась лицом в плечо Розы, и несколько слезинок, промочив ткань рубашки, коснулись ее кожи.

— Я не слишком удивился, когда, добравшись до Туманной Глуши, обнаружил и след Роуланда, — продолжал Айкор. Он повернулся к Розы. — Моя принцесса, я полагаю, вы встречались с Роуландом?

Мимолетное желание рассмеяться снова окатило Розы, обернувшись едва ли не тошнотой. Слишком многое свалилось на нее за слишком краткое время.

— Я с ним знакома, — сообщила она. — Пожалуй, я неплохо его знаю, поскольку часто с ним работаю. Я тут коновал. Кузнец Нарл, к которому Роулэнд поступил в подмастерья, он... был и моим наставником тоже и остается одним из моих лучших друзей.

Айкор глянул на нее, и Розы догадалась, что он пытается решить, как лучше сформулировать следующий вопрос.

— Вам известно о какой-либо... связи между вами?

Пеони застыла так неподвижно, что сама на ощупь напоминала железо, разве что теплое. Розы крепче стиснула ее плечи.

— Нет, — твердо и правдиво заявила она. — Я... э-э-э... Нам не о чем друг с другом разговаривать. Ему

нравятся... Он уделяет внимание животным и прекрасно воспитан. Вот и все. – Она попыталась придумать, что еще сказать, чтобы утешить Пеони, но ничего не приходило в голову. – Роуленд умело обращается с железом. Нарл с удовольствием его учит.

– Вам необязательно выходить за него, если вы не хотите, – заверил ее Айкор. – Мы изучали этот вопрос последние одиннадцать лет и, если вы оба будете присутствовать и придете к согласию, сможем разорвать связь.

– Ну разве это не великолепные новости?! – воскликнула Катриона. – Лучше, чем клубника в январе. Такого рода объявлений я ожидала бы от мага, а не от феи. Айкор, что мы будем делать теперь?

Повисло молчание, и Роза внезапно поняла, что собирается сказать Айкор, что у него на уме, о чем он размышлял, с тех пор как Пеони с лисенком на руках заглянула в дверь.

«Нет, – подумала она. – Нет. Я раньше убегу. Если я убегу, оно... они... она придет за мной, оставив в покое всех остальных».

Но, уже думая это, она понимала, что не права. Она знала, что на кону не одна только жизнь принцессы – ее жизнь. Она знала это и прежде, еще когда была просто Роза, деревенским коновалом, и, думая о принцессе, жалела ее за то, что ее печальная участь

простирается на всю страну.

Пеони выпрямилась и выпустила свободную руку Рози.

– Да, – произнесла она. – Да, конечно, я согласна.

– Согласна на что? – мягко уточнил Айкор.

– Айкор... – гневно начала Рози.

– Рози, не надо, – вмешалась Пеони. – Это я придумала. Не стану утверждать, что иначе он не попытался бы навести меня на эту мысль, но ему и не понадобилось. – Повернувшись к Айкору, она добавила: – Я стану для вас принцессой. Я буду принцессой, на которую все смотрят, пока вы с Рози занимаетесь... чем бы вам ни пришлось заниматься. Вы же об этом хотели меня попросить, так? Но вам придется меня научить. Я представляю себе, как должна держаться принцесса, не больше, чем... чем сама Рози.

– Пеони... – снова начала Рози.

Подруга быстро повернулась к ней.

– Все хорошо, – заверила она, похлопав Рози по руке. – Все хорошо.

Еще мгновение они смотрели друг другу в глаза. У Пеони они были голубыми, ясными и спокойными, как всегда. Рози попыталась представить, каково придется подруге с таким бременем.

– Ты можешь... Ты можешь пойти на это ради Роуланда? – спросила она наконец.

– Ради своей страны и королевы, – уточнил Айкор.

Пеони вскрикнула – звук вышел чем-то средним между смехом и воплем человека, прищемившего себе пальцы дверью.

– Нет, я не могу пойти на это ради Роуленда или... или моей страны и моей... моей королевы. Но я пойду на это ради тебя, Розы.

Глава 17

На следующий день после сопровождаемого грозой прибытия в Туманную Глушь Айкор вернулся со встречи с лордом Двуколки и сообщил, что принцесса и сопровождающая ее фрейлина переезжают в Вудволд, и чем раньше, тем лучше, – скажем, завтра же. Лорд Прендергаст настоял на том, чтобы прислать за ними свой лучший экипаж.

Новости распространились по Двуколке, словно лесной пожар: Айкор не пытался скрывать ни себя, ни свое прибытие на двор колесного и тележного мастеров, ни его причину.

– Мы не можем себе позволить даже такие мелкие обманные чары, – сурово сообщил он, отправляясь наутро к лорду Прендергасту. – Лучше сразу заявить... то, что мы намерены сказать.

По слухам, долетевшим до трактира Кернгорм быстрее, чем ноги Айкора могли бы принести его самого, когда о прибытии вестника королевы официально объявили у дверей большого зала Вудволда, он изложил свое дело спокойным голосом, но все, кто присутствовал в огромном помещении, слышали каждое слово.

– Лорд Прендергаст, я прибыл просить вашего го-

степриимства для нашей принцессы, наследницы короля, наконец-то освободившейся от долгого заключения.

В последовавшей тишине лорд Прендергаст первым шагнул вперед, чтобы проводить вестника в меньшую комнату, где они смогут побеседовать наедине. На его лице застыло ошеломленное выражение, но его манеры и преданность королю и его наследнице остались безупречными.

К тому времени, как Айкор вернулся (сам он отказался от экипажа лорда), перед двором колесного и тележного мастеров собралась толпа, чтобы поздравлять, глазеть, удивляться и расспрашивать. Бардер, Джоб и Крантаб пытались заниматься делом, хотя еле шевелили руками и покачивали головой не только в ответ на замечания соседей.

Женщины столпились в кухне дома колесного мастера. Тетушка пряла, как будто это было самое обычное утро самого обычного дня, и слышалось лишь тихое постукивание и еще более тихое жужжание. Катриона готовила успокаивающий отвар. Раскрасневшая Пеони пыталась утешать тетю. Рози решила, что та рыдает от растерянности, не представляя, чем ей следует заниматься теперь. Точно так же чувствовала себя и она сама, хотя и без слез. Но Рози ощущала не только замешательство. Ей казалось, что она

попала в ловушку. Люди, которых она знала всю свою жизнь, внезапно загнали ее в угол и теперь стали зрителями, а она... они с Пеони – зрелищем.

Джем с Гилли пытались играть на кухонном полу, но без особого увлечения. Гейбл, самый уравновешенный из младенцев, собрался было понять. Рози подхватила малыша и принялась играть с ним в ладушки – больше для того, чтобы успокоиться самой. Она не прекратила игру даже после того, как Айкор сообщил, что они уезжают на следующий день. Но все же она передала сообщение и услышала, как его обсуждают мыши, а спустя пару минут до нее донесся вой Зогдоба – долгий, отчаянный стон: одна Рози толком понимала, как следует чесать собачью спину, и вот она уезжает. Рози жалела, что не может завывать сама.

Пеони как-то ухитрилась смеяться, повторять: «Я не знаю... я ничегошеньки не знаю», целовать подставленные щеки и пожимать протянутые руки, пока принцессу с ее фрейлиной поспешно провожали к экипажу, который доставит их из меньшей тюрьмы в большую – в Вудволд. Рози бессмысленно озиралась по сторонам, отмечая всеобщее любопытство и какое-то потрясенное почтение (а в нескольких случаях еще и жалость) на лицах тех, кто пришел их проводить. Только Флора подошла прямиком к ней, креп-

ко обняла, а затем пожала руку, пробормотав, словно маленькому ребенку: «Все хорошо, Рози. Все хорошо». Рози заставила себя улыбнуться. Даже Фуаб, объявившийся из ниоткуда, чтобы клянуть ее в макушку и пощипать за уши, добился от нее только слабого взмаха руки, едва достаточного, чтобы его согнать.

Рози никогда прежде не ездила в экипажах. Ей не понравилось. У него была крыша и закрытая дверь, и он тоже оказался тюрьмой, а колеса и лошадиные копыта твердили «прочь, прочь, прочь» и «нет, нет, нет». День выдался хмурый и туманным, и длинные облака тянулись мимо окон: в лучшем экипаже лорда Прендергаста окна были забраны прозрачным стеклом. Рози постучала по нему пальцем. Стекло оказалось холодным и влажным.

Она привыкла к слабой встряске при прохождении через железные ворота на земли Вудволда, но в день прибытия принцессы с фрейлиной экипаж потрянуло много сильнее, и головокружение вырвало у Пеони, посещавшей Вудволд только по праздничным дням, чуть слышный вздох. Рози показалось, что Вудволд заворочался. То же ощущение, но еще более отчетливое она испытала, перешагнув порог большого зала.

«Меррел?» – окликнула Рози не задумываясь, как поглаживала нос горгульи на веретене или под-

хватывала ребенка, чтобы поиграть с ним в ладушки.

«Принцесса», – ответил он, каким-то образом включив в это слово и имя, которое она считала своим: «Рози».

И Вудволд услышал, понял, ухватился за него или вобрал в себя. И ответил.

«Приннцессса, – прогудел он. – Рооози».

Рози никогда прежде не слышала ничего подобного: с ней как будто заговорили деревья и камни. Мгновение она не могла шелохнуться, словно, услышав, как говорит нечто не обладающее ни дыханием, ни голосом, ни способностью шевелиться, она сама лишилась всего этого, и вокруг расцвел другой мир – мир, в котором не мог бы существовать человек. Но затем пол у нее под ногами подернулся легкой зыбью, не более чем слабым намеком на движение, она пошатнулась, снова пришла в себя, огляделась и поняла: никто не слышал того, что слышала она, и, возможно, не почувствовал того, что почувствовала она.

А затем оказалось, что к ним приближается сам лорд Прендергаст. Они с Пеони изобразили лучшие свои реверансы (у Рози он больше походил на поклон, дополненный неловким щипком сбоку за юбки) и с ужасом обнаружили, что лорд поднимает их, придерживая за запястья.

– Это мне следует кланяться вам, – сообщил он, со-

проводя свои слова поклоном, а затем посмотрел на их бледные лица и добавил, одновременно серьезно и поддразнивая, как будто они были всего лишь его дочерьми: – Вам следует усвоить это сейчас. Никуда не годится, если вы будете кланяться собственным придворным.

– Да, милорд, – слабо отозвалась Пеони.

Затем лорд Прен представил их своей супруге, снова придерживав за запястья, пока та приседала в реверансе. Но Роза больше заботил удивительно низкий гул, похожий на последний отзвук барабана, который уже не слышен, но ощутим всем телом, – это Вудволд повторял: «Рози. Принцесса». Пол снова заметно содрогнулся.

– Я прошу прощения за... э-э-э... пол, – произнес лорд Прендергаст, впервые слегка смутившись. – Этот дом служил приютом моей семье много веков, со времени его постройки, и его верность, возможно... э-э-э... стала осязаемой. Мы искренне рады приветствовать вас здесь и сделаем все, что в наших силах, чтобы вам было уютно, но... Я полагаю, с тех пор как в этом зале принимали особу королевской крови, прошло больше ста лет, и, возможно, дом помнит, что вы... э-э-э... заслуживаете особого почтения – большего, чем ваши скромные слуги Прендергасты. Но, должен заметить, сам Вудволд несколько... э-э-

э... непостижим... если это слово применимо к дому.

Он умолк, и все услышали, как гостевые кубки дребезжат на столе. Леди Прен изящно подхватила графин с вином, стоявший слишком близко к краю.

— Он... э-э-э... Обычно его реакции не столь ясно выражены, — добавил лорд, слегка нахмурившись не то в удивлении, не то в замешательстве.

Рози вспомнился любимый во всей Двуколке слух о том, что Прендергасты никогда не бывают при дворе, потому что, если они покинут Вудволд на срок более долгий, чем необходимо для охотничьей поездки в горы за рекой, он выкопается из земли и отправится за ними пешком через всю страну.

— Однако, — продолжал лорд Прендергаст, — ему никогда не представлялось блистательной возможности первым приветствовать наследную принцессу, занимающую подобающее ей положение после столь долгого отсутствия.

Он снова поклонился. Пеони придвинулась ближе к Розе и взяла ее под руку.

При этих словах своего хозяина Вудволд притих, как будто желал именно такого подтверждения или даже нуждался в нем, и спустя минуту или две леди Прен принялась разливать напитки. Но Розе, потягивая слабое подслащенное вино, ощущала вокруг настороженность, какой ни разу не замечала

здесь прежде, и это чувство никак не отступало. Нечто не вполне неодушевленное ожидало врага и, похоже, в отличие от всех людей в доме, с раздражением осознавало обман, происходящий под его крышей, пусть даже пол больше не содрогался. Роза надеялась, что никто другой не слышал его низкого шепота: «Принцесса. Роза». А если и слышал, то не догадывался, что оба слова относились к одному и тому же человеку.

Принцессу с ее нескладной фрейлиной разместили в башне Вудволда, завершающей собой своеобразный изгиб стены. По мнению Розы, назвать это углом было нельзя. Многочисленные флигели и пристройки Вудволда подчинялись какой-то собственной логике: половина или полтора лестничных пролета вверх или вниз, крутые повороты, запутанные переходы, неожиданные ниши, потолки, внезапно нависающие над тобой и столь же неожиданно взмывающие вверх сводами и куполами. Их комнаты в башне, две наверху и две внизу, соединенные лестницей, были маленькими для Вудволда, но просторными по меркам Туманной Глуши. Спальня, одна из двух верхних комнат, не уступала размером целому первому этажу любого из деревенских домов. Комната напротив была гостиной. Внизу располагалась самая натуральная

уборная с сияющими, тщательно отполированными трубами, которые в иных обстоятельствах непременно привлекли бы внимание Розы, и гардеробная. Напротив (за небольшим коридором, обеспечивающим уединение) находилось помещение для стражи, компаньонов и их личных вещей, буде таковые накопятся. От нижней пары комнат извилистая лестница с клиновидными ступенями уходила вниз, к основной части дома.

Айкор повесил свою саблю, Эскву, над дверью в их спальню.

— Эсква умеет рубить и связывать, — пояснил он Розы. — Если у вас появится нужда в том или другом, он подчинится вашей руке.

Прендергастам сообщили, что принцесса и ее фрейлина предпочтут разделить одни покои для собственного удобства и спокойствия. И Прендергасты, которые растили шестерых собственных детей и с искренней заботой отнеслись к внезапно порученным им заботам девушкам, не нашли в этом ничего удивительного.

— Не сомневаюсь, после того потрясения, что пережила бедная девочка, ей хочется, чтобы лучшая подруга была рядом, — предположила леди Прен.

И она была права, хотя и не вполне в том смысле, который подразумевала сама.

– Я сожалею, Р... моя принцесса, – пояснил Айкор, вернувшийся с той первой встречи с Прендергастами. Он провел меньше дня в обществе прямой и непосредственной Розы, но уже стало заметно, что ему так же трудно обращаться к ней по титулу, как ей на него отзываться. – И Пеони. Но вы должны быть связаны друг с другом настолько тесно, насколько это вообще возможно. И вы не сможете покинуть Вудволд до самого дня рождения принцессы. Вы понимаете?

Они понимали. Еще до того даже, как Катриона объяснила им, что это не сработало бы, не будь они уже друзьями.

– И не просто друзьями: вы невольно оставили глубокие отпечатки на жизни друг друга. Пеони, ты знаешь, что подхватила у Розы привычку ерошить себе волосы? Ты так не делала, когда мы только переехали сюда. А ты, Розы, начала встряхивать головой, как делает Пеони, чтобы уложить челку на место, хотя, пока мы жили в Тетушкином домике, обходилась без этого – да и укладывать тебе нечего. Вы то и дело заканчиваете друг за другом предложения, а иногда, когда вам кажется, что никто другой вас не слушает, этим не утруждаетесь, потому что обе знаете, что собирались сказать. Если кому-то еще из нас нужно знать, о чем шла речь, приходится спрашивать. Этот лисенок не так уж ошибся, прыгнув к тебе на руки, Пеони,

вместо того чтобы смешаться со зверинцем у нас дома. Он знал, что ты... ты часть того же самого.

Они сидели у очага на кухне в доме колесного мастера. Вечерело. Ленты и розетки с именин были рассыпаны по столу. Они так и остались измятыми после путешествия в кармане Катрионы, случившегося двадцать лет назад, но лишь слегка выцвели и выглядели именно тем, чем и являлись: символическими украшениями с какого-то королевского обряда. Наутро Розы и Пеони предстояло отправиться в Вудволд.

Розы и Пеони знали (это знание они не обсуждали ни с кем другим и не нуждались в том, чтобы обсуждать его друг с другом), что обман не подействовал бы, не будь они близки до такой степени, что неосознанно подлаживались к привычкам и обычаям друг друга. Они бы не смогли удержать новую связь, которой опутал их Айкор и за которой наблюдал Эсква со своего места над дверью их спальни в Вудволде. Дело было не только в том, что они теперь почти не разлучались: редко их разделяло больше комнаты или одной стены. Теперь они ощущали эту магию, которая привела Роуленда, а следом за ним и Айкора в Туманную Глушь, – магию, которая теперь увлекала их к двадцать первому дню рождения принцессы.

Они ощущали, как Айкор прищипывает связь между ними, подбирает в ней складки – так ушивают одежду.

ду, перешедшую от большого владельца к меньшему, или сводят вместе неистертые края простыни и скрепляют их посередине новым швом. Рози начало казаться, что поодиночке они с Пеони не вполне реальны. Когда Пеони улыбалась, ее собственные губы изгибались. Когда Пеони взмахивала рукой в воздухе, прозрачная тень пролетала от ее руки к руке Рози. Проходили недели, и Рози видела все больше и больше этих прозрачных теней и ощущала, как на них откликается тяжкое, неслышное бормотание укрывающего их дома. Ей казалось, будто ее плоть, ее суть истончаются, растворяются, словно мед, размешиваемый в воде, в странном воздухе Вудволда и в страстном осознании окружающих их людей, что рядом с ними находится принцесса.

Это не подвергло испытанию их дружбу. Как ни странно, они, наоборот, начали цепляться друг за друга, поскольку их вещественность лучше всего успокаивала их в окружении призраков. Катриона и Тетушка проводили с ними столько времени, сколько могли, ведь общество третьего человека рассеивало прозрачные тени так же, как солнечный свет — настоящие, а Тетушку и Катриону хорошо знали и всегда рады были видеть в Вудволде. Айкор как будто никак не мог освоиться в их обществе — возможно, потому, что, когда они перебрались в Вудволд, он крайне вни-

мательно следил за тем, чтобы обращаться к Пеони «принцесса», а к Розе «леди», – и по большей части был молчалив, как любой из охваченных благоговейным трепетом слуг Вудволда. Но у Катрионы, Тетушки и Айкора почти не было свободного времени, и обычно Розе и Пеони оставались вдвоем, вполне сознавая, кто они и что сделали.

Все эти три месяца ревностных человеческих приготовлений Вудволд оставался беспокойным и наполовину пробужденным. Розе ощущала его сознание, следующее за ней по коридорам и лестницам. Порой, когда она касалась голой рукой стены или щеколды, под пальцами пробегала дрожь, словно по шкуре животного.

«Спи, спи, – пыталась уговаривать его она. – Я не имею для тебя значения».

Но она знала, что к ней не прислушиваются. И ночью накануне дня рождения принцессы, когда все животные умолкли, Розе слышала бормотание Вудволда в скрипе огромных балок, скрежете еле заметно смещающихся массивных каменных плит и почти бесшумном шорохе накапливающей пыли.

«Розе, – повторял он. – Розе».

«Это всего лишь последнее из имен принцессы, – сказала себе Розе. – Это просто дом, даже если он

достаточно велик, чтобы сойти за целую страну. Дома не запоминают длинные человеческие имена, как, впрочем, и я, — с некоторой тоской подумала она. — Пеони способна заучить их все, но я-то нет. Эти... эти слоги, которые я как будто слышу, всего лишь своего рода сквозняк, и дуновение в конце звучит похоже на имя... название цветка или имя принцессы. Пустяки. Это просто поток воздуха».

Она разглядывала туманную панораму, рисуя пальцем завитки в тонком слое меловой пыли на подоконнике. В комнате подметали и убирались дважды в день, но сохранить спальню принцессы в чистоте не удавалось никак, хотя никто, кроме заговорщиков, не подозревал в этом чего-либо более зловещего, чем наилучшие пожелания от каждой феи и каждого волшебника в стране. Возможно, неизменная паутина в верхнем левом углу любимого окна Розы была связана с тем, что комната располагалась на верхнем этаже башни и до недавнего времени мало использовалась. Розы часто видела паука — обычно он выбирался из своего угла, когда она подбирала ноги на сиденье и опиралась локтями о подоконник, чтобы выглянуть наружу. В отсутствие ее обычных товарищей-животных она начала ценить его общество, хотя он никогда с ней не заговаривал.

«Розы», — бормотали стропила.

«Рози», – шептала черепица на крыше.

Истории о Вудволде, которые много поколений не интересовали никого, кроме ученых и жителей Двуколки, всплыли из глубин людской памяти. Правда, в них было столько прорех, что от повествования почти ничего не осталось (если ради хотя бы умеренной правдивости не принимать в расчет наиболее замысловатые полеты фантазии сказителей из Двуколки). Вспоминалось только, что это странный старый дом, один из крупнейших, старейших и, возможно, страннейших во всей стране, и расположен он почти на самом краю нигде, на берегу реки Стон. Кое-что можно было рассказать о Прендергастах: род их был даже старше дома, их предки являлись на зов правителя всякий раз, когда тот в них нуждался, они поддерживали королеву, когда та расстроила замыслы Перниции в первый раз, они сражались рядом с королем, когда тот изгонял из Двуколки огненных змеев. Люди наполовину помнили, наполовину верили, что именно тогда Прендергасты полюбили Двуколку и решили там остаться. В благодарность за их доблесть в сражении с огненными змеями король передал ее им.

Сохранилась крупица истории о том, почему Вудволд был основан именно там, где стоит сейчас: это имело какое-то отношение к пророческому видению. Видения предсказателей считались наименее

надежными из практических чар, и чем большее время охватывало предвидение, тем меньше на него можно было полагаться. Мало кто из людей решил-ся бы строить дом на основании слов провидца. Но крупица истории утверждала, что провидец и сам был одним из Прендергастов, хотя это весьма удивительно, поскольку прозрение, каким бы бесполезным оно ни было, требовало очень сильной магии, а Прендергасты не были волшебным семейством. Возможно, когда-то были, но со временем магия их оставила.

Свежих историй о Прендергастах не было, если вы не помешаны на лошадях. Станный сырой клочок земли под их управлением и впрямь процветал, но из отличных кож, шерсти, пряжи, скобяных изделий, резных веретен-волчков и лошадей не получается интересных историй.

«Какой найдут принцы свою старшую сестру?» – гадали люди.

«Какой мы найдем нашу будущую королеву?» – гадали все.

Айкор перебрался в Вудволд вместе с принцессой. Как чужак в Двуколке и королевский придворный (и, возможно, как беспечный носитель обнаженных сабель), он обладал авторитетом, на который с радостью полагались люди Вудволда (на животных он про-

изводил меньшее впечатление, а дом, как подозревала Роза, вовсе его не замечал). Тетушка и Катриона остались (не считая слишком редких визитов) в Туманной Глуши и старались выказывать не больше расстройств, чем дядя и тетя Пеони.

Дядя и тетя Пеони пребывали в изрядном замешательстве, пробуждаясь, как им казалось, от долгого сна, в котором Пеони была их племянницей. Теперь их огорчала лишь собственная неспособность толком вспомнить, как вышло, что их столь неожиданно избрали в тайные опекуны принцессы. Им казалось, что у них сохранились смутные обрывки воспоминания о том, как некто, фея или волшебник («Я думаю, волшебник, – решила Хрослинга. – Разве он не был высоким, величественным и одетым во все черное?»), отдал им ребенка, чтобы они растили его как свою племянницу («Я припоминаю, как он объяснял нам, что ему придется сделать так, чтобы мы забыли о его приходе, – утверждала Хрослинга. – Я припоминаю, как его рука коснулась моего лба, стирая память. Правда»).

– Мы всегда знали, что мы заурядные люди, – говорил Крантаб, – но даже не представляли, насколько мы заурядны!

Ему так нравилась его шутка, что он повторял ее по нескольку раз за день, но люди были готовы по-

такать человеку, вырастившему принцессу, и продолжали смеяться, чтобы сделать ему приятное. Крантаб с Хрослингой были вполне довольны тем, что их не зовут в Вудволд, – они с радостью уступали эту обязанность Катрионе, Тетушке и завораживающему и несколько пугающему Айкору.

Но однажды Хрослинга, в десятый раз пересказав Катрионе повесть о маге в черных одеждах (с небольшой помощью история обрастала все более любопытными подробностями, хотя, как заметила Катриона Тетушке, видят судьбы, она не очень-то нуждается в помощи), добавила кое-что еще. Они вместе складывали простыни и вспоминали, что раньше этим занимались Пеони и Розы. В повисшей тишине Катриона переложила слои ткани веточками лаванды и собрала соседские простыни, чтобы отдать их Хрослинге.

– Для меня это большое облегчение – узнать, что она мне не родня, – задумчиво поделилась Хрослинга, принимая стопку белья. – Я знала, что никогда не любила ее так, как следовало бы, и это меня тревожило.

Она слишком глубоко погрузилась в собственные мысли и не заметила, как, избавившись от веса простыней, задрожали руки Катрионы. И ей неоткуда было узнать, что, как только она ушла, Катриона закрылась у себя, чтобы никто не видел ее слез. Она вы-

шла несколько минут спустя, утирая глаза, спустилась во двор, где трое ее детей играли под присмотром занятого, но достаточно бдительного Бардера, и крепко обняла их всех по очереди («Ой, ну, мам», — с отвращением буркнул Джем). Она никому не пересказала слова Хрослинги, даже Тетушке и Бардеру, и, вопреки обычной своей совестливости, наложила на Хрослингу слабые чары, чтобы та никогда их не повторяла.

Прочих фей Двуколки тоже призвали на службу принцессе, но это была служба иного рода: им поручили обходить границы Двуколки и заговаривать их против... чего бы то ни было нежелательного, что может попытаться туда проникнуть. Возвращение принцессы так взволновало народ, что по всей Двуколке творилось невероятное множество чар. Заговора границ в таких условиях было более чем достаточно, чтобы ни одной фее не хватало ни сил, ни времени любобпытствовать, чем занята другая. Или, скажем, гадать, не слишком ли усталыми и встревоженными выглядят две лучшие феи Двуколки, когда круг их забот не должен бы отличаться ничем особенным, помимо того что они скучают по двоюродной сестре и племяннице, о которой прекрасно заботится весьма необычный, но, несомненно, влиятельный Айкор в Вудволде, где она живет вместе с принцессой.

Не то чтобы границы следовало заговаривать от чего-то — или кого-то — в особенности. Это была просто охранная деятельность общего характера, хотя и весьма утомительная. Вся Двуколка притягивала те же мелкие, но досадные волшебные возмущения, что и дома фей, но в бóльших масштабах. Лозы джа, вместо того чтобы вырастать длиной в руку, за ночь вымахивали в рост высокого мужчины. Появлялись облака бабочек, облаченных в пышные платья из примул и шляпки из ландышей (в разгар зимы это несколько сбивало с толку). Дверные щеколды начинали пророчествовать, и нельзя было войти или выйти за порог собственного дома, не услышав (от замогильного голоса), какая неделя вам предстоит (по счастью, предсказания обычно оказывались ошибочными). В разных уголках Двуколки видели трех стремкопусов, хотя они редко заходили так далеко на север и никогда в это время года: от зимних ветров отмирали кончики их рук-веток.

Роулэнд первым посетил принцессу в тот же день, когда она прибыла в Вудволд. Он явился туда одетым как кузнец, пусть и необычайно чистый, но его ничуть не смутил большой зал, чего нельзя было ждать от кузнеца. Да и держался он совершенно не так, как настоящий кузнец. К тому же он явно предпола-

гал, что увидится с принцессой. Все это сразу же его выдало. Вести о том, кого именно оно в нем выдало, немногим отстали от главной новости о переставшей скрываться принцессе. История, конечно, пришлась по сердцу всем, кто ее слышал: наследник Эрлиона, который дал обет жениться на принцессе, а затем, притворившись подмастерьем кузнеца, влюбился в нее, притворяющуюся племянницей тележного мастера...

Несчастливая Пеони, соглашаясь на подмену, поставила одно-единственное условие.

— Вы не можете сказать Роуленду, что я и есть принцесса и что для нас существует «долго и счастливо», — гневно потребовала Пеони, которая никогда ни на что не гневалась. — Потому что я племянница деревенского тележного мастера, а он наследный принц Эрлиона.

Роулэнд, верноподданный короля, равно как и принц Эрлиона, сохранил в тайне то, что сказал ему Айкор. Пожалуй, только те, кто хорошо его знал, в том числе Роза, могли прочесть по его лицу, что «долго и счастливо» вовсе не обязательно настает.

— Если бы он встретил вас где угодно, кроме двора кузницы... — заметил как-то в беседе с Розой Айкор, такой же усталый и напряженный, как Тетушка и Катри-

она, и куда более суровый.

Айкор сказал это потому, что изнеможение так навалилось на него, что он почти не рассчитывал продержаться под его бременем на ногах до самого дня рождения принцессы, а обет десятилетнего принца мог стать еще одной подпоркой под их проседающими ухищрениями. Но Роза терзали собственные страхи и горести, и она огрызнулась:

— Тогда бы он влюбился в меня? Но вы же знаете, этого бы не произошло. Он мог бы обнаружить, что связан со мной, что ходит под ярмом, словно вол в упряжи, но любовью это не было бы. Пусть у них будет то, что уже есть, поскольку это, по крайней мере, реально происходит во всем этом... во всем этом...

Айкор упал перед Розой на колени, чего никогда не делал теперь, когда они переехали в Вудволд и принцессой считалась Пеони.

— Простите меня, — произнес он. — Простите меня.

— Не валяйте дурака, — потребовала Роза. — Если вы немедленно не встанете, я дерну вас за уши. Сильно. Вот, так-то лучше. Послушайте, разве то... то, что вы делаете... не проще делать, когда Роулэнд... привязан к Пеони, а не ко мне?

Айкор потерял свою гладкую, безволосую голову, как будто удостовераясь, что уши остались в неприкосновенности.

– Возможно, и так. Возможно, и так. Просто все это... неправильно.

Рози чуть улыбнулась.

– Я рада, что вы тоже так считаете, – заявила она, подначивая его возразить, что их беспокоит вовсе не одна и та же неправильность.

Но за минувшее время он успел немного узнать Рози и не попался на ее удочку.

– Да, – продолжила она, – так портят коня, чтобы он проиграл забег, в котором должен был победить, или чтобы отделаться от покупателя, потому что решили оставить коня себе.

Айкор одарил ее взглядом, который Рози мысленно именovala «не принцесса».

– Мы очень хотим... э-э-э... отделаться от этого покупателя.

– И отделаемся, – заверила его Рози, стараясь, чтобы ее слова звучали ободряюще. – Отделаемся, потому что должны. А я, как вы знаете, очень упряма.

Но взгляд «не принцесса» преобразился в иной, который нравился ей куда меньше. Она могла бы назвать его «да, принцесса», вот только вовсе не хотела никак его называть. Рози задумчиво покосилась на уши Айкора.

Во время этого разговора Рози сидела в оконном проеме их спальни, пока Роулэнд навещал свою

предполагаемую суженую в гостинной башни. Обязанность или честь изображать из себя дуэнью выпала на долю леди Прендергаст. По большей части во время визитов Роуланда Роза оставалась одна и прислушивалась к гулу голосов за стеной. При этом занимали ее в основном мысли о Нарле. Она никогда не рассказывала Пеони о своих чувствах к Нарлу, даже до прихода Айкора, – это стало ее первым секретом от подруги. Она не плакала – не пролила ни слезинки с момента появления Айкора в Туманной Глуши, но, когда вспоминала Нарла, ее сухие глаза горели, а веки опускались и поднимались, словно ставни на петлях. За все то время, что принцесса провела в Вудволде, Нарл ни разу здесь не бывал – всю работу вынужденно привозили к нему в кузницу Туманной Глуши. Даже личная просьба лорда Прена не стронула его с места. Люди качали головой, но те, кто его знал, не удивлялись: Нарл не мог не возненавидеть суету, царившую вокруг принцессы, а начиналась суета у ворот Вудволда.

Роза не видела его со дня грозы. Последними ее словами, обращенными к нему, были: «Вот зараза, льет как из ведра», когда она готовилась бежать через площадь домой на ужин. Она даже не попрощалась. А последние полтора дня, проведенные в месте, которое она по-прежнему считала домом, она была ужас-

но занята. Но он тоже не пытался с ней увидеться. Как и с Пеони.

Рози порой казалось, что все ее знакомство с Вудволдом ограничивается любимым местом у окна с дружелюбным пауком в углу. Она так часто там сидела: когда Роулэнд с Пеони встречались в середине ночи, когда сны выдавались особенно неприятными и она боялась разбудить Пеони метаниями и вскриками, когда им обоим выпадало немножко спокойствия перед новой встречей с прибывшими придворными (с приближением дня рождения принцессы струйка превратилась в поток, и даже Вудволд оказался едва ли не переполнен), следующим званым обедом, очередной примеркой бального платья принцессы. Это было, возможно, единственное место в Вудволде, где она могла собраться с мыслями, предаться воспоминаниям, подумать о себе как о Розе, поэтому только здесь она ощущала себя в полной мере настоящей.

Люди, окружающие принцессу и ее фрейлину, баловали их как могли. Их часто отсылали отдохнуть к себе в башню (одна из дочерей Прендергастов, склонная забывать о трепете перед особами королевской крови, предположила, что они уставали бы куда меньше, если бы не тратили полжизни на хождение по всем этим лестницам), но ни одна из них не умела отды-

хоть, как подобает знатым дамам. Пеони шила и просила присылать ей все, что следует подрубить или починить. Поначалу эта просьба вызвала возмущение, но, как объяснила Пеони, она всю свою жизнь была деревенской девочкой и приучилась радоваться тому, что ее руки заняты работой, но затейливые занятия вроде вышивания ее не интересуют (что было неправдой). Все устроили к ее удовлетворению, только леди Прен в расстройстве похлопывала себя по ключицам легкими быстрыми ударами, напоминающими трепет птичьих крыльев, а затем, когда это не смогло ее успокоить, принялась крутить ожерелья у себя на шее, пока Пеони мягко не взяла ее руки в свои.

— Дорогая леди Прен, — начала она (насколько было известно Розе, никто и никогда не называл лорда или леди «Пренами» в лицо, хотя вся Двуколка пользовалась этим прозвищем за глаза), — вы же порадуете меня этим, не правда ли?

И леди Прен уступила.

Пеони хорошо удавались подобные жесты. Под ее мягкой тиранией домоправительница Прендергастов перестала изображать из себя мелодраматическую жертву из-за того, что комнату принцессы невозможно было полностью очистить от пыли (и, что еще важнее, не стала вымещать раздражение на горнич-

ных). Невыносимо надменный дворецкий улыбался, когда ее видел, причем начиная со второй недели делал это раньше, чем Пеони улыбалась ему. Сварливый старый граф из Скарента, очевидно явившийся на день рождения принцессы заблаговременно, чтобы успеть проникнуться к ней по-настоящему основательной неприязнью, поддался ее обаянию за считанные дни. А старшего внука Прендергастов, трехлетнее чудовище, удавалось привести в хорошее настроение теми же уловками, которые Пеони применяла к детям Катрионы и всем ее маленьким постояльцам с детской магией.

Так или иначе, как только девушки оказывались вдвоем в спальне, а время не располагало к тому, чтобы спать (или делать вид), Пеони шила. Поначалу Роза сидела, стиснув ладони между колен, как будто даже в отсутствие шелка для вышивания они могут учинить что-нибудь жуткое, если она их выпустит. Но однажды, когда она чувствовала себя так, будто вот-вот взорвется от праздности, явился Бардер с большим бугристым свертком, в котором обнаружилось полдюжины обрубков хорошо просушенной древесины, превосходно подходящих для вырезания веретен-волчков.

— Это не я, — пояснил он. — Я думал, что тебе и без того хватает хлопот. Их прислал Нарл. Он ска-

зал, что ты скоро совсем заскучаешь.

Бардер старался сопровождать Катриону в Вудволд, когда мог, чтобы лично провести Розу и узнать, как у нее дела.

— Мы никак не привыкнем к тому, что ты уехала от нас, милая, как и малыши, а особенно твои звери, — объяснил он.

Роза вздохнула. У жизни в Вудволде было множество неприятных сторон, и одна из них заключалась в том, что ей почему-то труднее было разговаривать с животными из башни принцессы, чем со двора колесного мастера или из кузницы. Почти все ее знакомые в животном мире изъяснялись удивительно невнятно, а с созданиями, с которыми она прежде не встречалась, дела обстояли еще хуже. Необъяснимое чувство подсказывало ей, будто все они до крайности заняты чем-то другим, поэтому с ними так трудно поддерживать беседу. К такого рода занятости она привыкла, когда дома появлялись новые младенцы, но прежде она всегда угадывала, если дело было именно в этом, и, кроме того, почти для всех стояло неподходящее время года. Но никто не объяснял ей, что происходит, а когда она спрашивала, все начинали изъясняться еще менее членораздельно.

Вдобавок ко всему домоправительница закатывала истерику всякий раз, когда обнаруживала собачий

волосок на подушках или кошачий на покрывале либо случайное пуховое перышко на ковре их спальни или гостиной. Много лет назад Катриона придумала, как зачаровать амулет, чтобы звериная шерсть отлетала от ткани как ужаленная и липла к щетке, но сейчас Рози не могла просить ее сделать еще один.

– Я могу отличить Фуаба от любого другого зяблика, как бы далеко он ни сидел, по его поникшей позе, да и от Флинкса осталась едва ли половина бывшего кота, – продолжал Бардер.

– От Флинкса? – изумилась Рози. – Я-то думала, он будет счастлив от меня избавиться.

– Ты слишком хорошо знаешь кошек, чтобы и впрямь так считать, – заметила Катриона.

– Ну-у-у... – протянула Рози. – Видишь ли, Флинкс был весьма последователен.

– Последовательность – первое, что должно настоятельно в кошке, – напомнила Катриона.

В награду она удостоилась одной из ставших теперь редкими улыбок Рози и, улыбнувшись в ответ, ощутила, как лицо ноет от усталости и тревоги.

Фуаб пробовал взлетать к их башенному окну и пару раз преуспел, но ему пришлось признать, что защитные чары похожи на очень сильный встречный ветер, и после первой недели он больше не повторял попыток. Рози скучала по Фуабу, и Зогдобу, и Дроти-

ку, и Флинксу почти так же сильно, как по Нарлу, и, похоже, Пеони это угадала, поскольку именно Пеони в первые же дни их заключения настояла на том, чтобы они каждое утро после завтрака ходили навещать конюшни. Главный конюший, хотя и несколько нерешительнее и почтительнее, чем прежде, время от времени справлялся у Розы о настроении или здоровье той или иной лошади. Она охотно отвечала бы на такие вопросы чаще, но он, похоже, не поверил, когда она об этом сказала. Каждый день она оставалась, чтобы уткнуться лбом в голову или плечо Дрока или Резвого. Дрок больше не заговаривал с ней так, как в ночь появления Айкора, но она ощущала исходящее от него могучее теплое понимание и изо дня в день черпала силы в проведенных рядом с ним мгновениях.

Резвый показывал ей лошадиные образы женщин со злыми лицами, волчьими зубами и таралианскими когтями, которые падали под тяжелые копыта доблестных скакунов, очень похожих на самого Резвого, и фыркал обслюнявленными остатками завтрака на ее платье.

– Как там Нарл? – спросила Розы, опустив взгляд и поглаживая кусок дерева.

Бардер коротко хохотнул:

– Кто знает? По-прежнему кует. Я и не замечал, что

при тебе он сделался разговорчивее, пока ты не уехала и он снова не замолчал. Не думаю, что он произносит хотя бы слово за целую неделю. Ходит шутка, что он не возьмется подковыривать лошадь, принадлежащую незнакомцу, потому что иначе ему придется называть цену. – Он чуть помедлил. – Последний раз, когда я с ним разговаривал, – я имею в виду, последний раз, когда он со мной говорил, – он спросил, нет ли у меня лишней древесины, и посоветовал занести тебе немножко, чтобы ты могла чем-то занять руки.

Недели еле ползли. Бесчисленные простыни были подрублены или перешиты целыми краями в середину. Скатерти и салфетки еще никогда не были в таком порядке, с тех пор как Прендергасты впервые смели с пола солому, купили тарелки вместо деревянных плошек и начали пользоваться скатертями и салфетками. И множество крошечных прорех, морщинок и следов предыдущих небрежных починок в гардеробах всех дочерей Прендергастов оказалось залатано, поскольку Пеони сдружилась с одной из них, Каллин, той самой, которая отпустила замечание о лестницах, ведущих в башню.

– Можно было бы подумать, что у принцессы должно быть больше дел, чем у всех остальных, и все же мы только и делаем, что ждем и ждем, – проворчала

Рози.

Она взялась уже за последнее веретено-волчок. Оно должно было стать ее любимым. Она сразу это поняла, когда по очереди провела пальцами по каждой заготовке, решая, с которой начать, и приберегла эту напоследок.

Но волчок, ее лучший волчок, не спешил получаться. Не то чтобы нож Рози соскальзывал или она не видела нужного контура. Но контур, когда она его видела, оказывался не таким, как надо, и она продолжала вертеть заготовку в руках, высматривая, как подбраться к тому узору, который ей мерещился. Чтобы выкроить себе побольше времени на размышления, она уже закончила само веретено. От разочарования она чуть не выстрогала его слишком тонким – едва толще пальца трехмесячного младенца. Осторожно она коснулась его конца указательным пальцем. Ничего не произошло.

Рози на миг сжала руки на незаконченной поделке, покосилась на Пеони, по-прежнему склонившуюся над шитьем, и позволила взгляду рассредоточиться в попытке увидеть настоящую принцессу. Та смутно маячила между ними – не вполне там, но и не вполне отсутствуя. А затем Рози снова взялась за нож и принялась обтесывать оставшуюся поверхность. Это будет личное веретено-волчок принцессы. На нем будет

изображено овальное человеческое лицо с широким лбом и округлым подбородком, как у них обеих, вьющимися волосами длиннее, чем у Розы, но короче, чем у Пеони, чуть улыбающимся ртом шире, чем у Пеони, но уже, чем у Розы, и носом не таким изящным, как у Пеони, но и не такой картошкой, как у Розы.

Лицо принцессы как будто выпрыгнуло к ней из куска дерева, как только она его увидела, и ей оказалось трудно от него отвязаться, словно эта работа была важным делом, а не просто способом занять несколько свободных часов.

Теперь она отвернулась от окна и неутешительно-го, лишенного кошек вида и взяла в руки то последнее веретено. Было слишком темно, чтобы его разглядеть, но Розы не хотела зажигать лампу. Завтра вечером на балу будет гореть достаточно ламп, а ей хотелось запомнить темноту. Ей хотелось запомнить себя стоящей в темной тишине, где компанию ей составляют лишь собственные мысли и тихое дыхание спящей Пеони.

Волчок тяжело лежал у нее в сложенных горстью ладонях. Ее большие пальцы нашли широко открытые глаза с длинными ресницами, легкий бугорок носа, улыбающийся рот, рубчатую шероховатость кудрей. Она закончила работу только этим вечером. Вся-

кий раз, когда она смотрела на резьбу, находилась еще одна деталь, которую следовало подправить, а потом еще и еще. Это увлекало ее, пока она не внесла все изменения, которые видела или могла придумать.

«Этот волчок я отдала бы Пеони после ее возвращения из Дымной Реки, – подумала она. – Интересно, как бы я ей объяснила, что это?»

Что бы ни произошло, завтра ночью ее мир изменится полностью и навсегда. В эти последние три месяца ей почти казалось, что она в любую минуту все еще может сбросить платье, которое ей приходится носить как фрейлине принцессы, сбежать обратно в Туманную Глушь и упросить Нарла снова взять ее в подмастерья. Понимание, что это всего лишь иллюзия, не лишало эту мысль заманчивости, потому что в ней была и какая-то толика правды: и ее связанная и запертая в клетку воля томилась у щели между прутьями, не пропускающими ее на свободу. Последние три месяца были всего лишь подготовкой, пусть даже напряженной и тревожной, а завтра настанет день необратимых перемен. Завтра день рождения принцессы. Ее день рождения.

Она знала, что должно произойти. Там будет – несмотря на все защитные чары – прялка и веретено с острым концом, которого придется коснуться прин-

цессе. Но вместо принцессы это сделает Пеони, укутанная в чары и заклятия, – либо потому, что проклятие обманут и вынудят принять ее за принцессу, либо потому, что этого добьется сознательное вмешательство Сигил, Айкора, Тетушки и Катрионы, подкрепленное и усиленное верой всех вокруг.

Но она не умрет, ведь она не принцесса, и проклятие в миг осуществления отвергнет ее, как неправильный конец магнита отторгает железные опилки. И к этому времени магия зайдет уже слишком далеко, чтобы отступить, как бутылка, падающая с края каминной полки. Пеони погрузится в зачарованный сон, и каждое охранное заклятие всех присутствующих фей и волшебников – а их там будет немало – сразу же обернется вокруг нее, чтобы ее уберечь.

Неудачное колдовство вызывает опасный отклик, опасный и непредсказуемый, и он будет тем сильнее, чем сильнее были сами чары. Точно известно лишь, что он окажется мощным, поскольку заклятие Перниции обладает огромной мощью – мощью и злобой. И оно по-прежнему смертельно опасно, не в последнюю очередь потому, что никому из фей и магов, которые явятся на празднование, нельзя будет сказать правду. Они будут уверены, что присматривают за зачарованным сном принцессы. И все будет зависеть от Тетушки, Айкора и Сигил, ибо Роза отшвырнет от-

дачей сорвавшегося заклęcia и забросит неизвестно куда, а Катриона отправится с ней.

Будет много волшебства, которому придется противостоять, обезвреживать его или отклонять, а Роза не сможет этого сделать. Катриона должна была проследить за тем, чтобы Роза прибыла к месту последнего противостояния – в чем бы то ни заключалось. Но все это было ужасно, невообразимо опасно. Тетушке и Айкору, возможно, и удалось бы солгать ей о том, чего они не смогут сделать и на что повлиять, но один взгляд на лицо Катрионы выдал Роза правду.

Ей вспомнились некоторые сказки и баллады, которым учил ее Бардер: безнадежные предприятия, мужество перед лицом превосходящего противника, единственный слабый шанс против отчаяния. Она подумала о своих любимых историях. О волшебнике Мерлине, зачатом драконом, который создал огромное кольцо стоячих камней, удерживающих свет середины лета, чтобы защитить любимых им обычных людей от дикой магии сильной юной земли, где они жили. Об арфисте, который так сильно любил свою поющую жену, что последовал за ней в страну мертвых, где вдвоем они уговорили бога того места ее вернуть, а когда они вместе умерли много лет спустя, то вошли в легенду больше из-за их неиссякаемой преданности друг другу, чем из-за приключений юности.

Многие из историй Дамара, боровшегося с Севером, особенно о Харимад-сол у ворот Мадамер и об обороне пути в Уллен. Она вспомнила короля Харальда из своей собственной страны, сражавшегося против огненных змеев, и ее предшественницу, боровшуюся с Перницией, хотя о тех событиях люди мало что помнили. Этот случай был из того же разряда, и она надеялась, что однажды кто-нибудь станет рассказывать эту историю и речь в ней пойдет о единственном слабом шансе, подарившем успех.

Большого они сделать не могли. Другой возможности у них не было.

За обедом в большом зале, где проходили все обеды с самого прибытия принцессы, сознание Розы взмыло к стропилам, чтобы поговорить с меррелом. Поначалу они не могли расслышать друг друга — мешал шум множества жующих, пьющих и беседующих людей и гул пронзительных мыслей собак и мышей, нацеленных на все, что падает со столов и тарелок, а также кошек, пытающихся сделать выбор между славной свежей мышью и непредсказуемыми, но неизменно интересными человеческими объедками. (Собаки оберегали Вудволд от крыс, белок и случайных дерзких горностаев, но мыши не удостоивались их внимания.) Но Розы и меррел упорствовали — или, по крайней мере, упорствовала Розы. Ей каза-

лось, будто меррел едва ли не возносит ее вверх, словно она не просто сидит, но взлетает над головами людей, над крышей большого зала, над густыми туманами зимней Двуколки и влажными облаками волшебной пыли туда, где сияет солнце... Как бы там ни было, они научились разговаривать друг с другом, и Рози по большей части предпочитала общество меррела, кроме тех случаев, когда кто-нибудь, обеспокоенный или заинтригованный напряженным, обращенным внутрь взглядом Рози, тряс ее за плечо или локоть, пока она не возвращалась на свое место за столом и не отвечала на заданный ей вопрос. Обычно она отговаривалась тем, что просто задумалась, положив начало восхищенному слушку о фрейлине принцессы, которая была коновалом, а стала философом. Меррел, которому много лет, прожитых над большим залом, нечем было заниматься, кроме как размышлять и слушать, — а в последние годы этому поспособствовали еще и беседы с Рози, — знал человеческий язык не хуже иного человека. Именно он рассказал Рози о слушке. В других обстоятельствах она нашла бы это забавным.

«Я просто задумалась, — сказала она себе теперь, в темноте ночи перед ее двадцать первым днем рождения. — Некогда я ходила, где хотела, и разговаривала, с кем хотела, и... теперь я только сижу и размыш-

ляю, как будто меня приковали за лодыжку к стропилам. Не думаю, что Нарл хотя бы придет на бал. Зачем бы ему?»

Рози ощущала вокруг себя сети сгущающихся чар, липких, как паутина. Когда она двигалась, то вздрагивала от прикосновений к ним, а краем глаза видела, как они тянутся за ней, словно нити пыли, вытряхнутой из старой шторы. Молчаливый паук в углу окна сегодня не выходил в середину своей паутины, чтобы дружелюбно покачаться взад и вперед. Она съежилась в уголке, как будто оказалась в плену собственной паутины.

Уже несколько недель Рози и Пеони дышали в унисон. Когда Пеони проводила время с Роулендом, у Рози частенько перехватывало дыхание. И Пеони больше не позволяла себе рыдать, как поначалу делала довольно часто, надежно закрыв за собой дверь спальни, после того как с улыбкой прощалась с Роулендом и благодарила леди Прен за потраченное время, поскольку поняла, что Рози тоже приходится плакать. В последние несколько недель они с Пеони могли дышать в собственном ритме только во сне. Рози выяснила это за много темных часов, которые она просидела без сна в оконном проеме, прислушиваясь к тихим вздохам спящей Пеони.

Вся Двуколка была приглашена на бал, и почти все собирались прийти, не считая разве что некоторых нелюбимых кузнецов. В парке, между железными воротами и большим залом, воздвигались шатры, чтобы вместить всех гостей, и огромные парадные двери, ведущие в зал, которые не использовались больше века, были отперты, расклинены и оставлены нараспашку до конца празднества. Прозвучало обещание, хотя никто не знал, кто его дал, что принцесса и ее родители в этот вечер несколько раз пройдут всю дорогу от ворот до большого зала, чтобы каждый, кто желает их увидеть или даже поговорить с ними, получил такую возможность.

«Принцесса и ее родители. Мои родители», – думала Роза.

Она ни разу не произнесла вслух слов «мои родители», с тех пор как узнала, что они король и королева. Это не имело никакого отношения к спорам заговорщиков, решавших, о чем стоит или не стоит говорить, – запрет гнезвился много глубже. Он зарождался там, откуда пришло эхо в те недели перед свадьбой Катрионы, эхо, сообщившее ей, что она не та, кем себя считала. Но именно тогда она впервые поняла, что вырастет, что она уже больше не ребенок. С тех пор и до прихода Айкора она думала, что эхо говорило всего лишь об утрате детства, этой неизбеж-

ной потере. Она так и не догадалась, что оно преудреждало ее об утрате всего. Даже заклятую вышивания, как она считала, найдется простое объяснение – настолько простое, насколько это возможно для волшебных дел. Она вспомнила о мерреле, и заклятие вышивания сделалось нелепой мелочью. Теперь она думала о мерреле, о том, как тяжело ему приходилось все эти годы.

Катриона рассказала ей тихонько, в их последний день в Туманной Глуши, о том, как она, пока Розы была совсем крошечной, делилась с королевой историями о ее дочери и как королева отослала ее прочь и какие слова она при этом произнесла.

«Моя мать...» – думала Розы, глубоко расстроенная.

Она любила Катриону с Тетушкой, и все же, к ее собственному смятению, ей хотелось встретиться с матерью... Айкор объяснил ей, что они не рискуют напрягать обман присутствием ее семьи и будут ждать до последнего мгновения, поэтому Розы, благодарная за предоставленное оправдание, затолкала все вопросы о родителях в самый низ списка своих тревог.

Это оправдание, как и все прочие оправдания, утратит силу завтра.

Дыхание Розы изменилось, перестало быть ров-

ным, и она поняла, что Пеони проснулась. Спустя мгновение она забралась в оконный проем к Розе, и обе уставились в темноту, которая успела сделаться не такой уж и темной. Заря двадцать первого дня рождения принцессы брезжила над дальним лесом, выхватывая из сумерек россыпь крыш и лежащий под ними луг, составляющие Вудволд. Вдалеке, справа от них, туманным серебром поблескивала река.

Глава 18

Утро началось точно так же, как для принцессы и ее фрейлины начиналось любое другое утро в Вудволде. Они по очереди воспользовались уборной и исходящей паром ванной, а затем удалились в гардеробную, где помогли друг другу с кружевами и лентами. Роза даже гордилась тем, что отточила навыки камеристки до проворства, которым удовлетворялась бы любая принцесса, – хотя и ворчала себе под нос, когда их применяла.

Горничная, которая принесла им завтрак, выглядела так, будто встала несколько часов назад и с тех пор трудилась не покладая рук. Она почти не задержалась, чтобы благоговейно поразглядывать Пеони, как всегда делали горничные, приносящие им завтрак, и едва ли не небрежно осведомилась, как принцессе спалось. Роза и Пеони ощущали внизу суету, переполох и волнение, хотя в защищенных чарами комнатах, отведенных принцессе, не могли их слышать. Роза отчасти сожалела, что им нельзя остаться на месте, пока... ну... возможно, если они останутся, прялка со смертоносным веретеном появится прямо тут и они смогут проделать все, что ни потребуется, без свидетелей.

Но она знала, что это невозможно, и понимала, что если просидит в этих двух маленьких комнатках, какими бы уютными они ни были, весь день, то сойдет с ума. Она вздохнула, и Пеони вздохнула тоже.

В дверь сдержанно постучали: прибыли люди, которым поручено сопровождать их вниз, в общие залы. Среди них были стражники, один-два мага и шесть, или восемь, или, возможно, даже десять фрейлин. Фрейлины хлынули в Вудволд, едва лишь их известили о счастливом назначении. Большинство с радостью подружилось бы с Рози как с лучшей подругой принцессы, вот только Рози их слегка побаивалась. Отчасти из-за того, что они с такой легкостью носили свои оборки и нижние юбки, а отчасти из-за того, что она никак не могла запомнить все их имена: похоже, их всех звали как-нибудь наподобие Кларалинды, Дульсибеллы или Сахариссы. Даже Пеони испытывала некоторые затруднения с тем, чтобы найти тему для беседы с ними: ни одна из них никогда не сидела с детьми, не собирала яйца и не носила три месяца подряд воду из деревенского колодца, после того как в их собственном утонула какая-то пакость.

Сегодня наконец-то должны были прибыть король, королева и три принца. Верховые сопровождающие уже подъезжали с вестью, что им осталось всего несколько часов пути. Первый из них бросился к но-

гам Пеони и жадно разглядывал ее – так в последние три месяца поступали многие. Пеони неизменно опускала или отводила глаза. Розы, поскольку она не являлась мишенью этих взглядов, могла насмотреться вдоволь – достаточно, чтобы понять, что она не может быть принцессой, попросту не может, и ей все равно, кто ее родители, где подобрала ее Катриона двадцать один год назад и что там говорит Айкор.

А сегодня настал день, которым она три месяца пользовалась как поводом, чтобы пока об этом не задумываться.

После сегодняшнего дня ее мнение не будет иметь значения.

Если она вообще останется жива и будет способна думать.

После того как человек, принесший известие, ушел, Розы с Пеони уставились друг на друга. Встречи, о которой он объявил, они обе страшились больше всего, сильнее даже, чем прялки Перниции с ее гибельным веретеном. Наверное, потому, что Перницию невозможно было даже вообразить, а король с королевой оставались людьми, отцом и матерью принцессы, родителями дочери, которую не видели более двадцати лет, с тех пор как ей сравнялось три месяца.

Все остальные тоже думали об этом и смотрели на Пеони.

– Я... Интересно, какими окажутся принцы? – дрожащим голосом выговорила Пеони, просто чтобы что-нибудь сказать, ответить на мысли окружающих. Упомянуть короля или королеву она оказалась не в силах.

– Младшие братья! – объявила Каллин, у которой было двое собственных младших братьев.

Она протолкалась сквозь стайку Кларалинд и Дульсибелл и взяла за руки Розы и Пеони. Из всех Прендергастов она была ближайшей к ним по возрасту – через шесть месяцев ей предстояло отметить собственный двадцать первый день рождения, а затем выйти замуж за одного из отцовских вассалов. Она окинула их обеих пристальным взглядом и разогнала фрейлин парой резких слов, которым некоторые из них охотно воспротивились бы, но не посмели (все изменится после этого вечера, когда принцесса подобающим образом воссоединится с семьей и можно будет благополучно обойтись без надменных дочерей сельской знати). Затем она отправила к своему суженому мальчика с сообщением, что он срочно ей нужен, и, по-прежнему удерживая принцессу и ее первую фрейлину за руки, утащила их на прогулку в парк.

Когда юноша нагнал их, побледнев и захлебываясь возражениями (принцессе не позволялось и шагу ступить за двери без высокопоставленной и много-

численной свиты), Каллин задрала нос, не обращая на него внимания. Поскольку все безоглядно сосредоточились на предстоящем прибытии короля с королевой и подготовке к вечернему балу, небольшая компания благополучно добралась до сада: никто не попытался их остановить.

Рози предложила пойти к большим железным воротам. Она сказала, что они повернут задолго до того, как доберутся до стены, и жених Каллин, почти оцепеневший от отчаяния, обреченно согласился. Каллин, добившаяся своего, пыталась подбодрить юношу, нашептывая ему что-то на ухо. Рози взяла Пеони под руку, стараясь не брать в голову, что это потребовалось больше для поддержания ее собственного равновесия, чем для взаимного утешения. Она гадала, ощущает ли Пеони тоже странную непредсказуемую тягу, или же та имела какое-то отношение к тому, как магия вцепилась в нее, Рози, потому что она должна быть принцессой, но противится этому или потому что как раз ею и является. Это ощущение часто посещало ее в последние три месяца, но до сих пор ни разу под открытым небом при свете дня. Оно нередко составляло ей компанию в ночных бдениях у окна, рыскало вокруг, то появляясь, то исчезая снова, неугомонное и пытлиное. Рози почти придумала ему вещественное обличье: оборванец, при-

храмывающий и лохматый, молчаливый, но упрямый. Сегодняшнее его присутствие могло бы обеспокоить ее больше, но под синим небом, в окружении птиц, щебечущих на деревьях парка (и мелькающих время от времени оленей, которых шатры предупредили, что вскоре произойдет нечто, вероятно подразумевающее интересную человеческую еду), настроение поднималось, несмотря ни на что.

И именно так они и встретили королевское семейство со свитой, въезжающее в ворота, в то время как позади них, в стенах Вудволда, поднялась отчаянная суматоха, пока они бродили по парку.

— Где принцесса? — раздавались крики. — Они едут! Они уже за воротами! Где принцесса?

Рози сразу же увидела родителей, хотя они не слишком отличались от тех, кто ехал рядом: все были одеты просто, по-дорожному, и сидели в седлах так, будто не покидали их в течение многих недель. Возможно, король с королевой ехали в центре, ибо те, кто ехал сразу за ними, имели на лицах характерное выражение: не агрессивно-бдительное, но несколько напряженное, внимательное, настороженное. А затем Рози увидела за спинами родителей трех всадников поменьше и угадала в них принцев.

Королева первой заметила их компанию, хотя они, чтобы не попасться на глаза гонцам, прогуливались

достаточно далеко от дороги. И не то чтобы в них можно было с первого взгляда узнать кого-то, кроме нескольких юных Прендергастов или придворных и их друзей, хотя одна из девушек была одета роскошнее, чем трое ее спутников. И все же, прежде чем кто-либо успел что-то предпринять (угрозы ожидали извне, а никак не со стороны Вудволда), королева послала лошадь вперед, прорвавшись через кольцо свиты. Охрана резко остановила коней, другие всадники врезались в них, и младший из принцев едва не упал со своей лошади, а королева к этому времени уже спешила и бежала к молодым людям. Роза не знала, произнесла ли Пеони вслух: «Я не могу... не могу...» – но ощутила, как она застыла и дрожит, совсем как в ту ночь, когда Айкор только появился в Туманной Глуши.

Каллин и ее жених чуть отстранились от пары девушек. Роза знала, что ей тоже следовало бы отойти, но не могла бросить Пеони перед лицом испытания – она и так уже с трудом поддерживала ее на ногах. Зыбкая тяга магии сбивала ее с толку еще сильнее. Она сказала себе, что никто не станет смотреть на фрейлину, когда принцесса встречается с матерью впервые за двадцать один год, и не имеет значения, что она сделает или чего не сделает. Но когда отряд приблизился к ним, она почувствовала дополнитель-

ную защиту, которой волшебники и феи окружили королевскую семью: по ощущению это походило на то, как если бы ее завернули в ковер.

Время в этом странном пространстве, где они: Роза, Пеони и приближающаяся королева – находились, как будто замедлилось. Кружащие лошади и размахивающие руками люди застыли живописной картиной. Даже птицы примолкли. Взгляд королевы не отрывался от Пеони, а взгляд Розы – от королевы. Она заметила, как мать вздрогнула и чуть изменилась в лице, однако ноги по-прежнему несли ее вперед. А затем королева перевела взгляд на Розу.

И время двинулось снова. Между парой шагов, в мгновение ока, прежде чем успела улечься небольшая суматоха, которую вызвала вырвавшаяся вперед лошадь королевы, а король и несколько охранников развернули коней, чтобы последовать за ней, прежде чем покинутая лошадь закончила встряхиваться и принялась пастись, Роза с матерью обменялись долгими взглядами.

«Она знает, – внезапно поняла Роза. – Откуда бы ей знать? Но она знает».

Королева одарила ее едва заметной улыбкой, мельчайшим знаком узнавания, и Роза в это мгновение разглядела величайшую любовь и неменьшую тоску, которую долго терпели и снова не смогли уто-

лить.

Затем королева повернулась к Пеони, и та, словно во сне, шагнула в ее распахнутые объятия.

– Все в порядке. – Таковы были первые слова, которые Роза услышала от своей матери. – Все в порядке.

Пеони застыла, отстранилась и заглянула королеве в лицо. Возможно, увиденное там подсказало ей то, что Роза уже прочла в материнском взгляде, поскольку она глубоко вздохнула (дыхание Роза вторило ей эхом) и вернулась в объятия королевы, как будто все было и будет в порядке.

Это, возможно, снова имело какое-то отношение к магии, которая влекла их всех к тому, что непременно произойдет этим днем или ночью, когда бал в честь двадцать первого дня рождения принцессы будет в самом разгаре. Пеони как будто набралась сил после первой встречи с королевой и весь остаток дня держалась царственно, как и подобает принцессе. Она безотчетно угадывала, как ей говорить и что делать, и Роза видела сквозь туман, который будто бы сгустился вокруг нее, что почти все вокруг немедленно ее полюбили. Даже старший из братьев, который не станет королем, и (хотя и против воли) даже младший из них, привыкший находиться в центре внимания и вовсе не обрадованный тем, что ему пришлось уступить это место.

Играя роль фрейлины, Рози слышала, как слуги Прендергастов шепчутся о том, какой доброй, очаровательной и мудрой оказалась Пеони, что, несмотря на напряжение и страхи последних трех месяцев, она не утратила ни капли доброты, очарования и мудрости, а скорее приобрела, словно наконец-то позволила проявиться тому, что скрывалось в ней с самого начала.

«Она станет для нас великолепной королевой», — шептались повсюду.

У Рози закружилась голова. Она пошарила рукой за спиной, нащупывая стул, на который можно было бы опереться. День перевалил за полдень, решила она, глядя на лучи солнечного света, косо падающие в окна большого зала. Почему-то она не могла отчетливо припомнить многого из того, что происходило, с тех пор как прибыла королевская семья со свитой, и успокаивала себя, что дело просто в шуме и суете. Даже меррел отдалился от нее. Но пока она искала стул, или стол, или любой устойчивый, неволшебный предмет обстановки, за который можно было бы ухватиться, кто-то взял ее за руку. Она отчаянно заморгала, и ей удалось сфокусировать взгляд: Айкор.

Рози не позволяла себе замечать — возможно, он прятался под чарами, которые сегодня сбросил, — каким изнуренным он выглядел. Его кожа стала серой,

щеки запали, глаза, обведенные глубокими теньями, смотрели на нее будто откуда-то издалека, но взгляд их оставался неизменно острым.

– Прошу прощения, – слабо выговорила Роза. – Я слишком далеко отошла от Пеони?

Она оглянулась проверить, но Айкор покачал головой и пробормотал пару слов. Туман слегка рассеялся. Роза снова могла стоять, но ощущала, как он выжидает, чтобы снова окутать ее, и понимала: что бы ни удерживало его на расстоянии сейчас, долго оно не продлится.

Айкор кивнул и отстранился. На миг-другой Роза потеряла его из виду, затем кто-то шевельнулся, и она увидела его склоняющимся к Пеони и шепчущим ей что-то на ухо. Пеони, как всегда любезная и покладистая, улыбнулась и кивнула, и Айкор покинул зал. Но вскоре Пеони прижала ладонь ко лбу, взяла себя в руки, потом обмякла на стуле и оправилась уже медленнее, а затем любимая фрейлина оказалась рядом и спрашивала, что она может для нее сделать. А король заметил, что волнение оказалось чересчур сильным для нее, и в этом нет ничего удивительного, ей стоит подняться наверх и отдохнуть до вечера. И он ласково привлек ее к себе и поцеловал в лоб. Королева тоже ее поцеловала, но взгляд ее снова скользнул к фрейлине, которая замерла рядом с принцессой, го-

товая помочь ей взойти по лестнице.

Конечно, они пошли не одни, и Роза боролась с возвращающимся туманом, чтобы Пеона могла на нее опереться. Когда они наконец вошли в свою комнату, ей удалось достаточно твердым голосом отпустить всех остальных, заявив, что она сама присмотрит за Пеона. Все разошлись, хотя Роза знала, что за их дверью встанет на страже больше воинов и магов, чем обычно. Ей было интересно, знает ли кто из них, зачем они там поставлены, или они считают, что просто выражают почтение принцессе, которую король этим вечером объявит наследницей. Она подумала об Эске над дверью и впервые ощутила признательность за его присутствие.

«Эска умеет рубить и связывать. Если у вас появится нужда в том или другом, он подчинится вашей руке».

Если предположить, что она сумеет обхватить ладонью рукоять, если предположить, что она знает, как обращаться с саблей, пусть даже тяжелой и своевольной благодаря магии. Едва она начала расшнуровывать юбку Пеона, чтобы та могла прилечь, как ее пальцы сделались неуклюжими от оглушающего, удушливого тумана. Пеона обернулась, подхватила подругу и подставила ей плечо, чтобы Роза могла опереться, пока она ведет ее к постели.

– Со мной все в полном порядке, – сообщила Пеони. – Ну... возможно, не совсем в полном. Это ужасный день, и мне хотелось бы, чтобы он поскорее закончился. Но Айкор сказал мне, что тебе нужно уйти, поэтому я притворилась, будто падаю в обморок. И я не жалею, что мне представился повод. Мы обе приляжем, на случай если кто-нибудь зайдет нас проведать. Но если тебе что-нибудь понадобится, только скажи. Я буду здесь же, – пообещала она и сухо хихикнула. – Я буду здесь, как и была все эти последние три месяца. О, Рози, это ужасный день, но ты только подумай: ночью все закончится. Все-все закончится.

– Да, – шепнула Рози из тумана, зная, что это не так, не для нее.

Омерзительные мелкие волосатые твари обгрызали края тумана и попискивали. Они слегка напоминали крыс, но обладали змеиными телами.

Пеони взяла ее за руки:

– Ты, и Кэт, и Тетушка, и Айкор, и Сигил должны победить. Должны.

Рози подняла взгляд на любящее, встревоженное, полное надежды лицо Пеони.

– Конечно должны, – заверила она подругу. – Конечно. И первым же указом принцесса назначит приданое племяннице тележного мастера из Туманной Глуши, чтобы та могла выйти замуж за сына эрлионского

принца.

Она заснула так быстро, что не увидела выражения, появившегося на лице Пеони.

Проснувшись она, зная, что кто-то сидит на стуле около ее постели, и угадав, кто это, еще до того, как открыла глаза.

— Кэт! — воскликнула она, едва не упав с кровати в стремлении поскорее ее обнять. — Кэт, я не видела тебя целую вечность!

— Знаю, милая, меня это тоже не радовало. Но Тетушка с Айкором решили, что так будет лучше. Мы не могли рисковать: вдруг моя привязанность к тебе смутит или ослабит связь между тобой и Пеони, когда приблизится этот день и... и этот вечер. Если у нас не получится создать нужную связь между тобой и Пеони, ничто уже не будет иметь значения.

— Мы дышим вместе, — сообщила Роза. — А если стоим рядом, то отбрасываем одну тень. Вот уже несколько недель мы стараемся не ходить по лугам — вдали от деревьев или чего-нибудь высокого, — когда солнце стоит низко, поскольку опасаемся, что кто-нибудь нас заметит.

Туман сделался куда реже, чем был в начале дня, — должно быть, из-за присутствия Катрионы. Теперь Роза отчетливо видела следы усталости на лице Кэт,

не менее резкие, чем у Айкора.

Катриона потрепала ее по руке:

– Уже скоро это закончится.

– Сегодня вечером, – подтвердила Рози. – Сегодня.

Она зажмурилась. Волосатых змеистых тварей она видела по-прежнему, но их писка больше не слышала. Она снова открыла глаза.

– Мне не нравится этот туман вокруг тебя, Рози, – заметила Катриона.

– Стало уже лучше, – отозвалась Рози. – Раньше было совсем плохо – тогда мы и поднялись наверх.

– Стало лучше, потому что я его отгоняю – так же, как Айкор. Но если туман есть, плохо, что мне приходится отгонять его не от вас обеих, а только от одной из вас, тем более от тебя, Рози. – Она помедлила, а потом добавила тоном, который очень постаралась сделать небрежным: – Я кое-что тебе принесла. Сама толком не знаю зачем. Просто показалось хорошей мыслью среди всех наших суровых заговоров и замыслов позволить себе маленькую безобидную прихоть. И мне вспомнилось, как ты рассказывала мне, что хотела бы иметь его при себе в ту ночь, когда родился Джем.

И она протянула Рози веретено с горгульей, чей нос блестел от поглаживаний.

Рози взяла его и мгновение держала в сложенных

горстью ладонях, а затем зажала веретено между колен и погладила большими пальцами щеки маленькой мордочки, ее слегка выпуклые зубы, глаза и блестящий нос. На мгновение она очутилась в доме колесного мастера в Туманной Глуши – на мгновение она оказалась дома.

И почти сразу вернулась в одну из башен Вудволда, вечером двадцать первого дня рождения принцессы. Еще мгновение она молчала, глядя на уродливое, но знакомое, дружелюбное лицо с веретена.

– Королева знает, – сообщила она. – Не представляю почему, но она посмотрела на нас – и поняла. – Чуть помешкав, она добавила: – И сразу после этого начался туман.

Катриона вздрогнула.

– Вероятно, это я виновата, – предположила она. – Я тебе рассказывала: когда ты была маленькой, меня мучили мысли о королеве, и я... А если она помнит, она, конечно же, помнит, истории не согласуются. Я говорила ей, что ее дочь живет со мной и моей тетей. Мы знали, что мне не следует встречаться с королевой теперь, но... Все идет не так. Все уже идет не так. О, почему сочувствие нас ослабляет?

– Нет, – возразила Роза, но не потому, что имела об этом какое-то представление, а потому, что отказывалась считать это правдой. – На самом деле нет.

Где-то все уравнивается – разве у философов нет названия для идеального места, где живут ответы? Если мы отправимся туда, ты сама увидишь, что это не так. Так только кажется, немного, отсюда – это как муравей у подножия дуба. Он понятия не имеет, что это дерево, для него это начало стены, окружающей мир. И, кроме того, разве Тетушка не утверждает все время, что ошибки, совершенные с благими намерениями, реже обходятся дорого?

Но тут в дверь проскользнула Пеони, и Роза умолкла. Пеони присела на кровать рядом с подругой и стиснула ее ладонь. Мгновение они сидели в тишине, а затем в комнату постучали. Роза поспешно села, делая вид, будто вовсе не спала всего несколько минут назад.

– Войдите, – разрешила Пеони.

– Король, королева, принцы, лорд и леди Прендергаст и сотни людей передают вам наилучшие пожелания, принцесса, – объявила одна из Кларалинд, Дульсибелл или Сахарисс. – А вам пора одеваться к балу.

Глава 19

У Катрионы тоже обнаружилось роскошное платье, изумрудное с шалфейно-зеленым. И нравилось оно ей ничуть не больше, чем Розе ее наряд, серебристо-серый и искристый, слишком похожий на то одеяние, которое она обнаружила на себе в ночь, когда Айкор назвал ей ее имя и ей захотелось убежать прочь. Но она никак не могла объяснить это королевским портнихам, которые весьма гордились своей работой.

Несколько Кларалинд бережно вытряхнули зеленое платье из свертка, в котором Катриона его привезла, и восхищенно, хотя и несколько ошарашенно заохали и заахали над ним. (Некоторые из Кларалинд, дольше прочих пробывшие в Вудволде, начинали привыкать к удивительным вещам, которые удавались деревенщинам. Например, шитью бальных платьев. Прендергасты скупили в Туранге весь запас нарядных тканей, кожи, ниток и мелочей для отделки и предоставили его в распоряжение любым жителям Двуколки, кто только пожелает. Местные портные и швеи, привычные к нуждам обычной жизни Двуколки, уже никогда не оправятся от лихорадочного великолепия тех немногих месяцев приготовлений к балу принцессы.)

– По большей части его сшила Хрослинг, – пояснила Катриона. – Выражение на ее лице Розы не сумела истолковать, а спросить при Кларалиндах не могла. – Похоже, она считает, что в огромном долгу перед нашей семьей. Но у меня действительно не было времени заниматься этим самой, а в текущих обстоятельствах скреплять его волшебством показалось мне не самой лучшей мыслью.

Бардер хотел двинуться в путь, как только отведет детей в трактир, где они переночуют наверху, вместе с парой ребятишек Флоры, а Кернгорм за ними присмотрит. Флора с мужем тоже собирались на бал.

– Найдется несколько человек, которые предпочтут спокойно выпить в трактире, – заявила Кернгорм, – а не глазеть на принцессу и не участвовать в этой суматохе. Должен же кто-нибудь предоставить им такую возможность.

Болу, обычному их бармену, она предоставила выходной – в своей спокойной, последовательной манере он предвкушал суматоху вокруг принцессы, пусть даже та была всего лишь Пеони, которую он знал с младенчества. От Десси уже несколько недель не было никакого толку, поскольку она мечтала о большом празднике и не могла разговаривать ни о чем другом. (Джем и Гилли смекнули, что они что-то пропускают, но не особенно из-за этого рас-

страивались, после того как Бардер объяснил, что им пришлось бы нарядно одеться и несколько часов оставаться чистыми и опрятными.) О Нарле Катриона не упомянула вовсе, и это показалось Розе достаточным ответом на вопрос, который ей не хотелось задавать.

Одна из Кларалинд расчесывала Розе волосы, тихонько вздыхая от раздражения.

– Послушайте, – не выдержала Роза, – они короткие, с ними ничегошеньки нельзя сделать, так почему бы вам не оставить все как есть и не присоединиться к остальным?

Она взъерошила себе волосы (вытащив оттуда украшенную самоцветами заколку, которую Клара-линда, приложив всю свою изобретательность, все же сумела закрепить, и гневно на нее уставившись) и подошла к окну, чтобы еще раз напоследок взглянуть на пейзаж, прежде чем его скроет сумрак ночи ее двадцать первого дня рождения. Паук медленно выполз в середину паутины, как будто с невероятным трудом по одной переставляя ноги: было похоже, что он крайне устал. Но, добравшись до места, он любезно помахал ногой в подобии приветствия. Своей усталостью он походил на одного из заговорщиков. Если бы у пауков были лица, у этого оно оказалось бы изможденным, с запавшими глазами.

Рози отметила, что среди множества грандиозных неурядиц этого дня рождения была одна мелкая: он случился на день раньше, чем все прочие ее дни рождения, которые они отмечали в прошлые годы.

«Это день рождения принцессы, – подумала она, – а не мой. Мой день рождения завтра».

Ее пальцы нашарили карман, спрятанный в юбке бального платья, и коснулись носа горгульи.

«Принцесса», – прошептал подоконник.

«Рози», – подхватила толща стен.

Некое огромное расплывчатое понимание как будто спустилось вниз, словно облако с горы, или, наоборот, поднялось вверх, как туман с болота. Какое-то невероятное усилие постижения попыталось собраться в узнаваемую форму. Оно не могло в полной мере подобрать слова, но Рози знала, что оно ищет: «Скоро. Немедленно. Сегодня. Сейчас».

Она вдруг опустилась на колени и откинула крышку деревянной ступеньки, помогающей взобраться на каменную скамейку и позволяющей поставить на нее ноги, пока сидишь. Внутри лежали веретена-волчки, которые она вырезала за последние недели, и сверху именно то, которое ей понадобилось: с принцессой – с ней и Пеони, слитыми в одно лицо, тихонько улыбающееся самому себе по какому-то тайному поводу. На мгновение она задержала его

в горсти, а затем дождалась паузы в суматохе вокруг Пеони.

– Положи к себе в карман, – посоветовала она. – Тебе же оставили карман, правда? Возможно, это глупо с моей стороны, но Кэт как раз отдала мне наш старый волчок, ты помнишь, с горгульей, и мне кажется, что он принесет мне удачу. Я подумала, что тебе тоже такой нужен. Прости, но есть только новый.

– Я всегда хотела, чтобы ты сделала мне веретено-волчок, Роза, – заверила ее Пеони. – Я даже воображала, что тогда, возможно, и впрямь научусь прясть, но так глупо казалось просить, а после того, как я... попыталась научить тебя вышиванию, я не решилась. – Она робко улыбнулась и добавила: – Я... Боюсь, сегодня у меня не будет времени, чтобы начать упражняться...

В дверь снова постучали, и вошла Тетушка, ослепительная в багряно-золотом наряде, оттеняющем ее седые волосы, и с золотой цепью на шее, которую подарила королева. Вторую такую же она принесла для Катрионы. Они вчетвером остановились, глядя друг на друга: принцесса, ее лучшая подруга со времен детства, и тетя с двоюродной сестрой подруги, которые были важными феями, несмотря на место их жительства, и сегодня даже выглядели таковыми. Кларалинды умолкли. Тетушка снова открыла дверь

и присела в реверансе, и Пеони, ярко покрасневшая из-за того, что Тетушка ей кланяется, вскинула подбородок и горделиво вышла за дверь. За ней последовали Розы, Катриона, Тетушка и, наконец, подавленные Кларалинды.

Стражники на лестнице вытянулись по стойке смирно, а у подножия лестницы, ведущей в башню принцессы, собрались прочие придворные и другие фрейлины, пестрые, словно бабочки, одновременно радостные и серьезные из-за того, что их избрали в свиту принцессы именно на этот вечер. Когда принцесса легко и изящно спустилась по лестнице, у нее нашлась улыбка, взмах руки или слово для каждого, кто глазел на нее из бокового коридора (включая старшего внука Прендергастов, которому уже следовало бы отправиться в постель, и его вспотевшую няньку). Шесть лакеев и двенадцать трубачей объявили о ее прибытии в большой зал, но принцесса притягивала к себе все взгляды уже тем, что она была собой, а также красивой, храброй и здравомыслящей, и народ успел ее полюбить. Многие простые подданные на балу в тот вечер втайне пообещали себе защищать ее ценой собственной жизни, если до этого дойдет, хотя ее больше не от чего было защищать. Все уже закончилось, все уже осталось в прошлом.

Большой зал, использовавшийся в последние три

месяца больше, чем в течение нескольких веков, с каждым днем становился все роскошнее, поскольку все новые гости прибывали с дарами для принцессы, которые леди Прендергаст щепетильно выставляла на всеобщее обозрение. Пеони отказалась надевать что-либо из драгоценностей. Безуспешно попытавшись ее переубедить, леди Прен решила, что множество солдат, присланных в Вудволд, чтобы составить подобающую принцессе свиту, могут заняться полезным делом (в отличие от набивания брюха и заигрываний с самыми молодыми и симпатичными из горничных, что, похоже, было основным их занятием) и посторожить ожерелья, серьги, броши и браслеты, которые она развесила на стенах. И тем не менее украшение зала к балу принцессы стало открытием. Зал выглядел едва ли не тесным из-за множества людей и предметов, которые в нем теперь находились, но одновременно казался более просторным, чем когда-либо. Когда Роза вошла туда, держась за плечо Пеони, дальнюю стену (над которой сидел пленный меррел) было почти не разглядеть, как будто она находилась в другой стране. Если Вудволд и дрожал под подошвами, виной тому были исключительно шаги множества ног, а если его стены и шептали «Роза», никто этого не слышал.

В первые несколько часов бала Роза более или ме-

нее ощущала себя собой – настолько, насколько это вообще ей удавалось в роли фрейлины принцессы. Конечно, нет ничего удивительного в том, чтобы чувствовать себя слегка ошеломленной и одинокой на своем первом королевском балу, особенно когда ты притворяешься, что он вовсе не в твою честь, хотя это на самом деле так. И когда где-то в тени скрывается некто, намеревающийся тебя убить, а ты один из всего лишь полудюжины людей, кто об этом знает. Она смотрела на людей, наблюдающих за Пеони, и у многих в глазах читала то тайное обещание и гадала, не ощущает ли кто из них тьму, окружающую их, просачивающуюся на праздничный бал принцессы. Она поговорила со старшим конюшим, чье лицо светилось преданностью будущей правительнице, побеседовала с леди Прендергаст, которая глаз не могла отвести от своей протеже, обратилась к Каллин...

– Туго ей приходится, – заметила та в своей прямолинейной манере, – когда все вот так пожирают ее глазами. Пожалуй, пойду-ка я натяну нос вон тому мерзкому типчику.

Мерзким типчиком был посол герцога Ираминонского. Роза с интересом проследила за тем, как Каллин бочком подобралась к послу и, глядя на него из-под ресниц, задала ему какой-то вопрос, на который тот охотно принялся отвечать, долго и подробно, –

чем обеспечила Пеони возможность сбежать.

Пока она смотрела, Роулэнд подошел к ней и окликнул по имени. Она едва удержалась, чтобы не отпрянуть от него, но, встретившись с ним взглядом, поняла, что не вполне в этом преуспела, и чутьчку неуверенно улыбнулась ему, хотя губы не желали изгибаться вверх. Он явно заметил, что Роза его избегает (за последние три месяца она не сказала ему и трех слов подряд), и был этим огорчен, но даже представить себе не мог всю правду их положения.

— Роза... — начал было он, а потом продолжил поспешно, как будто собирался сказать нечто совсем иное: — Разве мы не можем быть друзьями? Я должен ценить... наши взаимоотношения, поскольку вы с Пео... с принцессой друзья, но и без этого ты... ты мне нравишься. Когда-то мне... мне казалось, что я тебе тоже нравлюсь. Я не забыл, что это ты помогла мне запомнить клички всех собак в Туманной Глуши, особенно бурых среднего размера, которые все похожи друг на друга, и научила узнавать птиц по их пению. Я скучаю по тем дням, которые мы вместе провели в кузнице.

Глаза Роза наполнились слезами, прежде чем она успела взять себя в руки.

— Ох! — в ужасе воскликнул Роулэнд, нашаривая носовой платок. — Прошу прощения!

Рози вовремя спохватилась, что не следует утирать глаза рукавом, и принялась искать собственный платок, между делом перекатив в кармане маленькую горгулью. Высморкалась она в свой, но взяла тот, что предложил Роулэнд, и промокнула им лицо, так и не ответив на его вопрос, поскольку не могла придумать, как с ним объясниться. Предполагалось, что скоро он сам все узнает и тогда, возможно, поймет, почему она его избегала.

Роулэнд не решился задать вопрос еще раз. Он забрал свой чуточку влажный платок и принялся его складывать так, будто выровнять каждый угол с остальными было исключительно важной задачей, а тем временем пытался придумать, что еще ей сказать.

– Нарл передает наилучшие пожелания, – нашелся он наконец.

Рози хмыкнула, очень по-нарловски. Она могла себе представить не так уж много событий, менее вероятных, чем Нарл, передающий кому бы то ни было наилучшие пожелания, да и, насколько ей было известно, сам Роулэнд теперь бóльшую часть времени проводил в Вудволде. Он подал прошение, и ему предоставили место в охране принцессы. Но его слова подтвердили ее догадку, что Нарл не придет на бал. Она это знала и все же еще сильнее упала духом.

Роулэнд по-прежнему не выказывал желания отойти от нее прочь, и людской напор на некоторое время оставил их в покое: никого не удивляло, что возлюбленному принцессы и ее лучшей подруге пришлось что-то сказать друг другу наедине. Роза лелеяла мысль о первом указе, который она издаст как принцесса. С таким приданым, какое принцесса может пожаловать лучшей подруге, позволит ли принц Эрлиона своему наследнику жениться на племяннице тележного мастера? Но даже если бы она не сомневалась в утвердительном ответе, это не могло полностью ее успокоить. Айкор был вполне способен солгать насчет расторжения связи, созданной обетом наследника Эрлиона, или отказаться ее разорвать, даже имея такую возможность, если его магия или представление о подданных его монарха подскажет ему, что невредимая связь пойдет на пользу стране или ее правителю.

— Что ты будешь делать, — спросила она наконец, — если не сможешь жениться на Пеони?

— Я не знаю, — произнес он с расстановкой. — Пожалуй, мне следует об этом задуматься. Люди — будущие подданные принцессы — смотрят на нас, улыбаются и желают, чтобы все закончилось хорошо. Славная вышла бы сказка, не правда ли? В детстве я дал обет, затем влюбился в девушку, которую встретил в дере-

венской кузнице, скрывая собственное имя, а она оказалась принцессой. Но это вовсе не сказка, у которой счастливый конец уже написан и дожидается, когда мы перелистнем страницу. Люди, которых я знаю, кажется, считают, что отказ от объявления о нашей помолвке – это какой-то каприз, чтобы сделать ожидание более волнительным. Но я знаю, что это не так. Айкор... Айкор мало что мне сказал, только что никакой помолвки не будет и... Он не мог скрыть от меня, что чего-то недоговаривает. Я смотрю в лицо Пеони и вижу, что и она мне о чем-то не рассказывает – о чем-то мучительном для нее, мучительном для нас обоих. Я знаю об этой недосказанности так же твердо, как и о ее любви ко мне. Я гадаю, чем это может быть, пока прохаживаюсь взад и вперед или проверяю, висят ли по-прежнему изумруды, рубины или аметисты там, где висели четверть часа назад. И я заметил, что чаще всего задумываюсь о проклятии – том самом, которое, как нам предлагается верить, потерпело неудачу. Я хотел бы верить, что оно потерпело неудачу тихо, без малейших следов той, которая его наложила, невзирая на то что вся страна жила под его тенью двадцать лет. И не только лицо Пеони подсказывает мне, что я чего-то не знаю, но и лицо Айкора, пришедшего сюда первым и принесшего нам всем этот новый порядок, новую историю. Ты знаешь, что

Айкор смотрел в сторону, когда сообщал мне, что помолвки не будет? Айкор не из тех людей, кто избегает встречаться взглядом с собеседником. И потом я заметил что-то в лице твоей Тетушки, и твоей двоюродной сестры Катрионы, и в твоём тоже, Роза. На вас всех лежит тяжкое и страшное бремя. Вот чего я боюсь и вот что думаю: проклятие не потерпело неудачу. Возможно, затем и задуман бал: чтобы большинство людей поверило и... И что?

Он умолк. Они посмотрели на Пеони, которая теперь беседовала с Терберусом. Оба они были красивы и изящны, с быстрыми, привлекательными улыбками, и роста Терберус оказался не выше среднего. Роза подумала, что они могли бы быть братом и сестрой. Она вспомнила кое-что ещё, что рассказала ей Катриона в их последний день в Туманной Глуши: как чары иллюзии хуже всего действуют на людей, которые теснее всего связаны с правдой. Любовь считалась очень прочной связью.

— Роза, — прервал молчание Роулэнд, — я не прошу тебя сказать мне, в чём дело, потому что Пеони сама объяснила бы, если бы это никому не причинило вреда. Но... Ты знаешь, чего я не знаю?

Роза перевела на него взгляд.

— Да, — подтвердила она. — Знаю. И знаю, почему она не может тебе рассказать.

Как бы твердо он ни верил, что смирился с существованием этой тайны, она заметила, каким ударом для него оказалось это подтверждение. И сожалела об этом, сожалела, что нанесла ему подобный удар, после того как последние три месяца отрицала их дружбу. Тем немногим, кто знал, – даже если Роулэнд толком не представлял, что именно он знает, – стоило бы держаться вместе.

Возможно, дело было в том, что она понимала: все произойдет сегодня. Возможно, волшебный туман путал ей мысли. Возможно, она поглупела из-за собственной безнадежной любви.

– Но думаю, – добавила она порывисто, – вот что я могу тебе сказать: это означает... это означает, что Пеони сегодня не умрет, что бы ни предприняла П... Перница.

Стоило ей сообразить, что именно она сказала, как она заметила мелькнувший на лице Роулэнда слабый отсвет понимания – понимания, слишком близкого к правде. Он не мог предположить, что Пеони вовсе никакая не принцесса, но угадал, зачем две девушки, на одной из которых лежит смертоносное проклятие, могут быть столь тесно связаны друг с другом: чтобы сбить с толку проклятие и чтобы оно выбрало не ту...

Рози с уважением отметила, что в его взгляде без малейшего промедления вспыхнули ужас и смя-

тение, и в то же время глубоко пожалела о собственной промашке.

— Нет-нет, — поспешно спохватилась она. — Это не то, о чем ты...

Но тут леди Прен решила, что эти двое слишком долго беседуют исключительно друг с другом, а поскольку они оба важные гости, им следует щедрее уделять внимание остальным.

Рози нашла юного лорда, навязанного ей леди Прен, не самым приятным собеседником (впечатление, безусловно, было взаимным). Возможно, из-за ее разговора с Роулэндом туман снова начал сгущаться вокруг нее и течение времени начало сбивать ее с толку и путать, как будто она застыла в ненадежном равновесии на ветви дерева, а время было ветром, волнующим его крону. Рози пришла в себя уже в одиночестве (она не помнила, как ушел юный лорд), но под ее рукой внезапно обнаружилась голова гончей. Она погладила пса, пока тот (это был Хрок) смотрел на нее снизу вверх и посылал ей нежные мысли.

Рози опустила взгляд и увидела, что ее окружила небольшая свора собак, путающихся у людей под ногами. Лорд Прен пускал своих любимых псов в дом (равно как и комнатных собачек дам, которые редко выходили наружу, за исключением разве что Дрозда), но по большей части они держались от людей подаль-

ше из опасения, что их прогонят на псарню.

«Если вам хочется вокруг кого-нибудь потолкаться, стоит пойти к Пеони. Это она тут принцесса».

«Нет, – возразил Хрок. – Ничего подобного».

Рози вздохнула и перехватила быстрый взгляд Пеони, как всегда держащейся поблизости, которая ощутила вздох и задалась вопросом, что не так и не следует ли ей уделить этому внимание. Рози покачала головой и вернула свое внимание Хроку.

Животные знали о магии то, что им нужно было знать: что она способна в любое мгновение превратить их в кусты ежевики или грозовые тучи и, если повезет, вернуть обратно. Но она никуда не девалась, как чаща или погода, и, как и к чаще или погоде, относиться к ней следовало по возможности терпеливо. Домашние животные (и самые умные или пытливые из диких) знали, что люди вмешиваются в ее дела, но дома́, хлева и заготовленная впрок пища тоже были вмешательством иного рода, а в целом домашние животные (и некоторые дикие) одобряли дома, хлева и заготовленную впрок пищу. Умение выдумывать штуки вроде домов, хлевов и заготовленной впрок пищи, а затем строить их или запасать (и, в отличие от белок, находить снова) было присуще людям, но имело свои пределы. Огонь в очаге – это весьма славно, но не отменяет бушующей снаружи вьюге.

Вся затея Розы с прочими заговорщиками, по мнению животных, напоминала попытку убедить вьюгу, что ей следует обрушиться на один дом вместо другого, соседнего.

Хрок был там в тот первый вечер в Туманной Глуши, когда Айкор объяснил, что они собираются делать. Когда необходимость какого-либо плана, направленного против Перниции, стала очевидна Хроку и всем остальным, как кинутый в ребра камень, даже если он казался одним из этих причудливых человеческих замыслов, которые избавляют тебя от некоторых неприятностей, но приносят их еще больше. Но Хрок только по-собачьи пожал плечами, как и большинство животных – каждое на свой лад. Человеческие дела оставались человеческими делами, в которые не стоило вмешиваться, а им и без того было чем заняться. Роза до сих пор гадала, чем же это, пыталась понять, не говорит ли это ощущение занятости, сквозящее в ее друзьях-животных, о чем-то более зловещем, чем нехватка тем для разговоров с женщиной, которая все свое время проводит в помещении, играет во фрейлину и не делает никакой полезной работы. Мысль о том, что этим все и исчерпывается, что им больше нечего ей сказать, казалась слишком горькой, и ей трудно было не желать, чтобы эта занятость длилась и дальше и оказалась чем-то зловещим.

Но последнее, в чем сейчас нуждались заговорщики, так это в том, чтобы ее друзья с очевидностью показали всем, что Роза выглядит нездоровой и рассеянной в день рождения принцессы.

«Что ж, тогда притворитесь, что она принцесса», – предложила Роза.

Хрок смерил ее усталым взглядом. «Притворство» было одним из человеческих слов. Единственными понятными сравнениями, притом не слишком полезными, были уловки хищника в засаде и обучающие навыкам игры, которыми в той или иной степени баловались все звериные детеныши. Хрок прекрасно знал, чего хочет от него Роза, предлагая притвориться, но считал это вздором, как если бы она заявила, что трава розовая, а вода не предназначена для питья.

Она посмотрела в его терпеливые, умные глаза и, охваченная внезапным приступом паники, подумала, что осведомленность животных – это не просто лазейка или брешь, сквозь которую может выстрелить ловкий вражеский лучник, а отсутствие целой стены. Ведь они ожидают, что, помимо восторженного празднования двадцать первого дня рождения принцессы, произойдет что-то еще. И это что-то произойдет с Розой.

Почему Тетушка и Катриона ничего не заметили? Об Айкоре, который склонен был видеть только то,

что хотел, речи не шло. Она ощутила глубокий подземный ропот Вудволда, соглашающийся с ней, и догадалась, что отчасти его бодрствование в последние три месяца объяснялось опасно несогласованной разницей между историями, которые он слышал в шагах тех, кто свободно ходил по земле.

Какую бы гибельную ошибку они ни допустили, было уже слишком поздно что-либо менять.

Хрок, почуяв ее огорчение, чуть сильнее ткнулся носом ей в бедро.

«Скажи остальным, чтобы они разошлись, – попросила она. – Я не хочу, чтобы это привлекало ко мне внимание».

Прочие собаки принялись потягиваться или встряхиваться, а затем побрели прочь, как будто вовсе и не толпились вокруг Розы.

«А вы еще утверждаете, что не верите в притворство», – заметила Роза.

Хрок улыбнулся по-собачьи – глазами и ушами.

Туман возвращался уже всерьез. Роза видела, как король возложил корону наследницы на голову Пеони, а королевский епископ благословил ее. Услышала первые официальные приветственные кличи и аплодисменты, начало которым положили ее братья. Заметила, что королева слишком уж старательно не отрывает взгляда от Пеони и даже краем гла-

за не косится на Рози, хотя та постоянно крутится рядом и все остальные, зная, что она приходится принцессе лучшей подругой, непременно стараются улыбнуться ей или перемолвиться с ней словечком. Люди заметили, что лучшая подруга принцессы выглядит бледной и озабоченной (а одна из гончих лорда Прена ходит за ней тенью, как будто готовится изобразить из себя самодвижущийся диван, если той внезапно потребуется присесть, — к этому времени уже все придворные знали, что она разговаривает с животными). Но кто мог ее винить? Милорд Роулэнд казался почти столь же рассеянным, но он-то мог опереться на свое благородное воспитание и был способен (как говорится) поддержать беседу с зачарованным ночным горшком. Миледи Рози же, в конце концов, была всего лишь деревенской девушкой. Как же им повезло, что принцесса, хотя ее тоже растили в деревне, оказалась настолько уравновешенной и радостной в этот знаменательный, исторический день и как будто бы без усилий заняла подобающее ей место.

Рози прослушала длинную речь, которую произнес королевский епископ. По тому, как его голос взмывал и падал, торопливо устремлялся вперед и замедлялся, чтобы выделить каждое слово, она могла заключить, что речь эта полна свидетельств начитанности и возвышенных чувств, но ничего в ней не по-

няла. Она заставила себя следить за происходящим и поэтому обратила внимание, что главный священник Двухолки выглядит одновременно угрюмым и удовлетворенным, поскольку вошел в свиту королевского епископа, а священник Туманной Глуши в той же свите на несколько рядов дальше – взволнованным и испуганным (и почти неузнаваемым в новом блестящем капюшоне). Когда после епископа встал лорд Прендергаст и произнес намного более короткую речь, она заметила только то, что он при этом улыбался. Должно быть, она упустила из виду несколько мгновений, поскольку внезапно обнаружила себя за длинным столом, а перед ней очутилась полная еды тарелка. С одной стороны от нее сидела Катриона и дальше Бардер, а с другой – Каллин и остальные фрейлины принцессы. Гончие, а также один или два спаниеля снова принялись сновать у нее под ногами, под стулом и позади него, а Дрозд, тщательно изучивший поведение подобного рода, чтобы исполнять его с обаянием, которое не оставляло места для возражений даже людям, не любящим собак, рысцой пробежал по столу между кубками, тарелками и вазами и спрыгнул на колени Розы. Дрозд обожал Розы, избавившую его в последние три месяца от жизни непрерывного комнатного собачества: она каждое утро брала его с собой на конюшню, объяснив леди Прен, что делает

это в лечебных целях, и при этом практически не со-
врав. (Новый распорядок едва не обрушился, когда
Дрозд поймал крысу, превосходящую его размером.
Он схватил ее за горло, как предписывала ему повад-
ка терьера, но она собралась напоследок забить его
до смерти. К счастью, Мило, брат и лучший друг Хро-
ка, оказался рядом и прикончил ее.)

Пеони сидела между королем и королевой, а прин-
цы – по обе стороны от них, и младший, чье место
находилось от нее дальше всех, то и дело вскакивал
и подбегал к ней, чтобы за разговором встать у ее
стула, взявшись за спинку, и наполовину взобраться
на него, как поступают все мальчишки, в том числе
и принцы.

Рози сунула руку в карман и коснулась округлого ве-
ретена-волчка, нашаривая мордочку маленькой гор-
гульи. Палец нащупал ее нос, узнав шелковистость
крохотного отполированного выступа. И туман, хоть
он и не рассеялся, на некоторое время стало легче
терпеть, хотя ужинать ей не хотелось совершенно.
Она окинула взглядом стол, высматривая прочие зна-
комые лица, обнаружила, что Роулэнд встревоженно
за ней наблюдает, но не нашла в себе сил ему улыб-
нуться. Она глянула не на королеву, но мимо нее, на-
деясь хотя бы мельком увидеть Сигил: та наверняка
должна была прибыть вместе с королевской свитой,

даже если не пожелала явиться на бал. Раз или два ей показалось, что она видела маленькую невзрачную женщину, склоняющуюся к королеве, как это делают не слуги, а ближайшие друзья, но ясно разглядеть ее так и не удалось.

После трапезы начались танцы, но Роза танцевать не стала. Она не осмелилась, потому что умение танцевать было одним из подарков от фей на именины. Но она вполне правдиво могла утверждать, что не танцевала никогда в жизни, и вся Двуколка это подтвердила бы. Айкор заявил, что пытался ее научить, но даже магия в этом случае оказалась бессильна. (Если кто и шутил насчет неуклюжих увальней у нее за спиной, Роза этого не слышала. Сама того не ведая, она производила внушительное впечатление, причем не только из-за роста и расположения к ней принцессы.) К счастью, Пеона танцевала так хорошо, как будто ее заколдовали, и Роза догадалась, кто из фей одарил принцессу этим щедрым подарком, по растроганно-слабоумному выражению на ее лице. Разумеется, тут присутствовали все крестные, но даже если одна или две из них заподозрили, что их подарки воплотились не вполне так, как ожидалось, хандрить прилюдно они не собирались.

Катриона присела вместе с ней на мягкую скамью, и Роза снова отослала прочь большую часть собак,

когда те попытались столпиться вокруг. Катриона держала ее за руку, как будто мерила пульс, подозревая лихорадку, – возможно, так оно и было. Роза прислонилась спиной к стене Вудволда, и ей показалось, что та вздрогнула.

«Я все еще жду, когда смогу вернуться домой, – подумала она сквозь туман. – Я не жду окончания своего дня рождения, чтобы отправиться... Чтобы отправиться в столицу, сделаться принцессой и... И позволить Пеони снова стать собой. Я жду, когда закончатся три месяца притворства, чтобы вернуться домой, жить в доме колесного мастера и работать коновалом».

Она старалась держать голову прямо. Не только для того, чтобы ее видели сидящей с достоинством, а не вяло развалившейся на скамье, но и потому, что, когда она опускала взгляд на собственные роскошные юбки, голова кружилась так, будто мерцающая серая ткань состояла из множества водоворотов, в каждый из которых она могла упасть и утонуть.

Туман как будто захихикал. Волосатые змеекрысы вернулись, и она подумала, что, возможно, хихикают именно они. Непохоже было, чтобы они обладали глазами или, если уж на то пошло, ртами – только мохнатыми, неприятно извивающимися телами и множеством крохотных семенящих лапок. Да, она опреде-

ленно слышала чей-то смех. Рози подняла тяжелые веки, не осознав даже, что успела закрыть глаза, и посмотрела на танцоров. Ей трудно было сосредоточить взгляд на ярких движущихся фигурах, но ближайшая к ней пара повернулась, и она увидела Пеони в объятиях Роуланда, а затем смех у нее в ушах сделался громче. Кто же смеется? Она затрясла головой, но та от этого только разболелась.

– В чем дело? – спросила Катриона.

Но рот Рози отказывался открываться, а челюсти сомкнулись намертво. Она медленно встала, и Катриона, все еще держащая ее за руку, поднялась вместе с ней. Теперь туман в большом зале как будто сделался видимым: появилась сероватая тень, которую на самом деле ничто не отбрасывало, но она висела в дальнем конце длинного помещения, возле того места, где сидел меррел, спрятанный среди стропил. Смех, казалось, доносился оттуда же. Рози стало любопытно. Надо подойти поближе и посмотреть. Приятно было чувствовать себя так, будто посреди этого жуткого, тошнотворного туманного безволия ей хочется что-то сделать.

Она попыталась выдернуть руку из пальцев Катрионы – ей совершенно не нужна была Катриона, – но та не отпускала. Хорошо, тогда ей тоже придется туда пойти. Теперь Рози непреклонно двигалась к стран-

ной серовато-черной тени, у которой не было никаких причин маячить там, где она возникла. Роза по-прежнему слышала смех – следовала за ним. Странное дело, но, казалось, никто больше его не замечал. Она обратила внимание, что несколько человек устали на нее, заметив, как она целеустремленно пробиралась между танцорами, волоча за собой несчастную упрямую Катриону. Но почему же никто не смотрит в тот конец зала и не спрашивает, кто это там смеется? Возможно, потому, что смех предназначался ей, Розе. Возможно, раз уж она впервые услышала его, когда думала о возвращении домой, он собирался подсказать ей, как она может отвязаться от этой страшной истории с принцессой, отправиться домой и снова стать Розой.

Двигаться ей приходилось медленно, потому что голова все еще кружилась и на ногах она держалась нетвердо и потому что Катриона слишком крепко сжимала ее руку, а Хрок прижимался к другому ее боку, как если бы хотел помешать ей идти туда, куда она направлялась. Ей показалось, что некоторые другие собаки тоже составляют им компанию. По крайней мере одна из них, вероятно Подсолнух, шныряла у нее под ногами и то и дело запутывалась лапами в пышных кружевах нижней юбки. Должно быть, они выглядели как дети, забавляющиеся одной из игр, где нужно

идти куда-нибудь и одновременно всем касаться друг друга. Но они ее не остановят. Как только она узнает то, что знает смех, все будет в порядке.

Приблизившись к своей цели, она заметила, что танцы прервались – теперь уже все повернулись лицом к бестелесной тени. О, так они все же ее видят! Музыка тоже смолкла, или Роза просто не слышала ее за смехом. Теперь он сделался таким громким, что у нее звенело в ушах, но она услышала, как у нее за спиной поднялась какая-то суматоха и кто-то выпалил: «Нет-нет, пустите меня, вы не понимаете». Похоже, это был голос Пеони.

Тень уже не была бесплотной. Поначалу по ней всего лишь растеклось фиолетовое пятно, как если бы какой-нибудь луч света коснулся ее под необычным углом, но затем фиолетовый, черный и серый начали сплетаться вместе и образовали человеческую фигуру. Та превратилась в женщину, высокую, прекрасную и пугающую, ростом не ниже Розы. Ее черно-фиолетово-вишневый плащ ниспадал грозными блестящими складками.

– Что ж, милая моя, – обратилась высокая женщина к Розе, которая так и продолжала брести к ней, словно во сне. – Наконец-то мы встретились. Мы ведь еще не встречались, верно? Возможно, я видела ручку или локон – у тебя удивительные вьющиеся воло-

сы, не правда ли? – над бортиком колыбели в день твоих именин, но это не кажется подобающим знакомством, поскольку мне грубо преградили дорогу, помешали подойти достаточно близко, чтобы взглянуть тебе в лицо. Что ж, вот, оказывается, как выглядит принцесса: костлявая бестолковая орясина. Твоя мать с самого начала показалась мне простушкой. Мальчики вот удались в отца. Хорошо, что королем станет один из них, если им вообще останется какое-нибудь королевство.

И она рассмеялась.

Рози потребовалось поразительно долгое время, чтобы просто пересечь небольшой участок пола. Она решила, что это имеет какое-то отношение к Картрионе, и попыталась обернуться и нахмуриться, но не смогла. Ей удавалось только и дальше смотреть на стоящую перед ней высокую женщину. Отлично; Рози и хотелось смотреть на нее – так завораживающе она выглядела. Вежливостью она похвалиться не могла – она назвала Рози орясиной, – но это было правдой. Очевидно, что у этой женщины найдутся все ответы. Рози хотелось с ней поговорить. Ей хотелось спросить у нее, как вернуться домой.

Краем глаза она видела, что солдаты, волшебники и феи движутся в какой-то непонятной, скованной манере. Рози догадалась, что они пытаются прогнать вы-

сокую женщину: та портит им праздник и они не ждут от нее ответов. Что ж, зато сама Роза ждет.

Если бы она могла заговорить вслух, то попросила бы Катриону ее отпустить. Ладонь, которую сжимала Кэт, онемела, и это было ужасно неприятно, как будто рука больше ей не принадлежала. Даже собаки пытались отпихнуть ее от высокой женщины. Но Роза хотела поговорить с высокой женщиной, и, похоже, та хотела поговорить с Розой.

Высокая женщина чуть сдвинулась в сторону, ни на миг не отрывая взгляда от Розы. Рядом с ней стояла... прялка. Роза моргнула, изумленная и растерянная. Почему вдруг именно прялка? И в это мгновение растерянности Роза почти ощутила, что кое-кого вырвался из плетения чар, которыми, как она отчасти осознавала, высокая женщина опутала всех в этом зале, и бросился вперед. Но кто бы это ни были, они спотыкались и останавливались, бежали и пошатывались, как будто продвигаться вперед было крайне трудно. Роза им даже посочувствовала – ей самой мешали идти Катриона и собаки.

– Да, прялка, – подтвердила высокая женщина – если она и заметила, как кто-то пытается бежать к ней, то не подала виду. – Невзрачная вещица, не правда ли? Совершенно не к месту в таком величественном зале, как этот, посреди пышного бала. Но я и стре-

милась к чему-то безыскусному. Ты и сама невзрачна, милочка. А мне хотелось, чтобы тебе было уютно. Ведь тебе же неуютно в нынешней обстановке, верно? Какая жалость, что ты так воспитана. Худшие из твоих недостатков можно было бы сгладить надлежащим воспитанием. Даже твоя мать могла бы кое-что тебе передать – скажем, некоторые семейные добродетели. Подойди же, милая. Напряди мне немножко ниток. Прости, что не подаю тебе примера. Это такой непритязательный навык, он как-то ускользнул от моего внимания. В самом деле, ты можешь меня научить. Мне обязательно понравится. И тогда я буду тебе обязана. Ты же хотела о чем-то меня спросить, не так ли? Иди прясть, милая, и тогда я отвечу на любой вопрос, который тебе захочется задать.

Рози уже подошла очень близко к женщине и прялке. Сейчас она не могла вспомнить, умеет ли прясть. Она не помнила, чтобы ее этому учили, не помнила ощущения шерсти, скручивающейся под пальцами, завораживающего, бесконечного вращения колеса, не катящегося никуда, и веретена, на которое виток за витком ложится нить, – но ее охватило странное желание коснуться прялки руками, как если бы она точно знала, что с ней делать. Возможно, она была готова попробовать, потому что ей отчаянно хотелось спросить у высокой женщины, как вернуться домой.

Она хотела протянуть руку, но в ладонь вцепилась Катриона, и высвободиться никак не получалось. Тогда она собралась поднять другую и обнаружила, что по-прежнему сжимает веретено с горгульей. Ее взгляд обратился к веретену на прялке высокой женщины, и она озадаченно нахмурилась: оно оказалось необычно длинным и острым, с кончиком, напоминающим стилет, и ничем не походило на толстые, скругленные на конце веретена, к которым она привыкла. Какая странная форма для веретена!

Теперь она вспомнила, что не умеет прясть. Катриона сказала, что ей это не нужно, что Роза умеет делать другие вещи, которые не даются им с Тетушкой. Сама Роза подозревала, что Катриона пыталась избавить ее от унижения, поскольку в этом ремесле она наверняка окажется такой же неуклюжей, как и в шитье. Даже сейчас одно только воспоминание заставило ее почувствовать себя униженной. А затем она вспомнила, как предлагала Пеони одолжить ей веретено с горгульей, чтобы оно помогло ей прясть. А Пеони ответила, что если это амулет, то он принадлежит их семье и может обидеться или испортиться, если отдать его в чужие руки. Сейчас Роза нужен был амулет, чтобы она смогла спрясть нитку для высокой женщины и та ответила на ее вопрос.

Медленно она вытащила горгулью из кармана

и подняла перед собой.

– Если... если вы не возражаете, – выговорила она, и голос ее прозвучал сипло и глухо, – я предпочла бы воспользоваться собственным веретеном. Я никогда не видела такого веретена, как у вас, и уверена, что не смогу с ним управиться...

Гнев и ненависть на лице женщины оказались настолько пылкими, мощными и внезапными, что Роза невольно отступила на шаг назад и споткнулась о собаку, – и на этот раз сбой в ее сосредоточенности оказался куда более резким и полным.

«Перница! – сообразила вдруг Роза. – Великие судьбы, это же Перница! А я еще хотела спросить у нее, как мне вернуться домой!»

Но на Розе лежали очень сильные чары, и она не могла сбежать или стряхнуть их с себя. Она ощущала, как туман сдавливает ее, а змеекрысы извиваются и попискивают. Но на миг ее руки принадлежали только ей, и она стиснула ладонь Катрионы, а горгулью прижала к груди, словно щит. А затем бегущие, спотыкающиеся шаги, которые то слышались, то затихали во время речи Перницы, раздались прямо у нее за спиной, и когда взгляд Перницы мимолетно скользнул в сторону, отвлекшись на нежеланное вмешательство, Пеони проковыляла мимо нее, пошатываясь, словно пьяная, и ее рука протянулась к похо-

жему на стилет веретену...

...Перница открыла рот и воздела руки, чтобы произнести проклятие, которое сотрет Пеони в порошок, и, невзирая на Катриону и всех обитателей псарен лорда Прена, швырнуть Розы вперед, на это острие, как на копье, которое оно так напоминало...

...когда наверху, над головой Перницы, зашевелилось нечто огромное и белое, расправляя широкие крылья, и издало яростный клич охотящегося меррела, от которого заledenела кровь у старших егерей, знавших, что он слишком мудр и осторожен, чтобы ринуться на человека...

...и Перница, не заметившая меррела или, возможно, не зная, что существо, издавшее этот звук, не нападет на человека, да к тому же приковано короткой цепью, достаточно прочной, чтобы его удержать, запнулась всего на мгновение...

...и Пеони коснулась острия веретена, коротко вскрикнув, когда оно прокололо кожу на ее указательном пальце, и выступила первая яркая капля крови, и сперва Пеони упала на колени, хватаясь за опору прялки, а затем, оставляя на ней кровавый след, рухнула на пол...

...и тогда раздался оглушительный грохот, и пол как будто вздыбился под ногами Розы, и она уже не чувствовала ни горгульи в одной руке, ни ладони

Катрионы в другой, ни собак, снующих у нее под ногами...

Больше ничего не помнила.

Часть пятая

Глава 20

Она по-прежнему дышала в такт с Пеони.

Что ж, это был добрый знак, – выходит, обе они были еще живы. Но, определенно, вовсе не ее легкие качали воздух в грудную клетку и из нее, отчего она – отстраненно, смутно – испытывала легкую тревогу. Она никогда прежде не ощущала себя настолько безвольной, дыша вместе с Пеони. Возможно, она просто очень устала. Она действительно очень устала. Она так и лежала минуту или две, наслаждаясь возможностью не утруждаться даже собственным дыханием.

Сейчас она не могла вспомнить, почему так устала. Она попыталась мысленно вернуться назад, но разум оказался таким же вялым, как и все остальное. Этот последний сезон в Двуколке выдался более хлопотным, чем обычно, и впрямь из-за каких-то необычных волшебных неурядиц, осложнявших жизнь всем... каждому... особенно в Туманной Глуши... Ее память опасно накренилась и отшатнулась обратно, отдавшись дрожью во всем теле. Она едва не начала сно-

ва дышать сама, ей показалось, что она услышала, как измученный, отчаявшийся голос пробормотал: «Давай же, Рози...» – но затем вновь опрокинулась в странное, окутывающее ее безволие. Но ей почти удалось вспомнить, что сейчас ранняя весна, а не середина зимы и что она каким-то образом упустила из виду три месяца...

Дышала с Пеони?

Она охнула, и это был ее собственный вздох, вместе с которым она осознала, что чьи-то пальцы зажимают ей нос, а чей-то рот сперва накрывает ее рот, вталкивая воздух ей в глотку, а затем отстраняется, позволяя ей выдохнуть. Снова, и снова, и снова – и это продолжается уже некоторое время. Когда она охнула, пальцы ослабили хватку.

– Рози? – окликнул ее хриплый голос.

Было темно, или, возможно, ее глаза оказались слишком вялыми, чтобы смотреть, как легкие были слишком вялыми, чтобы дышать. Тем не менее она ощутила изрядный вес чужого тела, склоняющегося над ней, и губы, легонько задевшие ее щеку, когда они произнесли ее имя. Ей хотелось ответить и заодно спросить, кто здесь, но она не смогла. Она продолжала дышать, прерывисто, как будто обучаясь новому навыку. Рука, проскользнувшая под ее плечи и поднявшая ее в сидячее положение, показалась ей зна-

комой, как и волосы, пощекотавшие ей щеку, и запах дыхания и кожи ее спасителя. Не Катриона. Не Тетушка. Не Бардер. Не Пеони.

Нарл.

– Нарл? – изумленно спросила она.

Или ей показалось, что она это произнесла, но голос слушался ее немногим лучше, чем глаза или отяжелевшие руки и ноги.

Она чувствовала, что он озирается – возможно, для него темнота не была такой уж темной, – ощущала его настороженность, бдительность, пока он стоял рядом с ней на коленях, поддерживая рукой за плечи. Она не могла вспомнить. Эти выпавшие три месяца, платья, дыхание в такт с Пеони...

Айкор. Вудволд. Празднование дня рождения принцессы.

Перниция.

У нее с губ сорвался испуганный писк, и она содрогнулась, несмотря на незаслуженное блаженство в объятиях Нарла.

– Пока что мы в безопасности, – шепнул он ей на ухо. – Скоро нам нужно будет уходить, но сейчас продолжай вспоминать, как дышать самой. Если потребуется, я смогу некоторое время тебя нести. Хотя никому из нас это особенно не понравится. – Он издал звук, отдаленно напоминающий смешок. – Но перед

этим нам придется решить, куда мы идем.

Ей потребовалось еще несколько вдохов, чтобы собраться с силами и заговорить.

– Где мы? – спросила она.

– По-прежнему в большом зале. Ты там же, где упала, после того как попросила разрешения воспользоваться собственным веретеном, – снова это подобие смеха, – и Пеони с меррелом так своевременно вмешались.

– А что здесь делаешь ты?

Заминка оказалось столь краткой, что Розы засомневалась, была ли она вообще.

– Приглядываю за своим коновалом. Как-то вяло пошли дела в эти последние три месяца.

Розы вспомнились слова Бардера: «Шутят, что Нарл не возьмется подковывать лошадь, принадлежащую незнакомцу, потому что иначе ему придется называть цену».

– Я тебя не видела, – заметила она.

– Да.

Ответ в лучшем духе Нарла. Розы невольно улыбнулась и почувствовала себя чуточку лучше. Она почти могла встать. Не вполне.

– Почему так темно?

– Все лампы погасли – и огонь в очаге, – после того как Пеони коснулась веретена и пол встал на дыбы.

Скоро уже рассвет.

– Пол встал на дыбы?

– Да. Похоже, ему хотелось избавиться от Перниции.

По крайней мере, сейчас он притих и снова стал походить на пол. Роза опять сосредоточилась на дыхании, дожидаясь зари, и попыталась насильно влить в конечности хоть немного сил. Она чувствовала, как руки лежат у нее на коленях, обмякшие, словно спящие щенки, а ступни болтаются на ногах, как будто не представляют, для чего они предназначены. Она не слышала никаких звуков, кроме своего и Нарла дыхания и слабого урчащего, отдающегося эхом шума, который тоже изрядно напоминал дыхание и доносился как будто со всех сторон. Она едва не уверилась, что он ей мерещится. Затем решила, что нет, и задумалась над шелестящей тишиной.

– Где... где все остальные? – наконец со страхом поинтересовалась она.

– О, они тоже здесь, – буднично сообщил Нарл. – Просто они все спят.

– Спят? – переспросила Роза. – Как я спала?

– Они дышат, – уточнил он.

Сон – брат смерти.

– А Пеони дышит?

На этот раз перед ответом он точно немного помол-

чал.

– Рози, я... я не знаю. Перница схватила ее, когда пол обернулся вокруг нее – в смысле, вокруг Перницы, – а затем швырнул, как рука швыряет мячик. Пеони она забрала с собой. Затем двери захлопнулись наглухо, и стало темно.

Она закрыла лицо ладонями и прислонилась к плечу Нарла. Одна его рука приобняла ее за плечи, а другая мягко погладила от макушки до лопаток, потом еще раз и еще. Она с горечью вспомнила множество ночей, когда лежала без сна и мечтала как раз о такой нежности и таких объятиях, а теперь, когда это случилось...

– Рози, милая, – произнес Нарл, – мы отправимся за ней. Подожди только, пока хоть немного рассветет, чтобы мы видели, что делаем.

Рози открыла затуманенные глаза и выглянула из-за плеча Нарла. Не начали ли еще плотные черные тени отделяться от серого воздуха?

– Должно быть больше света, – заметил Нарл, как будто в ответ на ее мысли. – Я чувствую, что солнце уже поднялось над горизонтом.

Взгляд Рози праздно сосредоточился на клочке тьмы, превратившейся в странно неровную серость. Она предположила, что, должно быть, смотрит на гобелен на стене с удивительно контрастным и ярким

узором, – забавно, что она не помнила ничего подобного, но, возможно, он появился совсем недавно, с прибытием короля со свитой. Или, может, какой-то всплеск волшебства Перниции окатил стену, изменив цвета на гобелене?

Рози моргнула и нахмурилась. Нарл смотрел в другую сторону.

– Нарл... глянь-ка сюда.

Он осторожно выпустил ее и обернулся. Рози оперлась на руки и не поддавалась желанию снова рухнуть во весь рост на пол. Они оба присмотрелись к стене, лицом к которой она сидела, и обнаружили новые крупные неравномерно серые прямоугольники, разделенные одинаковыми промежутками. Нарл медленно встал, нагнулся и поставил на ноги Рози. Та обнаружила, что может стоять.

Рози оперлась на руку Нарла, и они принялись медленно пробираться между темных груд, в которых угадывались человеческие тела, а случайное мерцание или блеск выдавали, что они облачены в лучшие праздничные наряды. Картина выглядела жуткой и при этом сказочной: в повседневной жизни магия никогда не бывала настолько всеобъемлющей.

Серые прямоугольники оказались окнами, а утренний свет не мог сквозь них пробиться из-за густого сплетения колючих ветвей сразу за ними. Нарл при-

думал все шпингалеты для стеклянных окон Вудволда, а многие из них сам и сделал, поэтому не мешкая распахнул ближайшую створку и осторожно высунул наружу руку.

– Это дикие розы, – сообщил он таким озадаченным голосом, какого Роза никогда у него не слышала. – Шиповник. Огромная живая изгородь, как будто он растет тут вот уже лет двести.

– Вудволд, – заключила Роза.

Она подумала о мыслящем, прислушивающемся присутствии дома в последние три месяца. О том, с каким подозрением он относился ко всему, чего не понимал, – а он мало что понимал о большинстве созданий, свободно перемещающихся по земле, – но хранил верность своей семье, какими бы недолговечными и непрочно стоящими на ногах ни были ее члены, и был непреклонен в стремлении их защитить. Она вспомнила, как он бормотал: «Роза».

– Вудволд нас защищает.

Нарл еще мгновение постоял молча, глядя на дикие, непроходимые заросли шиповника, многие стволы которого не уступали толщиной его запястьям, а шипы – клыкам гончих.

– Вудволд защищает сон своих людей, – наконец уточнил он. – Но и держит нас в плену. Мы должны отправиться за Перницией не только ради Пеони,

но, я думаю, и для того, чтобы все эти люди могли проснуться снова.

– Мы? – переспросила Роза.

Он это уже говорил. Она одновременно воспарила и упала духом, голова несколько закружилась – впрочем, возможно, дело было просто в остатках тумана, окутывавшего ее прошлым вечером – если это и впрямь был прошлый вечер, – и в колдовском, отравленном сне.

– Катриона... А Кэт тоже спит?

Предполагалось, что Кэт отправится с ней. Предполагалось, что Кэт поможет ей оставаться в живых достаточно долго, чтобы...

Она отвернулась от поддерживающей ее стены, осторожно шагнула прочь от нее и от Нарла и обнаружила, что тело снова становится послушным. Еще она начинала больше вспоминать об окончании бала. Если она очнулась там, где упала, значит и Катриона должна лежать там же...

Так и оказалось. Сперва Роза заметила, как блеснула ее верхняя юбка – глубоким изумрудным цветом, который так удачно оттенял темные волосы. Пытливый солнечный луч пробился сквозь заросли шиповника, нашел зелень и решил поиграть с ней, соскальзывая в складки и мерцая на плавных изгибах тела Катрионы. Роза опустилась рядом с ней на колени. Лицо

Кэт выглядело умиротворенным, а дыхание звучало медленным тихим посапыванием, которое Рози помнила по Тетушкиному домику, где они втроем спали в одной комнате. Одна из гончих лорда Прена уютно, как на подушку, пристроила голову на подол, закрывающий ноги Катрионы, – животные тоже уснули. Рози взяла Катриону за плечо и бережно встряхнула.

– Кэт... – окликнула она. – Катриона!

Та даже не шелохнулась.

– Рози, – из-за спины окликнул ее Нарл, – я не...

– Нет, – отозвалась Рози, и по ее щеке скатилась слеза.

«Предполагалось, что ты пойдешь со мной, – подумала она. – Ты обещала».

– Нарл, а ты почему не спишь?

Она услышала, как он переступил с ноги на ногу, как будто от неловкости, но когда заговорил, голос его прозвучал спокойно и невозмутимо:

– При мне есть кусочек... холодного железа, который мне подарили давным-давно. Когда я делал свою кузнечную цепь, я приварил его к ней. Он дает защиту кое от чего. Сон наколдовала она, но, я так понял, Вудволд вмешался прежде, чем она закончила работу. Можно сказать, она попросту не успела меня заметить.

Нарл не лгал, но и всей правды тоже не говорил.

Рози обернулась и посмотрела на него. Он не стал встречаться с ней взглядом, а вместо этого отвернулся к сумрачному пейзажу зала: гряды холмов, образованные спящими телами, резкие, угловатые утесы мебели, редкие проблески солнечного света...

Рози попробовала было проследить за его взглядом, но не смогла: картина оказалась слишком жуткой, слишком... призрачной. Шелест дыхания вполне мог оказаться шепотом неуспокоенных привидений. Она снова посмотрела на Катриону, спящую с полуулыбкой на губах, коснулась ее щеки, слабо надеясь, что та проснется, и понимая, что этого не случится. Она подумала о Тетушке где-то там, в большом зале, и об Айкоре, и обо всех королевских магах и феях, даже Сигил, поверженных сном, – самых могучих чародеях королевства. Спали все, кроме Нарла. И ее самой, дышавшей его дыханием.

– Нарл, скажи мне правду, – попросила она. – Я имею в виду, оставшуюся часть.

Нарл сел на пол рядом с ней, взял ее руку и принялся перебирать пальцы. Жест совершенно не в его духе.

– Я фея, – признался он наконец. – Разве ты не знала?

Разве она не знала?

– Я... Конечно, я не знала. Ты не можешь быть фе-

ей, – заявила Рози. – Ты же кузнец.

Снова молчание.

– Так иногда случается. Ты же знаешь эти истории.

– Они все многовековой давности!

– Так случается, правда не слишком часто.

Рози умолкла, ошеломленная. Она отобрала у него руку, обхватила собственные колени и уткнулась в них лицом. Она попыталась придумать что-нибудь, что по-прежнему оставалось бы собой, после трех последних месяцев, после прошлого вечера, после признания Нарла.

«Ох, Дрок, – подумала она. – Ты ошибался. Я вовсе не та, кто я есть. Как и все остальные. Кроме того, все они спят».

Ей хотелось рассмеяться, но она подозревала, что, начав, не сможет остановиться.

– В этом зале спит множество фей, – заметила она вслух. – Почему не ты?

– Я не знаю.

– Это будет долгий разговор, – сурово сообщила Рози, когда стало очевидно, что он больше ничего не собирается говорить. – Почему ты считал, будто я должна знать, что ты фея?

– Животные знают.

Рози вдумалась в его слова. Животные действительно должны были знать, но верно было и то, что

они не стали бы делиться такими сведениями без веских на то причин. Возможно, они сказали бы ей, если бы она спросила, но ей и в голову не мог прийти подобный вопрос. Это подразумевало, что сам Нарл не умел разговаривать с животными, иначе он бы и сам все это знал. Она покраснела и нахмурилась: было бы слишком унижительно вдруг выяснить, что ему вовсе не нужен был перевод, когда он просил ее о таковом.

Он внимательно наблюдал за ней и заметил промелькнувшую гримасу.

— Прости, Роза. Я никогда никому не рассказывал. По крайней мере, с тех пор, как ушел из дома, а это случилось давным-давно. Большую часть времени я сам об этом не вспоминаю.

Роза, все еще хмурясь, покачала головой.

— И почему же? Ты, очевидно... ну, ты должен быть весьма хорош, — предположила она, обводя рукой окружающий их зал.

Нарл поморщился:

— Я провидец.

О! Провидцы славились своей ненадежностью. Хотя обычно они рассказывали чудесные истории, а многие зарабатывали на жизнь как сказители. Становилось понятно, почему Нарл вообще так мало говорит. И пошел в кузнецы.

– Но... разве от работы с железом у тебя не начинается ломота в суставах?

– Нет, – вздохнул Нарл. – Это у меня семейное.

– Что у тебя семейное? – переспросила Роза, сдерживая раздражение.

– Мы феи-кузнецы. Все эти старые истории, они в основном про мою семью.

Роза вытаращилась на него. Истории про фей-кузнецов обычно повествовали о восьмифутовых великанах, которые раскидывали таралианов небрежными ударами рукояти топора или ночь напролет подковывали лошадей королевской кавалерии, чтобы та могла пересечь разлившуюся реку прямо по воде и встретиться на другом берегу с весьма удивленной армией противника... А еще был рассказ о провидце из Прендергастов, решившем, где следует возвести Вудволд.

– Этот... кусочек холодного железа, – вспомнила Роза. – Откуда он взялся?

Нарл потянул за короткую цепь, висящую у него на шее, на ощупь отыскивая нужное звено. Смотреть там оказалось не на что. Остальная часть цепи была выкована как положено, а в щепоти он держал маленький неровный железный бугорок, какой-то бесполезный обломок, который не имело смысла приберегать для других нужд.

– Он из этих мест, – пояснил Нарл. – Откуда-то. Мы с лордом Преном родственники примерно в сороковом колене.

– Ты поэтому перебрался сюда?

– Нет, – покачал головой Нарл и, чуть помешкав, добавил: – Но ведь и Роулэнд явился сюда не в поисках принцессы.

Что, если... Нет. Нарл поселился в Туманной Глуши задолго до того, как Катриона вернулась с именин принцессы с ребенком на руках. Но... много ли видит провидец? Ей вспомнились некоторые истории, услышанные от провидцев-сказителей. Судя по ним, много. Много ли видит провидец в истинном прозрении, если предположить, что ему известно о его достоверности? Достаточно ли для того, чтобы понять: ради спасения принцессы – ради спасения королевства – чей-то правнук в сороковом колене должен оказаться в заложенном этим кем-то большим зале одиннадцать веков спустя?

– А лорд Прен знает?

– Нет. Но мне кажется... Вудволд знает. По-моему, он узнает вот это, – пояснил он и дотронулся пальцем до маленького железного бугорка на своей цепи.

Нарл глубоко вздохнул, словно человек, готовящийся в одиночку броситься на превосходящие силы противника, и заговорил взхлеб:

– Рози, я не очень хорошая фея. Кузнец из меня вышел куда более справный. Тебе было бы лучше – намного лучше – с Кэт. Или Тетушкой. Или даже с Айкором. Беда Айкора в том, что в тебе самой, в Рози, он видит отражение. Настоящая для него – принцесса. Рози он никогда не понимал.

Рози уставилась на него. До сих пор она считала, что он никогда не встречался с Айкором, не говоря уже о том, чтобы слышать, как тот говорит о принцессе, или видеть их вместе, или...

– Нарл... как ты узнал, что Пеони... что я... что я и есть принцесса?

Он заговорил так, будто оказался посреди битвы и каждое его слово было летящей в него стрелой.

– Я всегда знал. Я понял, что с тобой не все так просто, в первый же день, когда ты вошла в кузницу – ростом по колено лошади, которую я подковывал, и болтливее, чем белка. Понимаешь, провидцы видят, и даже худшие из них понимают, когда видят правду, даже если с ними это случается редко. А на кузничном дворе все правдиво. Как будто тебя было две: плотная, которая все время разговаривала и любила лошадей и прочих животных, и какое-то... свечение в форме человека, следующее за тобой словно тень, только радужное, повторяющее все твои действия. Не знаю, когда я понял, что это означает. К тому

времени, как я понял, я уже знал. — Он взъерошил волосы жестом Розы, выражающим досаду. — Как будто я наконец-то узнал название птицы или цветка, которых видел каждый день или каждую весну. Розы. Принцесса. — Он мгновение помолчал и добавил: — Твоя природа принцессы сияла так только в кузнице. Я смотрел. Вот почему я никогда не говорил об этом Тетушке или Кэт. Я только... э-э-э... я устроил все так, чтобы моя кузница особенно успешно застила глаза другим феям радугами и свечением. Даже Нурле видит их, когда заносит выстиранное белье. Любой, кто заметил бы следующее за тобой сияние, списал бы его на это. Провидцы умеют показывать другим такие же ложные видения, как и их собственные. — Он снова чуть помешкал, а затем веско заключил: — Я помогу тебе всем, чем смогу, но могу я не так уж и много.

Розы покачала головой:

— В историях все не так. Феи-кузнецы всегда бывают ужасно сильными.

— Это все сказки, — пояснил Нарл. — А я настоящий.

— Совсем как я, — грустно отозвалась Розы. — Я тоже настоящая. Только не знаю, настоящая кто.

Нарл хотел было сделать какой-то жест — Розы не смогла угадать, какой именно, — но поспешно одернул себя. Она расцепила руки, вытянула ноги и уставилась на свои смятые, пыльные, некогда нарядные

юбки.

– Если мы собираемся идти, мне нужно во что-нибудь переодеться, – сообщила она.

Она глянула на обширное пространство, отделяющее ее от лестницы, и содрогнулась.

– Я тебя провожу, – предложил Нарл.

Дорога до башни принцессы обошлась без происшествий, хотя и приятного в ней ничего не было. Коридоры казались слишком длинными, темными и тихими, а Роза все еще страдала от последствий отравленного сна и чувствовала себя замерзшей и обессиленной. Последний длинный лестничный пролет был и впрямь очень длинным, и она подумала, что без руки Нарла, поддерживающей ее под локоть и едва ли не вздергивающей ее на каждую ступеньку, вероятно, села бы на пол еще у подножия и больше никогда не стронулась бы с места.

Даже в комнате принцессы наверху башни оказалось темно из-за голых веток зимнего шиповника, оплетающих ее окна. Огонь в очаге тоже заснул. Роза неуверенно проковыляла к своему оконному сиденью и кое-как взобралась на приступку, чтобы выглянуть наружу.

– Нарл! – окликнула она.

Тот остался стоять у двери, глядя вверх – должно быть, на Эскву, по-прежнему висящего над прито-

локой. Он присоединился к ней, и вместе они вгляделись сквозь шипастую преграду в обширное беспросветное сплетение блеклых стволов и веток, простирающееся вдаль, окутывающее невидимые стены и крыши Вудволда. Это был безрадостный пейзаж, столь же чуждый и пугающий, как и большой зал с его спящими, но куда менее знакомый, поскольку каждая примета местности, каждая привычная линия крыши исчезла и холодный серый свет лежал поверх них, словно блестящая водяная гладь.

— Я выглядывала из этого окна ежедневно по несколько раз на протяжении трех месяцев, — сообщила она, осторожно сдвигая мешающую ей ветку толщиной всего лишь с палец в надежде, что так станет лучше видно, — но не могу даже сказать тебе, на что мы смотрим.

Возможно, это из-за густой росы свет так ослепительно сверкает?

— Я не вижу ничего, кроме зарослей шиповника. Не могу даже понять, где начинается парк. Почти как если бы мы парили в облаке — или оказались на острове посреди трясины.

— Надеюсь, что нет, — отозвался Нарл.

Пустая паутина висела в углу оконной рамы. Розы пристально присмотрелась к ней, желая найти на каком-нибудь пересечении нитей крошечный шарик, ко-

торый мог бы оказаться плотно сжавшимся спящим пауком, но так ничего и не обнаружила.

– В чем дело? – спросил Нарл.

– Ни в чем, – пробормотала Роза. – Не могу найти паука. Он был тут с самого начала, с тех пор как мы поселились здесь три месяца назад.

– Возможно, он решил спуститься вниз и посмотреть на бал, – предположил Нарл.

– Тогда, надеюсь, он вышел заранее, чтобы успеть найти хорошую оконную раму, – заявила Роза.

Она слезла с оконного сиденья и принялась рыться в ящиках, стоящих под кроватью с ее стороны. Она запретила горничным прикасаться к ее старой одежде, но после первой недели уже не проверяла. От одного взгляда на любимые башмаки, штаны и кожаную куртку, потемневшую от влажных выражений приязни сотен лошадей, исцарапанную восторгами множества маленьких и средних когтистых лап, ей становилось еще тяжелее на душе. Затаив дыхание, она откинула крышку... Да, вот и ее вещи, сложенные куда аккуратнее, чем она их оставляла. Она так мечтала о возможности – о поводе – снова их надеть... Роза вытащила все из ящика и принялась одеваться. Она обратила внимание на то, что все вещи (кроме куртки, не подлежащей восстановлению) были тщательно вычищены, перед тем как их убрали, и от этого почувствовала се-

бя лишь еще более несчастной. Напоследок она вытащила свой волчок из кармана бального платья и переложила в штаны.

– Идем, – буркнула она приглушенно и решительно уставилась на ноги Нарла, когда тот отвернулся от окна, чтобы снова присоединиться к ней.

Шагнув через порог в коридор, Рози ощутила слабое сопротивление, как будто воздух уплотнился и надавил на нее в ответ. Она приостановилась и подняла взгляд, как и Нарл.

В коридоре было темно, и еще темнее над дверью, но Эсква поблескивал в темноте.

«Эсква умеет рубить и связывать. Если у вас появится нужда в том или другом, он подчинится вашей руке».

Рози едва дотягивалась до нижнего края клинка, даже встав на цыпочки. Ей понадобилась бы табуретка или что-нибудь еще, на что можно встать, чтобы снять его оттуда. Но стоило лишь ей подумать о том, чтобы отправиться на поиски табуретки, как сабля тихонько отделилась от стены и соскользнула ей в руки. Рози так и замерла, уставившись на Эскву – сабли и мечи оставались за пределами ее повседневного опыта.

– Он сойдет за лампу, – предположила она, чуть повернув клинок, как иногда рассматривают при све-

те свечи ограненный драгоценный камень. – Я даже не представляю, для чего еще он может пригодиться. А ты?

Нарл покачал головой.

– Я не учился воинскому делу. И это в твою руку он пришел сам.

«Все спят», – как будто твердили их шаги, пока они спускались обратно.

Рози слегка ослабила пояс и осторожно заткнула за него Эскву. Клинок отбрасывал слабый отблеск им под ноги.

«Все спят. Все спят».

Все спят, кроме них с Нарлом. Все спят. Они шли все вниз и вниз, так же, как прежде поднимались, не слыша ничего, кроме собственных шагов, а когда свернули на последний лестничный пролет, до них донесся тихий равномерный шелест – сонное дыхание сотен людей.

У подножия этой лестницы они остановились. Вправо от них уходил коридор и ряд малых гостиных, которые леди Прен подготовила, чтобы туда могли удалиться усталые и переполненные впечатлениями гости. Судя по слабому стону дыхания, некоторые так и поступили. Слева тянулось несколько коридоров, приводящих в итоге к кухням и погребам. Рози боялась снова заходить в зал, но именно там находились

главные двери.

– Думаю, нам сперва стоит проверить парадный вход? Это не кажется вероятным, но... кто знает, каковы правила в волшебной сказке?

Нарл кивнул, и они поспешно двинулись через зал. Роза пыталась не смотреть на людей, которых они огибали, и в то же время надеялась заметить среди них Тетушку, или Бардера, или даже Айкора или Роуланда. Или Сигил. Она увидела лорда Прендергаста, неуклюже распростершегося на полу. Его нога каким-то образом оказалась закинута на тело человека, в котором угадывался один из королевских волшебников, причем, судя по драгоценным камням, украшавшим его грудь, и увитой лентами золотой цепочке в волосах, весьма важный. Одна из лент свесилась ему в открытый рот, и, вдыхая, он издавал тихий давящийся звук. Роза приостановилась и отвела ленту в сторону.

Путь не привел их к помосту, где все еще стояли король с королевой, когда появилась Перница. Роза постаралась бы его избежать, даже если бы кратчайшая дорога проходила прямо по нему.

Несмотря на стылые и промозглые сквозняки ранней весны (и столкновение несовместимых чар, сдерживающих дым, приведшее к тому, что один из огромных каминов принялся время от времени изрыгать

облака пепла), высокие двери, ведущие в зал, были оставлены распахнутыми с самого начала бала, чтобы люди могли приходить и уходить, когда им вздумается, – в том числе и члены королевской семьи, прогуливающиеся до шатров в парке. (Айкор не был доволен, но признал, что принцесса, образ которой они создали, поступила бы именно так.) Теперь большие створки, открывающиеся наружу, оказались захлопнуты наглухо – Роза задумалась, не стремительно ли разросшимся шиповником. С тем же успехом двери могли бы оказаться стенами. Когда Нарл и Роза попытались на них приналечь, створки лишь едва скрипнули. В одной из больших створок оказалась маленькая дверца, открывающаяся внутрь, и она поддалась, но снаружи шиповник разросся так густо, что не пропускал даже солнечного света. Роза глянула на Эску, как будто клинок мог подсказать ей, что делать, но тот промолчал, а ей не хотелось испытывать саблю Айкора на защите Вудволда. Только теперь она осознала, что еще подразумевает эта тишина, нарушаемая лишь дыханием: сам Вудволд тоже спал. Никто не шептал, «Роза». Двери оказались закрыты для них так же, как и для Перниции.

«Все спят».

Отворачиваясь от дверей, Роза заметила что-то краем глаза. Нарл начал озиаться одновременно

с ней. Движение.

Кто-то с трудом поднимался на ноги. Не на две — на четыре. Хрок. Затем Подсолнух, сука спаниеля. За ней более низкая, шаткая, пьяная тень — Флинкс.

— Флинкс! — окликнула его Роза. — Что ты здесь делаешь? Ты пришел вместе с Кэт? О, я так рада тебя видеть!

Но Флинкс уселся в некотором отдалении от Розы, спиной к ней, попытался вылизать одну из передних лап — и сразу же опрокинулся. Он сердито зашипел и вздыбил шерсть, но и это тоже удалось ему не вполне: часть меха встопорщилась, а часть нет, придав ему одновременно лихой и дурацкий вид. Это ему не понравилось, он зашипел снова, уши плотно прижались к голове, а глаза пылали, словно костры середины лета.

— Прости, Флинкс, — посочувствовала ему Роза. — Я бы тебя погладила, но ты меня укусишь, правда? В таком-то настроении. А если промахнешься, то разозлишься еще сильнее.

Говорила она вслух, поскольку понимала, что эти слова предназначаются больше для ее собственного успокоения, чем для Флинкса. Но по его позе она видела, что он прислушивается и ее умиротворяющий тон будет принят в расчет.

Очнулись еще несколько гончих: Мило, Таш и Фру.

Таш лежал у стула Рози каждый вечер с тех пор, как она прибыла в Вудволд, а когда сквозняки выдавались особенно неприятными, то и поверх ее стоп. Фру был романтиком и обожал Рози за то, что та оказалась принцессой, чем немного напоминал ей Айкора.

И Дротик. Она не знала, что Дротик явился на бал, и даже не подозревала, что такое вообще возможно: он больше не уходил далеко от своего трактира. Он вынырнул из темноты в дальнем конце зала, его жесткий короткий мех, темный во времена детства Рози, уже стал белым почти как меррел. Каждую лапу он переставлял с крайней осмотрительностью. Двигался он ровнее всех прочих, как будто привык следить за ненадежным телом, а последствия отравленного сна были ничуть не хуже, чем обычные немощи старческого возраста. Он подошел прямо к Рози, без малейшего колебания встал (хоть и слегка неуклюже) на задние лапы и положил передние ей на плечи. Так он неизменно приветствовал ее с тех пор, как ей сравнялось десять и она стала достаточно сильной, чтобы выдерживать его вес. Больше ни с одним человеком он так не поступал. Но больше ни один человек не делал первые шаги, цепляясь за его хвост.

Когда он снова опустился на пол, Рози заметила за его плечом еще одну приближающуюся тень, очень

маленькую, вполовину меньше Флинкса. Дрозд.

Дрозд двигался медленно, но не спотыкался. Он подошел к Розе и положил голову ей на ботинок. Он весил так мало, что она и не почувствовала бы его там, если бы он сперва не встретился с ней взглядом. Но Дрозд большую часть жизни провел в качестве ручной собачки и многое успел узнать о том, как сообщить о своем присутствии людям, причем даже тем из них, кто, в отличие от Розы, не мог с ним разговаривать.

Она, Нарл и их потрепанная, шатающаяся, дрожащая компания замерли посреди разоренного зала, пытаясь придумать, что им делать дальше. Собаки, не подавая виду, что как-то согласуют свои действия, вились вокруг, пока все не развернулось более или менее в одном направлении. Что-то легонько стукнулось в лодыжку Розы, робко потеребило верхний край ее ботинка, она наклонилась (осторожно, учитывая Эскву), чтобы взять на руки Дрозда, – и обнаружила пару мышей, глядящих на нее умоляюще.

«Нас тоже, – попросили они. – Насс тоооже».

Их беззвучные голоса показались ей знакомыми.

«Вы из Туманной Глуши, – сообразила Роза. – Как вы сюда попали? Где ваши братья и сестры, родные и двоюродные?»

«Они по-прежнему в Туманной Глуши, – ответили

мышы. – Мы приехали в твоём... ящике».

(Тут последовал яркий вид изнутри, с мышиной точки зрения, на ящик, полный не слишком хорошо уложенных пожитков и довольно быстро движущийся.)

«Когда ты перебралась сюда».

«Зачем?»

«Чтобы быть рядом с тобой, принцесса, – объяснили они, удивленные, что им пришлось дать столь очевидный ответ. – Мы все хотели приехать. Но подумали, что тебе... не пойдет на пользу, если вдруг... нас окажется гораздо больше в этом другом месте. Поэтому мы... выбрали».

Дрозд завил хвостом.

– Ну ладно, – уступила Розы, – раз уж это твои друзья. Интересно, знает ли леди Прен?

Она устроила Дрозда в самом большом из своих карманов, подставила ладонь мышам и, когда они, щекочась, взобрались туда, сыпала их поверх песка.

Флинкс уже двинулся в путь, к лестнице в дальнем конце зала, решительно, пусть и слегка нетвердо, пробираясь между спящими.

– Туда? – спросила Розы.

– Не вижу, почему бы нет, – отозвался Нарл.

Флинкс повел всю компанию по коридорам, прочь от парадных гостиных, вниз по широким истертым

ступеням, в кухне, где огонь спал вместе с поварями, лакеями, служанками и мальчишкой, приставленным вращать вертел. И кошкой. Флинкс посмотрел на спящую кухонную кошку с презрением. Роза задержалась, чтобы подвинуть мальчика, который непременно поджарится, если огонь проснется раньше его, а Нарл спас повариху, собиравшуюся медленно утонуть в миске с тестом.

– Не думаю, что мы осмелимся прикоснуться к еде, – уточнила Роза.

Нарл покачал головой, и они продолжили путь.

Флинкс шагал уже увереннее, указывая им дорогу, а Дротик шел рядом с ним. Но, начав спускаться по очередному лестничному пролету, они погрузились в темноту настолько густую, что Эсква поблек до призрачного полумесяца и больше не отбрасывал света. На стенах наверняка крепились факелы, но у них не было огня, чтобы их зажечь.

– О, но... – начала было Роза.

Нарл, державшийся на шаг позади нее, взял ее за руку.

– Я могу провести тебя сквозь тьму, – успокоил он. – По крайней мере, сквозь эту.

Она обхватила пальцами его широкую ладонь и двинулась следом. Все животные держались вместе, достаточно близко друг к другу, чтобы касаться

соседей и никого не потерять. Перед тем как темнота окончательно сделалась непроглядной, Хрок отстал от Дротика и втиснул голову под другую ее руку. Они добрались до основания лестницы и продолжили путь. Под ногами ощущалась грубая каменная кладка, и Роза высоко поднимала ноги, словно упряжная лошадь. Нос ее, уши и кожа по движению воздуха угадывали проемы других проходов. Она задумалась, по-прежнему ли Флинкс с Дротиком возглавляют их отряд и следует ли Нарл за ними.

Как ни странно, она ощущала себя в полной безопасности, пока ее ноги медленно, осторожно, вслепую шагали во тьму незнакомого туннеля. С легкой тоской она думала обо всех остальных подземных проходах, о которых хотела бы узнать побольше. Здесь были корни Вудволда, здесь он был основан. Возможно, ей удалось бы услышать... некую сокровенную, тайную речь и та рассказала бы ей что-то необходимое, научила бы ее какой-нибудь старой, но действенной уловке, которую можно было бы использовать против Перниции, уловке настолько древней, что сама Перниция успела о ней забыть, уловке, которую мог оставить им в помощь предок Нарла одиннадцать веков назад.

К этому времени смоляная чернота сделалась достаточно густой и осязаемой, чтобы считать ее пя-

той стихией, несправедливо исключенной из обычного перечня: не воздух или вода, не земля или огонь, но тьма. Роза остановилась и прислушалась, ее спутники остановились тоже, и обострившимися из-за слепоты прочими чувствами она ощутила, как они поворачивают голову в поисках того, что ее беспокоило.

Но вокруг царила тишина. Вудволд тоже спал. Тут, внизу, Роза не сомневалась, что могла бы услышать то, от чего наверху до нее доносились только отзвуки в стенах. Перница даже Вудволд погрузила в сон. Но Нарл не заснул и разбудил ее. И Хрок тоже бодрствовал, и Мило с Ташем и Фру, и Флинкс с Дротиком, и Подсолнух с Дроздом и парой мышей из Туманной Глуши. А что насчет живой изгороди из шиповника?

Она простояла еще с минуту, прислушиваясь, выжидая. Остальные хранили терпение, поскольку она была их принцессой.

Собаки, разумеется, уловили это первыми. Она почувствовала, как настораживаются уши, головы и шерсть на загривках поднимаются, а макушка Хрока загудела от беззвучного рычания. Затем и они с Нарлом тоже расслышали тихий топоток маленьких лапок в тишине коридора.

Лисица. Даже человеческие носы смогли опознать этот запах.

«Я пришел сюда, чтобы быть рядом с принцессой, — сообщил зверек, остановившись в некотором отдалении от них. — Вы позволите мне пройти?»

Собаки не шелохнулись, когда лис приблизился, не расступились, но и не преградили ему путь. Мягкие передние лапки коснулись колена Розы, а холодный нос — запястья.

«Зель, — узнала она. — Ты еще прыгнул на руки Пеони той ночью. Айкор посмотрел на тебя и... Но откуда ты пришел?»

«Не знаю, — ответил он. — Я только что проснулся. Было темно. А потом я услышал вас. Можно мне пойти с вами?»

«Да, — разрешила Розы, — но ты знаешь, куда мы идем?»

«К Перниции, — разом вздохнули все беззвучные собачьи голоса вокруг них. — К Перниции».

«Я готов, — мгновение помолчав, заявил Зель. — Я пойду».

Они продолжили путь, а затем тьма начала потихоньку рассеиваться, и Розы смогла разглядеть собачьи головы и спины. Потом небольшой клочок мрака сделался Флинксом, по-прежнему указывающим дорогу. Им снова встретились ступеньки, и они начали подниматься. Запах подсказал, где они, еще до того, как их ноги коснулись поверхности: запах ухоженных

лошадей и закромов с зерном в амбаре, куда вела лестница.

Длинная конюшня была погружена в полумрак, стволы шиповника заслоняли окна. Дверь во двор в конце тянувшегося посередине прохода осталась открытой, но сквозь нее просачивалось немногим больше света. Хотя сам путь ничто не преграждало, колючие ветви свешивались с притолоки и обвивали косяки, а спутанная зеленовато-серая масса живой изгороди маячила совсем близко.

Лошади тоже спали, и конюхи лежали в проходах — некоторые из них рухнули прямо на упряжь или попоны, которые куда-то несли. Роза встревоженно покосилась на ряд вил, висящих на стене, но единственные отсутствующие, как выяснилось, безвредно выскользнули из обмякшей руки, которая их держала.

Все лошади спали. У нее не было никаких оснований ожидать чего-то иного. И это не она привела сюда их отряд, а Флинкс, или Дротик, или Нарл. Возможно, это был просто кратчайший путь из кухонных подвалов к поверхности. Возможно, им придется спуститься обратно во тьму и проверить другие туннели. Проверить что? Есть ли там выход? Она сомневалась, что подземный лабиринт Вудволда тянется дальше, чем заросли шиповника.

Неподалеку от них раздалось торопливое шебур-

шание, а затем длинная изящная гнедая морда с соломой в челке выглянула поверх дверцы стойла – Резвый. Роза бегом бросилась к нему – оказывается, она снова способна бегать, – чтобы выпустить наружу, и обняла его за шею. Затем они отправились на поиски Дрока. Когда они до него добрались, конь как раз справился с собственной дверцей.

«Полезный навык, – заметил он, – но я стараюсь пользоваться им не слишком часто, опасаясь, вдруг кто-нибудь узнает, что я на это способен. Именно так я и пришел к тебе той ночью, три месяца назад».

«А Резвый?»

Резвый горделиво встал на дыбы – не слишком изящно, поскольку сон еще не до конца оставил его, но, похоже, оба коня пострадали от него меньше, чем те, кто сомлел в большом зале.

«Резвый просто перепрыгнул через загородку. Он молод, пылок и любит тебя, принцесса».

Резвый укусил ее за плечо, ласково и не слишком сильно. В полосатом сумраке Роза окинула взглядом своих друзей.

«Одна принцесса по принуждению, считающая себя коновалом, – подумала она, – два коня, несколько гончих псов, спаниель, очень маленький терьер, лис, парочка мышей и кот. И фея-кузнец, утверждающий, что кузнечное дело дается ему лучше. И мы со-

бираемся противостоять злой фее, намеренной уничтожить всю нашу страну, а все те люди, которые могли бы нам помочь, крепко спят. Думаю, что мы хотим именно противостояния. Не знаю. Предполагалось, что этим займется Катриона. Ох... Не думаю, что есть смысл искать дорогу к хлевам или птичникам, чтобы подобрать там корову и нескольких кур. Интересно, что случилось с веретеном Перниции, когда... когда Вудволд вышвырнул ее из зала».

Бессознательно Роза нашарила рукой в кармане дружественный деревянный волчок.

Она посмотрела на Нарла и поняла, что тот догадывается, о чем она думает.

— Ты представляешь, что нам делать дальше?

Тот покачал головой.

— Боюсь, это тебе решать, — заключил он после недолгого молчания. — Несмотря на мое железо, от давления здешней магии я тупею. Здешних магий. Отчасти именно поэтому. Они трутся друг о друга, словно части неудачно сделанного инструмента, который ты вынужден использовать, — и ты не знаешь, которая деталь рассыплется на кусочки первой, но уверен, что обязательно что-то сломается. Я, скорее всего, сумею предупредить тебя, если равновесие опасно сместится, но не более того. Я уже говорил, что от Кэт тебе было бы больше проку. Но... тут должен

быть какой-то выход, даже если я не могу его придумать. Волшебство не всесильно.

«Верно, – подумала Роза. – Оно может всего лишь убить тебя, или разрушить твою жизнь, или уничтожить все, что хоть сколько-нибудь для тебя важно. Отлично».

Весь остаток того, что можно было считать утром, хотя свет и не менялся, как в обычный день, ушел у них на исследование ближайших границ зарослей шиповника. Ни Нарл, ни Роза не верили, что в них отыщется проход, но проверить стоило, как и двери большого зала. Они попросили коней оставаться на месте, сразу за порогом конюшни, где под сводом шиповника образовался просвет размером с ее двор в Туманной Глуши. Прочие – меньшие – животные и двое людей принялись исследовать внутренний край живой изгороди.

Прохода и впрямь не обнаружилось. Бывали места, где тонкое решительное существо могло осторожно проскользнуть на некоторое расстояние, – когда просвет отыскивался между одной из стен и зарослями, древняя выщербленная кладка Вудволда лишь немногим мягче обходилась с человеческой кожей и одеждой, чем колючки шиповника, – но и эти лазейки никуда не приводили. Даже мыши сообщали, что не могут пробраться дальше чем на несколько дю-

жин длин их тел.

«Есть в этой ограде что-то тягучее, – заметил Хрок. – Как в поводке, сделанном из сыромятной кожи. Он поддается, и тебе уже кажется, что на него можно не обращать внимания, но далеко он тебя не отпустит. Он сделан, чтобы тебя удержать».

Несколько раз Роза пыталась заговорить с Вудволдом, но ответа не было. В напряжении и тревоге нынешних обстоятельств она могла бы поверить, что никогда не слышала, как он повторяет: «Роза. Принцесса», никогда с жутковатой уверенностью не ощущала, как дом наблюдает за ней. Но сейчас молчание Вудволда казалось не бессловесным, а лишенным голоса, пойманным в ловушку, скованным. Роза смотрела на непроходимые заросли и вспоминала себя в последние три месяца.

«Интересно, что могла бы обнаружить птица, взлетев над этой... тюрьмой? – подумала она. – Возможно, какой-то ответ скрывается в том, что мы вовсе не видели птиц».

Она вздохнула. Становилось трудно не обращать внимания на голод и жажду. Они не продержатся долго, если так и не отважатся напиться. Ее взгляд тоскливо задержался на бочке с водой, стоящей за порогом конюшен.

Роза попыталась вспомнить что-нибудь из разго-

воров Тетушки и Катрионы о разрушении заклятий. В Двуколке такое требовалось не слишком часто, но время от времени все же случалось.

– Никогда не атакуй чары в лоб, – наставляла Тетушка. – Так они сильнее всего. Тебе следует вынюхать, где у них слабые места. У любых чар они есть, нужно только их найти – и, конечно же, суметь ими воспользоваться. Если в заклятие вложено много сил, таким, как мы с тобой, разрушить его не удастся.

«Волшебство не всесильно. Думай! Мы не можем выйти через двери – ни в доме, ни в конюшнях. Мы не можем пробраться сквозь заросли. Снова туннели? Сомневаюсь. Ни один из тех, других проходов не ощущался более... более... Перниция наверняка хочет меня найти, она должна понимать, что ее обманули. Она должна понимать – потому что Пеони должна быть еще жива. – Тут мысль Розы запнулась. – Пеони еще жива, и мы должны ее найти. Перниция... не стоит сейчас думать о Перниции.

Но она накрыла нас сном, а Вудволд окружил живой изгородью. Мы в безвыходном положении.

Волшебство не всесильно.

Интересно, что могла бы обнаружить птица?

Мы еще не пробовали подняться вверх».

Рози посмотрела на низкий сучковатый свод, на ослепительно-серые просветы, а затем перевела

взгляд на Эскву.

«Эсква умеет рубить и связывать».

Ей не хотелось рубить шиповник, охраняющий Вудволд, но разве садовник не подвязывает ветви, растущие там, где они не к месту? Она снова посмотрела на густое, устрашающее сплетение сверху и вокруг нее и покачала головой, но все же положила руку на Эскву, и тот снова скользнул ей в ладонь.

«Связывай, – велела она ему. – Ты можешь расчищать просвет, в который нам удалось бы выглянуть?»

Рози подняла клинок над головой, его острое проскользнуло между переплетенными сучьями, и она почувствовала, как он дрожит, словно охотничий пес, замерший в стойке. Раздался скрип, затем скрежет и шорох... Ветви шиповника затряслись. Прямо над головой Рози образовалась крошечная дыра и начала расти. Ветви извивались по-змеиному и сворачивались в клубки, как веревки. Эсква потянул ее за руку, вжимаясь лезвием в заросли так, словно ладонью заворачивал складку на ткани. Рози принялась ходить по краю расширяющегося круга, и просвет, о котором она просила, становился все больше и больше, пока двор перед конюшнями не оказался почти полностью расчищен...

Вдруг Эсква запнулся, дрогнув у нее в руке, и его острое соскользнуло с края просвета. Рози увидела,

что его лезвие почти полностью истаяло – до полумесяца, не намного превосходящего шириной гобеленовую иглу. Она ошеломленно подняла взгляд на раздвинутые ветви шиповника и увидела, что они действительно связаны тонкой, серебристо мерцающей нитью, похожей на паутинку.

«О, – сообразила Роза. – О. Спасибо. Прости. Я... думаю, мне следовало спросить. Я не знала, что мне еще делать. Надеюсь, Айкор может сделать так, чтобы ты снова растолстел».

Она ласково погладила пальцем обратную сторону длинной изогнутой гобеленовой иглы, некогда бывшей саблей, а затем направилась в конюшню и повесила ее в петлю для ножен на парадном седле Дрока – на самое почетное место, которое смогла найти.

Потом Роза снова вернулась во двор и уставилась на небо, присоединившись к остальным, которые смотрели туда, с тех пор как просвет только-только появился. Высоко над головой его затягивала тонкая облачная пелена, скрывающая солнце, и сияние от этого казалось еще ослепительнее. Само небо было странного, почти лилового цвета.

«Но верх остается верхом, – подумала она. – И я не представляю, из чего мы можем соорудить лестницу».

Маленькие мягкие лапки снова коснулись ее коле-

на, а нос Зея ткнулся ей в ладонь. Она глянула на лисенка, и тот поднял мордочку, подсказывая ей, куда смотреть. Затем рука Нарла протянулась над ее плечом, указывая на один из участков неба, странный, угловатый облачный завиток, напоминающий высокий узкий замок почти без окон, стоящий посреди обширной пустоши. Там необычный цвет прямо-таки бросался в глаза, как будто именно оттуда просачивалась лиловая, пурпурная, фиолетовая краска, пятная весь небосвод.

– Даже если ты прав... – начала Роза.

«Даже если вы все правы, – продолжила она, – а я, честно говоря, не верю, что... э-э-э... особа, которую мы должны найти, могла покорить небо, – как мы туда попадем?»

«Допрыгнем», – заявил Резвый.

Роза уставилась на облачный завиток, который тем больше походил на замок, чем дольше она на него смотрела. У нее начало ломить шею.

«Дыра действует в обе стороны, – подумала она. – Мы можем выбраться наружу. Или Перница может проникнуть внутрь».

– Но... – снова начала Роза.

– Знаешь, я сомневаюсь, что это небо, – заметил Нарл.

– Да, – согласилась Роза. – Мне... мне тоже так

кажется. Я даже не фея и из-за этого чувствую себя непроходимой душой, а еще как будто все вот-вот развалится.

Она задумалась на мгновение, но думать было особенно не о чем. Где она предпочла бы встретиться с Перницией? Здесь? Или где-то еще? Не здесь. Здесь спят Катриона, Тетушка, Бардер, королева, король и принцы, и Прендергасты, и Айкор, и, должно быть, Сигил. Разбудить их невозможно, а защищает их всего лишь немного колючек.

– Резвый считает, что мы можем допрыгнуть, – сообщила Роза.

– План не хуже любого другого, – отозвался Нарл.

«Лучшие прыгуны прыгнут, – развил мысль Резвый. – Это Дрок, я и гончие. Остальным придется ехать верхом. Кот пусть залезет в мешок. Они всегда выпускают когти, даже если обещают этого не делать».

«Я прыгну сам, – пренебрежительно отмахнулся Флинкс. – Я прыгаю лучше любой огромной уродливой твари со слишком длинными костями, слишком короткими усами и твердыми плоскими лапами».

Нарл рассеянно потирал царапину на щеке, оставленную колючкой шиповника.

– Погодите минутку. Мы все устали, хотим есть и пить. Усталость и голод можно еще некоторое вре-

меня потерпеть, но, думаю, нам стоит проверить воду в бочке, прежде чем мы... попробуем что-нибудь еще.

— Мы не рискуем, — отозвалась Роза. — Если мы заснем, не останется никого, чтобы...

«Я попробую воду, — вызвался Дротик. — Я слишком стар, чтобы прыгать, и слишком велик, чтобы ехать верхом. Если я от нее засну, что ж, по крайней мере, меня больше не будет мучить жажда».

«Дротик...» — расстроено начала Роза.

Он уже направлялся к бочке с водой.

«И если я засну, — добавил он с бесстрастным спокойствием, которое так легко дается животным и кажется таким невыносимым человеческому самомнению, — то мне не придется смотреть, как вы уходите без меня».

Все следили за тем, как Дротик поднялся на задние лапы, поставил передние на край бочки, изогнул длинную шею и принялся лакать. В тишине двора этот звук казался оглушающим, как громовой раскат. Он долго пил, пока полностью не утолил жажду, а все наблюдатели с завистью сглатывали пересохшими глотками и пытались не глазеть слишком уж пристально, высматривая признаки сонливости, когда он снова встал на все четыре лапы. Конь сел, почесался, зевнул...

Все затаили дыхание.

Закончив зевать, он уставился на них в ответ.

Прошла минута... две... три...

«Как долго нам стоит выждать?» – задумалась Роза.

Четыре минуты... пять...

«Думаю, – заключил Дротик, – что эта вода – просто вода».

Все разом ринулись к бочке. Роза нашла для себя и Нарла кружки конюхов.

«Никаких слюней», – одернула она Резвого, едва успев отпихнуть его морду в сторону.

Флинкс на мгновение перестал сдержанно лакать, воззрившись на Резвого с недовольством, достойным дворецкого Прендергастов, созерцающего лакея, который только что уронил супницу.

Они приготовились к прыжку в небо.

Дрок забрал Нарла и Зея. Крупные псы – все, кроме Дротика, – выстроились по обе стороны от него, дожидаясь Розы. Она опустилась на колени перед Дротиком и положила ладони на его узкие плечи. Тот лизнул ее в нос.

«Все в порядке, – заверил ее он. – Я буду вас ждать».

«Мы скоро вернемся», – пообещала Роза, понимая, что это всего лишь бесполезное человеческое притворство.

Но Дротик ее пожалел.

«Да», – только и сказал он.

Рози встала, отворачиваясь от старого друга, легонько погладила карман, в который вернулся Дрозд с парой мышей. Они ощутимо дрожали. Похлопала по карману с веретеном, чтобы придать себе смелости, а затем взглянула на Резвого.

«Я не умею ездить верхом», – призналась она.

«Знаю, – отозвался Резвый. – Держись за мою гриву, и пусть Подсолнух сидит между твоими руками. Можешь свалиться, когда мы приземлимся, но не вздумай падать посреди прыжка».

Нарл с явным удобством устроился на спине Дрока. Рози, пытаясь сообразить, как бы ей самой вскарабкаться на Резвого, недоумевала, каким образом он забрался туда. Более крупный, мускулистый конь превосходно подходил более крупному, крепкому всаднику. Нос Зея, выглядывающий поверх руки Нарла, и его же хвост, свисающий из-под нее, несколько смазывали впечатление, но выглядели они так, будто сошли с одного из гобеленов в большом зале Вудволда, изображающих благородные деяния Прендергастов на протяжении веков. Только теперь Рози заметила, что Нарл – как и все, кто накануне присутствовал на балу, – был нарядно одет, хотя его костюм уже слегка обтрепался о колючки шиповника. Она и не знала,

что у него есть выходная одежда. Роза решила, что не заметила этого прежде, потому что он держался в этом наряде непринужденно, как и на спине Дрока, в отличие от нее самой, за три месяца ношения дамских платьев ни разу не почувствовавшей себя в них удобно.

«Да ладно, – подумала она. – Кого это заботит?»

Но ее это заботило. Одежда Нарла, черная, коричневая и серая, состоящая преимущественно из кожи, сидела на нем слишком хорошо, чтобы оказаться одолженной. На горделивом Дроке его можно было принять за кого угодно. Только цепь кузнеца его и выдавала.

Она вспомнила о Пеони, которая всегда выглядела изящной, безмятежной и опрятной, задумалась на какое-то мгновение между вдохом и выдохом, сможет ли она возненавидеть свою подругу, но решила, что нет. Интересно, не надеется ли Нарл, что если он спасет Пеони... Она попыталась представить себе Нарла романтическим кавалером: как он преклоняет колено перед возлюбленной, бережно берет ее ручку и осыпает поцелуями... К собственному замешательству, она расхохоталась.

Нарл тут же оглянулся, с весельем в глазах.

– Это несколько труднее на тощей жерди вроде той, что досталась тебе, – сообщил он, предположив, что

она смеется над собственными попытками оседлать коня, – но вон там стоит бочонок, которым воспользовался я. Ты же не считаешь меня одним из этих превосходных наездников, которые запрыгивают в седло с земли, правда?

Резвый подошел к бочонку следом за Рози и спокойно подождал, пока она не заберется ему на спину.

«Хорошо. Теперь свесь ноги настолько прямо, насколько получится, и убери с моего хребта свои седалищные кости».

Она торопливо передвинулась вперед и поманила к себе Подсолнух. Та прыгнула с бочонка к ней на колени с несколько избыточным энтузиазмом, вследствие чего едва не рухнула с другой стороны.

Рози невольно подслушала быстрый разговор пары коней – щелк-щелк-щелк – о напряжении мышц и расчете прыжка. Разъяснять это для людей, которые могли их услышать, они не потрудились. Флинкс не обращал на них внимания, но Хрок добавил что-то, явно имеющее отношение к более коротким ногам и легкому весу гончих. Поскольку в звериной речи словарь в человеческом смысле был не особенно велик, межвидовое общение, до тех пор пока тема касалась обеих сторон, оставалось вполне возможным, хотя и несколько грубоватым. Затем они выстроились в ряд, мордами и лицами в одну сторону, глядя

на замок над зарослями шиповника. Резвый вздрогнул, изгибаясь, словно кошка, готовящаяся к броску, и Роза ощутила, как просел его круп, когда он собрался с силами. Она ухватила за его гриву так крепко, как только смогла, придерживая Подсолнух, и попыталась втиснуть ноги в неглубокие впадины за выступами его плеч. А затем он рванулся в воздух.

Глава 21

Они летели, словно птицы. Мощный толчок задних конских ног давно уже выдохся, но что-то увлекало их дальше, все быстрее, как будто они скользили вниз по склону. Вот только до земли было далеко, они поднимались выше и выше, и воздух уже сделался разреженным и ледяным. Но... Поднимались ли они? Что-то неладное творилось у Розы с чувством направления, и мир, или небо, или и то и другое вращались вокруг нее.

Роза зажмурилась, но так стало еще хуже. Она снова открыла глаза и увидела выросший прямо перед ними замок в фиолетовых потеках. Казалось, они мчатся прямо на него...

– Нет, – не то произнесла, не то выдохнула она, – так неправильно, слишком быстро, не сейчас.

И она бросилась вбок со спины Резвого, позволяя Подсолнух спрыгнуть следом, и всем телом ударилась о землю – о какую-то поверхность, – но не рискнула перекатываться из-за маленьких зверьков в одном кармане и жесткого веретена в другом. Дыхание перехватило, и еще мгновение она пролежала оглушенной, не в силах подняться на ноги.

Все остальные приземлились сразу же после нее.

Резвый потерял равновесие и завалился на бок. Дрок споткнулся, пошатнулся, но устоял, а Нарл наполовину соскользнул с его спины, наполовину позволил себя сбросить. Зель соскочил сам. Большинство гончих покатались кубарем. Рози не видела, как приземлился Флинкс. Он попался ей на глаза лишь спустя минуту или чуть больше, когда беззаботно приближался к остальным, но за ухом у него торчало несколько прутиков, похожих с виду на вереск, а на боку виднелась длинная грязная полоса. Похоже, Зель единственный так ни на миг и не утратил самообладания. Подсолнух было попросту нечего утрачивать. Она уселась рядом с полуоглушенной Рози и лизнула ее в лицо. Дрозд и пара мышей выбрались из кармана и улеглись, тяжело дыша. Рози тоже пыталась кое-как набрать воздуха в ушибленную грудь. Флинкс сел и принялся умыться.

Рози помотала головой и через силу поднялась на ноги. Резвый подошел к ней, двигаясь чуть скованно.

«Кто-нибудь пострадал?» – спросила она.

Резвый мотнул головой.

«Нет, – сообщил Дрок. – Только погладило против шерсти».

Они остановились на своеобразной границе между чахлым леском у них за спиной и почти пустынь-

ной равниной, поросшей редким низким кустарником, впереди. Вокруг виднелись рассеянные по местности стоячие камни причудливых устрашающих форм, наклоненные под странными угрожающими углами.

Сам замок поднимался над пустошью, словно самый крупный из камней.

Стояли сумерки, но рассветные, закатные или какие-либо еще, сказать было невозможно. Низкие лилово-серые тучи и здесь тоже скрывали движение солнца. Свет был тяжелым, тусклым и совершенно не походил на дневной, к какому все они привыкли, — хуже, чем слепящее серое сияние укутанного в шиповник Вудволда. Они бессознательно придвинулись поближе друг к другу.

Рози посмотрела на лес у них за спиной, гадая, имеет ли он какое-либо отношение к зарослям вокруг Вудволда. Составляли его деревья, а не кустарник, хотя таких деревьев она никогда не встречала, и они показались ей недружелюбными — своего рода растительной версией тяжелого, неестественного света. За ними не ощущалось ничего: ни постройки, ни холма. Рози присмотрелась к темноте между деревьев и уверилась, что та обитаема и за ними наблюдают, хотя ничего не смогла разглядеть, а те немногие шорохи, которые до нее доносились, можно было объяснить блуждающим вокруг ветром.

– Это место... липкое от колдовства, – негромко сообщил Нарл. – Я его чуть ли не кожей чувствую, словно ветер с песком, а стоит рот открыть, оно облепляет язык. Думаю, ни у одной домохозяйки в Туманной Глуши не найдется амулета, способного с ним справиться. Вот почему и свет, и земля, и эти деревья выглядят и ощущаются неправильно. Ты знаешь, что за нами следят из леса?

Рози кивнула.

Они еще немного постояли, сбившись в кучку. Рози перестала созерцать низкий зловещий лес и повернулась к высокому недоброжелательному замку. Оглянувшись через плечо, она заметила первую пару глаз, мерцающую в тенях, – тоже лилово-серую. Заговорить с обладателем этих глаз она не попыталась.

– Идем же, – произнесла она и с удовлетворением отметила, что голос прозвучал ровно. – У нас назначена встреча в другом месте.

Рози двинулась вперед, Нарл держался с ней рядом, а животные потянулись следом. Она успела сделать три или четыре шага, когда поняла, что пересекла некую границу: она перенесла вес на переднюю ногу, стопу начало покалывать, и на краткий миг небо, замок или какой-то участок пространства между ними и Рози, на который она смотрела, исказился и превратился в лицо Перниции. Та улыбалась. Затем от улыбки

ки остался только вытянутый клок облака, и вторая нога Розы сама по себе двинулась вперед и встала на землю, и ее тоже начало покалывать, хотя Перница больше не появлялась. Дрозд и мыши завопились в кармане, как будто тот внезапно съежился.

Нарл ничего не сказал, но, когда животные пересекли границу, кони всхрапнули и замотали головой, Флинкс зашипел, а пару шагов спустя Нарл тихо охнул, когда ему на плечи прыгнул Зель, чуть поерзал и обернулся у него вокруг шеи, словно воротник. Подсолнух негромко твякнула, гончие промолчали, но под рукой Розы внезапно снова образовалась собачья голова, и она с радостью зарылась заледеневшими пальцами в длинный мех на загривке Хрока.

Ей казалось, что дорога через пустошь не могла занять много времени, поскольку в конце пути ей хотелось есть ничуть не сильнее, чем в его начале, а теперь, больше не испытывая жажды, она все измеряла в переводе на голод. Впрочем, возможно, она уже настолько проголодалась, что дальше некуда. Свет тоже не изменился – не стал ярче, но и не померк, но ей казалось, что свет в здешних краях еще хуже свидетельствует о прошедшем времени, чем ее желудок. Тем не менее дорога представлялась долгой, а страх перед окончанием путешествия зачастую его сокращает.

Но все же они пришли.

Замок был окружен рвом, но воды в нем не было. Стоя на краю и глядя вниз, Роза не смогла толком различить, что в нем находится. Он казался очень глубоким, а внизу виднелись... камни? какие-то валуны? Нечто сероватое, бурое или фиолетовое, бугристое, отбрасывающее какие-то тени. Но почему-то они выглядели странно смазанными и... Неужели они шевелятся?

— Я бы не стал и дальше вглядываться в этот ров, — заметил Нарл тем же мягким тоном, каким говорил раньше, но Роза вскинула голову, как будто он на нее прикрикнул.

Они повернулись, чтобы обойти ров и замок кругом, но странное, вымученное, неуравновешенное ощущение из разряда «что-то находится прямо у тебя за спиной, но всегда прячется, когда ты оборачиваешься посмотреть» внезапно сделалось гораздо сильнее, и все начали запинаться, спотыкаться, хотя земля не была такой уж неровной, и озираться в поисках чего-то несуществующего. Кони то и дело всхрапывали дребезжащим, раскатистым фырканием, подразумевающим «мне это не нравится», а собаки издавали тихие ворчащие звуки, не бывшие ни лаем, ни рычанием. Подсолнух и Таш, младший из гончих, забылись настолько, что начали поскуливать, но все

остальные притворились, будто не обращают внимания.

Флинкс вновь откуда-то вынырнул и принялся вить-ся вокруг щиколоток Розы. Его мех оказался полон искр, и они болезненно жалили ее сквозь штанины, которые потом липли к ногам и натирали кожу.

«Ну и чего ты хочешь?» – спросила Розы, слишком усталая, голодная, встревоженная и нетерпеливая, чтобы вспомнить, что подобные вопросы не стоит задавать никому, тем более коту.

Тот резко замер, и Розы едва о него не споткнулась, а Хрок раздраженно гавкнул. Флинкс не обратил внимания на пса, но одарил Розы обиженным взглядом. Она нажала основанием ладони на переносицу, как будто пыталась затолкать поглубже нежеланные мысли.

«Прости, – обратилась она к Флинксу. – Мне никогда не давалось... Небо сегодня очень лиловое, не правда ли?» – ни с того ни с сего прибавила она.

У нее сложилось впечатление, что Флинкса ее слова скорее позабавили, чем умиrotворили, но он перестал тереться о ее ноги и некоторое время трусил с ней рядом. Розы чувствовала, как он думает, но молчал он достаточно долго, чтобы она успела заметить: он единственный из них не путался в собственных ногах. Флинкс явно понял, что она заметила, и удовле-

творенно отреагировал в смысле «ну наконец-то».

«Вещей, которых тут нет, – сообщил он, – нет тут по-разному. Некоторые из них почти что есть, а других почти нет вовсе».

Она чувствовала, что Флинкс прилагает величайшие усилия, стараясь выразаться понятнее, но так и не смогла придумать ответ более подходящий, чем «спасибо».

– По-моему, – заметил Нарл, – что-то меняется.

Рози ощущала, как в левый бок ее толкает нечто бугристое, словно в нее врезался мешок, полный камней, но там ничего не было, хоть ей и пришлось с силой налечь на это ничто, чтобы не врезаться в Дрока. Сам Дрок двигался как-то косо, будто ему что-то упиралось в левое бедро, а Фру изогнулся дугой, как будто что-то очень узкое давило ему в середину правого бока. Никто из них, кроме Флинкса, не мог идти спокойно. При словах Нарла все резко остановились. Флинкс сел и принялся безразлично распушать хвост.

– Флинкс говорит, что вещей, которых здесь нет, нет здесь по-разному, – пересказала Рози.

– Да, – медленно согласился Нарл. – Это место кажется... неуместным. И все, что тут есть, тоже неуместно.

– Вот только... Похоже, равновесию Флинкса это ничуть не мешает, – заметила Рози.

– Возможно, кошки всегда неуместны, – предположил Нарл.

Флинкс при помощи Рози уловил суть высказывания, задумчиво посмотрел на Нарла и вновь обратил все внимание на хвост.

Вдруг он остановился, не закончив дела, и настороженно уставился в определенную, ничем не занятую точку. Рози встревоженно проследила за его взглядом. С большей или меньшей неохотой ее примеру последовали все остальные.

Рози не смогла решить, на что это было похоже: на то, что открылась невидимая дверь и выпустила их, или на то, что они попросту возникли из пустоты. Чем бы они ни были, смотреть на них оказалось тошно – не из-за их отталкивающего вида, но так тошно, как бывает человеку, боящемуся высоты, заглядывать за край глубокого обрыва. От одного взгляда на них начинала кружиться и болеть голова, внезапно исчезало понимание, где верх, а где низ, и хотелось за что-нибудь ухватиться. Вот только держаться было не за что, кроме как друг за друга, а это не помогало, поскольку остальные чувствовали себя точно так же.

Кроме Флинкса. Рози отвела взгляд затуманившихся, ноющих глаз в сторону от них – чем бы они ни были – и посмотрела на Флинкса. Тот по-прежнему сидел, но теперь выпрямившись, наблюдая за тем,

как твари подходят (если «ходить» было подходящим словом) ближе, а они уже подобрались почти вплотную...

«Скажи этому любителю стучать молотом по ногам, чтобы вспомнил о другом своем деле, – внезапно потребовал Флинкс. – Он говорит, что гнет воздух, как железо. Пусть сделает это сейчас».

Затем он вскочил на лапы и вздыбил шерсть, мгновенно превратившись в сверх-Флинкса, крупного, как лесной кот, заорал, издав боевой клич охватом в несколько октав, с каким его сородичи сходятся в драке, и метнулся... к тварям, переворачивающим мир вверх дном, которые надвигались на них.

«Он говорит, что гнет воздух...»

Что? Роза вспомнила, что в кузнице часто ошивались кошки, сидящие по углам, глядящие в пустоту, – но кошки всегда смотрят в пустоту, где бы ни находились.

«Провидцы умеют такие штуки – показывать другим такие же ложные видения, как и их собственные».

– Нарл, – не без труда выговорила Роза, – ты можешь... можешь сделать... можешь сделать много Флинксов?

Нарл уставился на нее. По тому, как он был напряжен, она видела, что ему приходится так же тяжело, как и ей самой. Но она была не такой сильной, и, в то

время как он сцепил пальцы так, что рукава натянулись на вздувшихся мышцах, ее правую руку затыкало куда-то вверх, в пустоту, а левая ладонь пыталась вползти вверх по позвоночнику.

— Еще там, в зале, — пояснила она, — ты рассказывал о провидцах...

Понимание вспыхнуло в глазах Нарла, и он оглянулся на приближающихся тварей и на Флинкса, все еще вопящего и мечущегося взад и вперед под теми их частями, которые как будто касались земли, — они должны были оказаться ногами, но ими не являлись, а те части, что располагались над ними, расходились далеко вперед и в стороны. У Розы, проследившей за его взглядом, мелькнула диковатая мысль, что твари спотыкаются о Флинкса. Или, возможно, они поворачивались, чтобы броситься в погоню, как будто там, откуда пришли, они были чем-то вроде собак и даже в этом месте, которое наверняка казалось им донельзя странным, узнали в коте что-то, что требовало преследования. Но Флинкс был один, а никакой здравомыслящий кот не станет в одиночку набрасываться на стаю собак. Твари уже окружали его...

И тут вокруг возникла дюжина Флинксов, двадцать и дважды по двадцать, и все они плевались и визжали, у всех шерсть стояла дыбом, все они метались туда-сюда среди тошнотворных тварей. Те уже сами на-

чали издавать звуки, похожие на стоны ветра под крышей, и у них оказалось гораздо больше направленных вниз частей, как будто они внезапно отрастили множество новых ног. Так собака ошетиливает шерсть на загривке, но здесь все происходило наоборот. Теперь уже несколько раз по двадцать Флинксов перестали сновать в толпе тварей (Рози удивилась, как всем этим ложным Флинксам удастся не сталкиваться друг с другом, но решила, что, возможно, они просто пробегают друг друга насквозь) и бросились врассыпную, а твари рассеялись и пустились в погоню.

Местность снова опустела, и все в маленьком отряде облегченно вздохнули и расслабились. Необъяснимые, скручивающие их судороги прошли. И Флинкс, судя по его виду весьма довольный собой, вынырнул словно из-под земли незаметно для всех остальных и лизнул напоследок аккуратно приглаженный хвост.

За время стычки с выводящими из равновесия тварями они отошли от замка. Теперь им пришлось оглядеться, чтобы сообразить, где они находятся. Замок каким-то образом оказался у них за спиной. Когда Рози обернулась, отыскивая его снова, Подсолнух заскулила, но звук получился не жалобным, а озадаченным и задумчивым.

Эти твари куда больше походили на людей: прямоходящие, размахивающие чем-то, что могло бы сойти

за руки, опирающиеся на две ноги. Впрочем, по чему они ступали и откуда появились, было не вполне ясно, поскольку они как будто появились прямо из стены без дверей и двигались через ров на уровне земли, хотя встать там было не на что. Они пересекли невидимый мост, а когда достигли неровной кочковатой земли на другом краю, рассыпались так, что теперь приближались к Розе с друзьями строем по дватри десятка существ в ряд. Лиц у них не было. Подобия тел сверху увенчивались чем-то напоминающим голову, но ни блеска глаз, ни неравномерных теней от выпуклостей и впадин прочих черт на них не проглядывало.

Подсолнух принялась лаять и подпрыгивать, метаться туда-сюда перед товарищами, отчаянно вилять хвостом, временами изгибаясь дугой и кружась на месте со слегка скулящим подтягиванием. Так она поступала всякий раз, когда в Вудволд приезжали гости, а она не была на охоте (где она являла собой образцовую, здравомыслящую, преданную легавую собаку и никогда не издавала лишних звуков и не шевелилась без указаний егеря) или не сидела где-нибудь взаперти. Слушалась она примерно половину Прендергастов. Если гостям выпадало встретиться с ней в их отсутствие, оставалось только выдерживать этот шквал самим.

«Эти мои, — известила она Рози. — Скажи фее».

И она скачками понеслась к тварям.

Рози не пришлось передавать ее слова Нарлу. Не успела Подсолнух сделать несколько прыжков, как спаниелей оказалось уже сто, а к тому времени, как она добралась до первого ряда наступающих противников, уже двести. Она наскакивала на тварей, врезаясь им в места, которые могли бы быть их животами или промежностями. Тех, кого Подсолнух сбивала с ног, она тут же принималась немилосердно вылизывать, особенно в области предполагаемых лиц. Вполне убедительно выглядящие руки поднимались в попытках от нее отгородиться. Но она была далеко не новичком в этой игре и знала, как не дать себя оттолкнуть. Тем тварям, которых не удалось сразу же опрокинуть, она забегала за спину и врезалась под колени или в поясницу — из них упали многие, и она принялась вылизывать их тоже. Им явно не нравилось, что их лижут: они корчились и метались, пытались хватать собаку, которой никогда не оказывалось на прежнем месте, — и о них спотыкались те немногие собратья, которых той или иной Подсолнух еще не удалось свалить.

Собак оказалось уже больше, чем тварей, и те из них, кто не был занят лизанием, развлекались тем, что вприпрыжку носились прямо по лежащим

навзничь (или, изредка, ничком – в этом случае ответственная Подсолнух неумолимо подкапывалась под голову, чтобы добраться до места, где должно было располагаться лицо) телам. Они тяжело приземлялись и тут же бросались дальше, карабкаясь или упираясь когтистыми лапами.

Твари, казалось, таяли на глазах, как будто ложные Подсолнухи слизывали с них чары, а кроме чар, в них ничего и не было.

Неожиданно собаки, стоящие на телах своих жертв, начали плюхаться наземь – твари пропадали прямо из-под них. Ложные Подсолнухи тоже стали исчезать. Когда последняя тварь растворилась в воздухе, их осталось шесть, а затем всего одна. Единственная Подсолнух огляделась, убеждаясь, что ее долг выполнен (на мгновение Роза увидела в выражении ее морды верную, исполнительную охотничью собаку), и рысцой вернулась к девушке, широко ухмыляясь и вывалив из пасти язык.

Она любезно приняла поглаживания и похвалы, прижавшись к коленям Розы, а затем Нарла. Гончие все выглядели изрядно смущенными – они всю жизнь отворачивались от выходов Подсолнух, не понимая, как она может быть той же собакой, с которой они вместе бывали на охоте, знающей свое дело. Она оглянулась на них с легким блеском в глазах, прекрасно

понимая, о чем они думают. Затем вздохнула, встала, встряхнулась и перевела взгляд на Флинкса, который смотрел на нее в упор.

Флинкс поднялся и с нарочитой небрежностью, как будто размышляя о чем-то стороннем, двинулся в направлении Подсолнух. Та замерла, наблюдая, чуть приподняв хвост. Кот приостановился и огляделся, словно внезапно обнаружил, что необъяснимое стечение обстоятельств привело его почти вплотную к Подсолнух, а затем прошел оставшиеся несколько шагов до нее и поднял голову. Подсолнух опустила морду, и они соприкоснулись носами.

«Неплохо, – заключил Флинкс. – Очень даже неплохо».

Хвост Подсолнух медленно, величаво качнулся из стороны в сторону.

– Что ж... – спохватилась Роза и потрепала Нарла по плечу тем же жестом, каким только что гладила Подсолнух. – Ты в порядке? Э-э-э... спасибо.

Нарл покачал головой, его свободная рука накрыла и придержала ладонь Розы.

– Роза... – начал было он, но осекся. – Роза, что бы ни произошло...

Он осекся снова и улыбнулся ей непривычной, слегка печальной улыбкой.

«Железнодорожник! Улыбается!» – забормотали жи-

вотные вокруг Розы.

«Чурбан треснул», – заключил Флинкс.

– Я слишком устал и отупел, чтобы выразить это словами, а если бы не так устал и отупел, то не стал бы и пытаться, – снова заговорил Нарл. – Не стоит меня благодарить. Это... для меня честь служить вам, принцесса.

– Не называй меня принцессой! – крикнула Роза, выдергивая руку, чувствуя себя так, будто он закатил ей оплеуху.

– Прости, – устало произнес он, – но нам стоит к этому привыкнуть – разве нет?

Он отвернулся и медленно направился обратно, в сторону замка.

Мгновение спустя она последовала за ним, животные окружили их, и вскоре они уже шли бок о бок, но оба молчали.

Когда они вернулись к краю рва, то обнаружили на песчаном клочке собственные следы, уходящие в другом направлении. Они обошли замок кругом, но, не считая не-двери и не-моста, которыми воспользовались твари, побежденные Подсолнух, не обнаружили ничего похожего на вход.

«Где-то там, – подумала Роза, – ждет Перниция. Наблюдают ли она за нами? Узнала ли она о нас сразу же, как только Эсква раздвинул заросли шиповни-

ка?

Она презирует нас? Встревожена? Она такого от нас не ожидала?

Жива ли еще Пеони?»

Сознание Розы отпрянуло от последней мысли.

«Но предполагалось, что Перниция сама захочет с нами увидеться, – гневно сказала она себе вместо этого, мешая эту мысль с необъяснимым раздражением, какое почувствовала бы, придя к кому-то на ферму взглянуть на лошадь, но не обнаружив ни лошади, ни хозяев дома. – Она должна была сама хотеть с нами увидеться».

Разве она не хочет закончить то, что начала?

Раздражение Розы схлынуло. Она стояла посреди незнакомой местности с несколькими друзьями, и слабый ветер, проносящийся мимо нее, пах пылью и пустотой.

Как построить из пустоты мост и отпереть дверь, которую не можешь найти?

Вокруг них виднелись лишь грязь, песок и камни. И нечто на дне рва, что не было камнями. Роза достала из кармана волчок с горгульей и взглянула на него. Она задумалась о двадцатом подарке, полученном ею на именины, перед самым явлением Перниции – том, который придавал форму ее проклятию. В последний день в Туманной Глуши Катриона рассказала ей

и об этом.

Можно напрясть достаточно нити, чтобы сплести веревку, а из веревки сделать мост.

— Было бы у меня что-нибудь, из чего можно прясть, — вздохнула она и свободной рукой взъерошила волосы в привычном жесте досады или смятения.

— Слишком короткие, — заметил Нарл. — Попробуй-ка мой.

Он выдернул волос из своей шевелюры и протянул ей.

Рози замешкалась. Она помнила, что произошло с тряпичей и вышивальным шелком Пеони. Но спрясть что-нибудь, по чему они все смогут пройти, даже с помощью волшебного дара... и особенно если учесть, что она не умеет прясть... Из наблюдений за Кэт и Тетушкой она знала только, как это выглядит со стороны. Она сжала веретено в одной руке, как будто объясняя себе, или одинокому черному волосу Нарла, или липкому от магии воздуху, чего она хочет, а затем скрутила в пальцах кончик волоса, словно он был овечьей шерстью, из которой она собиралась тянуть нить, и закрыла глаза.

И тут же почувствовала, как что-то вьется между ее пальцами, а волчок все вращался и вращался, пока ее коже не сделалось жарко от трения, и тяжелые витки этого чего-то начали сбегать вниз по ее руке

и грудой ложиться у ног. Наконец веретено выхватили у нее из ладони.

– Хватит! – крикнул ей в ухо почти смеющийся голос Нарла. – Хватит! А представь, если бы я дал тебе два волоса!

Рози открыла глаза. Вокруг высокими шелковистыми волнами громоздилось... нечто. Оно было таким же черным и глянцевитым, как волосы Нарла, и мерцало в тусклом свете, словно дыша. Рози подобрала конец, так и оставшийся лежать у ее ног, и обнаружила, что это гибкий канат, который она могла обхватить только двумя ладонями, но не менее легкий и гнущийся, чем волос Нарла.

– Мы можем сделать из этого мост? – спросила она.

– Мне пришло в голову кое-что получше, – отозвался Нарл. – Я не вижу там дверей, а ты? И готов поспорить, на крыше их тоже нет. Давай выдавим ее оттуда. Уж она-то знает, где расположены двери в ее собственном доме.

Он отдал ей опустевшее веретено, и Рози машинально погладила горгулью по носу, прежде чем убрать его обратно в карман.

– Выдавим?... – переспросила она.

Но Нарл уже принялся отмерять черный канат кусками длиной в руку, бухтуя его у ног, а затем опустился на колени и перемерил заново, щурясь между делом

на замок.

— Не то чтобы лучший глазомер в мире нам тут чем-то помог, — бормотал он при этом себе под нос.

Рози охватили усталость (нет, скорее, изнеможение) и отупение. Она не представляла, что он задумал. Наконец он встал, взяв веревку обеими руками, с отмеренными участками между ладоней, и швырнул...

Канат как будто подхватило ветром и понесло прочь от них, словно единственный волосок на таком легком дуновении, что его не ощутить даже на лице. Некоторое время он закручивался спиралью, а затем поплыл — и остановился, покачиваясь из стороны в сторону, как если бы несущий его ветер ослаб. Нарл приложил ко рту ладони, сложенные рупором, и подул.

Самый центр спирали, словно пробудившись ото сна, взмыл вверх, увлекая за собой вялые петли. Над шпилем замка канат чуть обмяк, провис, а затем упал на крышу, и один конец его запутался в зубах, а другой начал оседать ко рву...

Но Нарл уже обегал ров по краю, расстилая за собой черный канат. Перед тем как скрыться из виду за стенами, он дернул веревку, пустив по ней волну, и Рози увидела, что застрявший конец снова взлетел в воздух и медленно опустился по другую сторону от замка.

Нарл наспех закрепил на поясе свободный конец веревки и по возможности быстро подтягивал к себе другой, птясь в сторону Розы.

— Не думаю, что мы хотим, чтобы он коснулся дна этого рва, — пояснил он и отдал ей длинный конец, а сам принялся отвязывать другой. — Тяни.

Розы озадаченно послушалась. Что может сделать веревка, сплетенная из ничего и одного человеческого волоса, со стенами замка?

Она потянула. Канат как будто сам цеплялся за ее руки, словно он был разумным членом их отряда и сознательно пытался приложить к делу собственную силу. Ей почти слышалось, как он пытается с ней заговорить.

«Если может разговаривать дом, — пришла ей в голову безумная мысль, — почему не может веревка, сплетенная из ничего?»

Она перехватила канат поудобнее, чуть взрыхлила ботинками землю, зарылась в нее каблуками и принялась тянуть.

Какой-то странный дым или туман поднимался теперь от замка или сочился по его бокам. Там, где его стен касалась веревка, прорезалось непонятное головокружительное свечение — обманчивый, ненадежный блеск, непонятный взгляду, так же как непонятен был замок, висящий в небе над зарослями шиповни-

ка вокруг Вудволда. От этого блеска кружилась голова и терялось равновесие, словно от перевернутых тварей, гонявшихся за Флинксами. Или от созданий на дне рва...

«Не смотри на дно рва, – велела себе Роза. – Не смотри на точку, где соприкасается канат, которого не существует, и замок без дверей. Просто тяни. Тяни».

Она покосилась на Нарла. От напряжения его лицо прорезали морщины, и у нее в груди шевельнулось что-то крохотное и глупое... Шевельнулась надежда. Если он считает...

Роза осознала, что едва не опрокинулась на спину. Канат удлинился – или замковая стена поддалась давлению. Вот уж и впрямь: просто, как выжать сыроворотку из камня, словно в сказке про храброго портняжку. Но в сказке он выжимал сыр и только сказал, что это камень. Не думать. Не думать. Тянуть. Она решительно отвернулась от замка и рва, и отступила на шаг, потом на два, чтобы не ослаблять веревку. Дым становился гуще. Он достаточно походил на самый обычный дым, чтобы у нее заслезились глаза, чтобы он забил ей глотку и заставил закашляться. Тянуть. Она бросила взгляд влево: Нарл по-прежнему виднелся в сгущающемся сумраке, но животные позади него превратились в смутные, сбившиеся в кучку

силуэты.

«Мерзкое дитя», – ворвалось в ее сознание.

Рози вздрогнула и могла бы выпустить канат, но тот сам обмотался вокруг ее ладоней. Она стояла, гадая, не попала ли в ловушку, краем глаза следя за тем, как Нарл отступил еще на шаг назад и подтащил свой конец веревки. Ее потянуло за запястья, она уставилась на собственные беспомощные руки, ощутила в кармане вес веретена, касающегося ее бедра.

«Веревка?» – неуверенно окликнула она.

Канат не ответил, но теперь она ощущала себя не в ловушке, а в дружеских объятиях.

«Посмотри на меня».

Рози вздрогнула, испуганная, вцепилась в веревку кончиками пальцев и подняла взгляд. Там стояла Перниция, держа на руках что-то. Кого-то. Пеони.

«Ты ее не получишь! – выпалила Рози, не задумываясь, не думая о том, с кем и как говорит. – Ты ее не получишь!»

Пеони лежала на руках Перниции так, словно весила не больше, чем кукла. Возможно, Перниция была очень сильна. Возможно, сверхъестественный воздух этого места поддерживал Пеони. Возможно, магия отравленного сна заодно лишила ее плоть веса. Рози не сомневалась, что это сама Пеони, а не некое ее подобие. Она не верила, что Перниция способна

создать столь точную копию ее подруги, чтобы Роза сразу же не раскусила обман. Лицо Пеони слегка хмурилось, как будто где-то в глубине своего спящего сознания она знала, что вокруг не все в порядке.

«Ты ее не получишь. Это я тебе нужна».

«Мне не нужна ни ты, ни она. Но получу я обеих».

«Нет. Только не Пеони. Это не ее вина».

«Не ее вина? Не ее вина? Не ее вина, что она согласилась на этот низкопробный, презренный подлог? Не ее вина, что она схватилась за острие моего веретена? Но меня не волнует, ее это вина или нет, так же как не волнует и то, что некая глупая неуклюжая девица родилась первой у короля с королевой двадцать один, а не двести один год назад. Я дожидалась своего часа, и он настал».

Ее слова странным звоном, ревом или треском отдались не то в голове, не то в ушах Розы. Роза никогда толком не понимала, как именно она говорит с животными или как они с ней говорят. Просто что-то происходило сверх обычных звуков и движений, которые люди слышат и замечают у зверей. И у каждого животного был свой говор, свое наречие, слегка отличающееся от остальных. Некоторые – скажем, собаки – разнообразили речь, чихая, взлаивая, рыча, виляя хвостом, прижимая уши, зевая, скребя лапами, припадая к земле, а также производя множество

иных звуков и движений. В то же время у других – например, у большинства насекомых – язык представлял собой почти исключительно последовательности щелчков и жужжаний, составляющие код, к которому у Розы (чаще всего) находился ключ.

Речь Перниции охватывала собой все это, как будто собаки и кошки, коровы и лошади, ястребы и жуки одновременно произносили одно и то же, хотя они не стали бы использовать одинаковые знаки и выражения, а сама Перниция стояла молча и неподвижно, с Пеони на руках. Резким несоответствием казалось то, что ее слова звучали отчетливо и понятно, хотя этого не могло быть. И что-то еще маячило в серо-фиолетовом тумане, который растекался и клубился вокруг замка. Розы слегка пошатнулась, но веревка, туго обмотавшаяся вокруг ее запястий и предплечий, помогла ей устоять.

«Да, я говорю с тобой на этом скотском наречии, которое ты так любишь. Оно тебе подходит, – подтвердила Перниция. – Оно подходит тебе куда лучше, чем любой человеческий язык. Оно подходит тому, во что ты превратилась: в деревенскую дурочку, простушку, звериную девчонку. К тому, что ты есть. Ведь разве ты не стала именно тем, для чего лучше всего пригодна? Разве ты за последние три месяца не провела множество часов, гадая, почему ты такова, какова

есть, почему это так тебе подходит, а жизнь в эти последние три месяца не подходит совсем? Уже одна только мысль о твоём недоумении стоила того, чтобы дождаться твоего последнего дня рождения. Когда я осознала правду, мне потребовалось лишь мгновение, чтобы понять, почему ты так долго скрывалась от меня, в то время как я искала тебя с таким усердием. Я-то искала принцессу».

Рози оцепенело помотала головой. Перниция сказала правду: Розы не была принцессой, но она и так это знала. Она понимала, что Перниция пыталась причинить ей боль, но это ничуть ее не задело. Она задумалась, только ли затем Перниция решила заговорить с ней именно так, на неуклюжем, режущем слух зверином языке, чтобы ее унижить. Перниции и в голову бы не пришло спросить животных, где найти принцессу, а они не ответили бы ей, если бы она спросила. Но поскольку она не догадалась их спросить, то не вздумала и наказывать их за отказ. Слова Перниции не ранили Розы, но страх того, что она может сделать – собирается сделать – с Пеони, жестоко ее мучил.

Она больше не видела ни Нарла, ни животных, ни замка – она осталась в лилово-сером мареве наедине с Перницией, и жизнь Пеони лежала между ними.

«Иди ко мне, — позвала Перниция, и слова ее скулили, ревели, шипели, звенели, щелкали и постукивали. — Иди ко мне. Ты хочешь спасти подружку, так иди сюда и попробуй. У тебя ничего не выйдет, но я потратила на тебя больше времени, чем ты стоишь, и, возможно, зрелище того, как ты потерпишь неудачу, хоть немного вознаградит меня за хлопоты».

Она стремительно нагнулась, и маленькие клубы тумана прыснули в стороны с ее пути, крупные складки ее черно-фиолетово-вишневого одеяния сами собой улеглись иначе, и Роза заметила в них длинные прорехи, оставленные как будто какими-то шипами. Перниция уложила Пеони у своих ног.

Пеони неуклюже развалилась, обмякнув, словно тряпичная кукла или спящий младенец. Ее волосы выбились из-под короны наследницы, которой король увенчал ее голову, и рассыпались вокруг, а из-за чрезмерно пышных юбок бального платья она выглядела совсем крошечной. Они как будто пеной перехлестывали через край чего-то и низвергались в пустоту, хотя Роза не видела ни этого «чего-то», ни пустоты, поскольку все окутывал мутный туман.

Она вспомнила, что находилась всего в нескольких шагах от края рва, когда появилась Перниция, вышедшая из неповрежденной стены замка и вставшая, видимо, прямо на чистом воздухе надо рвом. Есть ли

там по-прежнему ров? А замок? Впрочем, ничто в этой местности не было таким, каким ему следовало быть. И попали они сюда, прыгнув в небо. Но если Перниция рассеяла все это в густой, грязный туман, на чем тогда стоит сама Роза? А если замка больше нет, на чем натягивается канат, по-прежнему удерживающий ее на ногах?

Роза снова помотала головой. Туман оставлял во рту мерзкий вкус. Она попыталась высвободиться из петель каната, но тот не поддался.

«Тебя не существует, – подумала она. – Убирайся. Я должна хотя бы попытаться добраться до Пеони».

Но он ее так и не выпустил. Она шагнула вперед, и веревка извернулась, втиснувшись под ее опускающуюся ногу. Петля обернулась вокруг нее, словно рука, легшая на плечи. Виток охватил щиколотки, оставив едва достаточно места, чтобы передвигаться мелкими шажками. Под ногами что-то вязко проседало, словно болото, в котором вот-вот начнешь тонуть, и ей вспомнилось старое противотрясинное заклятие, давным-давно наложенное на нее Тетушкой, и собственное негодование по его поводу. Это случилось до того, как она стала принцессой, когда она еще понимала свой мир и была в нем счастлива.

Веревка по-прежнему удерживала ее руки, но теперь как будто вела вперед, как сама Роза могла бы

вести норовистую лошадь. Хватка ее была ровной, надежной и уверенной. Рози сделала еще шаг, еще... Если ров все еще оставался на прежнем месте, она должна была уже оказаться над ним. Но идти теперь стало труднее. Ее стопы на ощупь переступали с одной покачивающейся, рыхлой, неровной петли каната на другую и пугающе проскальзывали, и она боялась, что в промежутке не удержится достаточно надежно и нога соскользнет в бездну. Рози хватала ртом воздух и теперь уже цеплялась за веревку так же крепко, как та держала ее, опиралась на ее витки, ощущала под ногами ее узкую податливую округлость, вжималась боками в петли.

Но она все равно проседала или, может быть, не взобралась достаточно высоко. Когда Рози приблизилась к Перниции, ее лицо оказалось почти на одном уровне с Пеони, лежащей у ног ведьмы. Рози протянула опутанные веревкой руки, чтобы коснуться щеки подруги, но тут Перниция громко закричала, отчего то, на чем стояла Рози, задрожало, словно молодое деревце на сильном ветру, и устремилась вниз.

Казалось, что нагибается она очень долго, как будто меррел, пикирующий на добычу с высоты полулиги. Рози следила за тем, как тянутся к ней длиннопалые руки, и подтаскивала к себе Пеони – та скользила, как будто все еще лежала на полированном по-

лу большого зала в Вудволде. Обе девушки опрокинулись назад на податливый канат, и Пеони оказалась отчасти на коленях Розы, отчасти на ее по-прежнему связанных руках. Какая-то часть сознания Розы отметила, что руки Перниции покрыты царапинами, как будто ей недавно пришлось продираться сквозь кустарник. Одна из этих рук задела ее плечо, и Розы вскрикнула, потому что это мимолетное касание ощущалось как удар ножа, и скосила глаза, ожидая увидеть кровь, просачивающуюся сквозь рукав. Затем послышался шорох, что-то мелькнуло мимо шелестящим, щекотным размазанным пятном, и Перниция, издав хриплый, жуткий вопль ярости и удивления, отшатнулась. На ее руке, только что коснувшейся Розы, повис, вцепившись, маленький терьер, а на щеке и подбородке болталась пара мышей.

А потом Розы, вцепившись в Пеони так крепко, как только могла, упала на мягкую веревку, касающуюся ее лица так нежно, словно она лежала на волосах Нарла. Затем она пошатнулась, поскольку петли уступили место паре человеческих рук, и ее ноги ударились оземь. Она больно подвернула лодыжку, но руки надежно ее удержали. Ее и Пеони. Вместе они бережно уложили Пеони на землю, и Розы выпрямилась как раз вовремя, чтобы ее не опрокинула на подругу лошадиная нога, врезавшаяся в бок. Туман сделал

ся реже и теперь плыл мимо нее полосами и клочьями на капризных порывах ветра, заодно треплющих ей волосы и вынуждающих немногочисленную компанию людей и животных теснее жаться друг к другу. Но видела она все равно немного – лишь новые пряди тумана. А рядом стоял Нарл, предлагающий посадить ее на спину коня – Резвого.

– Замка больше нет, – сообщил Нарл, повысив голос, чтобы его можно было расслышать за низким злобным воем ветра. – Твоя веревка обрушила его верхнюю часть, а ветер развеет остатки. Не уверен, что произойдет теперь, но миром дело не кончится. Вскоре она притянет этот ветер к себе и... Тебе нужно убираться отсюда. Если кто и может тебя спасти, так это Резвый, – заключил он, хотя его слова едва не сдуло ветром еще до того, как ей удалось их расслышать, а затем добавил что-то еще о животных, которые задержат погоню. – Вперед!

– Она хочет добраться до нас обеих! – крикнула Роза, прижимаясь к шее Резвого и вцепляясь ему в гриву под нарастающими ударами ветра.

Теперь он нес с собой множество голосов: ноющих, вопящих и причитающих. Неужели все это голос Перниции?

Нарл опустил на колени, схватил ее за щиколотку и вскинул вверх, забросив на спину Резвому рывком,

от которого у нее больно дернуло бедро.

– Ты что, не слышишь их в ветре? – спросил он. – Это ты им нужна – нужна Перниции. Она захватила Пеони только как заложницу – потому что не дотянулась до тебя. Они последуют за тобой, но не станут отвлекаться на нас, и к тому же я могу им внушить, что нас там нет вовсе. Нам всем нужно покинуть это место – оно рушится вокруг нас. Держись человеческой дороги! Помни! А теперь поезжай. Вперед!

Ей едва хватило времени зарыться обеими руками в гриву Резвого. По возможности вытянувшись вдоль спины коня, она ощутила, как необузданная сила выплескивается и за несколько шагов разгоняет его до полной скорости. Ветер пытался скосырнуть ее, словно нож, счищающий с яблока кожуру. Повсюду вокруг слышалось, как злые чары в бессильной ярости Перниции нарастают до визга, способного расколоть вдребезги мир.

Резвый может ее спасти? От чего? Зачем?

На некоторое время ее внимание полностью поглотили ощущения от езды на Резвом: его пугающая мощь, то, как он толкается задними ногами, пластается в воздухе, сжимается, готовясь к следующему скачку, – и как все это слито в единое движение и превращается в головокружительную скорость. Роза много раз видела, как он бежит. После того как она успешно

его урезонила, ее звали наблюдать за его выездкой, а поскольку главный конюший видел, насколько Резвый рад встречам с ней, ее приглашали как талисман на удачу на редкие забеги, о которых время от времени неосмотрительно просили лорда Прендергаста владельцы других лошадей. Вдоль берега реки тянулась полоса ровного открытого луга длиной примерно в полторы лиги, которая и использовалась как скаковая дорожка, потому что лорд Прендергаст не желал посылать Резвого соревноваться в другие места, заявляя, что и так ничуть не сомневается в его быстроте. А Резвый настолько очевидно превосходил скоростью любую лошадь, с какой ему доводилось состязаться, что ни один хозяин проигравшего скакуна не решался обвинить лорда Прендергаста в жульничестве.

Рози вспомнила, как стояла рядом с Резвым перед очередным таким забегом. Она даже не пыталась с ним разговаривать: его мысли были полны мелькания сверкающих образов бега. Он хотел бежать, ждал, когда же наконец побежит, состоял из одного только бега с натянутой поверх гнедой шкурой. Поэтому она подняла взгляд на лицо его наездника и заметила удивительное выражение решимости, которое застыло там, когда он взялся за поводья. У него был вид человека, собравшегося прыгнуть в пропасть.

Тогда она этого не поняла. Зато поняла сейчас.

Но кто-то бежал за ними – множество кого-то, хотя Резвый их опережал. Роза смутно различала позади гладкие спины других лошадей, собак, волков, лис, лесных кошек, оленей. Резвый обгонял их всех. Мельком она видела более медлительных животных: коров и овец, медведей и барсуков – и меньших зверьков: выдр, куниц, кроликов, ежей и кошек, – а в крошечных полосках угадывала мышей, полевок и белок. Вверху она едва различала контуры птиц, летящих среди облачных клочьев, и мечущиеся тени, которые, вероятно, были летучими мышами.

Роза казалось, что все они бегут и летят в одном направлении и Резвый несется среди них, словно корабль по морю, но ей трудно было что-то утверждать с уверенностью, поскольку ветер, бьющий им в лицо, высекал из ее глаз слезы. Пока они мчались, она осознала, что все те, кто бежит с ними рядом, расчищают и удерживают для них путь и что помимо животных, ее друзей, за ними спешат создания, которые не настроены дружелюбно и остановят ее, если смогут.

Теперь, сообразив, на что смотреть, Роза изредка замечала, как злобные лица, грубые или изящные, угловатые или округлые, вытянутые или приплюснутые, принадлежащие людям, полулюдям, гоблинам или чертям, глядели на нее из-за рядов друзей, а руки,

когти или жгучие чары тянулись к ней, когда она проезжала мимо. Но никому из них не удавалось до нее добраться.

«Держись человеческой дороги», – велел ей Нарл.

Они мчались по пустынной местности, похожей на окрестности замка, а затем среди деревьев, то разбросанных редко, то сбившихся в рощицы, но всегда перед Резвым лежал открытый путь, открытый и почти прямой. Казалось, его копыта едва касались земли, перед тем как он срывался в новый невероятный прыжок. Надо держаться человеческой дороги. Роза не могла сказать, мчатся они по дороге или нет, – знала лишь, что путь выбирали животные.

Туман медленно рассеивался, а свет становился ярче, и местность сделалась уже не такой плоской. Сквозь развевающуюся гриву Резвого Роза заметила склон холма, показавшийся ей знакомым, а затем они пролетели мимо небольшой, но приметной долины, бередившей ее память, пока она не сообразила: они пересекли границу Двухолки, отделяющую ее от пустошей, куда никто не ходил. Теперь они мчались по землям, где король Харальд сражался с огненными змеями. Долина, которую они только что миновали, называлась Драконьей Чашей, и образовалась она, когда огненные змеи в гневе расплавили землю, не сумев одолеть короля. Она не бывала

в этих краях с раннего детства – раньше Тетушка собирала здесь бдет, но в последние годы перестала им пользоваться.

«Слишком уж дальняя дорога для моих старых косточек», – как-то пояснила она Рози.

Для них троих это был недельный крюк в ежегодной осенней вылазке за всем необходимым, из чего потом Тетушка с Катрионой целую зиму мастерили амулеты или что запасали на следующий год.

Резвый мчался настолько быстро, насколько ему позволяла земля под ногами, но Рози заметила, что дышал он все тяжелее, а его шея и плечи взмокли. Она не знала, как долго они скачут, но и сама устала держаться, хотя галоп коня был ровным. К тому же они оба слишком давно ничего не ели. Путь, лежащий перед ними, сужался, и на нее смотрело все больше и больше злобных лиц. Ее друзья уже не бежали рядом, а выстроились по сторонам, пытаясь смыкать ряды и не подпускать тварей Перниции.

Первого беса, которому удалось прорваться, Резвый обогнул, почти не сбившись с шага, но второй оказался крупнее, а третий был уже не один, а встал против нее с шестью товарищами. Резвый собрался с силами и перепрыгнул через них. Рози мотнуло вперед, когда они приземлились, но она удержалась на его спине.

«Где мы? – подумала она. – Резвый – даже Резвый – не мог пересечь всю Двуколку. Но тогда где мы сейчас? Может, воинство Перниции уже захватило Двуколку? Что происходит в Туманной Глуши, в Вудволде?»

Но Резвый бежал по землям Двуколки. Они мчались по знакомой ей дороге из Мглистой Запруды в Конец Пути.

На влажной шкуре Резвого выступили жилы, Рози видела, как раздуваются его алые ноздри, и слышала его хриплое дыхание.

«Резвый, – попыталась она его окликнуть, – Резвый, помедленнее, сбавь ход, ты же так убьешься!»

Но он не ответил, даже не дернул прижатым к голове ухом.

«Он прав, – подумала Рози, – если они меня поймут, для всех нас все будет кончено. Но что, по его мнению, я смогу сделать, даже если вернусь в Вудволд? Если мы, конечно, спешим в Вудволд. Она захватила Пеони, потому что знала, что мне придется следовать за ней, пока я жива, но теперь... Что же мне делать теперь?»

Впереди ряды защитников сломались, несколько оленей, косуль и ланей ошеломленно рассыпались по дороге, и перед ними развернулся вражеский строй. Резвый уже добрался до Лунной Тени, Рози

видела поля и крыши домов, но ни одного человека и ни одного животного, кроме тех, что стояли вдоль ее пути.

Резвый запнулся, сбавил ход, собрался и горделиво, словно красуясь перед кобылой, двинулся вперед, подняв хвост и выгнув шею, прямо на злобно глядящих тварей, преграждавших им путь. Рози казалось – или хотелось верить, – что эти создания с трудом ступают по человеческой дороге, что неровность их быстрых шагов говорит не только о стремлении схватить ее и сбить спесь с Резвого.

Один из врагов сделал обманный выпад в их с Резвым сторону, но небольшая группка оленей и овец заслонила их. За их спинами поднялся на задние лапы медведь и броском обрушил еще одного противника на головы его собратьев. Резвый уклонился вбок и назад, перепрыгнул какой-то вздувшийся на земле клубок, и Рози, изо всех сил стараясь удержаться на его спине, успела вовремя заметить, как кто-то или что-то схватило ее за ногу и уже собралось сдернуть на землю.

Резвый присел на задние ноги и развернулся кругом, но гоблин развернулся тоже. Рози бессильно ударила его в лицо, но он лишь глубже запустил пальцы в ее плоть. Если бы только у нее было какое-нибудь оружие... Там, где ткань ее штанины натяну-

лась под пальцами гоблина, веретено с горгульей болезненно впилося ей в бедро. Она кое-как сумела запустить руку в карман, вытащила волчок и резко впечатала его в лицо нападающему. Хватка гоблина ослабла. Резвый неловко лягнул его задней ногой, изогнувшись так, будто пытался почесать себе плечо, и тварь рухнула на землю. Резвый выпрямился, встряхнулся, едва не сбросив Розу, рванулся вперед сквозь остатки злобной шайки и снова пустился галопом. Роза не успела убрать веретено обратно в карман, поэтому сунула его за пазуху. Она вспомнила на мгновение о треске, с которым волчок встретился с головой гоблина, но понадеялась, что это трещал череп твари.

Если раньше копыта Резвого с каждым шагом едва касались земли, то теперь тяжело стучали по ней. Но он все еще бежал и, похоже, обогнал войско Перниции (как и их друзей). Благодаря небольшой передышке, выпавшей им после Лунной Тени, у него, похоже, открылось второе дыхание, и хотя бег его больше не был легким, он оставался решительным. За ветром, дыханием Резвого и своим собственным Роза ничего больше не слышала. Они мчались по очень тихой и пустынной местности, громом прокатившись по площади Древесного Света, а потом через просторный общинный выгон Дымной Реки. И по-прежнему она

не видела ни людей, ни животных – они не встретили никого, даже бабочки.

А затем перед ними встали заросли шиповника, оплетшего внешнюю стену Вудволда и разросшегося наружу. Они мчались к нему по главной дороге из Дымной Реки, по широкому, открытому пути – достаточно открытому, чтобы Роза разглядела заросли еще издали и видела, как они приближаются...

Они вовсе не обогнали войско Перниции. Часть его поджидала их здесь.

Те, кто стоял перед ними, спокойно выжидали. Они знали, что долгожданная добыча наконец-то пришла к ним. Им не нужно было выкрикивать предостережения – не о коне же, спотыкающемся на ходу, и одинокой безоружной всаднице – им вообще ничего не нужно было делать. Долгожданная добыча бежала прямо на них, готовая пасть к их ногам без того, чтобы им пришлось поднимать на нее нож, палку, коготь или клык. Они стояли спиной к зарослям шиповника, и многие из них сами были настолько узловатыми и скрюченными, что не выделялись на его фоне, особенно для таких усталых глаз, как у Розы и Резвого. Но стоило Розе присмотреться, как она увидела, сколько их там: они выстроились перед стеной в несколько рядов. Молча. Терпеливо. Выжидающе.

Она ощутила неуверенность и тревогу Резвого,

но ничего не могла ему предложить. Он сильно замедлился, оглядываясь, как и она, по сторонам. Но хотя самый плотный строй тех, кто их ждал, заслонял собой ворота Вудволда, почти невидимый среди веток шиповника, но заметный на фоне дороги, на отвилке к Туманной Глуши путь преграждали высокие существа в броне, с лязгом повернувшие голову, чтобы посмотреть на Розу. Она не могла разглядеть, носят ли они доспехи по-человечески, или те растут прямо из их плоти.

Но тут нечто с рычанием рванулось вперед мимо них и прыгнуло в лицо тем, кто стоял перед воротами Вудволда. Хрок. А за ним Мило, Таш и Фру, все красноглазые и в хлопьях пены из-за того, с какой скоростью и как долго им пришлось бежать вдогонку за Резвым. Твари Перниции слегка расступились от неожиданности, и их бесстрастная, неодолимая, выжидающая мощь обернулась против них, потому что псы оказались ловкими и проворными. Во вражеском строю перед зарослями шиповника образовалась брешь. И Резвый, замерший было, когда собаки промчались мимо него, снова рванулся вперед, а Роза обнаружила, что орет во всю глотку и одновременно внутренним голосом, вполглаза следя за тем, как создания в доспехах, преграждавшие поворот к Туманной Глуши, смыкаются у них за спиной.

– Вудволд! – кричала она.

«Вудволд! Впусти нас!»

И, подкрепляя свою просьбу знаком, она выхватила из-за пазухи веретено с горгульей и швырнула его в самую гущу живой изгороди.

И заросли расступились, словно две дамы, отводящие с дороги юбки, ветви смялись складками и резко взмыли вверх, их кончики взлетели над стенами, а затем снова качнулись вниз, втискиваясь в плотное колючее сплетение веток. Но ворота остались закрытыми – все их пятнадцать на двадцать футов.

Резвый снова перешел на бег – на все те несколько шагов, на которые в нем еще осталось сил. Краем глаза Рози заметила, как цепь с жуткого вида шипастым шаром на конце безвредно просвистела мимо его крупа, – к ним подступали первые существа в доспехах.

Но если ворота не откроются, они с Резвым попросту расшибутся о прутья. Ворота были слишком высокими, чтобы их перепрыгнуть, а прутья слишком частыми, чтобы протиснуться между ними, даже для ребенка. Но Резвый бежал вперед, насторожив уши, уверенный в принятом решении и уже слишком близкий к пределу сил, чтобы их хватило на последний, рвущий жилы поворот в сторону. Рози зажмурилась.

«Нарл!» – в отчаянии выдохнула она.

Но звериная речь не могла достичь ушей Нарла, где бы тот сейчас ни находился, а он сам ничего не смог бы сделать с холодным кованым железом, даже если бы, не владея языком животных, услышал ее просьбу.

С закрытыми глазами она увидела, как животные, составляющие прутья ворот, поворачивают голову, чтобы посмотреть на нее – на нее и на Резвого. Она увидела, как они вскакивают на ноги: как лев встряхивает цветочной гривой, а медведь – пышной гирляндой на шее, как заяц подскакивает вверх, а змея утекает в сторону, словно еще одна ветка шиповника. Те, что подхватились первыми, обернулись и принялись подталкивать самых медлительных: ежей и черепах, жаб и барсуков. Кошки подхватывали растерянных котят, а собаки – сонных лисят, кентавр и единорог отогнали жеребят и оленят. Птицы подбирали в клюв тонкие лозы и нежные побеги, кроты карабкались, бобры барахтались, как будто холодное железо было обычной землей или водой, а средние прутья изогнулись в стороны.

Даже теперь Роза ощутила, как железо проскребло по ней с обеих сторон, оставив на плечах синяки, болезненно содрав ее ноги с боков Резвого и зашвырнув ему на круп. Резвый пошатнулся, заваливаясь вперед, как будто освободился от оборвавшейся верев-

ки, упал на колени, но снова нетвердо поднялся на ноги. Рози, опустив взгляд, обнаружила ссадины у него на плечах, а оглянувшись – и на бедрах тоже. Но они прорвались, и собаки тоже были здесь. Таш выглядел слегка взъерошенным, Фру прихрамывал, на боку Мило тянулся кровоточащий порез, а Хрок держал в пасти веретено с горгульей, так бережно, как мог бы нести заблудившегося щенка.

Послышался краткий жутковатый звук, какой мог бы издать кто-то, на ком внезапно сомкнулись железные прутья. Рози собралась с духом и оглянулась. Позади них заросли шиповника сомкнулись наглухо, а ворот за их ветвями не было видно вовсе.

Дрожа всем телом, Рози соскользнула со спины Резвого и встала с ним рядом. Он сам едва держался на ногах, глубоко-глубоко дышал, втягивая в грудь больше воздуха, чем способна вместить любая лошадь, и пар поднимался от него клубами, словно от кипящего котла.

«Резвый, – окликнула его Рози, – Резвый! Послушай меня. Тебе нужно ходить. Ты слишком долго бежал, у тебя сведет все мышцы. Резвый, ты меня слышишь?»

Он не ответил, а дрожал уже так сильно, что она не поняла бы, даже если бы он утвердительно кивнул. Но он поднял переднюю ногу и уронил ее, словно ка-

мень, затем проделал то же самое с задней, а потом по очереди с оставшимися двумя. Роза ухватила руку за его гриву и потянула, но Резвый снова встал, и морда его поникла так, что едва не коснулась носом земли. В его дыхании прорезалась ноющая нотка, которую она так боялась услышать.

«Иди же, будь ты проклят!»

«Не могу», – отозвался тихий голос, настолько слабый, что она едва его расслышала.

«Нет, можешь, чтоб тебя!»

Роза ударила его кулаком в плечо – все равно что лупить по лежащему на столе куску мяса, – а затем ущипнула нежную кожу за локтем. Резвый чуть вздрогнул, его голова качнулась вбок, а потом обратно, когда он подавил инстинктивный порыв укунить мелкую жалящую пакость, причинившую ему боль. Он снова, пошатываясь, шагнул вперед – одеревенелый, словно старая кляча, но все же пошел.

Она отвернулась от него к собакам. Кроме Хрока, все они растянулись во весь рост, так тяжело дыша, что она удивилась, как они не набивают себе синяков о твердую землю. Хрок лежал, подняв голову, сложив передние лапы по обе стороны от веретена-волчка. Он прижал уши, когда заметил, что Роза поворачивается к нему.

«Срезали путь, – пояснил Хрок. – Мы не держались

человечьей дороги. За нами никто не гнался».

«Вы в порядке?»

«Да, – заверил ее пес. – На Мило всего лишь царапина. Займись Резвым. Я-то думал, мы доберемся сюда первыми».

Не будь Розы так встревожена, она рассмеялась бы. Она забрала свое веретено и, прежде чем убрать в карман, стерла грязь с его усмешки. Потом она нагнала Резвого, который ковылял, при каждом шаге прощупывая перед собой землю, словно ослеп.

Лишь тогда Розы обратила внимание на то, что дорога за воротами свободна от шиповника. Со двора при конюшнях не было выхода, когда они с Нарлом стояли там после бедственного бала в честь принцессы, если не считать отверстия, проделанного Эсквой. Она подняла взгляд к небу. Оно оказалось уже не лилово-серым, а просто пасмурным, сыплющим обычной для Двуколки моросью. Она не смела особенно обнадеживаться, пока бедняга Резвый пыхтел и спотыкался рядом с ней, но когда в утешение положила руку ему на плечо, то почувствовала, что ей, по крайней мере, есть чем с ним поделиться. Собаки кое-как поднялись на ноги и потащились за ними следом.

Прогулка выдалась долгой и жутковатой, поскольку высокая завеса шиповника все еще тянулась по обеим сторонам дороги, как будто они шли по туннелю

без крыши. И вокруг раздавались только те звуки, которые производили они сами. Роза мучила себя, приносясь, будто способна разглядеть сквозь густые заросли знакомое дерево у самой дороги или один из шатров, установленных к балу, но и сама не особенно верила, что различает что-то, помимо бесконечных кустов шиповника.

К тому времени, как они увидели двор, открывшийся их глазам в конце дороги (к изрядному облегчению Розы), Резвый уже не спотыкался, хотя и передвигался по-прежнему мелкими неуклюжими шажками, его нос поднялся от земли на несколько дюймов, а дыхание сделалось просто хриплым. Когда впереди показались конюшни, Роза побежала туда так быстро, как только могла, то есть не слишком, бросила отчаянный взгляд на конюха в ливрее, по-прежнему крепко спящего в коридоре у самого стойла Резвого, и сдернула с двери аккуратно сложенную попону. Резвый почти добрался до конюшни, когда она выскочила ему навстречу.

«Нет, – одернула его она. – Тебе нужно продолжать двигаться».

Куда же делся Дротик? Роза обнаружила, что у нее в голове хватает места еще на одну тревогу: неужели что-то случилось с Дротиком? Она накинула на Резвого и пристегнула попону. Собаки снова разлеглись

на земле.

«Дротик?»

Он тут же нашелся и скованно потрусил к ней.

«Дротик... Ты можешь проследить за тем, чтобы Резвый не останавливался? Прости. Ему обязательно нужно ходить. Как и всем остальным, – добавила она, оглянувшись на лежбище пыхтящих собак. – Но Резвому особенно. Чуть теплая вода, помалу и часто, но он не должен останавливаться... – объясняла Рози, подгоняя коня по проходу и выводя во двор. – Дротик, ты справишься?»

Четвероногий бич буйных пьяниц окинул рослого коня и выдохшихся гончих оценивающим взглядом.

«Конечно справлюсь», – мягко заверил он Рози.

«Я вернусь, как только смогу».

«Вернусь? – задумалась она, уже поспешив прочь. – Откуда? Зачем мне торопиться?»

Она остановилась в дальнем конце двора, за несколько шагов до того, как ей пришлось бы, потому что, хотя дорога оказалась открытой, сам Вудволд по-прежнему был укутан шиповником. Рози снова подняла взгляд к небу, но морозящая серость Двуколки больше ее не утешала. Она прислушалась к тишине, понимая, что она означает, понимая, что обнаружит, когда вернется в большой зал.

«Мне следует поспешить, – подумала она, – по-

сколько опасность ничуть не уменьшилась. Я всего лишь снова ее избежала. Пока. Но я не знаю, что мне делать. Я даже Пеони не выручила. Я не знаю, где она и где Нарл со всеми остальными. Хрок сказал, что за нами никто не гнался и это чудесно. Но теперь я снова в кольце шиповника, а они по-прежнему там, вместе с войском Перниции, которое поторопится схватить следующий отряд, раз уж первый ускользнул».

«В конце концов, чего я добилась? – задумалась она. – Чего я добилась? Должно быть, Перниция придет за мной снова. И возможно, я убила Резвого. Может, Нарлу удастся увести Пеони... может, если проехать достаточно далеко, Пеони очнется... Тогда, по крайней мере, из всех нас Нарл и Пеони...»

Она медленно села на краю двора, обхватила руками подтянутые к груди колени и принялась покачиваться взад и вперед. В голове было пусто. Она едва заметила, как к ней подошли две гончие и прижались с боков – примерно так же, как делали на балу принцессы, словно не давали ей развалиться, словно понимали, что ее нужно удерживать, чтобы она не развалилась. Она смутно почувствовала, как Хрок лизнул ее в одно ухо, а кто-то еще – Фру, угадала она – в другое.

Рози почти задремала, когда в ее сознание ворва-

лись слова – если, конечно, они были словами... Она не могла сказать, что слышала их, потому что восприятие их значения оказалось настолько же глубже и так же сильно отличалось от человеческой речи, как язык животных. Как будто это значение проросло где-то у нее внутри, как будто с ней заговорил костный мозг.

Она телом ощущала, что замка Перниции больше нет. Ощущала, будто раньше было нечто твердое, причинявшее ей боль, и даже почти могла найти, где именно: внизу, под ребрами, слева. Но оно рассыпалось, рухнуло обратно на землю, из которой было сотворено. Солнце и дожди со временем снова превратят его в добрую землю – из раздробленных руин замка, какими оно стало сейчас, лежащее, словно осколки вазы на полу, все еще поблескивающее краской, нанесенной его создательницей, налетом темной магии. Пока же важно было то, что оно перестало быть замком, не могло больше быть замком, и его создательнице не удастся собрать его обратно. И это сделала Роза, это сделал Нарл, это сделали Флинкс и Подсолнух, Зель и Хрок, Дрозд и все остальные.

«Она теперь слабее, – подумала Роза совсем смутно, поскольку в этом глубинном месте трудно было выразить что-то человеческими словами. – Мы ее ослабили».

Это был еще не конец, но уже что-то. Они, все вместе, чего-то добились.

Она ощутила вокруг усилие, под собой и над собой, попытку заговорить так, чтобы она смогла услышать, и поняла, что не одна здесь с пятью собаками и конем, какими бы решительными и верными они ни были, маленькие, хрупкие, мягкие создания, почти такие же слабые и непрочные, как и она сама.

Вудволд. С ней говорил Вудволд.

«Рози. Принцесса. Я тоже здесь».

Вудволд пробудился.

Она медленно выпрямилась, удивившись тому, что может это сделать, что она оказалась настолько легким, воздушным, гибким созданием. Она весила так мало, что ей казалось удивительным, как она еще не взлетела на ветру, словно листок. Как это ненадежно – стоять на ногах, удерживать все свое существо на этих скудных, истощенных опорах...

Рози встряхнулась и глубоко вздохнула. Хрок и Фру поднялись на лапы и выжидательно уставились на нее. Она обернулась взглянуть туда, где большой зал лежал за колючей завесой, а затем вспомнила о собственных ногах и велела им отнести себя туда. Роза безошибочно вышла к определенному клубку веток, ничем с виду не отличающемуся от всех остальных на обширных неровных холмах шипастого покро-

ва, под которым лежал Вудволд, и раздвинула его руками. И ветки позволили себя раздвинуть.

Она пригнулась, шагнула под колючий свод и принялась осторожно прокладывать себе путь сквозь заросли, все так же подающиеся под ее руками. Один раз она наткнулась на шип, и капля крови сорвалась с кончика ее указательного пальца. Роза затаила дыхание и вспомнила о Пеони. Затем она протянула руки, чтобы раздвинуть очередной слой шиповниковых веток, и увидела, как еще одна мерцающая капля крови падает с пальца на скрученный коричневый изгиб ствола. Она проскользнула под очередной низкой, выгнутой аркой и потянулась к следующей.

Вскоре она добралась до дверей большого зала, там остановилась, привстала на цыпочки и, словно паутину, смахнула занавесившие их ветви. От одного только ее прикосновения они ломались и осыпались, словно и впрямь были всего лишь паутиной. Теперь солнечный свет озарял Розу куда ярче, чем прежде, она обернулась и увидела у себя за спиной двух гончих и высокий сводчатый проход, тянувшийся сквозь заросли. Однако, когда она проходила там сама, то раздвигала ветви не шире, чем требовалось, чтобы протиснуться, пригнувшись и прижимая руки к бокам. Фру успел разок твякнуть, когда, следуя за ней, сделал неосторожный шаг. Она вдохнула

поглубже, повернулась обратно к дверям и распахнула их – древние двери, которые открылись впервые за сотню с лишним лет ради двадцать первого дня рождения принцессы, и это потребовало согласных усилий четырех человек для каждой створки. Свет ворвался внутрь, озарив пол всюду, куда ему удалось дотянуться.

Но значительная часть большого зала по-прежнему осталась погружена во мрак из-за узловатых зарослей шиповника, заслоняющих окна. Роза решила начать с них. Она подошла к ближайшему высокому окну, вскарабкалась на подоконник, повозилась с задвижкой и, взявшись за ветви, раздвинула их, словно диковинную штору, только осторожнее, не забывая о шипах. Ее палец все еще ныл там, где она его наколола. Толстые сучья заскрипели и подались, она нажала чуть сильнее, и они с шелестом разошлись, пропуская свет. Роза обратила внимание на то, что он выглядит по-настоящему солнечным, а не серым и мрачным. Небо за окном сделалось голубым, и по нему плыли белые клочья облаков. Глянув снова на ветви шиповника, она обнаружила, что они покрылись листьями и именно поэтому шелестели, хотя еще несколько минут назад были голыми и бурыми.

Роза слезла с подоконника и перешла к следующему, раздвинула внезапно позеленевшие ветки ши-

повника на том окне, затем на следующем, и еще, и еще... Дойдя до последнего, она заметила среди листьев цветочные бутоны, хотя принцесса родилась ранней весной.

Лишь когда не осталось ни одного окна, затянутого зарослями, она обернулась и посмотрела на зал.

Зрелище, открывшееся ее глазам, показалось еще ужаснее. Роза сразу же нашла Катриону, снова опустилась рядом с ней на колени и погладила ее по голове. Та ровно дышала. Все еще спала.

Глубинное, нутряное знание шевельнулось в Розе, и она поняла, что от этого сна, каким бы колдовским и злонамеренным он ни был, спящие не пострадают, в отличие от тех, кого находили в прошлые годы в павших крепостях, где могла прятаться принцесса. Вудволд способен был позаботиться о маленьких существах, бродящих под его крышами. Он сотни лет наблюдал за другими маленькими существами и постиг, что такое боль, вред и желание причинить зло. Но сон и пробуждение оставались понятны ему не более, чем ходьба и дыхание, вот почему (как решила Роза) наведенный Перницей сон поначалу сбил его с толку, но не сумел удержать.

Вудволд сделал, что мог. Теперь настал ее черед.

Роза встала, отчаянно озираясь. Она дышала тяжело и ничего не могла с этим поделать. Сперва она ре-

шила, что потратила больше сил на лазанье по подоконникам, чем ей казалось. Затем предположила, что, должно быть, борется с каким-то застоявшимся в зале запахом сонных чар, и наконец подумала, что, вероятно, виной всему испуг. Но, в очередной раз втягивая воздух и с шумом его выдувая, Роза осознала, что дело вовсе не в одной из этих причин: она просто разозлилась.

Она не могла припомнить, чтобы когда-нибудь испытывала такую ярость. Даже когда свалила с ног человека, избивавшего свою лошадь, вместо того чтобы попытаться высвободить застрявшее колесо телеги. Даже когда обнаружила отметины от кнута, невидимые под гладкой шерстью на шкуре жеребенка, испугавшегося Нарла, потому что тот не носил бороды. Даже когда она только начала осознавать, что именно известие Айкора означает для нее самой, для Катрионы, Тетушки и Бардера, для Пеони, Роуланда и Нарла, для Джема, Гилли и Гейбла, для Крантаба и Хрослинги, для всей Двуколки, для целой страны. Она едва не лопалась от гнева, голова тряслась, а руки, висющие вдоль тела, казались горячими и опухшими.

«Перница! — прокричала она. — У нас с тобой осталось незаконченное дело!»

Раздался низкий смех, Роза обернулась и увидела, как Перница входит в распахнутые двери зала.

– Как это мило с твоей стороны – разозлиться на меня, – заметила ведьма. – Превосходное приглашение – гнев. В противном случае я могла бы провожаться чуть дольше.

В левой руке она держала трость, которой Роза раньше не видела, на ее щеке осталось несколько красных отметин, а правую ладонь она прятала в складках длинного темного одеяния, изодранного шипами. Глубинное знание Розы напомнило ей о разрушенном замке, о том, что означало его уничтожение.

«Мы ослабили ее».

– За такое я почти готова... хм... удочерить тебя. Последний двадцать один год недешево обошелся и мне тоже, а потому мне пригодилась бы толковая помощница. У меня такой никогда не было.

Роза фыркнула.

– Но теперь дело зашло слишком далеко для этого, не правда ли? Мне почти жаль. Видишь ли, одна из нас должна умереть, иначе магия разорвет в клочья всю твою унылую Двуколку. Теперь я не смогла бы этому помешать, даже если бы захотела. Хотя я и не против, имей в виду. Я хочу получить ее – и всю страну – целой и невредимой. Чтобы поступить с ними по собственному усмотрению. Но я не ожидала, что вас окажется две. Моя ошибка. Я почти задумыва-

юсь, не стоит ли спасти одну из вас... Я действительно имею в виду «спасти». Возможно, не в том смысле, в каком это слово понимаешь ты. Но нет. Уверена, это все уже слишком далеко зашло...

Она подняла трость, мягко, словно веером, взмахнула ею в воздухе, затем чуть помедлила и опустила ее конец примерно на ширину ладони...

Феи не пользуются волшебными палочками. Кроме самых крайних случаев.

...чтобы нацелить ее, словно оружие.

«Волшебство не всесильно».

Рози бросилась на Перницию и вцепилась руками ей в горло.

Глава 22

Когда они обе рухнули на пол, причем Перниция оказалась внизу, Вудволд закричал. Это был вопль дерева, железа и камня, судорога, напоминающая землетрясение, и тела спящих заскользили по вздымающемуся полу, натыкаясь друг на друга и на мебель, тоже не устоявшую на месте. Раздавались приглушенные, растерянные вскрики, как будто спящих преследовали кошмары.

Рози смутно осознавала, что вокруг них что-то происходит, но на мысли об этом ее не хватало. Она полностью сосредоточилась на том, чтобы удерживать руки на горле Перниции. Несомненно, до сих пор это удавалось ей только потому, что Перниция даже представить себе не могла, что кто-то нападет на нее саму, и не заготовила на этот случай защиту. Но Рози ощущала, как сотни тончайших волокон магии, щекотных и мерзких, словно ноги сороконожки, тянут ее за пальцы. Трость – или волшебная палочка, чем бы она там ни была, – лупила ее по спине, и с каждым ударом на девушку обрушивалось отвратительное, невыносимое ощущение, как иногда бывает, если врезаться локтем в дверь, а когда трость поднималась, оставленный ею след заметно горел. Рози по-

пыталась удерживать в мыслях образ замка, который обрушили они с Нарлом и животными. Она попыталась помнить, что они ослабили ведьму. Она сказала себе, что Перниция до сих пор не превратила ее в булыжник для мостовой или осьминога, а пока ее руки остаются на месте, ей никак не уколоть палец о веретено...

Но Роза не смогла бы долго продержаться в удушающем облаке магии Перниции. Она уже толком не видела, что именно держит: казалось, иногда это был огненный змей, или гоблин, или таралиан, а иногда просто разъяренная женщина с ненавистью в черных глазах, уставившаяся на Розу. У Розы едва хватало сил, чтобы не поддаться и не встретиться с ней взглядом. Спина ее пылала от ударов, а онемение, напоминающее об ушибленном локте, медленно расплзалось вниз по рукам. Еще немного, и она не сможет больше сжимать пальцы. К тому же под слоем чего-то напоминающего улиточку слизи и паутину ее ладони делались все более тяжелыми и неуклюжими. Ей мерещились голоса, но она не могла сказать, принадлежат они животным или людям и к кому обращаются: к ней или к Перниции. Ей показалось, что она заметила движение человеческих силуэтов, но взгляд ее туманился, как будто липкие сети опутывали не только ее руки, но и лицо, а эти люди, даже если они

действительно существовали, передвигались странно, ощупью, неуверенно, словно сомневались, бодрствуют они или спят и видят сон.

Ей послышалось цоканье подкованных копыт.

Дрок ворвался через открытые двери в большой зал точно так же, как бросился в туннель в зарослях и в дыру между железными прутьями ворот, едва позволяющую коню протиснуться. Раздвинулись они в ответ на громовой, обращающий демонов в бегство клич Нарла, когда они вдвоем обрушились на растерянное и несчастное вражеское войско. Когда Дрок пролетал в дыру, прутья врезались в колени Нарла с таким же звуком, с каким сырое тесто шлепается на разделочную доску, но он, все еще с Пеони на руках, удержался на конской спине. Возможно, ворота уже начали привыкать к такой работе или узнали своего создателя, но они раздались еще шире. Нарл последовал за гончими короткой дорогой, но понял (или, по крайней мере, угадал), что Розы с Резвым пробились внутрь: по мере того как они приближались к Вудволду, им встречалось все больше враждебных существ, но те все реже стремились им помешать, как будто их повелительница забыла о них, отвлекшись на более важные дела в другом месте.

Железные подковы Дрока оскальзывались на пар-

кете, и он спотыкался, пытаясь удержаться на ногах и не наступить при этом ни на одного из полусонных людей, которые лежали там ошеломленные и медлительные после слишком глубокого сна, неспособные убраться с его пути. Он фыркнул дребезжащим звуком, который на человеческом языке прозвучал бы как «о нет», опустил голову, чтобы видеть, куда он скользит, и круп – для равновесия. Еще в большее смятение и растерянность его и людей приводило то, что сам пол двигался: вздымался резкими волнами и закручивался бурунами, словно вода, бьющаяся о скалы или взбаламученная ветром. Паре человек удалось встать, и теперь они никак не могли решить, что для них важнее: схватиться за что-нибудь в поисках опоры или стиснуть руками собственную голову, как будто та опасно качалась на плечах.

Роулэнд сумел поднять себя на ноги, уцепившись за край стола, а затем, придерживаясь за стулья, добрался до Дрока и привалился к его плечу. Даже в полусне он узнал ношу на руках у Нарла. Пеони по-прежнему крепко спала – она еще не шелохнулась, хотя многие вокруг нее уже ворочались. Нарл соскользнул с взмокшего Дрока, отнес ее к ближайшему столу – пол теперь уже лишь слегка вздрагивал, как лошадь, сгоняющая со шкуры муху, – и бережно уложил. Роулэнд схватил пару подушек с ближайших стульев

и неуклюже, поскольку руки все еще не вполне его слушались, пристроил их ей под голову.

Нарл повернулся к двум борющимся фигурам, в которых с трудом угадал Рози и Перницию, хотя разглядеть что-либо было практически невозможно. Магия Перниции и ярость Рози окутывали их, и он не мог отличить одну от другой, поскольку видел только два смутных человеческих силуэта в свирепом вихре схватки.

«Судьба и все боги! – беззвучно сказал он себе, слишком испуганный, чтобы произнести что-либо вслух, неспособный к связной речи и к тому же уверенный, что никакие его слова не принесут ни малейшей пользы, – нет нужды и пытаться. – Рози! Неужели нельзя было подождать, пока не появится кто-нибудь, способный помочь?»

Он знал: что бы тут ни происходило, у Рози осталось мало времени. Его удивляло только, как ее гневу и отчаянию удалось так долго ее защищать.

Где же Катриона? Или Айкор? Или Тетушка? Он быстро огляделся и лишь тут заметил, что еще не все в зале приходят в себя. Ни одна фея и ни один волшебник пока не очнулись – не только из уроженцев Двуколки, но и из королевской свиты тоже. Катриона лежала почти у самых его ног. Он опустился на колени рядом. Боль и горе Вудволда перекатили ее на спи-

ну. Рот ее слегка приоткрылся, а лицо тревожно вытянулось, как будто она отчасти припоминала, что какое-то важное дело осталось незавершенным. Нарл коснулся ее щеки, обращая к ней мысли, где бы она ни находилась, и тут же понял, что не сумеет ее разбудить. Он пытался еще мгновение или два, надеясь найти хотя бы ключ к тому, что удерживает ее, но она ушла слишком далеко. Он почувствовал только, что, если задержится, нечто стерегущее ее вцепится и в него тоже, поскольку он тоже был феей.

Он уже наполовину проиграл: он ощущал большой зал вокруг себя и содрогающийся пол под коленями, но не мог оторвать пальцы от лица Катрионы, не мог встать и обернуться. На нем лежало тяжелое холодное бремя, давящее на плечи. Неимоверным усилием он поднял свободную руку к железной цепи, которую носил на шее, и схватился за древний бугорок, некогда приваренный им туда. Прикоснувшись к нему, Нарл охнул, но сумел отдернуть пойманные в ловушку пальцы.

Для спасения спящих потребуются мощные чары. А те, кто ими владел, спали. Перниция все продумала. Если она победит, тем меньше настоящих и возможных соперников или врагов ей придется устранять, если же проиграет... то победит все равно, потому что эта страна делается непригодной для жизни без сво-

их фей и магов, необходимых, чтобы долго и запутанно выторговывать перемирие у ее природного волшебства. А три четверти лучших фей и магов находились сейчас в большом зале лорда Прендергаста, куда прибыли ради празднования двадцать первого дня рождения принцессы.

Он не мог отвлекаться на это сейчас. Он обдумает это позже. Сейчас его волновала Роза, в одиночку бросившаяся в бой, хотя не могла не знать, что наверняка его проиграет. Неужели она думала, что он не последует за ней даже на край земли, если придется?

Но что он может против Перниции?

Он поднялся снова в надежде на вдохновение и не заметил Зеля, рысцой подбежавшего к нему сзади. Лис обогнул его лодыжки, остановился рядом с Катрионой и заглянул ей в лицо. Нарл сделал несколько шагов к маленькому жуткому вихрю, поглотившему Перницию и Розу. Зель поставил обе передние лапы на грудь Катрионе.

«Катриона, – позвал он, – ты должна очнуться и помочь нам».

Нарл ничего об этом не знал – его внимание привлекало что-то еле заметное, бледное, шевельнувшееся высоко вверху. Он запрокинул голову и увидел, что меррел, стоящий на своей балке, полураскрыв крылья, смотрел вниз, прямо на него, как будто пытался

встретиться с ним взглядом.

Меррел. Меррел не спал.

Из всех живых существ меррелы лучше всех видели вдаль. Паря в небе в полулиге над землей, меррел мог заметить полевую мышь, избегающую вверх по стеблю в свое травяное гнездышко. Нарл, не владеющий звериной речью, тем не менее отчетливо слышал, как он говорит с ним – почти человеческим языком, выученным за долгие годы заточения над большим залом лорда Прендергаста.

«Я вижу ее, – говорил меррел. – Я вижу твоего друга, твоего товарища, твою любовь в смертельных объятиях с феей, которая двадцать один год добивалась ее гибели. Я вижу ее».

Меррел сидел высоко над полом зала, прикованный короткой цепью из холодного железа, которую не разорвать никакими чарами. Нарл вдохнул поглубже, собрал всю магию, какая в нем была, удержал и всмотрелся в нее. Затем он вспомнил опыт всех лет, проведенных в кузнице, то, как он работал с холодным железом в огне, земле, воздухе и воде. И он схватил магию так, будто она была привычным ему материалом, и принялся гнуть ее и придавать ей форму, длинную и тонкую, с острием и лезвием. Магия брыкалась, словно сердитый жеребенок, поскольку он не привык с ней обращаться, а она и в лучшие времена куда ме-

нее покорна, чем железо. Никакое волшебство не желает, чтобы с ним обращались так, будто оно нечто заурядное и скучное, бездеятельное вне рук чародея, и еще менее охотно оно покоряется воле кузнеца. К тому же в эту магию ему пришлось впечатать часть собственного существа, некую симпатическую связь со свойствами железа, отчего стало еще хуже: с тем же успехом он мог бы сплести огонь с водой. Множество раз магия едва не вырывалась из его рук, не желая подчиняться его воле, и он сам в глубине души понимал, что то, чего он добивается, неосуществимо по законам этого мира.

Но нечто в его руках превратилось в необходимое ему оружие, созданное, пожалуй, больше из его собственной крайней нужды, чем из чего-либо еще, и на краткий миг он испугался, поскольку не был уверен, что именно создал. Но ничего другого у него не было, как не было времени пробовать что-либо еще. Он схватил оружие, прицелился и метнул его в цепь на щиколотке меррела. Когда оно вырвалось из его ладоней, он едва сдержал крик: волшебное копье обжигало, как огонь в его кузнице, а его задело встречной тягой.

Катриона очнулась под треск, с которым раскололась крыша большого зала, и под клич охотящегося

меррела. Она подняла взгляд и увидела птицу, которая провела в стропилах зала лорда Прендергаста не меньше лет, чем Роза прожила на свете. Меррел захлопал огромными крыльями и взлетел вверх, в рваную дымящуюся дыру в крыше. Два или три звена разорванной цепи на его щиколотке сверкнули в солнечном свете, а белизна его оперения слепила не меньше самого солнца. Он поднимался в небо, пока не скрылся из виду.

Катриона огляделась, пытаясь вспомнить, что произошло, и удивилась, почему все вокруг либо лежат на полу, либо ползают по нему. Она не могла понять, почему ощущает себя такой больной и потерянной, ибо чувствовала себя так, будто ее только что проводили сквозь какое-то густое, холодное, мерзкое, липкое вещество, замазавшее ей глаза, чтобы она не видела дороги, заткнувшее нос и рот, чтобы она не могла дышать, облепившее руки и ноги, чтобы ей не удалось даже шелохнуться. И она по-прежнему оставалась бы там, если бы не то, что так целеустремленно ее тащило... Она рассеянно погладила молодого лиса, стоящего рядом с ней и задумчиво ее разглядывающего. Он позвал ее по имени и попросил о помощи, внезапно вспомнилось ей, а вместе с этим вспомнился и день больше двадцати лет назад, когда другой лис потребовал от нее, чтобы она пришла на выручку

лисе, которая назовет ее по имени. Она не слышала, как разговаривают лисы, со времен раннего детства Розы.

Катриона с трудом поднялась на ноги. Так же быстро, как и Нарл, она сообразила, хотя и не смогла пока объяснить это для себя, что вокруг пробуждаются только обычные люди, а все феи спят. Спят? Но почему они спят? А затем она начала припоминать, как будто это все ей просто приснилось: вечер, когда праздновался день рождения принцессы. Перниция. Перниция наверняка позаботилась о том, чтобы тяжелее всего ее пагубные сонные чары (Катриона все еще ощущала на языке их омерзительную липкость) легли на других фей, магов и саму королевскую семью, на тех, кто надеялся и пытался ей противостоять.

Но что еще хуже, Перниция оторвала от нее Розы. Перед тем как этот ужасный сон сразил ее, Катриона успела почувствовать, что ее пальцы слабеют и разжимаются. Она вспомнила, как Пеони проталкивалась сквозь толпу к двум высоким женщинам, нелепо вставшим друг против друга над прялкой. После этого она уже ничего не помнила, только сознавала, что потеряла Розы. Как долго она проспала? И где Розы?

Она обернулась слишком поспешно, ибо еще

не до конца пришла в себя после сна и пробуждения, и едва не упала.

«Мы побывали у замка, с Розы и остальными, – сообщил лис у ее ног. – Мы обрушили замок».

Обрушили замок?.. Память Катрионы, не дожидаясь просьбы, предоставила ей образ пустоши, стоячих камней, враждебных глаз и замка, где однажды на краткий миг очутились они с Тетушкой и Бардером. Обрушили его? Надежда всколыхнулась в ней, отчего ее ладони и стопы начало покалывать теплом. Она ощутила себя здоровой и сильной и изумилась, поскольку вспомнила рассказы о людях, которые пробуждались от наведенного Перницей сна в павших крепостях. Возможно, именно потому, что она думала о замках и крепостях и ее ноги твердо стояли на голом полу Вудволда, в ней тоже на краткий миг шевельнулось внутреннее знание и она услышала голос, тон которого не могло бы себе представить ни одно человеческое ухо.

«Я здесь, – произнес он. – Ради Розы. Принцессы».

И в этот же миг Катриона подняла взгляд, увидела шиповник, окаймляющий окна и свисающий над открытыми дверями, и поняла, кто с ней заговорил.

«Спасибо, – откликнулась она, не зная, может он ее слышать или нет, не представляя, понимает ли он, что такое благодарность. – Спасибо».

Но где же Рози? Она вновь посмотрела на дыру в крыше, а когда опустила взгляд на этот раз, то увидела бушующее кипение магии почти у самых ног измученного мужчины.

Нарл! Она не сразу его узнала. Его лицо посерело от боли, а волосы будто опалило чем-то. Руки он держал перед собой, подняв, но не прижимая к груди. Она взглянула на них и увидела, что ладони опухли, потрескались и кровоточат, рукава нарядной одежды изодраны до самых локтей, а на предплечьях виднеются отметины, как от языков пламени.

— Нарл... — выдохнула она, ужаснувшись.

Он мотнул головой, и она проследила за его взглядом. Сквозь бурление магии она видела лишь немногим лучше, чем Нарл, но поняла, что перед ней кипит последний бой Перниции и Рози и что Рози неизбежно проигрывает.

Меррел спикировал так быстро, что никто из них его не заметил. Никто не мог бы за ним угнаться, даже сама Перниция, даже молния. Когти меррела схватили Перницию и вырвали из слабеющей хватки Рози, а Вудволд отверз пропасть в полу прямо под ними. Катрионе показалось, что она услышала вопль Перниции. Но если та и произнесла какое-то заклятие, оно ее не спасло и когти меррела не дрогнули. Катриона бросилась вперед и схватила Рози за плечи, едва

успев ее поймать. Она пробормотала несколько поспешных слов, высвобождая Розу из капкана магии, все еще сжимающего ее, и прося Вудволд оставить немного пола у них под ногами, пока она не закончит. Их отшвырнуло назад, Нарл подставил обожженные руки и поймал их обеих. Катриона и Нарл, пошатываясь, отступили и оттащили с собой Розу. Катриона заметила, что в волосах Розы запутались два длинных белоснежных пера.

Перница и меррел стремительно уносились в глубины земли. Пропасть вокруг них конвульсивно подергивалась, плевалась сырой, пахнущей плесенью землей, кусочками древних корней и камнями, а затем захлопнулась с таким звуком, как будто сотни наковален столкнулись друг с другом, и этот грохот обрушился на каждого в зале, словно удар великанского кулака, вышибая дыхание. Но пол в том месте, где исчезли эти двое, вздыбился горой. По ее склонам сошли лавины, и раздался гулкий рев, словно множество свирепых таралианов зарычали в узкой долине. В воздухе так густо стояла невесомая пыль, что людям в зале, попытавшимся отдышаться после грома, с которым сомкнулась бездна, тут же забило ею рты и глотки, и они беспомощно кашляли, надрывая легкие. Испуганные, сбитые с толку люди отступали назад, к сердцу дома, подальше от входа в зал и подняв-

шейся там горы, и оттаскивали так и не проснувшихся товарищей в самое безопасное место, какое им было доступно.

Одна из стен зала треснула, сложилась и рухнула. Треск, с которым ломалось дерево, походил на человеческие крики. Стены по обеим сторонам от нее зашатались и склонились к ней, будто скорбящие друзья к павшему товарищу, как Катриона и Нарл склонились к Розе. Обломки посыпались на изрытый пол, опасные куски штукатурки и дранка взлетали в воздух со вздыбившихся по сторонам холмиков, хотя гора посередине начала оседать с градом щепок и комьев земли. Гобелены вздувались, словно от великанских выдохов, несколько сорвалось со стен, а один вспорхнул над залом, словно птица, и обрушился на руины королевского стола – половина его еще стояла, а другая превратилась в груды ломаных досок, ножек, еды и посуды.

Розе лишь отчасти осознавала происходящие вокруг разрушения. Катриона содрала с ее лица и рук большую часть связующих чар Перниции. Но когда обломки мебели и спящие тела начало мотать туда-сюда по идущему волнами полу, Розе оторвалась и от нее, и от Нарла и, оглушенная, почти беспомощная, кое-как приткнулась к чему-то твердому. Ощупав найденную опору, она узнала в ней одну из ножек сто-

ла в том его конце, который еще стоял, и медленно поднялась на ноги. Согнувшийся поблизости человек, вцепившийся обеими руками в столешницу, показался ей знакомым, но ей потребовалось еще мгновение, чтобы его узнать: Роулэнд прикрывал что-то собственным телом, а как только она поняла, кто это, то догадалась и что, точнее, кого он защищает. Роулэнд поднял взгляд и в свою очередь узнал ее.

– Ты можешь что-нибудь сделать? – безнадежно спросил он, когда грохот разрушений пошел на убыль.

Рози вовремя остановилась, не успев покачать головой. Она нашла перевернутый стул с отломанной спинкой, но четырьмя крепкими ножками, придвинула к столу, взобралась на него коленями и заглянула в лицо Пеони. Оно выглядело бледнее, чем было – когда? прошлой ночью? неужели это произошло всего лишь прошлой ночью? – а ее дыхание было затрудненным, как будто ей на грудь давила какая-то тяжесть.

Роулэнд чуть отстранился, чтобы освободить место для Рози – или потому, что не мог больше смотреть, не мог видеть, как жизнь Пеони утекает из раны, которую никто из них не мог разглядеть.

Рози, какой бы усталой, избитой, несчастной, потрясенной и больной она ни была, ощутила, как собственная жизнь уверенно бьется в ней, потянулась

и взяла Пеони за руки. Она на мгновение взгляделась в лицо подруги, такое похожее и одновременно непохожее на ее собственное. Ненадолго убрала одну руку, чтобы дотянуться до кармана Пеони, найти там веретено-волчок, которое вырезала для нее, вытащить его, вложить между ладонями Пеони и сомкнуть поверх свои. Одно из перьев меррела выскользнуло из спутанных волос Розы и спланировало на грудь Пеони.

Что-то отнюдь не волшебное шевельнулось между ними. Принцесса, не принцесса, две девушки, обменявшиеся местами, притворившиеся одной девушкой, ставшие двумя другими девушками. Розы, с ее силой и беззаботной энергией, ее великодушием по отношению ко всему живому. Пеони, с ее мягкой добротой, тонким пониманием и гибкостью, которой никогда не было в природе Розы.

Нарл подошел и встал рядом с ней. Его ладони были обмотаны окровавленными лоскутами ткани, но, когда он мягко накрыл ими руки Розы, та ощутила, что он прибавляет свою силу надежды и любви к ее собственной. И ничто ее не волновало, кроме того, что он поможет вернуть ее подругу к жизни.

Катриона перемещалась по залу и будила тех, кто все еще спал, тех, по кому жестокое, сковывающее за-

клятие Перниции ударило сильнее всего: фей, магов, членов королевской семьи. Чтобы добраться до каждого, ей предстояло немало пройти, и даже с помощью и подсказками Зеля дорога эта оставалась небезопасной. Короля, королеву и трех принцев она разбудила первыми, мягко и бережно вытащив из липкой, тяжелой пустоты, где повисли их души. Несколько приближенных королевы, вынесшие свою госпожу и ее семью из руин большого зала, разрыдались. Первым проснулся Осмер, огляделся, вполуха прислушиваясь к тому, как ближайшая к нему фрейлина пытается его заверить, что злой феи больше нет и теперь он в безопасности, и восхищенное изумление озарило его лицо.

— Я все проспал? — спросил он. — Как жаль, что я этого не видел!

Катриона обнаружила, что все еще способна улыбаться, и двинулась дальше.

Она нашла Бардера, проснувшегося легко, Тетушку — с ней пришлось повозиться, и Айкора, с которым дела обстояли еще хуже: даже после того, как он открыл глаза, Катриона видела в них отголоски кошмаров, поблескивающие, словно жабы спинки. Затем она повернулась к другим феям из Двуколки, а когда закончила их вытаскивать, Тетушка с Айкором уже достаточно оправились и стали помогать ей с осталь-

ными придворными феями и волшебниками. Потребовались согласные усилия всех троих, чтобы разбудить Сигил, которую они могли бы не найти вовсе, если бы не были уверены, что она все же присутствовала на празднике. Она лежала под рухнувшим гобеленом и даже в бальном наряде выглядела такой маленькой и невзрачной, что напоминала смятую складку смутного лесного фона на ярко вытканной сцене с дамами, собирающими цветы. Она открыла глаза, когда ее голова лежала на руке Айкора, лицом к окну, и первое, что увидела, – это ветки шиповника.

– Милый Вудволд, – пробормотала она.

Напоследок бережно, как только могли, они разбудили лорда и леди Прендергаст, их сыновей и дочерей, которые, проснувшись, обнаружили, что большой зал, старейшая часть их древнего и нежно любимого дома, разрушен. Еще некоторое время мысль о том, что злая фея потерпела поражение, а их будущая королева спасена, казалась им не слишком утешительной.

Катриона устало вернулась к столу, где лежала Пеони, стоял Роулэнд, а Нарл и Роза склонялись над сцепленными руками. Жеребец Дрок замер рядом с Нарлом, а несколько собак собрались вокруг. Одна из них – ее имя, Подсолнух, всплыло в памяти Катрионы – положила лапы на край столешницы, что

позволяло ей достаточно высоко задрать морду и заглянуть в лицо Розы. Дрок был грязным, словно дикая лошадь, а на боках его виднелись странные отметины, как будто он протискивался сквозь слишком узкую для него щель. У всех собак шерсть на груди слиплась от пены. Катриона предположила, что это имеет отношение к тому, как они разрушили замок Перниции. Интересно, что еще она пропустила, пока спала? Но эти рассказы могли и подождать.

Она изнемогала от усталости.

«Никогда не атакуй чары в лоб, – много лет назад наставляла ее Тетушка. – Так они сильнее всего. Тебе следует вынюхать, где у них слабые места. У любых чар они есть, нужно только их найти – и, конечно же, суметь ими воспользоваться».

Катриона не смогла бы ни найти слабое место в чарах Перниции, ни воспользоваться им. Не в одиночку. Она посмотрела вниз, на заостренную рыжую мордочку, – и встретила с лисом взглядом.

«Я все еще здесь, – заверил ее Зель. – Я все еще здесь».

Все они по-прежнему были здесь, и все они по-прежнему были живы.

Она встала в конце стола, посмотрела на макушку Пеони, на лицо Розы, сосредоточенное, искаженное яростью. Нарл поднял на нее взгляд.

— Кэт! — окликнул ее он, повысив голос почти до крика. — Очнись! Разве ты не хочешь, чтобы она осталась?

Катриона не сразу поняла, что он имеет в виду, но отозвалась на отчаяние в его голосе. Она увидела, что Пеони, теперь уже единственная во всем зале, все еще спит, послушно протянула руки и накрыла ими так бережно, как только могла, обожженные кисти Нарла. Но с этим прикосновением она осознала и замысловатое переплетение сил, действующих под ее ладонями, — раскрыла тайну, которую он много лет прятал в своей кузнице, — и внезапно сообразила, что он имел в виду. Ее пальцы впились в кожу Нарла, и она пустила в ход каждую крупинку магии, которая в ней еще оставалась, поскольку Перниции больше не было и она могла потратить последние силы по собственному усмотрению.

Тетушка, растиравшая виски молодой фее, которая мучилась головной болью, подняла взгляд, почувствовав дуновение или шепоток того, что происходило среди руин главного стола. Айкор, перевязывавший в гостинной растянутую лодыжку одному из самых могущественных королевских магов, вскочил на ноги и бегом бросился обратно в зал.

— Нет! — кричал он. — Нет! Вы не можете! Нет...

Рози склонилась вперед поверх сплетения рук и по-

целовала Пеони в губы.

Все ладони чуть провалились, когда веретено под ними рассыпалось пылью. Рози невольно упала на Пеони, и на миг под ее руками возникла жутковатая, сосущая пустота, а в груди и горле – странное, трепещущее, сбивающее с толку ощущение, как будто что-то вытягивалось из нее и переливалось в ее подругу. Нарл и Катриона разом поспешно отступили на шаг назад.

– Уф, – выговорила Пеони. – Рози, ты вешишь тонну. Рози села, сплевывая ее волосы.

И тут же из кухни явилась причитающая повариха и сообщила, что посреди кухонного стола спят терьер леди Прендергаст и пара мышей, вокруг них кольцом свернулся один-единственный длинный черный волос и никто не может преодолеть границу, очерченную этим волосом. И не могла бы какая-нибудь фея прийти и убрать этих животных с ее стола? Пожалуй-ста, будьте так любезны.

Глава 23

Вудволд оказался не единственным домом, пострадавшим от последнего сражения Перниции с принцессой и ее союзниками. По всей Двуколке прокатилась волна разрушений, словно от крошечных, свирепых, ограниченных очень тесным пространством бурь или поединков между гоблинами или парой огненных змеев. Требовалось немало трудов, чтобы все исправить. Но ни одна деревня не оказалась стертой с лица земли, а друзья и родственники обеспечили кровом и помощью тех, кому повезло меньше. Посевы и домашние животные почти не пострадали, хотя кое-кто из последних забрел довольно далеко. Некоторые люди даже заподозрили, что их свели или спугнули, особенно после того, как по возвращении прежде флегматичная скотина обзавелась утомительной новой тягой к странствиям. И конечно, как только распространились новости об окончательном поражении Перниции (и все встряхнулись, посмотрели друг на друга и спросили: «Как мы могли вообразить, будто Перниция попросту исчезла? Ну и мощные же это были чары!») – и остались слегка раздосадованы, в особенности потому, что никто не мог припомнить окончание бала и явление Перниции, а ведь какая бы из это-

го вышла история, если бы кто-нибудь мог ее рассказать, – ну да, впрочем, это все королевские и волшебные дела, а хорошо все, что хорошо кончается), все жители Двуколки оказались героями. Это приятное знание слегка ускоряло работу, как и труды добровольцев, собирающихся туда со всей страны, готовых копать, таскать, пилить, приколачивать, поднимать и восстанавливать в обмен на рассказы о подвигах из первых рук. Помощь рабочими руками и бесплатными товарами хлынула туда еще гуще, когда разошлось объявление о предстоящей свадьбе.

Свадьбу принца Роуланда Джослина Хереварда и принцессы Касты Альбинии Аллегры Дав Минервы Фиделии Алетты Блайт Домины Делиции Аврелии Грейс Изабель Гризельды Гвинет Перл Руби Корал Лили Ирис Бриар-Розы отпраздновали спустя всего шесть недель после гибели Перниции и меррела под развалинами большого зала Вудволда. Принцесса настаивала, что желает выходить замуж только в Двуколке, в Вудволде, и Прендергасты, какой бы ущерб ни был причинен их старинному дому, в любом случае не могли бы ей ни в чем отказать, не говоря уже о том, какой огромной честью было для них это решение. (И конечно, ввиду предстоящей свадьбы принцессы каждая придворная фея и каждый королевский маг приложили усилия к восстановле-

нию большого зала Прендергастов, поскольку тот был единственным местом во всей Двуколке, подходящим для такого события. Он буквально сам поднялся из развалин и к назначенному дню сверкал от могущественных новых чар и благопожеланий. Новый большой зал сделался настолько величественным и красивым, что королевский епископ почти смирился с необходимостью проводить самое важное венчание этого поколения в варварской, захолустной Двуколке вместо его собственного роскошного собора в столице.)

Рози и Нарла назначили первыми друзьями невесты и жениха (хотя очереди помощников за каждым из них состояли из нескольких дюжин человек и не обошлось без фыркания и выгибания бровей по поводу того, что деревенские коновал и кузнец, какими бы близкими друзьями они ни приходились молодым, оказались во главе колонн). Оба они чувствовали себя крайне глупо в королевских нарядах, которые им полагалось носить, но остались так довольны своей ролью в произошедших событиях, увенчавшихся свадьбой, что едва не забыли о собственных возражениях. (Поскольку Рози начала отпускать волосы, чтобы вплетать в них перья меррела, дамам, ответственным за ее прическу к свадьбе, нашлось с чем работать, в отличие от тех, кто пытался причесывать ее

к балу принцессы. Подарки крестных Розы остались с ней даже теперь, когда она перестала быть принцессой, и кудри ее отрастали очень быстро, как будто все последние семнадцать лет с нетерпением дожидались такой возможности. Но ее локоны, изначально столь же самоуверенные, сколь и прежде, начали расправляться под собственным весом, как только достигли плеч. Королевские парикмахеры воспользовались предоставленной возможностью на всю катушку, справедливо подозревая, что где-то здесь замешано волшебство, но испытывая признательность, что эта высокая девушка не испортит собой зрелище.)

Розы про себя думала, что Нарл удивительно хорошо перенес новость о свадьбе Пеони. Но когда недель позже они проводили свадебный поезд, отбывавший в столицу, и Розы начала осознавать, как сильно она сама будет скучать по подруге (которая, имея возможность выбирать из двадцати одного имени, предпочла остаться Пеони), она не удержалась и сказала Нарлу что-то по этому поводу. По крайней мере, возможно, они смогут разделить друг с другом чувство утраты.

Но Нарл только небрежно отмахнулся:

– Мы все будем по ней скучать. Приятная девушка, и умница притом. Из нее выйдет превосходная королева – у нее есть и верное чутье, и достаточно лю-

безности, чтобы все, что должно быть сделано, оказалось сделано.

– Я с трудом могу представить себе Туманную Глушь без нее, – искренне призналась Роза.

– Ты, конечно, будешь скучать по ней сильнее, чем я, – согласился Нарл.

Насвистывая с поразительной беззаботностью, он вернулся к своему молоту и горну. Роза моргнула. Он насвистывал так последние семь недель. Прежде Нарл никогда не свистел. Конечно, все испытывали невероятное облегчение по поводу того, что проклятие оказалось навсегда снято с их страны, будущую королеву король официально назначил наследницей, и она вышла замуж за человека, который пришелся по нраву и ей, и ее народу, но... Роза по-прежнему не слишком четко помнила, что происходило во время разрушения старого зала. Она помнила, что они с Перницей боролись (ей казалось, она припоминала, как набросилась на Перницу с голыми руками, но отвергала это воспоминание по причине его бредовости), несколько четче помнила белую полосу, ударившую с неба, и последние слова меррела: «Прощай, друг». Она знала, что ее спас именно меррел.

И еще знала, что Нарл, Катриона и, возможно, ее собственное веретено-волчок сделали что-то еще, а не только разбудили Пеони.

Ее последняя встреча с Пеони вышла крайне болезненной. Даже если они на протяжении всего года обеспечат гонца работой, посылая его с письмами друг к другу (а писанина любого рода не входила в число любимых занятий Розы – она шла второй после вышивания), даже если Розы сама станет ездить в столицу по меньшей мере раз в год, их дружба уже не будет такой, как в последние шесть лет. Пеони станет – уже начала становиться – кем-то другим, не тем, кем была. Ей придется. Розы предполагала, что и сама тоже изменится. То, что произошло с ними, походило не столько на потерю лучшей подруги, сколько на утрату собственной тени или души (порой ты едва замечаешь ее существование, но понимаешь, насколько она важна для тебя). С обеих сторон лились слезы радости и отчаяния: о том, что Розы останется там, где была, в мире и жизни, которые ее устраивают, а Пеони нашла жизнь, подходящую ей – подходящую так, будто она для нее и родилась, и людей, ее любящих. А главное, одного любящего ее человека – Роуланда.

– Но я не могу... – возразила она, когда начала осознавать, что произошло. – Но я же не...

– Я тоже, – заявила Розы сквозь слезы. – В самом деле. Я ею не была, даже когда предполагалось, что я – она и есть. Просто не была. Даже когда Айкор...

Она осеклась. Айкор не разговаривал с ней после бала, даже не приближался к ней. Если, как случилось раз или два во время ее визитов в Вудволд, она заходила в комнату, где находился Айкор, он сразу же выходил. По крайней мере, она видела его в эти дни один или два раза, а заодно и Эскву у него на поясе, заново выросшего и блестящего.

Пеони глянула на голову Хрока, лежащую на колене подруги. На голову Подсолнух у нее на ботинке. На Фуаба, распеваящего весеннюю песню жаворонка на подоконнике. На кошку поварихи, которая как раз случайно проходила мимо дверей в одну из маленьких гостиных, где они сидели, близ большого зала (оживленного гулом и звоном усердно трудящихся, подкрепленных волшебством плотников), и случайно же присела там умыться, спиной к смущающему и скучному зрелищу человеческих слез.

— Животные знают. Животные всегда будут знать правду.

Животные знали. Они по-прежнему звали Розу принцессой, и она слышала историю, которая разошлась после разрушения зала и того, что из этого вышло.

«Перница мертва. Роза и Орошраль...»

Только тогда Роза впервые узнала имя меррела.

«...убили ее. Роза остается здесь. Пеони уезжает

в город, чтобы быть принцессой вместо нее».

– Да, – подтвердила Роза. – Но они не рассказывают. Только друг другу. И это тоже прекратят, довольно скоро. Они вот-вот покончат с этой историей. Зель...

Лис совсем раздулся от важности, гордый тем, что стал фамильяром Катрионы, и терпеть его было почти невозможно.

– ...уже пытается этого добиться, ибо знает, что Катриона беспокоится. Он еще не привык, что Катриона всегда беспокоится. – Уже не так свободно она добавила: – Пеони, моего умения разговаривать с животными не должно было случиться вовсе. И то, что это все же произошло, возможно... привело ко всему остальному. Или сделало возможным то, что проклятие Перниции не сработало. То, что мы нашли выход. То, что я, ты, мы все еще здесь.

Пеони взяла руки Розы в свои и сжала до боли:

– Ты уверена? Ты уверена?

– Не важно, уверена я или нет, все уже сделано, – отрезала Роза, но, увидев выражение, появившееся на лице подруги, добавила: – Я была там, помнишь? Не будь я уверена, этого бы не произошло. Что бы ни произошло, – поправилась она.

Ей вспомнились ладони Нарла и Катрионы, лежащие поверх ее рук, и странное чувство, будто она каким-то образом сделалась невидимой или нереаль-

ной и в них с Пеони осталось настоящим одно только веретено, прямо перед тем, как исчезло. Но она ощутила, как нечто передалось от нее к Пеони, когда она ее поцеловала, нечто, с усилием поднявшееся из глубин ее существа, нечто, что призвала она сама, а Нарл с Катрионой дали ему возможность прийти на зов. Нечто, в чем она едва ли признала бы часть себя, если бы, уходя, оно не оставило после себя маленькую удивленную пустоту и она не поняла, что оно было там всю ее жизнь до этого мгновения и собиралось оставаться там до конца ее дней. Это нечто безмолвно перескочило к Пеони, когда их губы встретились.

– Думай о Роуленде. Просто продолжай думать о Роуленде.

И Пеони улыбнулась сквозь слезы.

Однажды накануне свадьбы Розы позвали в личные покои королевы. Ей было неловко встречаться с женщиной, которая, как ей было известно, приходилась ей матерью и знала правду и прежде, когда обман был просто обманом. Королева уставилась на нее так, будто пыталась что-то вспомнить.

– Простите, – сказала она коновалу из Туманной Глуши, – не могу понять, кого вы мне напоминаете. Глазеть непозволительно грубо, даже королевам. Особенно королевам.

Она улыбнулась, и Рози вспомнила историю, которую рассказывала ей Катриона, – о том, как она стояла в отцовской кухне и готовила ужин, когда королевские посланцы прибыли, чтобы предложить ей трон. Рози улыбнулась в ответ и присела в реверансе (не слишком неуклюже – три месяца исполнения обязанностей первой фрейлины принцессы не прошли для нее даром), не представляя, что сказать.

– Вы с моей дочерью лучшие подруги, – медленно добавила королева. – Я хочу хорошо вас запомнить, пока не смогу узнать вас лучше. Вы же будете иногда приезжать в город, чтобы повидаться с подругой, правда?

Рози кивнула, сглатывая неожиданный комок в горле.

– Да, госпожа, – вежливо прохрипела она.

– Надеюсь, мы тоже подружимся. Что-то в вашем лице... Думаю, сердце моей дочери мудро выбрало себе друга. Я бы хотела тоже стать вашей подругой, – заключила королева.

Она протянула руки, и Рози, взявшись за них, опустилась на колени и склонила к ним голову. Королева высвободила одну руку, погладила Рози по макушке и коснулась перьев меррела. В это мгновение дверь королевских покоев отворилась, и вошла маленькая круглая женщина. Рози подняла на нее взгляд.

Маленькая, круглая, пожилая, седовласая женщина. Фея. Сигил. Роза сразу же ее узнала. Узнала так, как не знала собственных родителей, потому что они были королем и королевой и она слишком много о них думала в три месяца, прошедшие от прибытия Айнора в Двуколку и до ее первой за двадцать с лишним лет встречи с ними. Узнала ее, потому что в неожиданном потрясении от этой встречи она ничем не смогла защититься от узнавания. Она вспомнила это лицо, склоняющееся над ней, – тогда ее волосы еще не успели поседеть окончательно, – склоняющееся над ней, пока она была еще слишком мала, чтобы что-то делать, только лежала в колыбели или на чьих-нибудь руках и улыбалась, а ей улыбались в ответ. Сигил.

Роза не то вздохнула, не то всхлипнула. До сих пор это все казалось ей наполовину выдумкой (три месяца ее фрейлинства выглядели особенно невероятно), и теперь она хотела, чтобы все оказалось выдумкой, раз уж ее собственная мать больше ее не помнит. Все это было – вполне возможно – огромной ошибкой с самого начала. Но она посмотрела в лицо Сигил и поняла, что это не так. Она, Роза, родилась принцессой и предпочла навеки отречься от своего происхождения. К ужасу Розы, слезы хлынули по ее лицу, и она не могла ни встать, ни отстраниться от короле-

вы, не знающей, чью руку она держит.

Сигил тут же оказалась рядом, опустилась на колени и маленькими сухими ладошками принялась утирать ее влажные щеки.

— Ну же, ну же, милая, — нашептывала она голосом, которым, как вспомнилось Рози, пела когда-то старинные колыбельные, — всегда трудно расставаться с друзьями, а ты теряешь свою подругу так внезапно, не так ли?

Рози сглотнула и кивнула, глядя в глаза Сигил и понимая: та знает, что вспомнила Рози и почему она плачет. Когда слезы Рози потихоньку иссякли, Сигил взяла в обе ладони ее подбородок — когда-то, когда ей было всего три месяца, эти ладони обхватывали все ее лицо.

— Живи долго и счастливо, милая моя, — пожелала она девушке. — Живи долго и счастливо. Ты это заслужила, и я думаю, я верю, что ты можешь это получить. — Она качнула в ладонях подбородок Рози, нежно, любяще и ласково, и шепнула: — Все будет хорошо. Все будет хорошо.

Рози сквозь слезы подняла на нее взгляд и внезапно вспомнила паука, который на протяжении долгих поисков двадцатилетней принцессы прятался в рукаве Айкора и, возможно, был тем же самым пауком, что висел в углу окна спальни в Вудволде, отведенной им

с Пеони.

«Все будет хорошо».

Однажды королева вспомнит юную фею, которая сидела на ее постели, держала ее за руку и рассказывала о ее четырехлетней дочери. Однажды королева вспомнит, как в их первую встречу в парке Вудволда смотрела поверх плеча Пеони в глаза Розы. Волшебство не всесильно. Все будет хорошо.

Сигил поцеловала Розы в лоб и встала, и Розы снова склонила голову перед королевой, поднялась и с ее позволения тоже удалилась.

Больше Розы не видела Сигил – только мельком, на свадьбе, в отдалении, которое они обе тщательно сохраняли. А теперь они уехали: ее семья, ее прошлое, то, что могло стать ее будущим... Она встряхнулась и вздохнула поглубже.

«Из Пеони выйдет лучшая королева, – подумала она. – Она даже ладит с Осмером. И Роулэнд будет ей помогать».

Ее мысли вернулись к беззаботному свисту Нарла. Конечно, счастливее всего он бывал, когда ему доставалась работа, которой с избытком хватило бы на шестерых обычных кузнецов, а сейчас, когда продолжалось восстановление Двуколки, его кузница осталась единственной в ее пределах, действующей в полной мере.

Центр Туманной Глуши как будто стал глазом волшебной бури, а в центре Туманной Глуши находилась деревенская площадь. Все предполагали, что это связано с двором тележного мастера, выходящим на площадь. Но на нее выходил и двор колесного мастера и кузницы Нарла. Какой бы ни была причина, на половину лиги вокруг, так четко, как будто кто-то нарочно отмерял, не пострадало ни одно поле, ни одно дерево, ни одна ограда или здание. Возможно, именно поэтому столь многие животные в итоге оказались там и столь многие из них стремились вернуться туда даже после того, как их отвели домой. Состояние других кузниц изрядно удручало менее удачливых кузнецов. Обычно кузнецу бывает достаточно повесить несколько остроконечных кусочков железа вокруг территории, которую он желает назначить двором кузницы, и дальше он может заниматься своим делом более или менее без помех. Но в Двуколке еще почти год после смерти Перниции кусочки железа вокруг каждой кузницы, кроме кузницы Нарла, упорно осыпались или за ночь их неизвестно кто (или неизвестно что) перевешивал. И тогда в совершенно целых кузнечных мехах образовывались дыры как раз тогда, когда они раздували огонь в горне, а сам огонь раздражающе вспыхивал или затухал, и железо, вместо того чтобы уступать ковке, ломалось, а волшебная мошка

роилась так густо, что от нее отмахивались сами кузнецы.

Никто, однако, не оказался настолько завистлив, чтобы обвинить Нарла в том, что он к чему-то из этого причастен, или же в том, что он сам фея (кузнецов и одновременно фей не видели уже столько лет, что никому и в голову не приходило подобное, если, конечно, у них не было неугомонных детей, которых приходилось занимать сказками). И особенно когда выяснилось, что, если он кует заостренные кусочки железа, чтобы разметить чужие кузницы, они остаются на месте. Никто, кроме Тетушки, Катрионы и Бардера, так и не услышал полного рассказа об их путешествии к замку в пустошах за краем Двухолки.

Но даже переизбыток работы не делал Нарла беззаботным. Нарл попросту не умел быть беззаботным.

— Но, Нарл, — удивилась Роза, — разве ты не будешь... ну то есть... по-настоящему по ней скучать? Я имею в виду, по Пеони, — добавила она с изумлением, когда Нарл непонимающе уставился на нее.

Она сидела на тюке сена и плела косичку (неровную) из нескольких самых длинных стеблей.

Нарл перестал свистеть, выпрямился, отвлекшись от подковы, которую примерял к копыту Резвого, и задумчиво посмотрел на Розу.

— Не так сильно, как я скучал бы по тебе, — сооб-

шил он.

Рози залилась жарким румянцем, а затем кровь отхлынула от ее головы, и та закружилась. Она глянула на свою плетенку и выронила ее на землю (где Флинкс, с появлением Зея все больше времени проводивший в кузнице, кратко исследовал ее на предмет новостей о мышах, которые, по его мнению, наверняка обитали в тюке сена).

— Я думала, ты в нее влюблен, — очень тихо выговорила Рози.

— Влюблен в... кого? — переспросил Нарл.

Повисло молчание.

— Ну, — начал он так, будто высказывался о погоде или о лошадях, которых предстояло подковать, или о скобяных изделиях для домов и лавок, или о лемехе плуга, нуждающемся в починке, — так получилось, что влюблен я в тебя. С того дня, когда встретились Роулэнд с Пеони. Нет, даже раньше. Тогда я сам это понял. Никогда прежде не влюблялся — и успел достаточно состариться, чтобы давно решить, что этого никогда не произойдет, а потому попросту не узнал признаков.

Рози не могла выговорить ни слова. Она уставилась в землю. Мгновение спустя она услышала, что Нарл направился к ней, и носки его башмаков появились в поле ее зрения. Затем один из них отступил

обратно, Нарл опустился на одно колено и заскорузлой рукой приподнял ее лицо так, чтобы заглянуть ей в глаза.

– Я не собирался ничего говорить на этот счет, – тихо сообщил он, – потому что ты явно видела во мне исключительно своего старого приятеля-кузнеца.

Рози уставилась на него так, будто он только что позеленел или отрастил крылья.

– Нарл, я влюбилась в тебя целую вечность назад.

– Тогда все в порядке, – заключил он, чуть улыбнувшись.

Рози вспомнилось, как животные бормотали: «Железнодорожник! Улыбается!» – а Флинкс буркнул: «Чурбан треснул». Это был ужасный день: серое, мрачное пробуждение после бала принцессы, пропажа Пеони и ожидание встречи с Перницией, и то жуткое мгновение, когда Нарл назвал ее принцессой и как будто наглухо захлопнул дверь между ними.

Улыбка Нарла застыла, словно он не был уверен, что хочет сказать дальше. Когда он наконец заговорил, голос его прозвучал так тоскливо и безнадежно, что отозвался эхом в памяти Рози: большая белая птица, прикованная к стропилам, спрашивает: «Ты придешь поговорить со мной снова еще когда-нибудь?»

– Значит, ты выйдешь за меня замуж?

– О да! Да! Конечно! Ох... Но имей в виду, тебе придется переехать к нам.

Нарл, живший позади своей кузницы в двух тесных комнатухах, захламленных старыми инструментами и вещами, которые он еще не придумал, как починить, вздрогнул.

– Ох... ну пожалуйста! – взмолилась Роза и схватила его повисшую руку, внезапно поняв: что бы ни произошло дальше, она вот-вот лопнет.

– А что скажут они?

Роза помотала головой, все еще держась за его ладонь.

– Мне все равно. – Задумавшись на мгновение, она изумленно, осознавая, что говорит чистую правду, добавила: – Им это понравится.

– Да неужели?

Но она уже сообразила, что Нарл посмеивается над ней, бросилась ему на шею и поцеловала его. Он обнял ее и притянул ближе. Их не было видно с деревенских общинных земель, конюх Резвого благополучно ждал в трактире, а этот участок двора подметался совсем недавно. Стоял тихий вечер, и никто не врывался в ворота кузницы с какой-нибудь свежей поломкой, требующей внимания Нарла. Поцелуй продолжался некоторое время, пока Резвый, стоявший на привязи всего в трех подковах, не повернул голову,

чтобы посмотреть, что происходит. Звучало это вполне приятно.

«Ну наконец-то, – буркнул Флинкс. – Ты когда-нибудь видел двух настолько бестолковых людей?»

Но Резвый был романтиком. Он не мог дожидаться, когда же вернется домой и разнесет новость по Вудволду. Однако сперва ему требовалась четвертая подкова. Он махнул хвостом, замотал головой вверх и вниз так сильно, что дернул кольцо коновязи, и принялся рыть копытом землю. И мыши в тюке сена, воспользовавшись тем, что Флинкс отвлекся, прыснули с другой стороны тюка, перебежками от укрытия к укрытию пересекли двор, метнулись через общинный выгон и, тяжело дыша, просочились в трактир, чтобы рассказать тамошним своим родственникам о принцессе и фее-кузнеце.